А.Н. Ждан

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Допущено Государственным комитетом СССР по народному образованию в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, **обучающихся по специальности «Психология»**
Издательство
Московского
университета
7990
ББК 88
Ж42
Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Московского университета
Рецензенты:
кафедра психологии Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина;
доктор психологических наук М Г. Ярошевский
Ждан А. Н.
История психологии: Учебник. — М.: Изд-ва Ж42 **МГУ, 1990.—**367 с. ISBN 5—211—01027—2

Учебник представляет собой систематическое изложение курса истории психологии (отечественной и зарубежной) от античности до настоящего времени; дается определение предмета истории психологии, ее основных методологических проблем, излагаются психологические идеи в рамках философских учений о душе и сознании, история психологи» как самостоятельной науки.
Для студентов-психологов, преподавателей, всех интересующихся развитием психологических знаний.

077(02)-90
ISBN 5-211—01027—2

Введение

Мы должны рассматривать себя в связи и в отношении с прежним; даже отрицая его, мы опираемся на него.

Л. *С. Выготский*

Специфика научного труда предполагает необходимость иметь информацию о прошлом. Собственное исследование должно быть органически связано с историей изучаемого вопроса, ибо нет такой проблемы в современной науке, которая могла бы решаться без учета предшествующей истории. «История вопроса непосредственно переходит в постановку проблемы исследования. Последняя должна органически вытекать из первой. Глубина, фундаментальность этой части исследования является в настоящее время в психологической науке одним из необходимейших условий, определяющих научную ценность данной работы»,— писал Б. М. Теп-лов *. Ближайшая история, охватывающая наше столетие, органически входит в современность: учение о целостности в гештальтпсихологии, о бессознательном в глубинной психологии, понимание мышления в Вюрц-бургской школе и др. составляют основу современных исследований, но материал более отдаленной и даже совсем далекой истории «не отрицается полностью, понимание его ограниченности не препятствует частичному включению его в более широкую систему знаний»[2].

Владение историей, конечно, не ограничивается воспроизведением воззрений прошлого. В полной мере историческое прошлое может служить настоящему только в том случае, если оно используется в целях решения актуальных проблем. К. Левин в статье «Конфликт между аристотелевским и галилеевским способами мышления в современной психологии», сопоставляя теоретиче-

[1] *Теплое **Б. М.*** **О культуре** научного исследования//Иэбранные **труды. М.,** 1985. **Т. II. С.** 313.
[2] *Эйнштейн А., Инфельд* -Л. Эволюция физики. М., 1965. G. 125.

ские конструкции Аристотеля и Галилея в контексте на-сущных проблем современной

экспериментальной и теоретической психологии, писал: «Моя цель — не историческая, скорее, я считаю, что некоторые вопросы, имеющие огромное значение для перестройки теорий современной психологии, могут быть разрешены и более точно сформулированы с помощью такого сравнения, которое обеспечит взгляд, выходящий за рамки трудностей сегодняшнего дня»[3]. Обращение к истории в связи с разработкой новых путей психологического исследования характерно для всего творчества Л. С. Выготского[4].

В постоянном споре с основными психологическим» направлениями создавал свою теорию установки Д. Н. Узнадзе. С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев,. Б. Г. Ананьев, Б. М. Теплов, П. Я. Гальперин много внимания уделяли истории психологии, хотя ни для одного из них она не была областью специального исследования. Рассматривая проблему значения истории психологии, М. Г. Ярошевский называет такое обращение к истории «творческим диалогом с прошлым»[5].

Конечно, для того чтобы говорить об аристотелевском способе мышления, необходимо хорошо знать трудьв Аристотеля. Подобно тому как исполнение музыкального произведения может стать выразительным только после освоения его технической стороны, так и использование истории в современном исследовании становится возможным только на основе знания всего конкретного материала, накопленного наукой. Отсюда возникает необходимость истории психологии как специальной области исследования, изучающей достижения психологии на протяжении всего пути ее исторического развития.

Знание истории психологии необходимо для понимания различных теорий и направлений современной психологии, путей и тенденций ее развития. Только включение в исторический контекст позволяет понять их сущность, выявить их исходные позиции, оценить подлинную новизну и осознать их исторический смысл.

[3] *Lewin K.* A dynamic Theory of Personality. N. Y., 1965. P. Г.

[4] См., например, его «Исторический смысл психологического кризиса»; «Учение об эмоциях. Историко-психологическое исследование» и др.

• *Ярошевский М. Г.* История психологии. 3-е изд. М.„ 1985. С. 6—9.

Изучение истории психологии имеет большое образовательно-нравственное значение. «История более полезна, она полна мудрости»,— писал итальянский философ-гуманист XV в. Лоренцо Валла. Она знакомит нас с жизнью людей науки, раскрывает полную драматизма борьбу во имя истины, вызывает разнообразные чувства: от почтительного восхищения до разочарования и недоумения.

Предмет истории психологии

В отличие от предмета и методов психологии, в истории психологии изучается не сама психическая реальность, но представления о ней, какими они были на разных этапах поступательного развития науки.

Сама историческая мысль также имеет историю. История исторической науки есть историография. Ее предмет — характеристика историков, историографических концепций.

Задачей истории психологии является анализ возникновения и дальнейшего развития *научных* знаний о психике. Знания, полученные в ходе обыденной практической деятельности, религиозные представления о пси-хике, результаты ненаучных способов умственной деятельности при этом не рассматриваются.

За всю историю развития психологических знаний известны три определения предмета психологии: как науки о душе, о сознании, о поведении. Новая постановка проблемы предмета психологии была намечена К. Марксом и развита в основанной на марксистской философии советской психологии. Маркс писал: «История промышленности и возникшее предметное бытие промышленности является раскрытой книгой человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологией. Поэтому такая психология, для которой эта книга закрыта, не может стать действительно содержательной и реальной наукой»[6].

В связи с историческим фактом изменчивости взглядов на предмет психологии возникает проблема преемственности, т. е. поступательного развития знания и про-

[в] *Маркс К., Энгельс* Ф. Соч. Т. 42. С. 123.

тресса в психологической науке. В целом развитие психологии от науки о душе к науке о деятельностном происхождении психики и сознания свидетельствует о прогрессе психологических знаний, если критерием прогресса считать степень приближенности к познанию изучаемого объекта — психического. В рамках науки о душе психология была скована понятием души как объяснительным принципом. Отказ от него и переход к изучению сознания связаны с

выделением психики (правда, лишь сознаваемой психики) в качестве объекта исследования. При этом сознание выступало одновременно и как предмет изучения, и как объяснительный принцип. Психология как наука о поведении была направлена на преодоление субъективизма психологии сознания и вышла на пути объективного исследования. Но этот прогрессивный шаг был сделан за счет утраты самого объекта изучения — психики и сознания. На последнем к настоящему моменту этапе развития психологической мысли восстанавливается единство исторически разорванных сознания и поведения (деятельности) за счет реального осуществления объективного подхода ж психологическому познанию.

Если в целом история свидетельствует о неуклонном прогрессе психологических знаний, то на отдельных отрезках пути ее развития положение является более сложным. Не всегда то знание, которое появилось позже, оказывалось одновременно и более содержательным, протрессивным во всех своих аспектах; нередко в новой ^концепции отбрасывалось то положительное, что было в -старой. Так, гештальтпсихология, выступившая против ^ассоцианизма, в глобальной критике этого направления утратила проблему развития и превратилась в антигенетическую теорию, что существенно ограничило ее объяснительные возможности.

Развитие науки, в том числе и психологии, не линейный, а очень сложный процесс, на пути которого возможны зигзаги, неузнавание открытий, возвраты к уже «пройденным решениям, «топтание на месте». В целом прослеживание процесса роста психологических знаний в хронологической последовательности их появления при постоянном внимании к оценке достижений — и потерь — на каждом временном этапе раскрывает все новые и новые стороны психической реальности и все полнее объясняет их.

Периодизация истории психологии

Психология имеет многовековую историю: первые научные представления возникли в VI в. до н. э. Поэтому встает вопрос о периодизации истории психологии, задачей которой является расчленение этого процесса, выделение этапов, определение содержания каждого из них.

В истории психологии различаются два больших периода: первый, .когда психологические знания развивались в недрах философии, а также других наук, прежде всего естествознания; второй — когда психология: развивалась как самостоятельная наука. Они несоизмеримы по времени: *первый* период (VI в. до н. э.— середина XIX в.) охватывает около 2,5 тысячи лет, *второй* — чуть больше столетия (середина XIX в.— настоящее время). По словам Г. Эббингауза, психология имеет долгое-прошлое, но очень краткую историю[7]. Выделение этих: двух периодов не требует специальных обоснований, так: как его критерии очевидны, но поскольку каждый из; них растягивается на столетия, необходима более дробная периодизация. Ее можно проводить по чисто формальным признакам — хронологическому (можно различать историю психологии XVII в., историю психологии,-XVIII в. и т. п.), пространственно-территориальному (история психологии в Мексике, история психологии в Англии и т. п.), можно различать периодизацию мировой» и отечественной психологии[8]. Учитывая условность. всякой периодизации и принимая во внимание неразработанность этой проблемы, следует рассматривать предлагаемую далее периодизацию истории психологии лишь как один из возможных ее вариантов. В ней история: отечественной психологической мысли включена составной частью в историю развития мировой науки. В качестве основания для разделения этого процесса на этапы-были выбраны содержательные критерии, определявшие-смену взглядов на природу психического и отличающие-каждый из этапов (см. схему).

[7] Цит. по: *Boring E.* A History of Experimental Psychology. N. Y., 1929. P. 385.

[8] *Будилова £. А.* О периодизации истории психологии в СССР// //Актуальные проблемы истории и теории психологии. Материалы конференции. Ереван» 1976.

Схема

Развитие психологии в рамках философии

Хронология	*Содержание этапа*	*Итоги*

VI в. ДО Я. Э. — Vв.	Возникновение первых научных представлений о психике и их первоначальное развитие	Выделение науки о душе и формирован материализма и идеализма; формирова о психических процессах — ощущении воображении, мышлении, аффектах, во соотношения души и тела; указание на познания
V- VIII. вв. 1(14	Развитие учения о душе в рамках философских учений и на базе медицинских знаний	*4* Формирование томистской психологии исследования
XIV— XVI вв.	Дальнейшее развитие учения о душе в крн-тексте развития анато-мо-фнзиологических знаний и великих открытий XIV—XVI вв.	Отказ от понимания души как объекта принципа телесных и психических явле «психология» ■
XVII — середина XIX вв.	Выделение сознания в качестве предмета исследования и .формирование теоретических основ психологии	Формирование эмпирической интроспе психологии; возникновение психофизи проблем; понятие о бессознательной пс

Развитие психологии
как самостоятельной науки

Начало XIX — 60-е гг. XIX в.	Формирование естественнонаучных предпосылок психологии как самостоятельной науки	Экспериментальные методы исследова системы и органов чувств; формирован психометрии; теории ощущений и восп
60-е гг. XIX — конец XIX в.	Возникновение и первоначальное развитие психологии как самостоятельной науки	Проникновение экспериментальных ме формирование теоретических программ прикладных исследований в психологи психологии

Продолжение схемы

Хронология	*Содержание этапа*	*Итоги*
10-е — середина 30-х гг. XX в.	Открытый кризис в психологии	Возникновение школ в зарубежной пси психоанализа, гештальтпсихологии, фр школы, понимающей психологии, инди аналитической психологии и др. Возникновение советской психологии

20-е — 30-е гг.	Становление советской психологии	Создание теоретических основ психоло философии: теории установки, культур деятельности и др.; развитие прикладн психологии — психотехники и педоло представлений о физиологических мех деятельности и двигательных актов
Конец 30-х — 50-е гг.	Затухание кризиса в зарубежной психологии. Развитие советской психологии в области теории	Эволюция научных школ периода откр неофрейдизм. Возникновение новых о генетическая психология, персоналист Дискуссии в советской психологии (о павловского учения, о теории установк в советской психологии. Возникновени формирования умственных действий и

60-е гг.— настоящее время	Поиски новых теоретических подходов в современной зарубежной и советской психологии	Возникновение новых направлений в з гуманистическая психология, логотера марксистски-ориентированные теории. Дискуссии в советской психологии о п проблемам бессознательного, общения *

9

i Закономерности историко-психологического процесса

■

Общей и основной закономерностью развития психологических научных знаний является •борьба идей, прежде всего между материалистическим и идеалистическим пониманием психики. В разнообразных формах домарксистского материализма (механистического, вульгарного, естественнонаучного) выражается стремление понять психику и сознание как естественный 'процесс, как проявление жизни, ее материальныхпроцессов. Материалистический подход направлен на причинное объяснение психики. В русле этого подхода уже :В античности возникли и развивались во все последующие времена представления об обусловленности психических явлений материальными процессами мозга. Развитие материалистических представлений тесно связано с успехами в естествознании. Наивысшей формы они достигают в психологии, базирующейся на философии диалектического и исторического материализма.

В различных формах идеализма психика и сознание отделялись от процессов материального мира, обособлялись от него, превращались в особую — духовную — субстанцию, которая и по своему происхождению, и по своим свойствам, и по методам познания противопоставлялись материальному миру и практике. В идеализме психика предстает как особая духовная деятельность, отрешенная от всяких материальных связей, изучаемая абстрактно, «...так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»[9].

Разделение психологии на материалистическую и ■идеалистическую проходит через всю историю развития ^психологии вплоть до настоящего времени. При этом каждое из направлений вносит свой вклад в познание ^психического. Так, идеалистические концепции заостряют внимание на проблеме качественного своеобразия психики в отличие от материальных процессов, проводят идею активной деятельной природы духа. Внимание к этим сторонам психической реальности — факт прогрессивный. Поэтому изучение идеалистических психологических концепций, хотя в них и не открываются реальные пути познания выявляемых закономерностей, со-

• *Маркс К., Энгельс* Ф. Соч. Т. 3. С. 1.

ставляет неотъемлемую часть курса истории психологии^ Важной закономерностью развития психологической? науки является ее направленность на выработку единое теории. Особенно остро эта тенденция выступила в период открытого кризиса в психологии в начале XX в.,. когда «психология осознала, что для нее вопрос жизн» и смерти найти общий объяснительный принцип...»'[10]. Возникшие тогда новые направления (психоанализ, бихевиоризм, гештальтпсихология и др.) претендовалиименно на такую теорию. Анализируя их судьбу, Выготский выявил закономерную общую линию в их развитии:: от частных открытий в конкретной области к возникновению общих принципов и распространению их на всю психологию и, наконец, превращение в философскую систему и даже в мировоззрение, показав, что ни один из этих принципов не удовлетворяет статусу единственной теории в психологии. Однако объективная потребность. в ней остается важной движущей силой исторического

процесса.
Предпринимаются попытки применить к истории психологии концепцию развития науки Т. Куна, использовать другие достижения в области философии науки.
Движущие силы и причины исторического развития психологических идей *
Можно ли считать развитие психологи-ческих знаний процессом, определяемым лишь собственной логикой познания в соответствии с природой изучаемого объекта — психики? Как и всякая другая наука,.
психология обладает лишь относительной самостоятельностью, а психологи как ученые «находятся под господствующим влиянием экономического развития» [н]. Сложные отношения науки и общества охарактеризовал" Л. С. Выготский: «Закономерность в смене и развитии; идей, возникновение и гибель понятий, даже смена классификаций и т. п.— может быть объяснено на почве связи данной науки с общей социально-культурной подпочвой данной эпохи, с общими условиями и законами научного познания, с теми объективными требованиями,.
[10] *Выготский* Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М, 1982. С. 309.
[11] *Маркс К, Энгельс* Ф. Соч. Т. 34. С. 419.
■
■
IE
которые предъявляет к научному познанию природа изучаемых явлений на данной стадии их исследования»[12].
В связи с вопросом о детерминации научного знания в современной философии науки ведутся оживленные дискуссии. И. Лакатос ввел понятия «внутренняя» и «внешняя» история науки, понимая под внутренней историей ту ее часть, которая вычленяется, опираясь на собственные критерии научности, стандарты рациональности. Признавая невозможность отделения научного знания от культуры в целом, Лакатос считал, что детерминирующее воздействие на его развитие оказывают только когнитивные факторы, наука обладает своей внутренней историей. Интерналистскии подход к проблеме факторов развития научного знания критикуется сторонниками другого — экстерналистского — подхода, в соответствии с которым историю науки нельзя объяснить без обращения к социальным факторам, поэтому они должны быть использованы при теоретической реконструкции исторического процесса развития науки. В связи с этим невозможно провести жесткую границу между внутренней и внешней историей науки (Т. Кун, С Тулмин, М. Полани).
Поскольку признание воздействия социокультурного окружения на развитие науки является практически общепринятым, необходимо уточнить характер его влияния на развитие психологии. Анализ развития психологических знаний требует изучения исторического фона. Однако простой синхронизации их с показателями уровня социально-экономического развития недостаточно: социальные условия в значительной степени влияют на выбор проблемы, а также на характер ее решения. Так, анализируя творчество 3. Фрейда, К. Нири пришел к выводу: «Толкование сновидений» является главным источником сведений о тех социальных и политических впечатлениях, которые с раннего возраста формировали мышление и мировоззрение создателя психоанализа» [13].
История психологии должна также учитывать особую ситуацию в науке в изучаемый период. Факт взаимосвязи психологии с другими науками характеризует ее раз-
« *Выготский Л.* С. Собр. соч. Т. 1. С. 302.
[18] *Нири К.* Философская мысль в Австро-Венгрии. М., 1987. С. 111—113.
■

витие на всех этапах истории. Влияния математики, физики, астрономии, языкознания, физиологии, биологии, этнографии, логики и др. наук на психологию разнообразны. Во-первых, в рамках этих наук накапливались знания о психических явлениях (например, изучение проблемы связи языка и мышления в трудах лингвистов А. Потебни, В. Гумбольдта и др., изучение времени реакции астрономами и др.)- Во-вторых, в психологии ис-льзовались методы этих наук, в частности, эксперимент был заимствован В. Вундтом из физиологии органов чувств, психофизики и психометрии. В-третьих, происходило использование научной методологии. Так, развитие механики в XVII и XVIII вв. обусловило возникновение механистической модели поведения животных (и частично человека) Р. Декарта, механистической концепции ассоциаций Д. Гартли, «ментальной физики» Дж. Милля. Взаимодействие психологии с другими науками

продолжается и в наши дни. Ж. Пиаже считал междисциплинарные связи особенностью как современного этапа в развитии психологии, так и ее будущего. В то же время он говорил, что «будущее психологии — это прежде всего ее собственное развитие» [м]. Здесь нет противоречия: связь с другими науками не должна превратиться в редукционизм, т. е. сведение психологических закономерностей к закономерностям других наук. Такое сведение угрожает психологии утратой собственного предмета. История психологии богата примерами, когда такая опасность превращалась в реальность. В частности, в рефлексологии В. М. Бехтерева психика сводилась к сочетательным рефлексам. Но еще Ф. Энгельс писал: «Мы несомненно «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» [15].

Учитывая связи психологии с другими науками и «обусловленность ее развития социокультурными факторами, необходимо раскрыть собственную логику развития ее идей как объективный процесс. В. И. Ленин подчеркивал, что прогресс науки подчинен общим диалектическим закономерностям, так что «из суммы относи-

[14] *Пиаже Ж.* Психология, междисциплинарные связи и система «аук. М., 1966. С. 1.

*[5] *Маркс К.. Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 563..

тельных истин в их развитии складывается абсолютная истина»[16]. «В теории познания, как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически, т. е. не предполагать готовым и неизменным наше знание, а разбирать, каким образом из незнания является знание, каким образом неполное, неточное знание становится более полным и более точным»[17]. М. Г. Ярошевским разработан категориальный подход как историко-психо^ логический метод, позволяющий осуществить это требование. Различая в науке три ряда концептуальных единиц— эмпирические данные (факты), теории и категории, М. Г. Ярошевский выделяет специфические конкретно-научные категории, воспроизводящие различные [1] стороны психологической реальности: образ, действие, мотив, психосоциальные отношения, личность. Трансформация их содержания в ходе исторического развития психологических знаний путем включения в них все новых данных позволяет рассматривать категории как стадии последовательно развертывающегося знания о психической реальности. С помощью категориального анализа за сменой научных теорий, многообразием новых фактов становится возможным выделение существенных постоянных компонентов знаний, их инвариантного ядра.

Принципы историка-психологического анализа

*

Методология историко-психологическо-го исследования основывается на марксистско-ленинской философии в целом, открытых ею законах развития общества и человеческого познания и, в частности, ее принципах анализа истории науки.

Важнейшим из них является принцип историзма. Он требует «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [18].

[1в] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 18. С. 328.

[17] *Ленин* В. *И.* Поли. собр. соч. Т. 18. С. 102.

[18] *Ленин* **В. *И.*** Пол», **собр. соч- Т. 30. С. 351.**

В историческом исследовании этот принцип становится основополагающим. Он требует от историка рассмотрения того или иного отрезка прошлого во всей полноте его конкретного содержания, в системе соответствующих социокультурных условий, как детерминируемый общей ситуацией в науке и рассматриваемый в сопоставлении с предшествующими знаниями. Это позволяет показать неповторимость и уникальность изучаемого явления. При этом необходимо «брать не отдельные факты, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение и вполне законное подозрение, в том, что факты были выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом, преподносится субъективная стряпня»[19]. В истории не должно быть белых пятен, забвения тех или иных исторических событий или лиц.

В соответствии с принципом историзма производится и оценка прошлого. В ней выявляется то новое, что содержит в себе рассматриваемое знание по сравнению с предшествующим этапом, ибо, как писал В. И. Ленин, «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические

деятели по сравнению с современными требованиями, а по тому, что они дали нового по сравнению со своими предшественниками»[20]. Одновременно должна быть раскрыта неизбежная ограниченность любого этапа в развитии знания в сравнении с более поздними его этапами. Именно так оценивали своих предшественников выдающиеся представители науки (см. например, оценки И. П. Павлова учения Гиппократа о темпераментах, понятия о рефлексе Р. Декарта и др.)-
Нарушением принципа историзма в понимании прошлого являются презентизм и антикваризм. Презентизм' ограничивает историческое исследование лишь тем, что обладает значимостью для настоящего этапа развития науки и вместо изучения исторического процесса развития науки во всей его полноте ориентируется на выделение лишь таких фрагментов его содержания, которые наиболее соответствуют современным взглядам. Конечно, такой подход правомерен для решения опре-

*» *Ленин* В. *И.* Поли. собр. соч. Т. 39. С. 67. [20] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 2. С. 166.

деленных исследовательских задач, предполагающих обязательную опору на достижения прошлого. Однако выборочный подход не может быть взят на вооружение, когда целью становится воссоздание истории науки в целом. Презентизм приводит к модернизации исторического процесса и противоречит принципу историзма.
Противоречит ему и антикваризм, т. е. такой подход, который рассматривает прошлую историю безотносительно к задачам современности, как нечто застывшее, окаменевшее. Такая «чистая история» превращается в простую регистрацию событий в их временной последовательности и не вписывается в практику современного научного исследования.
Отступлением от принципа историзма являются односторонность и схематизм изображения событий прошлой истории. В то же время требование целостности и конкретности, предъявляемое к исторической мысли, не только не исключает, но обязательно предполагает выявление в изучаемом явлении общей закономерности. Выполнение этого требования обеспечивается опорой на принцип единства логического и исторического, согласно которому историк должен не просто описать тот или иной этап исторически развивающегося знания, но представить его теоретически и, значит, выявить в нем нечто постоянное. Например, за исторически ограниченным эмпирическим материалом конкретных знаний о психике в античности выявляются скрывающиеся в нем (едва ли не все) важнейшие проблемы психологии. С другой стороны, следование принципу единства логического и исторического предостерегает от абсолютизации исторически ограниченных истин и позволяет оценивать их действительное значение. Так, представление о наследуемости интеллектуальных способностей, выдаваемое в натуралистических концепциях человека за естественное единственно возможное, т. е. закономерное и обязательное, в действительности должно быть оценено лишь как одно из объяснений, ограниченных рамками именно этой концепции и эмпирическим фактом интеллектуальных различий между людьми. Любое обобщение истории науки начинает пониматься не как застывшая структура, а исторически, т. е. в своем подлинном значении, как этап на бесконечном пути научного познания........
Историко-психологическое познание требует выявления социально-политической направленности, идеологи-

:i6

ческой сущности психологических идей, что позволяет оценить их более адекватно. Например, анализируя логику развития фрейдизма, Выготский писал: «...доведенная до философской формы, казалось бы затуманенная многими наслоениями и очень далекая от непосредственных корней и породивших ее социальных причин, идея на самом деле только теперь открывает, чего она хочет,. что она есть, из каких социальных тенденций она возникла, каким классовым интересам служит. Только развившись в мировоззрение или приобретя связь с ним,. частная идея из научного факта опять становится фактом социальной жизни, т. е. возвращается в то лоно, и^ которого она возникла»[21]. Внимание к идеологической стороне психологических знаний способствует углублению понимания их собственно научного содержания: включение психологических концепций в контекст социальной жизни означает в то же время и проверку их истинности критерием социальной практики. Выявление идеологической сущности психологических концепций лишний раз указывает на ответственность ученого в связи с ролью, которую выполняет психологическая наука в жизни общества.
Такой подход противостоит как объективизму, рассматривающему научные концепции вне их реальной социальной роли в жизни общества, так и субъективизму в исторической науке. Проявляясь в оценках прошлого, в одностороннем подходе к отбору материала, в умалчивании

каких-то фактов или деятелей и т. п., субъективизм приводит к одностороннему и, следовательно, искаженному представлению о пути развития науки.

Как показали исследования М. Г. Ярошевского, в становлении научной картины психической жизни ключевая роль принадлежит принципу детерминизма[22]. Принцип детерминизма требует от историка умения раскрыть способ причинного объяснения психического как обусловленного порождающими его факторами. Согласно Ярошевскому, в истории представлены разные типы детерминизма: предмеханический, механический, биодетерминизм, психодетерминизм, социодетерминизм. Каждый из них противостоит индетерминизму в трактов-

[21] *Выготский Л. С.* Собр. соч. Т. 1. С. 302.

[22] *Ярошевский М$_{ч}$ Г.* История психологии. М., 1985

же дсихических явлений как якобы возникающих спонтанно.

Принципы историко-психологического исследования .в совокупности с конкретными методами составляют ос-снову научного анализа исторического пути развития «психологии.

Методы истории психологии

Большой реальной опасностью в истории психологии является эмпиризм, т. е. описатель-яость в представлении исторического материала. Опасность заключается, конечно, не в самом обращении к эмпирии, в качестве которой здесь выступают представления о психике в прошлом. «Эмпиризм в истории проявляется не в том, что обращаются к фактам, а в том, как обращаются с ними, в беспомощности перед лицом фактов. Работа, содержащая лишь нагромождение фактических данных, непроверенных, несистематизированных, необъясненных, теряет качество научного исследования и примыкает к разряду источников, нуждающихся в обработке»[23].

Основной задачей методов и методик исторического исследования является изыскание источников, а затем внутренняя организация, систематизация исследуемого материала, который включает факты, теории, законы, ■понятия. Вместе эти компоненты составляют эмпирию историко-психологического исследования. Работа историка требует синтеза эмпирического и теоретического подходов к предмету исследования. Она предполагает жак знание .конкретного материала, так и владение методологией исторического исследования, принципами материалистической диалектики и исторического исследования, понятийным аппаратом историка, открывающими возможности для ориентировки в материале. Связь *с* современностью — одно из важных требований, предъявляемых к профессиональной деятельности историка. Ее необходимыми компонентами являются интуиция, -личностное отношение к событиям прошлого[24].

[23] *Гулыга А.* Я. О характере исторического знания//Вопр. философии. 1962. № 9. С. 35.

[24] *Полони М.* Личностное знание. М., 1985.

Некоторые из методов и методик историко-психоло-гического исследования заимствованы из гражданской? истории, науковедения, философии науки. В связи сэтим история психологии приобретает междисциплинарный характер.

Основным методом истории психологии является теоретическая реконструкция, описание и критический анализ научных систем прошлого. Такой анализ опираетсяна методологические принципы исторического исследования и производится с позиции и по отношению к достижениям и проблемам современной психологии. Его-результатом является ретроспективное воспроизведение' научных концепций, проблем, исследовательских методов-и т. п. в их исторической последовательности в соответствии с логикой предмета.

Одним из направлений исторического исследования? может быть научная школа: «Историко-научная реконструкция деятельности продуктивных научных школ позволяет приблизиться к пониманию детерминант и закономерностей генезиса развития новых концепций, методов исследовательских программ и целых направление в науке»[25]. Изучение научных школ является важные источником понимания механизма развития науки, поскольку позволяет раскрыть самую деятельность по производству знаний в контексте межличностных отноше--ний, увидеть научное общение внутри коллектива школы, включая и такие формы взаимодействия между ее-членами в процессе совместного труда, как столкновение различных мнений, взаимная критика и т. п. Специальных процедур требует изучение архивных: материалов. Это поиск, комментирование, снабжение-сносками, примечаниями и т. п.

В истории психологии применяется метод интервьюирования. Он представляет собой беседу по заранее составленному исследователем перечню вопросов, направленных на получение материалов в соответствии с конкретной задачей исследования. Примерами использования этого

метода в истории психологии являются беседы Р. Ивенса, американского психолога, с К. Юнгом*. Э. Джонесом, Э. Фроммом и др. Из советских исследо-

[25] *Умрихин В. В.* Развитие советской школы дифференциальной; психофизиологии. М., 1987. С. 8.

19»

•вателей этим методом пользовались В. В. Умрихин, *Ш.* А. Даниличева.

Биографический и автобиографический методы воссоздают атмосферу реальной жизни, являются источником знаний о духовном развитии ученого, этапах его научного труда. Метод играет огромную роль в пропаганде науки, дает уникальный материал о жизни людей науки, научном творчестве. В зарубежной науке наиболее интересной из работ такого рода является серия «История психологии в автобиографиях»—ред. К. Мэр-*чисон (1930—1967, т. 1—4) и Э. Боринг (1967—1974, т. 5, 6), в советской психологии — книга А. Р. Лурии ■«Этапы пройденного пути. Научная автобиография» (М., 1982).

Анализ научных ссылок, т. е. установление частоты ^цитирования научных трудов, производится с целью получения сведений о связях между научными направлениями, о переднем крае науки и тенденциях ее развития. Значимость этого приема для изучения состояния и .динамики научных иследовании ограничена, поскольку ♦частота цитирования определяется не только объективной ценностью научного труда, но и другими факторами, влияющими на степень его известности в научном -сообществе[26]. Так, из-за языковых барьеров отечествен-.ная психология недостаточно известна за рубежом. Названный прием может использоваться в историческом .исследовании только в совокупности с другими методами.

Источники истории психологии

Ими являются все материалы, которые •отражают исторический процесс накопления психологических знаний, и прежде всего труды психологов прош--лого, а также философов, в которых исследуются психологические проблемы.

Важным источником развития психологических знаний является общественная практика — медицина, обучение и воспитание, юридическая практика, материальное производство и т. п. К настоящему времени наибо-

[26] См.: *Ярошевский М. Г., Маркусова В. А.* Компьютер и этика цитирования//Природа. 1987. № 9. С. 100—107.

V I

лее освоенной психологами областью оказалась медицина, особенно психиатрия. Е. А. Будилова[27] проанализировала материалы суда присяжных, труды религиозных деятелей, юристов, военных теоретиков, Русского географического общества, этнографические сборники, труды психиатров, журналы и другие источники и показала становление социально-психологических проблем в русской науке XIX в. Интересные результаты по изысканию и анализу источников, содержащих психологические знания о труде и субъекте труда, получила О. Г. Носкова[28]. В трудах А. А. Никольской раскрываются истоки детской и педагогической психологии в дореволюционной России.

Источником психологических знаний являются также другие науки — естествознание (включая физику, химию, астрономию), языкознание, этнография, антропология и др. Этим определяется необходимость обращения историка психологии к истории других наук.

[17] *Будилова Е. А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983.

[88] См.: *Носкова* О. Г. Психологические знания о труде и трудящемся в России конца XIX — начала XX вв.: Канд. дисс. М., 1986.

Раздел первый

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В РАМКАХ УЧЕНИЯ О ДУШЕ

ш

Глава I

АНТИЧНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Представления о душе существовали уже в древнейшие времена и предшествовали первым научным взглядам на ее природу. Они возникали в системе первобытных верований людей, в мифологии. Художественное народное творчество — поэзия, сказки, а также религия проявляют большой интерес к душе. Эти донаучные и вненаучные представления очень своеобразны и отличаются от знаний о душе, которые развиваются в науке и философии, по способу их получения,. по форме их воплощения, по своему назначению. Душа рассматривается здесь как нечто сверхъестественное, как «зверек в животном, человек внутри человека. Деятельность

животного или человека объясняется присутствием этой души, а его успокоение во сне или в смертк объясняется ее отсутствием; сон или транс представляют собой временное, а смерть— постоянное отсутствие души. Так как смерть является постоянным отсутствием души, предохраниться от нее можно, либо закрыв душе выход из тела, либо, если она его покинула, добившись ее возвращения. Меры предосторожности, принимаемые дикарями для достижения одной из этих целей, выступают в виде запретов или табу, являющихся не чем иным, как правилами, предназначенными достигнуть постоянного присутствия или возвращения души» [!],

В отличие от этого уже самые первые научные представления о душе направлены на объяснение души и ее функций. Они возникли в древней философии и составили учение о душе. Учение о душе является первой формой знаний, в системе которых начали развиваться психологические представления: «...психология как наука

[1] *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980. С. 205. 22

должна была начаться с идеи души»,— писал Л. С. Выготский. Она явилась «первой научной гипотезой древнего человека, огромным завоеванием мысли, которому мы сейчас обязаны существованием нашей науки»[2].

Философия возникла в эпоху смены первобытно-общинного строя классовым рабовладельческим обществом почти одновременно как на Востоке — в Древней Индии, Древнем Китае, так и на Западе — в Древней Греции и Древнем Риме. Психологические проблемы явились частью философии, они возникали неизбежно, так как предметом философских размышлений, направленных на рациональное объяснение, был мир в целом, включая вопросы о человеке, его душе и т. п. В связи с этим встает проблема преемственности в развитии психологических знаний в странах Востока и Запада, проблема взаимовлияния психологической и философской мысли между Востоком и Западом. Контакты между народами, взаимодействие культур — постоянный фактор исторического развития народов. Известно, что Древняя Греция имела богатые связи со странами Ближнего Востока— Сирией, Вавилонией, Египтом. Однако в силу исторических условий развития к VI в. до н. э., когда в Древней Греции возникла философия, в Вавилонии и Древнем Египте она не сложилась: здесь продолжала свое существование религиозно-мифологическая идеология. В отношении научных знаний ряд народов Африки и Передней Азии опередили греков: у них раньше появилась письменность; у египетских и вавилонских жрецов развивались астрономические и математические знания. Эти знания активно усваивались древними греками. Ряд представлений о природе и психике созвучны в философских школах Древней Греции и Древней Индии и Китая. Например, поиск первоначал, первооснов природных явлений, понимание души как источника движения и приписывание психического всей физической природе, идея о переселении душ характерны для древнеиндийских, древнекитайских и древнегреческих мыслителей. Однако это созвучие идей еще не доказывает их проникновения в Древнюю Грецию из Индии и Китая. Исследования показали, что древнеиндийская философия явилась источником философской мысли всего Вос-

[2] *Выготский* Л. С. Собр. соч. Т. 1. М., 1982. С. 429.

тока[3]. Определяющее влияние на последующее развитие европейской культуры оказала философия Древней Греции. Ф. Энгельс отмечал: «В многообразных формах греческой философии уже имеются в зародыше, в процессе возникновения почти все позднейшие типы мировоззрений» [4]. В античности сложились классические формы философии, в которых гармонично сочетались мировоззренческие этические и онтологические и гносеологические аспекты, они были связаны с науками и направлены на познание мира, утверждали роль опыта и разума. Психологические представления западноевропейской мысли берут свое начало от античности.

В то же время ученых Запада (философов и психологов, когда психология выделилась в самостоятельную область научного знания) привлекали восточная мысль, ее глубина, духовность, представления о человеке и путях его совершенствования, сила ее воздействия на людей. Большие различия между философией Востока и Запада, определяемые особенностями социально-экономического развития стран Запада и Востока, традициями их духовной жизни, затрудняют обобщение представлений о человеке в этих двух направлениях. Особенно большой интерес к Востоку замечается в психологии в XIX—XX вв. (например, в психоаналитической концепции К. Юнга, у Э. Фромма) в связи с обострившейся в условиях кризиса буржуазного общества потребностью в уяснении истинной сущности человека, духовности его устремлений и т. п. Учитывая сказанное и принимая во внимание крайне недостаточную изученность

древнеиндийской и древнекитайской психологии, начнем изложение процесса формирования психологических знаний с античности. Античная психология возникла и развивалась в условиях античного рабовладельческого общества как отражение запросов социальной практики и в тесной связи с наукой своего времени. Изменения, которые претерпевали рабовладельческая общественно-экономическая формация и положение личности в обществе на разных этапах ее истории, объясняют специфику в трактовке человека, в том числе учения о душе, смену аспектов и направлений

[9] См.: *Щербатской Ф. И.* Избранные труды по буддизму. М^ 1988.

Маркс /С., *Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 5.

в подходах к проблемам, касающимся души. Античную психологию питал гуманизм греческой культуры с ее ядеей полноты жизни как гармонии телесной и духовной сторон, культом живого, здорового прекрасного тела, любви к земной жизни. Ее отличают тонкий интеллектуализм, высокое отношение к разуму.

Велико значение античной психологии. Здесь начало всей научной психологии, всех ее основных проблем.

Основные положения материалистического учения о душе в античной психологии

Материалистическое учение о душе сложилось и развивалось как часть материалистической философии, которая возникла в VI в. до н. э. и явилась исторически первой формой древнегреческой философии. Вершиной античного материализма был атомистический материализм, родоначальниками которого являются Демокрит и его учитель Левкипп (V в. до н. э.). Демокрит действовал в период восходящего развития рабовладельческого строя, который сопровождался величайшим подъемом древнегреческой науки, искусства (архитектуры, скульптуры) и литературы. В эллинистический период учение Демокрита было развито Эпикуром (IV—III в. до н. э.) и его школой, известной в истории под названием «Сад». Последователем Эпикура в Риме в I в. до н. э. был Лукреций. Систему атомистического -материализма развивали стоики в первый материалистический период своего развития (III в. до н. э., основатели— Хризипп и Зенон). Далее будут рассмотрены лсихологические идеи античного атомистического материализма[5].

Основой психологических воззрений этих философов <>ыл античный атомистический материализм. Согласно этой теории, все существующее состоит из двух начал — <>ытие (неделимые атомы) и небытие (пустота). Атомы — мельчайшие субстанции, неделимые и недоступные чувствам, различающиеся по форме, величине и подвижности. Все вещи образуются из составляющих их атомов. Так называемые чувственные качества — цвет, вкус

[5] См.: Материалисты Древней Греции/Под ред. М. А. Дынника. М, 1955.

и т. п.— Демокрит не приписывал атомам. «Лишь в об-щем мнении существует цвет, в мнении — сладкое, в мнении — горькое, в действительности же существуют только атомы и пустота»[6]. Эти качества возникают в-человеческом восприятии и являются продуктом соединения атомов. На противоречивый характер этих положений обращали внимание уже античные комментаторы Демокрита. «Сводя чувственные качества к формам атомов, он в то же время говорит, что одно и то же одним кажется горьким, другим — сладким, третьим — еще иначе»[7]. Эпикур, следовавший Демокриту и принимавший его систему за ее естественность, считал, что и чувственные качества также существуют объективно. Он приписывал атомам вес, ибо необходимо, говорил он, чтобы тела двигались в силу тяжести. Эпикур внес в атомное учение идею самопроизвольного отклонения атомов, благодаря чему реально их движение происходит по кривым. Опираясь на это положение, Эпикур объясняет происхождение мира как результат столкновения атомов. Диалектический смысл идеи спонтанного отклонения атомов впервые раскрыл К. Маркс *в* своей докторской диссертации «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура»» оценив эту идею как указание на наличие в самой материи источника движения,— вопрос, который был наиболее трудным для всего механистического материализма.

Новые моменты в античный атомистический материализм внесли стоики. Они разработали учение о стадиях эволюции мира. На первоначальной стадии существуют только тончайшие частицы — атомы огня. Вселенная представляет сплошной разум. Потом начинается движение к отяжелению. Образование мира стоики рассматривали как превращение первоначального огня в парообразную массу, из которой затем образуются сначала неживая природа, затем растения, животные и, наконец, человек. Через некоторое время начинается обратный процесс, когда все возвращается к

началу, снова превращается в огненный пар. Мировой цикл завершается. Потом следует новое образование мира, и в нем все будет происходить по тем же законам, пока все

[8] См.: Материалисты Древней Греции... С. 61. [7] Там же. С. 81.

снова не будет уничтожено. Жизнь мира состоит из мировых циклов, которые бесконечно повторяются. Таким образом, над миром властвуют два начала: закономерность, с которой следуют возникновение и уничтожение, и рок или судьба как их проявление в единичной человеческой жизни.

На основе физических представлений разрабатывалось психологическое учение о душе, познании, чувствах, воле, а также ставились и решались практические вопросы в области человеческого поведения.

Учение о душе
в античном материализме

Демокрит понимал душу как причину движения тела. Душа материальна и состоит из самых мелких круглых, гладких, необыкновенно подвижных атомов, рассеянных по всему организму. Душа, как и огонь, состоит из этих атомов: она — это атомы огня по своей форме и активности. Когда мелкие частицы проникают в тяжелые, они вследствие того, что по своей природе никогда не бывают в покое, двигаясь, приводят тело в движение, становясь душой этих тяжелых тел. Таким образом, душа понимается как продукт распределения атомов в теле. Демокрит приписывал душе движения в материальном смысле как пространственное перемещение. Когда сложные тела распадаются, тогда маленькие выходят из них, рассеиваются в пространстве и пропадают. Значит, душа смертна и уничтожается вместе с телом. Когда мы дышим, мы втягиваем в себя частицы, составляющие душу, которые находятся в большом числе в воздухе; выдыхая, мы выбрасываем какую-то часть нашей души. Таким образом, душа непрерывно материально обновляется с каждым дыханием. Демокрит считал, что душа принадлежит всем, даже мертвому телу, но только у него очень мало души. Так Демокрит приходит к панпсихизму: все — и растения, и камни — имеет душу.

Болезнь — это изменение пропорции атомов. В старости число подвижных атомов уменьшается. В органах чувств мелкие атомы ближе всего к внешнему Миру, поэтому они приспособлены для внешнего восприятия. Особенно благоприятное соотношение легких и тяжелых

атомов в мозгу: он — место высших душевных функций, способности к познанию. Органом благородных страстей является сердце, чувственных желаний и вожделений— печень. Таким образом, Демокрит дает естественное понимание души. Душа выступает продуктом организации тела, а не является изначальным принципом. Она не существует вне тела. Ограниченностью взглядов Демокрита является количественный принцип, не позволяющий отличить психические процессы от материальных. Характерно, что, отличая душу от тела, Демокрит считает ее телом, хотя и особым телом. Античному материализму свойственна материализация души: душа не только рассматривается в единстве с телом — в этом состоит признак всякого материалистического учения о душе, но сама является телом. При этом аргументом в пользу материальности души служит следующее рассуждение: если душа движет телом, значит, она сама телесна, поскольку механизм действия души на тело мыслился как материальный процесс по типу толчка. Доводы в пользу телесности души подробно развивает Лукреций.

Эпикур, Лукреций, а также стоики продолжили разработку представлений Демокрита о душе. По Эпикуру, душу имеют только те существа, которые могут ощущать. Стоики выделяли восемь частей души: управляющее начало (разум у человека или инстинкт у животных), от нее «происходит семь других частей души, распространяющихся по телу наподобие щупалец осьминога. Пять из этих семи частей души составляют чувства: зрение, обоняние, слух, вкус, осязание. Зрение — эта пневма, распространяющаяся от управляющей части до глаз; слух — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до ушей; обоняние — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до носа; вкус—■ это пневма, распространяющаяся от управляющей части до языка; осязание — это пневма, распространяющаяся от управляющей части до поверхности вещей, которых можно коснуться чувствами. Из остальных частей одна называется воспроизводящей; она пневма, распространяющаяся от управляющей части до детородных органов. Другая часть — это то, что Зенон называл голосом; она пневма, распространяющаяся от управляющей части до горла, языка и других органов речи. Управляющая часть помещается, словно в мироздании в на-

шей шарообразной голове»[8]. В учении стоиков о душе проявляется рационализм, свойственный их мировоззрению в целом: разум является ведущей высшей частью» души. Лукреций различает дух и душу: дух называете*еще умом, он —душа души.

Учение о познании

В античном атомистическом материализме различаются два вида познания — ощущение (или восприятие) и мышление. Началом и источником познания являются ощущения и восприятия. Они дают знания о вещах: ощущение не может возникнуть от несуществующего. Это верные знания, ощущения нас не обманывают. Самое надежное, говорит Эпикур, —обращаться к чувствам внешним и внутренним. Ошибки возникают от вмешательства разума. Демокрит называет чувственное познание темным родом познания. Оно ограничено в своих возможностях, так как не может проникнуть до слишком малого, до атома, до сокровенного,. по Эпикуру. В материалистическом учении Демокрита об ощущении содержится непоследовательность, связанная с различением качеств, которые существуют «поистине» (т. е. объективно) и лишь «в общем», лишь «в общем мнении» (чувственные качества). Оно породило большую философскую проблему первичных и вторичных качеств, развитую в Новое время (Дж. Локк» XVII в.).
Восприятие рассматривалось как естественный физический процесс. От вещей отделяются — истекают — тончайшие пленочки, копии, образы, идолы (эйдолы), по внешнему виду подобные самому предмету. Они суть формы или виды вещей. Они летают в пространстве ю попадают в органы чувств, например в глаз. При этом из= глаза направляется встречный поток атомов души, которые улавливают образы. Большой образ ужимаетсядо размеров, позволяющих войти в глаз. Когда поток образов изнутри сливается с потоком, идущим извне,. воздух, находящийся между глазом и предметом, получает отпечаток, который отражается во влажной части-глаза. Так, образ возникает без участия субъекта и; лишь улавливается им. «Видим же мы вследствие вхож-

[8] Цит. по: Антология мировой философии/Под ред. В. В. Соколова. В 4 т. Т. 1. Ч. I. М., 1969. С. 491—492.

дения в нас идолов (образов)»[9]. Образы могут восприниматься любыми частями тела, только в этом случае восприятие будет хуже, чем через органы чувств[10].
Теория Демокрита — наивный способ решения проблемы процесса восприятия, но важно, что им сделана попытка объяснить процесс восприятия материалистически вполне естественным путем.
Представление Демокрита о чувственном познании получило развитие у Эпикура, Лукреция и стоиков. Эпикур защищает теорию истечений, объясняет, как происходит видение, слышание, ощущение запаха и др. Он указывает на целостную природу восприятия: все чувственные качества улавливаются не по отдельности, а в сопровождении с целым,
Лукреций останавливается на некоторых вопросах восприятия: о силе воздействия, способной производить ощущение, о восприятии расстояния и др. «Чувств опровергнуть ничем невозможно»[п], они дают истинное познание.
Стоики внесли ряд новых моментов в учение об ощущении. «Стоики говорили: когда человек рождается, ■его управляющая часть души подобна листу папируса, готовому воспринять надписи. Именно на душе человек записывает каждую свою мысль, и его первая запись производится чувствами»[12]. Постигающие представле-► ния, т. е. представления, «которые у них считаются критерием всякого предмета»[13], являются продуктом особого процесса — каталепсии, предполагающего участие разума.
Продолжением ощущения является мышление. Демокрит называет его светлым родом познания, истинным, законным познанием. Оно более тонкий познавательный орган и схватывает атом, недоступный ощущению, •скрытый от него. По Эпикуру, в отличие от ощущения мышление дает знание общего в виде понятий или общих представлений, позволяет охватить большее количество частных явлений — в этом его преимущество по сравнению с ощущением, которое дает единичное представление.

[9] См.: Материалисты Древней Греции... С. 89.
[10] Там же. С. 96.
[11] *Лукреций.* О природе вещей. М., 1946. Кн. IV.
[12] Антология... С. 492.
" *Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 283.

Для Демокрита, а также Эпикура, Лукреция и стоиков характерно такое понимание процесса познания, приг котором его чувственная ступень не отрывается от мышления, хотя они, безусловно, различаются. Мышление-сходно с ощущением по своим механизмам: в основе-того и другого лежит истечение образов от предметов.. «...Ощущение и мышление возникают вследствие того,. что приходят извне образы. Ибо никому не приходит-ни одно ощущение или мысль без попадающего в него образа» [14].

Стоики различали внешнее и внутреннее мышление-Внутренний разум — это способность следить за соотношением вещей в ситуации и умение правильно намечать. соответствующее поведение. Образуется на основе восприятия. Внешнее мышление, или внешняя речь,—это речевое мышление, превращение внутренних мыслей во-внешнее рассуждение. В связи с выделением речевого-мышления стоики начали анализ слова как явления: языка. Хризипп производил различение обозначаемого, обозначающего и объекта; положил начало учению о» слове и его происхождении (этимология). Этим была» поставлена проблема значения слова.

Проблема чувств

Чувства рассматривались в системе атомистического материализма в связи с этическими-проблемами как основание для этики. Демокрит различал удовольствие и неудовольствие как показатели полезного и вредного. «Удовольствие... есть состояние, соответствующее природе живого организма, а страдание— состояние, чуждое этой природе. Удовольствие и страдание служат критериями решений, относительно-того, к чему . следует стремиться и чего избегать» [15]. Целью жизни Демокрит считал «хорошее спокойное расположение духа (эвтюмия), которое не тождественно с удовольствием, как некоторые, не поняв как следует, истолковали, но такое состояние, при котором душа живет безмятежно и спокойно, не возмущаемая никаким: страхом, ни боязнью демонов, ни какой-либо другой страстью» [16]. Это состояние достигается, если сделать свои*

[14] Материалисты... С. 89. » Там же. С. 85. *I* " Там же. С. 154.

удовольствия не зависимыми от преходящих вещей, вообще «от умеренности в наслаждении и гармонической жизни»[17].

По Эпикуру, чувства есть некоторая помеха, и для удовлетворенного состояния необходимо избегать душевных тревог. В то же время Эпикур утверждал, что целью жизни является удовольствие. Между этими высказываниями нет противоречия. Под удовольствием как аделью жизни Эпикур понимал «не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении ... но ... свободу от телесных страданий и душевных тревог» [18]. Главными чувствами, нарушающими спокойствие духа, являются страх смерти и страх перед богами, от которых, якобы, зависит судьба человека. «Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам ■отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения» [19]. Надо освободиться и от страха перед богами. Будучи атеистом, Зпикур, как и другие античные мыслители, не отрицал •существования богов, но призывал к правильному представлению о них. Оно достигается теоретическим позна-анием. «...Если мы будем относиться ко всему со вниманием, то будем правильно определять причины, вызывающие смятение и страх, и определяя причины небесных ■явлений и остальных спорадически случающихся фактов, ■мы устраняем все, что крайне страшит отдельных людей» [20].

По Лукрецию, чувства целиком зависят от разума. В противном случае, они вводят нас в заблуждения. Стоики смешивали стремления и чувствования в понятии аффекта и внесли большой вклад в учение об аффектах.

Аффекты — это чрезмерные противоразумные и противоестественные движения души, связанные с неправильными представлениями о вещах. К отдельным аффектам они также применяли определение «неразумное», например, желание — неразумное возбуждение, наслаждение — неразумное возбуждение, скорбь—неразумное душевное сжатие и др. Всего стоики насчитывали

[17] Материалисты... С. 160.

[18] Там же. С. 212.

[19] Там же. С. 209.

[20] Там же. С. 196.

26 аффектов и в зависимости от времени и объектов, к которым они относятся, распределяли их по классам: удовольствие (радость, наслаждения, веселость); неудовольствие (печаль, страдание) и его разновидности — сострадание, зависть, соревнование, горе, смущение, обида, печаль, уныние;

желание (его разновидности — потребность, ненависть, гнев, любовь, злоба, досада); страх (боязнь, нерешительность, стыд, испуг, потрясение, беспокойство).
Стоики различали три стадии нарастания аффективного состояния. 1. Под влиянием внешних воздействий наступают физиологические изменения в организме: аффекты, как и любое другое проявление души, телесны, без телесных изменений нет аффектов; 2. Непроизвольно наступает мнение о том, что произошло и как нужно реагировать. Это психический, но непроизвольный компонент; 3. Должен вмещаться разум. Возможны два случая: а) разум не дает влечению сделаться аффектом, составляясуждение о ценности происходящего с точки зрения блага или зла (благо, зло и безразличное— основные понятия этической части философии стоиков); б) если же разум слаб или отягчен обычными предрассудками, он увлекается к неправильному суждению, и тогда возникает аффект. Таким образом, хотя аффект противоразумен, ибо находится в противоречии с правильными суждениями разума, свое основание он имеет в разуме, а именно в неправильном суждении. Поэтому стоики и называют страсть суждением. Быть или не быть аффекту также зависит от разума. Поэтому, где нет разума, там нет аффектов: у детей, животных, слабоумных, хотя у них есть естественные влечения. Эти влечения нельзя считать аффектами, поскольку нет их осознания и оценки. Следовательно, дает ли человек распорядиться собою разуму или аффектам, зависит от него самого, а не определяется извне. Поскольку аффект основывается на неправильном суждении, Хризипп называет его ошибкой разума. Надо не допускать этой ошибки, и моральная задача, проповедуемая стоиками, сводилась не к смягчению аффектов, а к безусловному их искоренению[21].
Абсолютно отрицательное отношение к аффектам с моральной точки зрения сочетается у стоиков с положе-
Антология... С. 511.

нием о наличии добрых страстей. Их три: радость, осторожность и воля. Радость противоположна наслаждению и представляет собой разумное возбуждение; осторожность противоположна страху и представляет собой разумное уклонение (так, мудрец не пуглив, на осторожен); воля противоположна желанию и представляет собой разумное возбуждение.
Для случаев, когда аффект все же становится неизбежным, была разработана «рецептура» по борьбе с аффектами. Вот некоторые из рекомендаций стоиков:
1) не дать аффекту принять внешнее выражение:, внешнее выражение укрепляет аффект. Поэтому чрезвычайно важно бороться с внешними проявлениями страстей;
2) не преувеличивать аффект воображением-; 3) не спе^ шить с одобрением аффекта, «оттянуть» последний этап нарастания аффективного состояния (например, сосчитать до 10) и этим создать расстояние между аффектом и деятельностью в направлении аффекта; 4) отвлечься на воспоминание другого рода, например при страхе вспоминать примеры мужества, выдержки; 5) разоблачить действия, на которые толкает аффект, и др.
Учение стоиков об аффектах и рекомендации па борьбе с ними занимают важное место в истории психологии. Особо следует отметить его воспитательное значение.
Проблема вола и характера
Проблема воли разрешается Демокритом на основе учения о необходимости и случайности. Органической частью материализма Демокрита является жесткий детерминизм: «Ничто не происходит случайно, но есть некоторая определенная причина для всего, о чем мы говорим, что оно произошло спонтанна и случайно»[22]. Все существующее в мире подчинено необходимости. Мир возник в результате вихреобразнога движения атомов, в процессе которого атомы сталкиваются, кружатся, склеиваются и образуют небесные светила и др. сложные тела. Демокрит отвергает идеалистическое учение о целесообразности в природе. Подобно сквозной необходимости в природе и движения ду-
[22] *Лурье* С. Я. Демокрит. Л., 1970. С. 213.

ши всецело обусловливаются извне. Но так механистически понимаемая детерминированность всего снимает всякую свободу. Уже античные комментаторы Демокрита видели противоречие его учения фактам. «От нас «е ускользает, как велика разница между тем, когда человек ходит сам, и когда его ведут, между свободным выбором и действием по принуждению...»[23]. В другом месте: «...тем самым способом, каким мы непосредственно воспринимаем самих себя, мы непосредственно же постигаем, что в нас происходит по свободному выбору, а что в силу

внешнего воздействия»[24]. На материале учения Демокрита становится очевидной невозможность решить проблему свободы человеческой воли на основе жесткого детерминизма. Эпикур, распространив учение о самопроизвольном отклонении атомов на природу человеческого поведения, считал, что каждый человек наделен элементом свободы воли. Он не только находится под воздействием внешних сил, но является и активным действующим субъектом, смеющимся над судьбой, исполняющим намерения и достигающим блага при жизни. Диалектическую концепцию соотношения свободы воли и необходимости продолжил Лукреций. Своеобразно понимание свободы у стоиков. Поскольку все в действительности подчиняется закономерности, постольку все происходящее в мире и с отдельным человеком разум воспринимает как необходимое и естественное неумолимое действие объективных обстоятельств. Человеку остается добровольно принять предписания рока. В этом добровольном следовании необходимости и заключается свобода. Так покорность и подчинение осознанной «необходимости соединяются с утверждением в себе чувства внутренней свободы, которое и делает человека способным отстаивать себя даже вопреки неблагоприятному естественному ходу исторического процесса. Идеология покорности, подчинения судьбе была воспринята и развита христианством. Энгельс назвал Сенеку, сторонника философии стоицизма, «дядюшкой христианства». Социальной базой стоицизма были исторические условия рабовладельческого общества того периода как времени «всеобщего экономического, политического, интеллектуального и морального разложе-

[23] Там же. С. 218.

[24] Там же. С. 222.

ния, когда настоящее невыносимо, будущее, пожалуй, еще более грозно»[25]. В этих условиях покорность явилась одним из путей личного самоопределения и поведения. Вера стоиков в силу души перед судьбой воспитывала уважение к сильному характеру, укрепляла моральный дух человека[26]. По учению стоиков, характер — это определенность, печать своеобразия, которая отличает поступки одного человека от другого и выражает специфическое отношение человека к миру, к себе и к другим людям. «Великое дело играть всегда одну и ту же роль ... Потребуй от себя одного — каким[1] ты был вначале, таким оставайся до конца. Сделай так, чтобы тебя хвалили, а не сможешь — так хоть чтобы узнавали»,— писал Сенека. К наиболее существенным чертам характера стоики относили мужество, самообладание» спокойствие духа, справедливость. Характер основывается на мировоззрении, опирается на представления о благе, зле и безразличном. Жизненные трудности, с которыми встречается человек, приобретают значение технических помех. «В недосягаемом месте та душа, что покинула все внешнее и отстаивает свою свободу в собственной крепости: никакое копье до нее не долетит»,— писал Сенека. Это высказывание не следует понимать как призыв к уходу от жизненных дел и обязанностей; стоики требовали от человека исполнения его гражданских, семейных и др. обязанностей. Мудрец может отдать свою жизнь за отечество и зэ своих друзей. Главная роль в формировании характера принадлежит закаливанию духа долгими упражнениями,. путем совершения поступков, а также с помощью наблюдения за поступками героев, размышления над ними. Каждый может и должен воспитывать в себе сильный характер. «Если что-нибудь тебе не по силам, то не решай, что оно вообще невозможно для человека. Но если что-нибудь возможно для человека и свойственно ему, то считай, что оно доступно и тебе»[27].

25 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 312.

[2в] См.: *Сенека* Л. *А.* Нравственные письма к Луцилию. М.,, 1977.

[27] *Аврелий Марк.* Наедине с сабой. Размышления, М., 1914. Книга шестая. С. 77—78.

Идеалистическая психология Платона

По замечанию Энгельса, «при всем наивно-материалистическом характере мировоззрения в целом, уже у древнейших греков имеется зерно позднейшего раскола. Уже у Фалеса душа есть нечто особое, отличное от тела (он и магниту приписывает душу), у Анаксимена она — воздух (как в Книге бытия), у пифагорейцев она уже бессмертна и переселяется, а тело является для нее чем-то чисто случайным. И у пифагорейцев душа есть «отщепившаяся частица эфира»[28]. Именно в трактовке особенностей души в их отличии от тела постепенно нарастают идеалистические тенденции. Пифагореец Филолай впервые обозначил тело тюрьмой для души. Анаксагор выдвинул учение об уме «нус» как причине всего, как принципе космоса, движения, целесообразности, признавая в то же время и причины эмпирического естественнонаучного

характера. Против этой непоследовательности Анаксагора выступил Сократ. Божественный разум, по Сократу, является единственной причиной всех явлений. В учении о душе Сократ впер- . вые указал на разграничение между телом и душой и провозгласил нематериальность и невещественность души. Он определил душу отрицательно — как нечто, отличное от тела. Душа невидима в отличие от. видимого тела. Она — разум, который является началом божественным. Он защищал бессмертие души.

Так постепенно наметилось движение античной мысли в направлении идеалистического понимания души. Своего наивысшего развития идеализм достигает у ученика Сократа — Платона (427—347 гг. до н. э.), ставшего основоположником объективного идеализма. Наибольшее место психологическим проблемам отводится в его сочинениях — диалогах «Федон», «Федр», «Пир»,. «Государство», «Филеб».

Центральной философской проблемой Платона является учение об идеях. Идеи — это истинно сущее бы-" тие, неизменяемое, вечное, не имеющее возникновения^ не осуществленное в какой-либо субстанции. Они безвидны и незримы, существуют самостоятельно независимо от чувственных вещей. В отличие от идей мате-

[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 504.

•рия — это небытие, бесформенное незримое. Это ничто, ^которое может стать любой вещью, т. е. всем при соединении с определенной идеей. Наконец, чувственный мир, т. е. материальные вещи, предметы, естественные и сделанные человеком. Этот мир возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле. Соотношение идей и вещей таково, что в нем миру идей принадлежит неоспоримое первенство. Идеи и вещи не равноправны: идеи суть образцы, вещи — их подобия. Идея выступает как цель, к которой, как к верховному благу, стремится все сущее. Учение Платона об идеях есть объективный идеализм. Его гносеологические и классовые корни имеют ту же природу, что и идеализм вообще[29]. Составной частью идеалистической философии Платона является учение о душе. Душа выступает в качестве начала, посредствующего "между миром идей и чувственных вещей.

Душа существует прежде, чем она вступает в соединение с каким бы то ни было телом. В своем первобытном состоянии она составляет часть мирового духа, ^пребывает в премирном пространстве, в царстве вечных и неизменных идей, где истина и бытие совпадают, и занимается созерцанием сущего. Поэтому природа души сродни природе идей. «Божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному в самом себе в высшей степени подобна наша душа»[30]. В отличие от души тело подобно «человеческому, смертному, непостижимому для ума, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою»[3'1].

Индивидуальная душа есть не что иное, как образ и истечение универсальной мировой души. Ее соединение с телом Платон объясняет отпадением от истины к тому, что от нее имеет бытие. Душа по своей природе бесконечно выше тленного тела и потому может властвовать над ним, а оно должно повиноваться ее движениям. Телесное, материальное пассивно само по себе и получает всю свою действительность только от духовного начала. В то же время Платон учит о связи души и тела: они должны соответствовать друг другу. Платон разли-

™ *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 29. С. 322.

[30] *Платон.* Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1970. С. 45.

[31] *Платон...* Т. 2. С. 45.

чает 9 разрядов душ, каждая из которых соответствует определенному человеку. Он указывает на необходимость развивать душу и тело в равновесии, так, чтобы между ними была соразмерность. Платон решает вопрос и о локализации души в теле. В целом Платон учит о «двухчастном соединении, которое мы именуем живым-существом»[32], при руководящей роли в этом союзе души. Платон дает метафорические образные определения души. В «Государстве» он использует сравнение со стадом, пастухом и псом, помогающем ему. В «Федре» душа уподобляется крылатой упряжке из двух коней и; возничего. «Уподобим душу соединенной крылатой парной упряжке и возничему... две части мы уподобим коням ... третью — возничему...»[33]. В этих определениях в образной форме выражено положение о тройственном: составе души. По Платону, есть три начала человеческой души. Первое и низшее общо ему вместе с животными и растениями. Это вожделеющее неразумное начало. Обладая им, всякое живое существо стремится удовлетворять свои телесные потребности: оно чувствует удовольствие, достигая этой цели, и страдание — в-

противном случае. Именно этой частью души человек «влюбляется, испытывает голод, жажду и бывает охвачен другими вожделениями»[34]. Она составляет большую часть души каждого человека. Другое — разумное — начало противодействует или противоборствует стремлениям вожделеющего начала. Третье начало — яростные дух. Этой частью человек «вскипает, раздражается, становится союзником того, что ему представляется справедливым, и ради этого он готов переносить голод, стужу, и все подобные им муки, лишь бы победить; он не откажется от своих благородных стремлений — либо добиться своего, либо умереть; разве что его смирят доводы собственного рассудка, который отзовет его наподобие того, как пастух отзывает свою собаку»[35].
Все стороны души должны находиться в гармоничном отношении друг к другу при господстве разумного начала. Его же функцией является «попечение обо всей-душе в целом... начало же яростное должно ей подчи-
32 *Платон...* Т. 3 (I). М., 1971. С. 535.
[33] Там же. Т. 2. С. 190.
[3]Там же. Т. 3 (I). С. 233. [35] Там же. С. 234.

мяться и быть ее союзником»[36]. Объединение всех начал сообщает целостность душевной жизни человека. По Платону, «человек обладает силой подлинно внутреннего воздействия на самого себя и на свои способности» [37].
Реальное соотношение частей души далеко от идеала, каким является гармония между ними, в душе происходит настоящая распря между вожделеющим и разумным началами. Эта борьба обнаруживается в сновидениях человека, раскрывая за внешностью вполне умеренного на вид человека «какой-то страшный беззаконный и дикий вид желаний»[38]. Нарушение гармонии приводит к страданию, ее восстановление — к удовольствию. Так, в описание жизни души с необходимостью вводиться чувство.
Учение Платона о судьбе души после смерти тела ■облечено в форму мифа и преследует этические, государственно-педагогические цели: «Если душа бессмертна, она требует заботы не только на нынешнее время, которое мы называем жизнью, но на все времена и если кто не заботится о своей душе, впредь мы будем считать это грозной опасностью...»[39]. Живя, люди должны верить, что после смерти душа ответственна за все действия тела. Эта вера заставит каждого бояться возмездия в будущей жизни, чтобы не впасть в отрицание всякой морали и долга. Миф о бессмертии души изображает перевоплощение душ — то ниспадающих с неба на землю, то восходящих с земли на небо, как циклический процесс. Идея бессмертия души скрывает еще один смысл: духовный опыт не умирает со смертью человека, он вечен.
В описании проявлений души Платон уделяет особое внимание познанию и неотделимому от него удовольствию и страданию. Платон различает мнение, рассудок и разум в зависимости от объекта познания: направлено ли оно на идеи или на чувственный мир. Разобщенность этих объектов в бытии, составляющая сущность платоновского идеализма, изображается в форме мифа в VII книге «Государства». Жизнь человека в мире чув-
[36] *Платон...* С. 236.
[37] Там же. Т. 3 (I). С. 239.
[38] Там же. С. 391.
[39] Там же. Т. 2. С. 81.

ственных вещей уподобляется жизни узников, прикованных на дне темницы — пещеры, из глубины которой они: могут видеть через широкий просвет лишь то, что находится у них прямо перед глазами; они видят лишь тени от самих себя и от людей и предметов, которые наверху, а не сами эти предметы и слышат только отзвуки голосов сверху. Философский смысл этого мифа таков: созерцание чувственного мира изменяющихся явлений не дает знания, но только мнение. В мнении душа обращается к вещам и их отображениям, к бытному^. вечно возникающему, но никогда не сущему (слушать, смотреть, любить прекрасные звуки, цвета, образы). Мнение это нечто промежуточное между знанием и незнанием. Оно есть ни незнание, ни знание: мнение темнее знания и яснее незнания. Мнение — это чувственное познание, низший вид знания.
Познание, направленное на бытие (идеи), т. е. на мир умопостигаемый, дает подлинное знание. Это интеллектуальное знание, высший вид знания, существует в*. двух видах. Во-первых, рассудок. Рассудок относится к области идей, но при этом душа пользуется образами-, которые

почитает изображающими. Например, геометрзанимается видимыми формами и рассуждает о них, но« мыслит не о них, а о тех, которые этим уподобляются: о четырехугольнике и его диагонали самих в себе, а нео тех, которые изображены. Таким же образом и прочее. Пользуясь ими, люди стараются усмотреть те, ко?-торые можно видеть не иначе, как мыслью.
Разум или ум — это постижение идей, отрешенных: от всякой чувственности. Здесь душа направлена на сующее без образов, под руководством одних идей самих по себе к безусловному началу, к сущности любого предмета, силой одной диалектики. Термином «диалектика» называется познание посредством понятий. Это умение возводить единичное и частное к общей идее путем сопоставления мнений и отыскания противоречий в них. дает знание. Этот процесс Платон называет рассуждением и описывает его как некий внутренний диалог *с* незримым собеседником. «Мысля, она (душа) делает не что иное, как рассуждает, сама себя спрашивая и отвечая, утверждая и отрицая»[40].
[40] *Платон...* Т. 2. С. 289.
41
Поскольку идей в воспринимаемых объектах нет — мир идей и мир вещей разобщены — вещи не содержат идеи, они только копии идей, постольку ощущения, чувства не могут быть источником истинного знания. Понятия не могут образовываться из впечатлений чувственного опыта. По Платону, образы нужны как поводы, как внешние побудители, способствующие тому, что мышлением мы схватываем отличающуюся от них и похожую на них идею: зрительность позволяет максимально охватывать являющееся идеальное. Образы могут Єыть поводом для схватывания идеи, потому что идеи — и наши души — существовали до нашего рождения. Однако процесс падения души с небес на землю сопровождается забыванием душой всего того, что она ранее видела на небесах. В то же время она может вспомнить об утраченных идеях. Средством этого восстановления является припоминание: «...искать и познавать — это как раз и значит припоминать»[4,1]. Процесс познания, по Платону, есть припоминание — анамнезис. Процесс этот — чисто рационалистический, логический. В нем чувственный опыт служит только толчком, поводом вспоминать об идеях, дремлющих в нашей душе: «Припоминать под--линно сущее, глядя на то, что есть здесь»[42]. Термин «припоминание» имеет у Платона и другой смысл — как процесс памяти. В его описании угадывается механизм ассоциаций. «Всякий раз, когда вид одной вещи вызывает у тебя мысль о другой, либо сходной с первой, либо несходной,— это припоминание»[43]. Поскольку чувственные впечатления земной жизни не дают материала для истинного знания, надо изучать не внешний мир, а свою душу как вместилище идей, но под влиянием и с помощью внешних впечатлений. Платон высоко оценивает созерцание прекрасных вещей — красок, форм, звуков. Любовь к прекрасному выступает необходимым средством становления души. В то же время чувственное познание отрывается от познания в идеях. Чувства мешают подлинному знанию: «...достигнуть чистого знания чего бы то ни было мы не можем иначе, как отрешившись от тела и созерцая вещи сами по себе самою по себе душой. Тогда у насбудетто, кчему мы стремимся
» *Платон...* Т. 1. С. 385. *[2] Там же. Т. 2. С. 37. [43] Там же. С. 186.
42
с пылом влюбленных, а именно разум»[44]. Теория познания Платона является рационалистической и идеалистической.
Составной частью учения Платона о душе является» учение о чувствах. Платон опровергает представление о том, что высшее благо заключается в удовольствии. «Первое же место способности удовольствия не принадлежит» хотя бы это и утверждали все быки, лошади и: прочие животные на том основании, что сами они гонятся за удовольствиями»[45],— писал Платон в диалоге «Фи-леб» в связи с обсуждением вопроса о моральном здоровье человека. И в другом месте: «...удовольствию непринадлежит ни первое, ни даже второе место; оно далеко и от третьего...»[46]. Но благо не заключается исключительно и только в разумении, так что не кажется: достойной выбора жизнь, не причастная ни удовольствию, ни печали.
Удовольствие, страдание и отсутствие того и другого рассматриваются как три состояния души и соответг ствующие им три рода жизни. Платон дает перечень чувств: гнев, страх, желание, печаль, любовь, ревность». зависть. В них, как и в жизни в целом, чаще всего удовольствия смешаны со страданием. Диалектика их связей такова, что «удовольствия кажутся большими и более сильными по сравнению с печалью, а печали посравнению с удовольствиями усиливаются в противоположном смысле»[47].
Различаются низшие и высшие удовольствия (первые связаны с физическими потребностями,

вторые — с эстетическими и умственными занятиями); удовольствия, свойственные трем началам души; сильные (большие) и малые (в сильных отсутствует мера, а несильным свойственна соразмерность); душевные удовольствия-предваряют телесные.

По Платону, в государстве люди должны занимать место в соответствии со своими природными задатками: «для того, кто по своим природным задаткам-годится в сапожники, будет правильным только сапожничать и не заниматься ничем иным, а кто годится в.

« *Платон.,.* С. 25. [45] Там же. Т. 3 (I). С. 87. *• Там же. С. 25.

[47] Там же. С. 53; В. Вундт рассмотрел эту закономерность-чувств в законе психических контрастов.

плотники — пусть будет плотничать. То же самое и в остальных случаях»[48].

Вершиной античной психологии является учение о душе Аристотеля (384—322 гг. до н. э.). По словам Гегеля, «самое лучшее, что мы имеем в психологии, вплоть до новейших времен, это то, что мы получили от Аристотеля». Аристотель — автор трактата «О душе», первого в мировой литературе систематического исследования по проблеме души.

Будучи учеником Платона, он расходился с ним в понимании природы идей, отвергая положение об отделенное™ идей от вещей: «...покажется, пожалуй, невозможным, чтобы врозь находились сущность и то, чего она есть сущность; поэтому, как могут идеи, будучи сущностями вещей, существовать отдельно от них?»[49]. По Аристотелю, каждая вещь есть единство материи и формы. Вся природа — это совокупность форм, связанных с материей. Например, применительно к дому материей являются кирпичи, бревна, из которых он сделан, а -формой — назначение дома — быть укрытием от дождя и жары. Впрочем, Аристотель допускает существование «форм без материи — это нематериальный энергииный ум, верховный разум. Он — это форма форм. Системе Аристотеля свойственна двойственность: в учении о форме он остается на позициях объективного идеализма, но в целом идеализм Аристотеля *«отдаленнее, общее,* чем идеализм Платона, а потому в натурфилософии чаще = материализму»[60].

Понятие души у Аристотеля

Душа, по Аристотелю, есть форма живого органического тела. Это положение разъясняется ^следующими метафорами. «Подобно тому, как если бы

естественным телом было какое-нибудь орудие, например, топор, а именно сущностью его было бы бытие топором, и оно было бы его душой. И если ее отделить, то топор уже перестал бы быть топором..'. Сказанное нужно рассмотреть и в отношении частей тела. Если бы

*• *Платон...* Т. 3 (I). С. 238.

*» *Аристотель.* Соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1975. С. 330.

[в0] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 29. С. 255.

глаз был живым существом, то душой его было бы эре-дне. Ведь зрение и есть сущность глаза как его форма; с утратой зрения глаз уже не глаз, разве только по имени, так же как глаз из камня или нарисованный. Сказанное же о части тела нужно приложить ко всему живому телу... но живое в возможности — это не то,, что лишено души, а то, что ею обладает»[51]. Душа делает тело живым. Без души оно было бы трупом. В душе причина— основа — всех проявлений живого тела; рост, дыхание, а также чувствование, мышление обусловлены •ею. В душе заложена цель активности живого тела, •всех его согласно работающих жизненных сил. Душа под воздействием внешней причины властно заставляет тело осуществлять деятельность определенного типа, заложенную в организме как цель его развития: растение ♦стремится быть растением, животное — быть животным. Тело и все его органы и части являются инструментом на службе у души. «Ведь все естественные тела суть -орудия души — как у животных, так и у растений, и существуют они ради души»[52].

Учение Аристотеля о душе как цели проникнуто те- | леологизмам, следовательно, идеализмом. Его гносеологическими корнями является перенесение специфических особенностей человеческой деятельности и сознания, которые носят целенаправленный характер, на низшие уровни психической организации и вообще на природу. «Как ум действует ради чего-нибудь, так и природа, а то, ради чего она действует, есть ее цель»[53].

Таким образом, душа как форма тела означает, что юна есть суть тела, причина и цель всех его действий. Все эти характеристики души Аристотель объединяет и обобщает в специальном понятии «энтелехия», которым обозначает п-одную действительность тела, то, что дела-«ет его живым, постоянную возможность его жизненных ^функций, т. е. существующую и тогда, когда

душа не «проявляет себя активно (например, во время сна). Ду-ала неразрывно связана с телом: ведь она есть состояние активности тела. Действует не душа, а соответствующее тело, но тело одушевленное. По Аристотелю, не душа, а «человек благодаря душе сочувствует, учит-

[5]*Аристотель...* Т. 1. С. 395. [62] Там же. С. 402. [М] Там же.

ся или размышляет»[54]. Все душевные состояния сопровождаются телесными проявлениями. Поэтому изучение души есть дело двух исследователей — естествоиспытателя и диалектика. Например, «диалектик определил бы гнев как стремление отомстить за оскорбление или-что-нибудь в этом роде, рассуждающий же о природе — как кипение крови или жара около сердца»[55]. Хотя душа бестелесна, ее носителем является особое органическое вещество — пневма, которое у животных вырабатывается в крови. Орган души — сердце. Мозг выполняет вспомогательную функцию, в нем кровь охлаждается до нужной нормы. Аристотель критиковал Платона за деление души на части, раздельные по их локализации в теле, и, доказывая единство души, говорил не о частях,. а об отдельных способностях, силах (дюкамис) души, которые только в переносном смысле называл частями. В то же время Аристотель признавал самостоятельность и раздельность по крайней мере двух начал — души как энтелехии тела, уничтожающейся при его разрушении*,. и души как проявления божественной сущности, прихо^ дящей в тело и выходящей из него в момент смерти: «...каждая из частей обладает ощущением и способностью двигаться в пространстве, а если есть ощущение,. то имеется и стремление. Ведь где есть ощущение, там есть печаль и радость, а где они, там необходимо есть *я* желание. Относительно же ума и способности к умозрению еще нет очевидности, но кажется, что они — иной род души и что только эти способности могут существовать отдельно, как вечное отдельно от преходящего.. А относительно прочих частей души из сказанного очевидно, что их нельзя отделить друг от друга вопреки утверждению некоторых»[56]. У Аристотеля встречаются разноречивые указания относительно частей души. В основе его классификации лежит выделение трех ступеней жизни: растительной, животной, человеческой, при этом способности высшей ступени включают способности предыдущих и не могут существовать без них. «И у фигур и у одушевленных существ в последующем всегда содержится в возможности предшествующее, например,. в четырехугольнике — треугольник, в способности ощу-

[54] *Аристотель...* С. 386.
[55] Там же. С. 374.
[и] Там же. С. 397—398.

щения — растительная способность»[57]. Растительная и животная душа понимались материалистически. «Ясно, 'что наиболее важные психические способности, психические факты, - будут ли они принадлежать всем животным или будут представлять собою специальное достояние только некоторых, принадлежат у этих животных как душе, так и телу — таковы, НапрНМерj способность чувственного познания, память, стремления, влечение и вообще воля, желание, сюда же можно отнести еще удовольствие и страдание, почти всем животным присущи эти способности»[58]. Разумная душа, по Аристотелю, иде- ■ альна, отделима от тела, ее сущность божественна. После смерти тела она не уничтожается, а возвращается © бестелесный эфир воздушного пространства. Аристотель, верно чувствуя качественное отличие человека от животных и тем более от растений, идеалистически объясняет его источник.

■

Учение
о процессах познания

Начало познания образует способность ощущения. Познавательные способности «...ведут «свое начало от чувственного восприятия»[59]. Ощущение вызывается воздействием извне и поэтому является состоянием страдательным. «Сила производящая его (ощущение.— А. Ж-)> идет извне от видимого, от слышимо-то и др. ощущаемого»[60]. Уподобление ощущения воспринимаемому объекту происходит через посредство пяти внешних чувств и осуществляется как душой, так и телом. «А что чувственное познание бывает для души, но через тело — это ясно и по рассуждении, и без рассуждения, на первый взгляд»[61]. Орган чувств может отражать воздействие потому, что обладает ощущающей способностью в возможности. В акте ощущения эта возможность превращается в действительность. -«... Ощущающая способность в потенции такова, каково ощущение в действительности ... но только испытав

[57] *Аристотель...* С. 400. • [58] Цит. но: *Казанский А.* Учение Аристотеля о значении опыта. Одесса, 1891. С. 30—31.
[59] *Аристотель...* Т. 2. С. 346. "' "~" ""
[60] Там же. Т. 1. С. 407.
[61] *Казанский...* С. 3L ..*. . .....

47>

воздействие, она уподобляется ощущаемому и становится такой же, как оно»[62]. Процесс ощущения есть процесс уподобления воспринимаемому объекту. «Ощущение есть то, что способно воспринимать формы ощущаемого без его материи, подобно тому, как воск воспринимает оттиск печати без железа или золота»[63]. Уподобление, по Аристотелю, как и познание в целом, включает активность познающего субъекта. В разумном познании действительным деятелем является только разум.

На примере ощущения цвета Аристотель описывает процесс ощущения. Цвет приводит в движение прозрачную промежуточную среду (воздух), а под действием этого непрерывного движения приходит в состояние движения и ощущающий орган. Промежуточной средой для слуха, зрения и обоняния являются воздух и вода, для осязания — язык и тело. Органом осязания является сама душа. Единые по механизму, ощущения различаются по биологической значимости; ощущение при соприкосновении абсолютно необходимо для жизни (чтобы питаться, надо прикоснуться). Поэтому осязание является главнейшим ощущением, ощущения на расстоянии нужны для удобства.

Кроме пяти ощущений, соответствующих разным органам чувств, Аристотель выделял общее чувство и приписывал ему ряд функций; восприятие общих качеств (движение, фигура, покой, число, величина, единство) , сознание того, что мы имеем ощущение, восприятие, сравнение и объединение ощущений в образ предмета. Для общего чувства нет соответствующего органа, им является сама душа.

Ощущение обладает непосредственной истинностью. Сохранение и воспроизведение ощущений: дает память. Различается три вида памяти: низшая — заключается в сохранении полученных ощущений в виде представлений как копий предметов, ею обладают все животные; память в собственном смысле — отличается тем, что к образу присоединяется временная характеристика, т. е. отношение к нему как к чему-то бывшему в прошломона есть не у всех, а только у животных, обладающих способностью восприятия времени; высшая память как

[62] *Аристотель...* Т. 1. С. 407. «[3] Там же. С. 421.

48

процесс воспоминания, в котором участвует суждение-Последняя есть только у человека. Причина этого в.; том, что воспоминание есть некоторый силлогизм: если: кто-либо вспоминает что-нибудь или виденное, или слышанное, или испытанное прежде, тот умозаключает — иэто есть некоторого рода познание. Эта способность есть только у тех, кому присуща способность произвольного-хотения, ибо хотение (свободный выбор) есть некоторого рода умозаключение. Воспоминание есть активный; поиск прошлого и происходит путем установления каких-либо отношений (по сходству, по контрасту и др.) настоящего с искомым прошлым. По существу, речь идет-о механизме ассоциаций, хотя Аристотель не дает этого термина.

Из воспоминаний складывается опыт, из опытности: же берут начало искусства и наука. Но сама опытность еще не выходит за пределы единичного. Следующая: познавательная способность — воображение или фантазия— заключается в образовании представления. Представление— это энергия чувственного органа без соответствующего воздействия извне. Воображение берег начало в ощущении, но оно не есть ощущение: в представлении содержания первоначальных, обусловливающих их впечатлений обобщаются. Аристотель придавал воображению чрезвычайное значение: животным оно заменяет мышление; люди также во многих случаях: действуют на основе этих образов вследствие того, чтоих ум как бы затемняется иногда страстью, или болезнями, или сном. В связи с воображением Аристотель. развивает учение о сновидениях, объясняя их материалистически. Обобщенный образ воображения составляет фундамент мышления. «Без воображения невозможно никакое составление суждений»[64].

Мышление характеризуется составлением суждений. Протекает в понятиях, постигает общее. «Посредством? ощущающей способности судят о теплом и холодном и о том, сочетанием чего является плоть; а посредством иной способности, которая либо отделена от первой, либо относится к ней так, как ломаная линия относится к: прямой, судят о том, что есть сущность мяса (плоти)»[65]. Посредством ощущения воспринимается «нечто где-то №

« *Аристотель...* Т. 1. С. 430. [65] Там же. С. 434.

теперь». Понятие дает знание об **общем, «общее же** воспринимать чувствами невозможно, ибо оно не определенное нечто и существует не только теперь, иначе юно не было бы общим. А общим мы называем то, что •есть всегда и везде»[66].

Органом мышления является нус — часть души, свойственная только человеку и не прикрепленная ни к какому телесному органу.

Аристотель различает низшее и высшее мышление. Низшее мышление — это мнение или предположение; не содержит категорического утверждения о чем-то, ничего не исследует; в нем нет внутренней необходимости, не ютвечает на вопрос «почему?» Однако в определенных ситуациях оно необходимо. В отличие от низшего высшее мышление всегда содержит в себе необходимость, т. е. открытие последнего основания истины. Его объектом являются основы вещей, высшие принципы науки. Существуют три вида высшего мышления: рассуждающее, логическое, дискурсивное мышление, т. е. умение делать заключение из имеющихся посылок; интуитивное— умение находить основания (посылки) и мудрость, наивысший тип наивысшего мышления.

В зависимости от того, на что направляется мышление, различаются два вида ума: теоретический и практический. Теоретический разум познает сущее как оно «есть. Это наука. Ее предмет — необходимое. Здесь не ставятся практические вопросы — для чего, с какой целью. Его задача — создание истины о вещах. Практический ум направлен на деятельность. С его помощью познаются нормы и принципы действия, а также средства их осуществления. Практический ум обусловливает принятие решения, на основе которого совершаются поступки. В разграничении двух типов мышления — теоретического и практического — проявляется противопоставление теоретического знания — практической активности.

Познавательные способности не существуют отдельно друг от друга и не обусловлены какими-либо высшими способностями: свое начало они ведут от ощущения: «... существо, не имеющее ощущений, ничему не научается и ничего не поймет... душа новорожденного представляет чистую дощечку, на которой еще ничего не

[66] *Аристотель...* Т. 2. С. 309.

написано»[67]. Все учение Аристотеля о познании пронизано верой в возможности познания человеком природы. Идея Аристотеля об уподоблении и др. относитсяк тем немногим приобретениям человеческого разума,, которые современны и сегодьгя.

Учение о чувствах

Аристотель описывает чувства удовольствия 'и неудовольствия как показатели процветания или задержки в функциях душевных или телесных:*. удовольствие означает беспрепятственное их протекание, неудовольствие — их нарушение. Чувства рассматриваются в тесной связи с деятельностью: они сопровождают деятельность и являются источником деятельности [w].

Несмотря на сдержанную оценку телесных удовольствии, Аристотель не призывал ограничиваться: удовольствиями только высшего порядка и в целом высоко оценивал роль чувства в жизни человека. «Удовольствие придает совершенство и полноту деятельности, а значит — и самой жизни»[69].

Подробнее Аристотель останавливается на аффектах. Он называет аффектами влечения, гнев, страх, отвагу, злобу, радость, любовь, ненависть, тоску, зависть,-жалость — вообще все, чеасу сопутствует удовольствие или страдание. Аффект — это страдательное состояние,. вызванное в человеке каким-то воздействием, возникает без намерения и обдумывания, под его влиянием он меняет свои прежние решения. Аффект сопровождается^ телесными изменениями. Психологическая характеристика выявляет, в каком состоянии возникает данный! аффект, на кого он направляется, за что.

Аристотель составил проницательные описания отдельных аффектов. Например, страх описывается так. «Страх (fobos) — некоторого рода неприятное ощущение или смущение, возникающее-из представления о предстоящем зле, которое может погубить нас или причинить нам неприятность: люди ведь не боятся всех зол; например, не боятся быть несправедливыми или ленивыми, но

•[7] *Аристотель...* Т. 1. С. 440.

[в8] Размышления Аристотеля о деятельности затрагивают такиевопросы, как виды деятельности, ее движущие силы и др., которые сохраняют значение и для современной психологии;

[69] *Аристотель...* Т. 4. С. 275.

-лишь тех, которые могут причинить страдание, сильно огорчить или погубить, и притом в тех случаях, когда эти бедствия не угрожают издали, а находятся так близко, что кажутся неизбежными»[70].

В описании составляющих психологических аспектов аффектов выступает рационализм Аристотеля: его решающим компонентом является представление.

Аффекты, по Аристотелю, сами по себе не суть ни добродетели, ни пороки. О человеке судят по его делам, а в аффекте оценивают манеру поведения: «... и ведь нас ■не хвалят и не порицают за наши аффекты; ведь не .хвалят же человека, испытывающего страх и не безусловно порицают гневающегося, а лишь известным образом гневающегося, а за добродетели нас хвалят или .■порицают»[71]. Аристотель не считал ни возможным, ни ^нормальным, ни желательным с точки зрения нравственности подавление аффектов. Без них невозможны героические поступки, наслаждение искусством. В низших телесных удовольствиях нужно соблюдать умеренность, ■середину. Во всех остальных случаях должна быть соразмерность аффекта своей причине.

Составной частью учения об аффектах является понятие о катарзисе, т. е. об очищении аффектов. Это понятие было заимствовано Аристотелем из медицины. *:Его ввел Гиппократ: болезнь понималась им как накопление вредных соков, а лечение — как доведение их до умеренного количества, .допустимого для здорового — очищение, катарзис — путем их выпускания. Применительно к аффектам катарзис означает сущность эмоционально окрашенного эстетического переживания под влиянием искусства. «Трагедия при помощи сострадания и страха достигает очищение аффектов»[72]. Вызываемые у зрителей при восприятии трагедии аффекты страха и сострадания в отличие от таковых в обычной жизни освобождаются — очищаются от всего тяжелого, давящего, смутного, человеку раскрывается логика событий и действий в определенных обстоятельствах, какая-то мудрость жизни. Аристотель подходит к проблеме общественной роли ис-

[70] Цит. по: Античные риторики. М., 1978. С. 81.

[71] *Аристотель...* Т. 4. С. 84.

[72] Там же. С. 651.

кусства, его нравственного воздействия на человека.

Современные авторы называют это воздействие театра на зрителя социальной терапией[73].

Проблема воли

Учение о воле развивается Аристотелем в связи с характеристикой действия.

«Все люди делают одно непроизвольно, другое произвольно, ■а из того, что они делают непроизвольно, одно они делают случайно, другое — по необходимости; из того же, что они делают ло необходимости, одно они делают по принуждению, другое — согласно требованиям природы. Таким образом, все, что совершается ими непроизвольно, совершается или случайно, или в силу требований природы, или по принуждению. А то, что делается ■людьми произвольно и причина чего лежит в них самих, делается ими одно по привычке, другое под влиянием стремления, и при этом одно под влиянием стремления разумного, другое — неразумного»[74].

Все действия человека делятся на непроизвольные и произвольные в зависимости от того, где находится основание действия: вне субъекта или в нем самом. Действия произвольные и действия волевые — понятия не тождественные. Волевыми являются только действия ло разумному стремлению. Оно называется намерением и является результатом тщательного взвешивания мотивов— делиберации. Волевые действия направлены на будущее. В них есть разумный расчет. Поэтому Аристотель говорит: «Движут по крайней мере две способности— стремление и ум»[75]. Ум размышляет о цели — достижима она для человека или нет, и о последствиях в •случае осуществления действия. Поэтому, где нет разума, там нет воли (у животных, малых детей, умалишенных). Волевое действие, столь тщательно рассчитанное, является свободным и ответственным. Поэтому в нашей власти как прекрасные действия, так и постыдные: порок и добродетель одинаково свободны, их психологический механизм одинаков.

[73] Современный философ Г. Х. Шингаров рассматривает учение Аристотеля о катарзисе как одно из первых указаний на бессознательные душевные состояния и метод сопереживания как способ их осознания, результатом которого является очищение/Бессознательное/Под ред. А. С. Прангишвили и др. Тбилиси, 1978. Т. I. С. 207.

[74] Античные риторики... С. 49.
[75] *Аристотель...* Т. 1. С. 441. .....

По существу, воля характеризуется Аристотелем как процесс, имеющий общественную природу; принятие решения связано с пониманием человеком своих общественных обязанностей.

О характере

Страстям (аффектам) как сильным движениям души Аристотель противопоставляет устойчивость характера. Характер выражает сущность человека. Аристотель дал описание душевных качеств — нравов — людей в соответствии с их возрастом, социальным положением, профессией. Характер не является природным свойством, его черты складываются как результат опытности.
Описываются с присущей Аристотелю конкретностью характерные черты, свойственные людям благородного происхождения, а также юности, старости, зрелому возрасту. Это учение было развито учеником Аристотеля Теофрастом (370—288 гг. до н. э.). В своем трактате «Характеристики» он выделил 30 характеров
(лицемер, льстец, болтун, деревенщина, низкопоклонный, нравственный урод, говорун, разносчик новостей, нахал, скупой, наглец» святая простота, навязчивый, нелюдим, суеверный, брюзга, недоверчивый, неряха, надоедала, тщеславный, сутяга, хвастун, гордец,. тр^с, аристократ, молодой старик, злоречивый, алтынник)
и дал их описание, основанное на наблюдении за поступками людей. Эти описания отличаются проницательностью и тонкостью наблюдений. Начатая им традиция получила развитие в эпоху Возрождения и Нового времени (Монтень, Лабрюйер, Ларошфуко).
Учение Аристотеля о душе, основанное на анализе огромного эмпирического материала, характеристика ощущения, мышления, чувств, аффектов, воли указывали на качественное отличие человека от животных — человека Аристотель определял как «существо общественное»[76]. Это учение преодолевало ограниченность де-мокритовской трактовки души как пространственной величины, которая движет телом, и выдвинуло новое понимание, согласно которому «...душа ... движет живое существо не так, а некоторым решением и мыслью»[77].

[76] *Аристотель...* Т. 4. С. 379.
[77] Там же. Т. 1. С. 381.

С некоторыми изменениями учение Аристотеля о душе господствовало до XVII в.

Учение античных врачей

Позиции материализма в античной психологии были укреплены успехами античных врачей в анатомии и медицине.
Врач и философ Алкмеон Кротонский (VI в. до н.э.) впервые в истории знания выдвинул положение о локализации мыслей в головном мозгу.
Гиппократ (ок.460—ок.377 до н.э.)—«отец медицины», в философии придерживался линии Демокрита и выступал как представитель материализма в медицине. Как и Алкмеон, Гиппократ считал, что органом мышления и ощущения является мозг. «И этой именно частью (мозгом) мы мыслим и разумеем, видим, слышим и распознаем постыдное и честное, худое и доброе, а также все приятное и неприятное ... удовольствия и тягость ... От этой же самой части нашего тела мы и безумствуем, и являются нам страхи и ужасы ... а также сновидения. И все это случается у нас от мозга, когда он нездоров и окажется теплее или холоднее, влажнее. или суше своей природы или вообще когда он почувствует другое какое-либо страдание, несообразное со своей природой и обычным состоянием ... А когда мозг находится в спокойном состоянии — тогда человека здраво мыслит»[78].
Наибольшую известность получило учение о темпераментах. По Гиппократу, основу человеческого организма составляют четыре сока: слизь (вырабатывается в мозгу), кровь (вырабатывается в сердце), желтая желчь (из печени), черная желчь (из селезенки). Различия в соках у разных людей объясняют и различия в нравах, а преобладание одного из них определяет темперамент человека. Преобладание крови — основа сангвинического темперамента (от лат. sanquis — кровь), слизи — флегматического (от греч. phlegma — слизь), желтой желчи — холерического (от греч. chole — желчь), черной желчи — меланхолического (от греч. melaina chole — черная желчь). Гиппократ производит классификацию человеческих типов на соматической основе. И. П. Павлов отмечал, что Гиппократ «уловил в массе

[т8] *Гиппократ.* Избранные книги. М., 1936. С. 509.

бесчисленных вариантов человеческого поведения капитальные черты»[79], и ссылался на него в своем учении о типах высшей нервной деятельности.
Античная медицина получила особенно интенсивное развитие в Александрии. По оценке Энгельса, «начатки точного исследования природы стали развиваться впервые лишь у греков александрийского периода»[80]. В Александрии некоторое время было разрешено вскрыг тие трупов «безродных» людей. Это способствовала важным открытиям, связанным с именами двух александрийских ученых-врачей — Герофила и Эразистрата. Ге-рофил, комментатор Гиппократа, врач Птолемея II,, впервые установил разницу между нервами, сухожилиями и связками. Он описал мозговые оболочки, желудочки мозга, которым придавал главное значение. Он же дал описание устройства глаза, описал его оболочки,, хрусталик. Эразистрат, выходец из Книдской школы,. подробно описал разные части головного мозга. Обратил внимание на извилины, связал богатство извилин; мозговых полушарий у человека с его умственным превосходством над животными.
Все эти анатомо-физиологические сведения периода эллинизма объединил и дополнил римский врач Галек (II в. до н. э.), автор сводного сочинения по медицинеанатомии и физиологии, которое было настольной книгой врачей вплоть до XVII в. Галену принадлежат открытия, связанные с выяснением строения и функций головного и спинного мозга. Предприняв серию опытов с перерезкой нервов, снабжающих различные мускулы, Гален пришел к выводу: «...врачами точно установлено, что без нерва нет ни одной части тела, ни одного» движения, называемого произвольным, и ни единого чувства»[м]. Также экспериментально Гален установил функции спинного мозга. При поперечной перерезке спинного мозга уничтожалась произвольная подвижность и чувствительность всех частей тела, лежащих ниже перерезки, при этом паралич наступал от нарушения передних корешков, потеря чувствительности — зад-

[79] *Павлов И. П.* Поли. собр. трудов: В 5 т. М.; Л., 1949. Т. III-
С. 525.
[80] *Маркс К, Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 20.
[81] Цит. по: *Лункевич В. В.* От Гераклита до Дарвина. Очерки по истории биологии: В 3 т. Т. 1. М.; Л., 1936. С. 168.

них. Таким образом, Гален различал по функции передние и задние корешки спинного мозга.
Ряд сочинений Гален посвятил головному мозгу. Критиковал аристотелевское понимание: мозг не является холодильником сердца, как думал Аристотель: он — седалище интеллекта и чувств.
Гален развил учение о темпераментах Гиппократа. Он выделял четыре начала всех вещей — теплое, холодное, сухое, влажное и четыре сока как строительный материал организма животных и человека. От комбинаций соков и начал зависят психические свойства и даже пол человека. Всего он выделял 13 темпераментов, из которых лишь один нормальный, а 12 — некоторое отклонение от нормы. Римский врач Аэций (V в. н. э.) описал четыре темперамента, которые традиционно называют гиппократовскими.
К разделу естественнонаучных относятся также знания о зрительном восприятии. Их сводку дал Александр Афродисийский (198—211), перипатетик, преподаватель философии в Афинах.
■

Дальнейшее развитие и итоги психологии в античности

В поздней античности психологические знания развивались в рамках различных течений идеалистической философии (гностицизма, иудейско-алек-сандрийской философии, неоплатонизма, патристики и др.). Их социальной базой был кризис рабовладельческого способа производства, который обусловил и новую концепцию человека в христианском мировоззрении.
В психологических системах античности душа отождествлялась с жизненным началом: в сферу душевных феноменов включались все процессы, обеспечивающие слаженную работу всех систем организма, в том числе пищеварение, дыхание и т. п. Внутренний мир еще не выделялся в качестве самостоятельного предмета исследования. Об этом писал Н. Н. Ланге: «в исследовании души те психические состояния, которые теснее связаны с окружающим миром, т. е. явления познания, стали раньше предметом рефлексии, чем те, которые определяются природой самого субъекта. Греческие мыслители много рассуждали о видах познания соответст-

венно объектам его, но понятие сознания почти игнорировалось ими»[82].
В то же время в описании познавательных процессов встречаются указания на внутреннюю жизнь как таковую. Уже Демокрит отмечал: «Тем самым способом, каким мы непосредственно

воспринимаем самих себя, мы непосредственно же постигаем, что в нас происходит по свободному выбору, а что — в силу внешнего воздействия»[83]. Платон в диалоге «Пир» в идеалистическом духе и в отвлеченной форме описывает переживание, которое испытывает душа в процессе познания. В диалоге «Теэ-тет» при обсуждении вопроса о чувственном познании Платон обращает внимание на деятельность души с идеями, полученными ею с помощью органов чувств. В мыслях Платона о диалогической форме мышления также выступает активная жизнь души. Аристотель в учении об общем чувстве отмечает, что с его помощью мы не только знаем что-либо об объектах, но и знаем, что мы ощущаем, мыслим и т. п., т. е. сознаем себя знающими. Особенно повышается интерес к внутреннему миру в идеалистических системах поздней античности — в неоплатонизме и патристике. В неоплатонизме у его основателя Плотина (205—270) развивается учение о происхождении души от мировой в процессе эманации (от лат.— истечение, исхождение) излучений творческой деятельности бога, которые образуют видимый мир с его последовательной — нисходящей — лестницей ступеней совершенства. Одной из ступеней на этой лестнице является душа как посредствующее начало между сверхъестественным миром и материальными явлениями, которые являются последней ступенью эманации. Плотин указывает на своеобразную природу души, которая проявляется в знании о себе самой. В этом признак человеческого духа. Аврелий Августин (354—430) вводит положение «я мыслю, следовательно, я есть», из которого выводится тезис о достоверности нашего существа. Августин погружается во внутреннюю жизнь, говорит о глубине и богатстве сознания: «Люди-отправляются в странствования, чтобы насладиться горными высотами и морскими волнами; они восхищаются широким

[82] *Ланге Н.* //. Психологические исследования. Одесса, 1893. С. 84.
[83] *Лурье С. Я.* Демокрит. Л., 1970. С. 222.

потоком рек, широтой и простором океана и звездными путями, себя же самих они забывают и не останавливаются в удивлении перед собственной внутренней жизнью»[84]. Существенно, что и у Плотина, и у Августина вывод о своеобразии сознания и о наличии особой внутренней жизни следует из разрешения задач религиозного характера. «Погружаясь в глубины своего внутреннего мира, августиновский субъект познания ищет там не оригинальные неповторимые черты и стороны своей личности, но следы объективной истины. Погружаясь в себя, он должен преодолеть все индивидуальное, относящееся к его личной неповторимости; в самопогружении он должен «превзойти самого себя» и выйти к абсолютной «трансцендентной» истине. Августиновский призыв: «Превзойди самого себя!» становится -лейтмотивом его концепции самопознания»[85]. Поэтому, когда Декарту, впервые осуществившему выделение особой духовной субстанции, признаком (атрибутом) которой является сознание, и выразившему эту идею в положении «cogito ergo sum» (мыслю, следовательно, существую), указывали, что оно встречается у Августина, он возражал: «Действительно, святой Августин пользуется им, чтобы доказать достоверность нашего существа и потом, чтобы доказать, что в нас есть некоторое подобие св. Троицы, ибо мы существуем, знаем, что существуем, и любим это бытие или знание. Я же пользуюсь им, чтобы показать, что Я, который мыслю, есть нематериальная субстанция, не имеющая ничего телесного, а это две совсем разные вещи»[86].

Интерес к воле, характерный для античной мысли в связи с этическими проблемами, особенно усиливается в поздней античности. В частности, в полемике между Августином и монахом Пелагием по проблеме человеческой свободы, инициативы среди душевных состояний Августин выделяет волю, которой приписывает решающую побудительную силу. Он различал две воли — плотскую и духовную. Действие плотской воли распространяется лишь на утилитарную деятельность в эмпирическом мире, она — причина греховных морально по-

[84] Цит. по: *Дессуар М.* Очерк истории психологии. Спб., 1912. С. 49.
[85] *Бычков В. В.* Эстетика Аврелия Августина. М., 1984. С. 57.
[86] Цит. по: *Любимов И.* Л. Философия Декарта. Спб., 1886. С. 148.

рочных действий. Другая — духовная — воля устремлена на жизнь в духе. «И две мои воли ... одна плотская, другая духовная боролись во мне, и в этом раздоре разрывалась душа моя»[87]. И только бог без всякого усилия со стороны самого человека может превратить его в высокоморальное существо. Пелагий учил о безграничной возможности человеческой воли. «Только то и есть благо, что мы никогда не находим и не теряем без нашей собственной на то воли»[88]. Для Августина «воля становится в конце концов решающим ядром человеческого

существа; в основе своей ... все роды деятельности внешних чувств и мышление суть волевые акты. Этот поворот в истории психологии охарактеризовали так: господствовавший раньше примат представлений вытеснен у Августина приматом воли»[89]. Августин также уделял большое внимание жизни чувств и сердца как в философском познании, так и в нравственно-практической жизни, особенно в деле религиозного служения. Сведения о душе и ее процессах, накопленные античными мыслителями, послужили «отправным пунктом и предпосылкой последующей эмпирической работы»[90].

Глава II

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

История средних веков охватывает длительный период: с V в. по XVI в. и первую половину XVII в. В марксистско-ленинской исторической науке он определяется как эпоха возникновения, развития и упадка феодальной социально-экономической формации. Рубежом между средними веками и Новым временем в советской историографии считается первая буржуазная революция, имевшая общеевропейское значение и положившая начало господству капиталистиче-

[87] *Бычков В. в.* ... с. 20.

[88] *Пелагий.* Послание к Деметриаде//Эразм Роттердамский. Философские произведения. М., 1986. С. 610.

[89] *Дессуар М.* Очерк истории... С. 49.

[90] *Ярошевский М. Г.* История психологии. М., 1985. С. 87.

ского строя в Западной Европе,—английская революция 1640—1660 гг.

Общая направленность исторического процесса зарождения, развития и упадка феодализма своеобразноосуществлялась в истории разных народов. Так в средние века произошел процесс выхода различных арабских племен на арену всемирной истории и их распространения по огромной части Старого Света — от Аравийского--полуострова до берегов Атлантики, с одной стороны, и до Индонезии — с другой; образовался ряд арабских народностей, создавших свои государства. В истории русского народа средние века были временем сплочения и объединения ряда восточнославянских племен и образования восточнославянского государства, которое в--XVI в. становится могучей державой, перешагнувшей через Урал и положившей начало многонациональному-объединению.

В средние века в рамках общей истории Восток долгое время играл передовую роль. На Востоке феодализм-начал складываться раньше, чем на Западе. Китайская,. индийская, арабская, иранская, среднеазиатская культуры в этот период развились раньше, чем на Западе. Однако на Востоке возникли и развились такие условия, которые стали постепенно задерживать исторический процесс, замедлять развитие капиталистических элементов. В результате в определенный момент средних веков центр тяжести в поступательном развитии человечества в Старом Свете стал перемещаться с Востока на Запад. Изучение истории средних веков в мировом масштабе позволяет объяснить ход исторического процесса-и в Новое время.

В истории средние века получили крайне противоречивую характеристику. Так, гуманисты видели в средних веках (они и дали этот термин «средние века») время темноты и невежества, из которого, как им казалось, человечество могло вывести обращение к лучезарной древности. От такой односторонней оценки предостерегал Ф. Энгельс: «... на средние века смотрели как на простой перерыв в ходе истории, вызванный тысячелетним всеобщим варварством. Никто не обращал внимания на большие успехи, сделанные в течение средних веков: расширение культурной области Европы, образование там в соседстве друг с другом великих жизнеспособных наций, наконец, огромные технические успехи

IXIV и XV веков»[1]. Действительно, эпоха средневековья выдвинула плеяду великих людей, которыми гордится человечество. Это первые провозвестники еще смутных коммунистических идей (Томас Мюнцер), вожди народных масс (Уот Тайлер, крестьянское восстание .XIV в. в Англии), родоначальники утопического социализма (Томас Мор и Томмазо Кампанелла), великие мыслители и философы (Пьер Абеляр, Роджер Бэкон, Авиценна, Аверроэс, Ян Гус, Николай Коперник, Джор-,дано Бруно, Галилео Галилей), глава реформации в Германии, реформатор образования, языка М. Лютер, гениальные поэты и писатели (Омар Хайям, Низами, Данте, Петрарка, Боккаччо, Рабле, Шекспир, Сервантес), выдающиеся художники (Джотто, Рафаэль, Ми-

келанджело, Леонардо да Винчи, Андрей Рублев, Дюрер, Рубенс, Рембрандт). «Можно вспомнить также готическую архитектуру, зодчество и скульптуру буддийских храмов, мавританские дворцы и сады. Можно подумать и о лучезарной поэзии трубадуров миннезингеров, о рыцарском эпосе и романе, о жизнерадостных, брызжущих юмором народных фарсах, о захватыва-чющих массовых зрелищах — мистериях, мираклях и о многом другом, представленном в культуре и Запада, и Востока»[2]. Анализируя разнообразный материал, в том числе произведения искусства и литературы средневековья, А. Я. Гуревич сделал вывод о том, что в эту эпоху складывается понятие о личности (Боэций — VI в., Ф. Аквинский — XIII в., Дуне Скот — XIII в., Данте — ГХШ—XIV вв.). Оно раскрывается исходя из условий бытия средневекового человека, выявляется специфика его личности в отличие от личности человека Нового времени не только в плане отсутствия каких-то черт, но и положительном смысле как обладающей такими чертами, которые позже были утрачены[3].

Вначале связь с античным миром была сильна. Образование строилось на основе изучения античных авторов-философов, а также естественнонаучных данных Гиппократа, Аристотеля, Галена. Затем знание приходит в полный упадок, над умами царит авторитет церкви. Перестает существовать природоведение, ибо все ес-

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 287—288.

[2] *Конрад Н. И.* Запад и Восток. М., 1972. С. 256.

[3] *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М, 1984.

тественное предается анафеме. Появляются профессорамистики и каббалистики, процветают алхимия, астрология. В силу этого время с V в. по XIII в. называют «темными» годами. В средние века сложились мировыерелигии: буддизм — в Восточной, Центральной и отчасти Средней Азии, ислам — в Средней и Передней Азии и Северной Африке, христианство — в Европе и отчасти˙ в Передней и Средней Азии. Конечно, буддизм и христианство зародились и получили свое развитие еще в, древнем мире, но только в период средневековья они-превратились в религии мирового масштаба. Оказалось,. что именно феодализм обусловил возможность приобретения религией такого исключительного положения.. Новый базис в первое время нуждался в такой надстройке, которая помогла бы ему укрепиться: буддизм,. христианство и ислам составили тогда именно такую» надстройку, и притом всеобъемлющего характера: «Мировоззрение средних веков было по преимуществу теологическим. Духовенство было к тому же единственным образованным классом. Отсюда само собой вытекало, что церковная догма являлась исходным пунктом^ и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия — все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»[4].

Важнейшим институтом религии была церковь. Средневековье вошло в историю как время безоговорочного' подчинения авторитету церкви, удушения мысли, мрачного аскетизма наряду с безудержным мистицизмом, гонений, пыток, костров инквизиции.

Специфический характер религии в средние века и ее особая роль являются общим фактором истории средних веков всех стран Старого Света. Но при всей общности этого явления нельзя упускать значительные различия в сферах и степени влияния религии на идеологию и общественную жизнь в разных странах. Так, в Китае буддизм даже во времена своего могущества не' играл такой роли в общественной и государственной жизни, какую имело католичество в западноевропейских странах. Просвещение и образование в Китае находились-в руках конфуцианцев, т. е. представителей светского просвещения. Буддийские трактаты не были учебника^ ми в этих школах.

[4] *Маркс К-, Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 495.

В XI—XIII вв. происходит развитие городов и нахождение буржуазии. Возникают университеты, которые, -однако, в это время являются опорой схоластов и духовенства. В результате образование, как и духовная . жизнь, вылилось в схоластические словопрения. Вместо .природы занимались изучением церковной литературы и некоторых произведений античности, особенно «Органона» Аристотеля — для оттачивания логического аппарата в целях доказательства верований религии. Это продолжалось до конца XIV в., пока дух Возрождения не положил конец всяким схоластическим абстракциям, а церковь должна была пойти на уступки и объединить этические религиозные идеалы с усиливающимися есте--ственнонаучными установками общества.

С XIII в. начинает развиваться научная деятельность во всех областях знания, происходит процесс

отделения -области веры и знания и рождения светской опытной науки. Первыми на этом пути были науки о природе — естествознание, астрономия и математика. Именно поэтому их развитие имело поистине революционное значение, поскольку было признаком начала освобождения из-под власти религии.

Психология в средние века приобретает этико-теоло-гический мистический характер. Развитие положительных знаний о психике резко замедлилось. Изучение душевной жизни подчиняется задачам богословия: показать, как дух человека понемногу возвышается до царства благодати. «Работа под знаком такого определения цели совершалась в долгий промежуток времени .между наивысшими стадиями развития патристики и -схоластики (400—1250), отчасти в направлении, намеченном Августином и мистическими течениями, отчасти -в связи с исследованием познавательных процессов»[5].

Вместе с тем накапливается некоторый конкретный материал об анатомо-физиологических особенностях че-.ловеческого организма как основах душевной жизни. Особенно следует отметить деятельность арабов и мыслителей, писавших на арабском языке (IX—XIII вв.). Крупнейшими представителями здесь являются Авиценна (Ибн-Сина), Альгазен, Аверроэс (Ибн-Рушд). Историческая заслуга прогрессивной арабоязычной культуры состоит также в том, что она вернула народам Евро-

[5] *Дессуар М.* Очерк истории психологии. Спб., 1912. С. 51. г64

пы греческую философию и развила ее дальше, подготовив материализм XVIII в.[6] В трудах этих ученых проводится мысль об обусловленности психических качеств естественными причинами, о зависимости психики от условий жизни, воспитания. Отвергается бессмертие индивидуальной души. Авиценна дал более точное, чем Гален, описание связи процессов ощущения и мышления с мозгом, наблюдая за нарушениями при ранениях мозга. Духовные силы не существуют сами по себе, а нуждаются в органе, в телесном субстрате. Им является мозг. Альгазен в «Оптике» развивает учение об ощущении. Впервые обращает внимание на длительность психических актов, указывает на то, что между раздражением чувствующего аппарата и самим ощущением должен пройти известный промежуток времени, необходимый для передачи возбуждения по нервным проводникам. Аверроэс «не остановился перед объявлением теснейшей связи между состояниями сознания и физиологическими явлениями; некоторые силы души он прямо называл продуктами телесных органов»[7]. Он развил учение Аристотеля о пассивном и активном разуме. В целом арабоязычные мыслители «способствовали восстановлению психобиологии, отчасти утверждению господства аристотелевской психологии, ставшего с XIII в. абсолютным»[8].

В духовной жизни европейского феодализма важным направлением, с которым также было связано развитие психологических знаний, был номинализм. Это учение развивалось в обстановке борьбы с другим философским течением — реализмом. Оба течения существовали в рамках схоластики. Между ними возникает <:пор по вопросу о реальности общего и об отношении общего к единичному. Спор шел о том, самостоятельно ли существует общее, обладает ли отдельным бытием или существует в единичных чувственных вещах, обладает ли оно телесной природой или бестелесно.

В форме якобы логического спора об универсалиях ставились коренные вопросы философии и психологии познания; что чему предшествует — объективные, чувственно воспринимаемые вещи общим идеям или, наобо-

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 346. *Двссуар М.* Очерк истории... С. 57. Там эке. С. 55.

рот, идеи — вещам; идет ли человеческое познание от ощущений, отражающих вещи, к понятиям или от понятий— к вещам. Господствующей в средние века была позиция объективного идеализма. В этих условиях номинализм явился «...первым выражением материализма»[9].

Из растущего влияния исследований природы, математических, астрономических исследований выделился вопрос: вера или знание? В эти бурные прения вмешалась церковь в лице крупнейших служителей — Альберта Великого и Фомы Аквинского.

Фома Аквинский (1226—1274)—самый видный схоласт, система которого стала ведущим направлением католицизма. Современные последователи этого-учения — неотомисты — представляют одно из самых влиятельных течений буржуазной философии наших дней. Фома Аквинский решал задачу поддержания религиозного мировоззрения в условиях зарождающейся тяги к объяснению природы и ее опытному изучению. В психологии папский престол поручил Фоме борьбу против восстановленного аверроистами учения Аристотеля за Аристотеля в его

христианской интерпретации. Фома Аквинский учил, что душа одна. Она обладает бытием, отдельным от тела (хотя и помещается в теле), нематериальным и индивидуальным. Душа выступает источником движения тела. Различаются способности, свойственные душе как таковой (разум (нус), воля), а также растительные (вегетативные) и животные функции. Растительная и животные функции нуждаются в теле для деятельности в земной жизни. Соотношение между душой и телом рассматривается как соотношение формы и материи. Но учение о материи и форме изменяется. Различаются чистые формы в бестелесном мире и формы, осуществляющиеся лишь в материи. Человеческая душа — низшая из тех чистых форм (поэтому она бессмертна) и высшая из форм второго рода (поэтому она — принцип всей органической жизни).. Благодаря такому расчленению понятий душа получает значение узлового пункта в мироздании, а человекувыпадает на долю почетное призвание — соединить в. себе оба круга бытия. Душа, которая причисляется к чистой форме, замкнута в себе, ее не касается разруше-

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 142.

ние тела. Она бессмертна. Но природа ее не вполне божественна. Об этом свидетельствует процесс познания, который не есть чисто духовный процесс (как у Платона).

В учении о познании различаются человеческое «естественное» познание и «сверхъестественное», основа для религиозной веры, откровение. Естественное познание — это познание истины посредством чувств и интеллекта. В нем различаются два уровня. Первый уровень образует познание через внешние и внутренние познавательные органы. Внешние органы — это органы чувств. Восприятие начинается воздействием какой-либо вещи. Этот процесс нельзя считать, как думал Демокрит, материальным. Образы, воспринимаемые чувствами, суть бестелесные впечатления души, лишены материи — в особой форме интенциональности. В них открываются чувственные свойства отдельных вещей. Ощущение является актом телесного органа — глаза, уха и т. п. Дает знание о единичном. Чувственный образ есть подобие единичного предмета. В этом, а также в том, что он не охватывает сущности, проявляется ограниченность восприятия. Внутренние познавательные органы — это, во-первых, общее чувство, здесь происходит группировка впечатлений от внешних чувств; во-вторых, воображение— это склад, где сохраняются все восприятия; в-третьих, память; в-четвертых, орган суждения, который воздействует на чувственные органы познания, добывая из представлений неизменное содержание — сущность вещей. Это преддверие второго уровня познания — интеллектуального. Интеллект не является актом какого-либо телесного органа. Через интеллект познаем сущности, которые хотя и существуют в материи, но познаются не постольку, поскольку они даны в материи, а как абстрагированные от материи через интеллектуальное созерцание. Интеллект расширяет человеческое познание, превышает ощущение, поскольку может воспринимать вещь обобщенно, в ее родовом естестве. В самом интеллекте различается ряд ступеней. На каждой из них происходит все большее отвлечение от материального объекта, пока, наконец, не обнаруживается область имматериальных субстанций, т. е. таких сущностей, которые существуют без всякой материи (и отражают ее в виде понятий бытия, единого, потенции, акта), иными словами — бог. Бог есть высшая и конечная

цель познания: познается путем откровения. Отстаивание абсолютной необходимости откровения как основы религиозной веры и утверждение превосходства церковных авторитетов над разумом приводят к тому, что разум оказывается на службе у веры. Будучи не в состоянии доказать истинность религии, разум в силах оградить ее от нападок и сделать истину церковного учения понятной.

Отрицая врожденное знание, Фома Аквинский вместе с тем признавал прирожденность ряда основных понятий (математические аксиомы и т. п.), которые называл зародышами знаний, принципами познания, вложенными самим Богом.

В качестве одного из механизмов познания у Фомы Аквинского выступает специальная операция сознания — интенциональность. В человеческой душе есть какая-то сила, интенция, «внутреннее слово», которое придает определенную направленность (интенциональность) акту восприятия и познанию в целом. Интенциональность как активность и предметность познания есть внутреннее свойство человека, прирожденное ему. Учение об интен-циональности идеалистически объясняет активный характер процесса познания.

Обладание разумом и возникающей на его основе свободной волей делают человека

ответственным за свои поступки, ибо он в состоянии выбирать между добром и злом. Разум имеет примат над волей: нельзя желать того, что до этого не признано разумом. Но воля иногда может побуждать к познанию. Впрочем, конечным источником свободных человеческих решений, согласно Фоме Аквинскому, является не сам человек, а бог, который вызывает в человеке стремление поступать так, а не иначе. Дуне Скот (1265/1266—1308) и В. Ок-кам (1300—1349/1350) ставили деятельность воли выше разума. Оккам особенно известен положением, получившим название «бритва Оккама», направленным против умножения принципов, привлекаемых для объяснения различных явлений. Борясь с психологической конструкцией, данной Фомой Аквинским, в которой в душе человека различаются множество душевных способностей (сил, органов), он рассматривает единую душу. Разнообразие направлений в деятельности единой души достаточно объясняет различие ее функций, а то, что называют душевными силами (органами, способностя-

68

ми),— это разные названия для различных актов одной души. В мистицизме М. Экхарта (XIII — начало XIV в.) развиваются мысли о душевных силах познания и воли, единство которых дает ту целостность, которая внедрена в человека богом. Она открывается в религиозном переживании как «искорка» от первоначального божественного света в человеке. Позже мистик XVII в. Я- Бёме причудливо сплетает божественное, душевное и телесное бытие. Он говорит о «муках материи». В этих положениях приоткрывается специфическое» исторически определенное понимание личности в средние века. Интерес к человеку был характерен для средневекового Китая. Особенно большое внимание психическому совершенствованию человека уделялось в философии чань-буддизма[10]. К душевному самоанализу были направлены также такие формы религиозных обрядов, как исповедь (введена в начале XIII в.), молитва, аскетизм.

Искателем новых путей в науке, предтечей эпохи Возрождения был Роджер Бэкон (1214—1292). В спорах со схоластами он провозгласил значение опытов и наблюдения в познании. Однако опыт, по Бэкону, дает возможность познавать тело, но он бессилен познать душу. Для познания души нужно нечто другое, особый род вдохновения, некое внутреннее просветление, позволяющее постигать то, чего не может открыть чувственное восприятие. У Бэкона дается большой материал о зрительных нервах и зрительном восприятии, которое он объясняет из общих законов распространения, преломления и отражения света. Естественнонаучное направление, развиваемое Р. Бэконом и некоторыми другими учеными, было важной линией развития материалистических идей средневековой философии.

В XIV в. в Италии начинается новая эпоха Возрождения, создавшая в дальнейшем великий расцвет цивилизации во всей Европе. При переходе средневекового феодального общества в новую фазу его развития, когда в этом обществе стали вырисовываться элементы новых для того времени отношений — раннекапиталисти-ческих, вновь проявилось влияние античности. К XIV в. относится деятельность величайших гуманистов —

[10] *Абаев Н. В.* Чань-буддизм и культура психической деятельности в Средневековом Китае. Новосибирск, 1983.

69

А. Данте (1265—1321), Ф. Петрарки (1304—1374), Д. Боккаччо (1313—1375). Здесь большой интерес к человеку, к его переживаниям. По словам Я. Буркхард-та (1818—1897), происходит «открытие человека». Ко-люччо Салютати (1331—1406) и Леонардо Бредни (1369—1444), последователи Петрарки, пустили в ход слово humanitas как то свойство человека, которое определяет его человеческое достоинство и влечет к знанию'[11].

В их творениях искусство освобождается от религиозного содержания. По существу, это поэтическое изображение идей. Данте в «Божественной комедии», Боккаччо в новеллах, Петрарка в сонетах и канцонах обрушиваются с сокрушительной критикой на алхимию, астрологию, магию, мистику и аскетизм. Важнейшее изобретение XV в. (1440 год, И. Гутенберг, Германия) — книгопечатание — сделало реальной выполнение гуманизмом своей просветительской задачи. Гуманисты занимаются изданием классической античной литературы.

Важнейшей особенностью эпохи Возрождения является возрождение естественнонаучного направления, развитие науки и рост знаний. Возникает натурфилософия, свободная от непосредственного подчинения религии (Дж. Бруно, Б. Телезио, П. Помпонацци). В этот период наука рождается не в стенах университетов, а в мастерских художников, скульпторов, граверов, архитекторов, которые были также инженерами, математиками, техниками. Эти мастерские стали настоящими экспериментальными лабораториями. Здесь соединялись теоретическая работа и

опыт. Именно деятельность художников положила начало новым проблемам механики, оптики, анатомии, и других наук. В условиях социальных требований к художникам того времени они должны были знать все эти отрасли искусства, должны иметь знания по сооружению больших конструкций. Для осуществления задачи реалистического изображения было необходимо установление правил перспективы и колорита в живописи. Возникла необходимость в научном объяснении, а не только в наблюдательности, опытности и одаренности, в привлечении на помощь искусству оптики и механики, математики, анатомии. Эта необходи-

[11] *Конрад Н.* Я. Запад и Восток. М, 1972. С. 221. 70

мость отыскания правил перерастает в работу по открытию законов природы.

XVI век — время великих открытий в области механики, астрономии, математики. Н. Коперник (1473—1543), И. Кеплер (1571—1630), Дж. Бруно (1548—1600), Г. Галилей (1564—1642) стоят у истоков классической науки Нового времени. Их значение состоит в том, что они доказали: необходимо анализировать действительные явления, процессы и вскрывать законы, руководствуясь предположением, что природа повинуется самым простым правилам. Необходимо изгнать анимистические представления из понятий о движении и силе. Начинается систематическая работа теоретического научного мышления.

Из всех областей естественнонаучного направления следует особо отметить развитие в разных странах медицины, анатомии и физиологии человека. А. Парацельс (1493—1541) выступил с новой теорией о природе человеческого организма и методах лечения болезней. В анатомии Андрей Везалий (1514—1564) выпустил фундаментальный труд «О строении человеческого тела». Книга пришла на смену анатомии Галена, в которой было много ошибок, ибо он судил о строении тела человека на основании данных, которые черпал при анатомировании обезьян и собак. Непрерывно росло число вновь открываемых частей тела. Итальянские современники Везалия — Г. Фаллопий, Б. Евстахий, И. Фабриций из Аквапенденте и др. делают ряд открытий, которые навсегда вошли в анатомию под их именами.

Важное значение имели работы врача и мыслителя Мигеля Сервета (1509/1511/—1553), его идеи о малом круге кровообращения. Новая эпоха в анатомии, физиологии и эмбриологии началась работами М. Мальпиги (1628—1694) и работами по экспериментальной физиологии. В. Гарвей в 1628 г. решил проблему кровообращения.

Так постепенно складывалось познание путем опыта, которое приходило на смену догмам и схоластике.

Немецкие схоласты Р. Гоклениус и О. Кассман впервые ввели термин «психология» (1590). Это указывает на возросший интерес к психологическим вопросам и позволяет понять успехи психологического анализа в XVII в. у Ф. Бэкона и Р. Декарта.

Глава III

ПСИХОЛОГИЯ Ф. БЭКОНА И ЗАВЕРШЕНИЕ ЭТАПА РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ В РАМКАХ УЧЕНИЯ О ДУШЕ

В связи с развитием анатомических и физиологических знаний о строении и работе тела, великими открытиями и изобретениями в различных областях науки и техники понятие души становится излишним для объяснения большей части явлений жизнедеятельности тела. Ф. Бэкон (1561—1626) намечает новую линию исследования души. Он отказывается от изучения наиболее общих вопросов, касающихся природы души, и призывает перейти к эмпирическому описанию ее процессов (способностей). Эти два шага, сделанные Бэконом,— исключение из состава души органических функций и отказ от изучения души как особого предмета, требование перейти к описанию ее процессов — подготавливали отмирание науки о душе и вместе с тем создавали предпосылки для становления новой науки о сознании.

Бэкон развивает идеи о единой науке о человеке, составной частью которой является и психология. «Эта наука для человека составляет цель всех наук и в то же время лишь часть самой природы»[1]. Вообще «все деления наук должны мыслиться и проводиться таким образом, чтобы они лишь намечали или указывали различия наук, а не рассекали и разрывали их...»[2].- Это требование звучит актуально и сегодня в связи с задачами комплексного изучения человека. Учение о человеке, по Бэкону, состоит из двух частей. «Одна из них рассматривает человека как такового, вторая — в его отношении к обществу. Первую из них называем философией человека, вторую — гражданской философией»[3]. Характерно, что в философии человек рассматривается в отвлечении от общественно-экономических условий его существования: Бэкон подходит к человеку натуралистически. В соответствии с час-

■ *Бэкон Ф.* Соч.: В 2 т. М., 1971. Т. 1. С. 251.

[2] Там же. С. 252.
[3] Там же.

тями, из которых состоит человек (тело и душа), выделяются науки о теле и науки о душе. Прежде, чем рассмотреть каждую из них, Бэкон выделяет общие вопросы, охватывающие как тело, так и душу. Это учение о личности и учение о связи души и тела. В учении о личности на примерах выдающихся исторических деятелей рассматриваются высшие проявления человеческих возможностей: выдающаяся память, чудеса мудрости, моральной стойкости и т. д. Учение о союзе души и тела включает вопросы: определение душевного состояния по внешним проявлениям (физиогномика), толкование снов, влияние болезненных состояний тела на душевную деятельность и, наоборот, души на тело. Этим вопросам Бэкон уделяет внимание в связи с их полезностью в повседневной жизни. К их решению он подходит материалистически. К наукам о теле относятся: медицина, косметика, атлетика и наука о наслаждениях. Их характеристика направлена на выделение всего, что способствует здоровой жизни.
Учение о душе включает науки о рациональной божественной душе или духе и о чувствующей нерациональной, общей человеку и животным, природа которой телесна. В разделении души на боговдохновенную и чувствующую проявляется теологическая непоследовательность Бэкона, характерная, по оценке Маркса, для всей философии Бэкона. В каждой душе Бэкон выделяет ее способности (функции). Для чувствующей души это способности ощущения и выбора, т. е. стремление к благоприятным и избегание неблагоприятных обстоятельств, и произвольные движения. Способность ощущения и выбора, по Бэкону, имеют все тела: например, железу приписывалась особая симпатия — стремиться к магниту, плотным и тяжелым телам — влечение к земле. От нее следует отличать восприятие как функцию души. Однако критерия, позволяющего произвести это различение, Бэкон не дает. Способности рациональной души — это разум (или интеллект), рассудок, воображение, память, желание (или влечение), воля. Науки о душе должны исследовать ихпроисхождение, способы их развития и укрепления.
Наиболее подробно Бэкон рассматривает проблемы познания. Он исходит из признания объективности существующего мира. По характеристике Маркса, «материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском

всему человеку»[4]. Чувства являются исходным элементом познания, но они не обеспечивают всего познания. Данные чувств должны обрабатываться разумом. Критикуется догматизм, когда, подобно пауку, тянут паутину мыслей из самих себя. Необходим союз опыта и рассудка. По характеристике Маркса, у Бэкона «наука есть опытная наука и состоит в применении рационального метода к чувственным данным»[5]. Анализ познавательных возможностей человека приводит Бэкона к выводу о том, что познание подвержено глубочайшим заблуждениям, которые обманывают не в частных вопросах, но на каждом шагу как бы расставляют ловушки разуму. Эти заблуждения Бэкон обозначает словом '«идолы». «Ведь человеческий ум, затемненный и как бы заслоненный телом, слишком мало похож на гладкое, ровное чистое зеркало, не искаженно воспринимающее и отражающее лучи, идущие от предметов; он подобен скорее какому-то колдовскому зеркалу, полному фантастических и обманчивых видений. Идолы действуют на интеллект или в силу самих особенностей общей природы человеческого рода, или в силу индивидуальной природы каждого человека, или как результат слов, т. е. в силу особенностей самой природы общения. Первый вид мы обычно называем идолами рода, второй— идолами пещеры и третий — идолами площади. Существует еще и четвертая группа идолов, которые мы называем идолами театра, являющимися результатом неверных теорий или философских учений и ложных законов доказательства. Но от этого типа идолов можно избавиться и отказаться... Идолы же остальных видов всецело господствуют над умом и не могут быть полностью удалены из него»[6]. Препятствия, стоящие на пути человеческого познания, могут быть либо врожденными, либо приобретенными. Как они ни могущественны, они преодолимы, и познание объективной истины возможно. Встает вопрос о средствах освобождения от заблуждений. Подобно тому как в практической деятельности, «если бы люди взялись за механические работы голыми руками без помощи орудий... то невелики были бы те вещи, которые они смогли бы подвинуть и
[4] *Маркс К., Энгельс* Ф. Соч. Т. 2. С. 142.
[5] *Маркс К, Энгельс* Ф. Соч. Т. 2. С. 142. [в] *Бэкон* Ф. Соч. Т. 1. С. 322—323.

преодолеть, хотя бы они посвятили этому усердные и притом соединенные усилия»[7], так и

познающий ум должен быть надежно вооружен. «Голая рука и предоставленный самому себе разум не имеют большой силы. Дело совершается орудиями и вспоможениями, которые нужны не меньше разуму, чем руке. И как орудия руки дают или направляют движение, так и умственные орудия дают разуму указания или предостерегают его»[8]. Главным орудием познания, по Бэкону, является метод» «самая важная проблема из всех существующих». Методом, адекватно раскрывающим природу, Бэкон считает научную индукцию. Его заслуга состоит в том, что он возвел индукцию в общую теорию, выявил правила перехода от частного к общему. Учение Бэкона оказало огромное влияние на все науки и сделало его родоначальником эмпирической науки. Именно логика вместе с экспериментом выступает у Бэкона орудием, которое вооружает методом научного исследования.

Слова Бэкона о необходимости вспомогательных средств в процессе познания неоднократно сочувственно приводятся Л. С. Выготским[9]. По вопросу о том, в каком отношении к психологии мышления находится логика и может ли быть логика единственным или главным критерием мышления, в современной психологии существует большая дискуссия'[10].

[7] *Бэкон Ф.* Соч. Т. 2. М., 1972. С. 8.

[8] Там же. С. 12.

[9] *Выготский* Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 448.

[10] См.: *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.

Раздел второй

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РАМКАХ ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИИ О СОЗНАНИИ

Глава I

ВЫДЕЛЕНИЕ СОЗНАНИЯ КАК КРИТЕРИЯ ПСИХИКИ

С именем Декарта (1596—1650) связан важнейший этап в развитии психологических знаний. Своим учением о сознании, развиваемым в контексте им же поставленной психофизической проблемы, он ввел критерий для выделения психики из существовавшего до него аристотелевского учения о душе. Психика стала пониматься как внутренний мир человека, открытый самонаблюдению, имеющий особое — духовное— бытие, в противопоставлении телу и всему внешнему материальному миру. Их абсолютная разнородность— главный пункт учения Декарта. Последующие системы были направлены на эмпирическое изучение этого нового объекта исследования (в понимании Декарта) сначала в рамках философии, а с середины XIX в.— в психологии как самостоятельной науке. Декарт ввел понятие рефлекса и этим положил начало естественнонаучному анализу поведения животных и части человеческих действий.

В системе Декарта ее философские и психологические аспекты представлены в неразрывном единстве. «Страсти души» — последнее произведение, законченное Декартом незадолго до смерти, принято считать собственно психологическим.

Рассуждения о душе и о теле не были исходными в философии и в научных исследованиях Декарта, направленных на природу. В них он стремился к построению истинной системы знания. Убедившись, что в философии и в других науках нет каких-либо прочных оснований, Декарт избирает в качестве первого шага на пути к истине сомнение во всем, по поводу чего можно обнаружить малейшее подозрение в недостоверности, замечая, что его следует приме-

«five не всегда, а только «тогда, когда мы задаемся дел^ю созерцания истины»'[1], т. е. в области научного исследования. В жизни мы часто пользуемся лишь правдоподобными— вероятными — знаниями, которых вполне достаточно для решения задач практического характера. Декарт подчеркивает новизну своего подхода: впервые систематическое сомнение используется как методический прием в целях философского и научного исследований.

В первую очередь Декарт сомневается в достоверности чувственного мира, т. е. «в том, имеются ли среди тех вещей, которые подпадают под наши чувства, или которые мы когда-либо вообразили, вещи, действительно существовавшие на свете»[2]. О них мы судим по показаниям органов чувств, которые часто обманывают нас, следовательно, «неосмотрительно было бы полагаться на то, что нас обмануло хотя бы один раз»[3]. Поэтому «я допустил, что нет ни одной вещи, которая была бы такова, какой она нам представляется»[4]. Так как в сновидениях мы воображаем множество вещей, которые мы чувствуем во сне живо и ясно, но их в действительности нет; так как существуют обманчивые чувства, например, ощущение боли в ампутированных конечностях, «я решился представить себе, что все, что-либо, приходившее мне на ум, не более истинно, чем видения моих снов»[5]. Можно сомневаться «и во всем остальном, что прежде полагали за самое достоверное, даже в математических доказательствах и их

обоснованиях, хотя сами по себе они достаточно ясны,— ведь ошибаются же некоторые люди, рассуждая о таких вещах»[6]. Но при этом «столь нелепо полагать несуществующим то, что мыслит, в то время, пока оно мыслит, что невзирая на самые крайние предположения, мы не можем не верить, что заключение: я мыслю, следовательно, я существую истинно и что поэтому есть первое я вернейшее из всех заключений, представляющееся тому, кто методически располагает свои мысли»[7]. Вслед

[1] *Декарт* Р. Избранные произведения. М.f 1950. С. 426.
[2] Там же. С. 431. » Там же. С. 427.
[4] Там же.
[5] *Декарт* Р. Рассуждение о методе. М., 1953. С. 33.
[6] *Декарт* Р. Избранные... С. 427.
7 Там же. С. 428. : '.

за выводом о существовании познающего субъекта Декарт приступает к определению сущности «Я». Обычный ответ на поставленный вопрос — я есть человек — отвергается им, ибо приводит к постановке новых вопросов. Также отклоняются прежние, восходя к Аристотелю, представления о «Я» как состоящем из тела и души, ибо нет уверенности — нет теоретического доказательства— в обладании ими. Следовательно, они не необходимы для «Я». Если отделить все сомнительное, не остается ничего, кроме самого сомнения. Но сомнение — акт мышления. Следовательно, от сущности «Я» неотделимо только мышление. Очевидность этого положения не требует доказательства: она проистекает из непосредственности нашего переживания. Ибо даже если согласиться, что все наши представления о вещах ложны и не содержат доказательства их существования, то с гораздо большей очевидностью из них следует, что я сам существую.
Таким образом, Декарт избирает новый способ исследования: отказывается от объективного описания «Я» и обращается к рассмотрению только своих мыслей (сомнений), т. е. субъективных состояний. При этом в отличие от задачи, стоящей перед предыдущим изложением, когда целью было оценить их содержание с точки зрения истинности заключенных в них знаний об объектах, здесь требуется определить сущность «Я».
«Под словом «мышление» (cogitatio) я разумею все» что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но также чувствовать означает здесь то же самое^ что мыслить»[8].
Мышление — это чисто духовный, абсолютно бестелесный акт, который Декарт приписывает особой нематериальной мыслящей субстанции. Этот вывод Декарта встретил непонимание уже у современников. Так, Гоббс указывал, что из положения «я мыслю» — можно скорее вывести, что вещь мыслящая есть нечто телесное, чем заключать о существовании нематериальной субстанции. На это Декарт возражал: «...нельзя представить себе, чтобы одна субстанция была субъектом фигуры, другая — субъектом движения и пр., так как все эти акты сходятся между собой в том, что предполагают про-

[8] *Декарт Р.* Избранные... С. 429.

тяжение. Но есть другие акты — понимать, хотеть, воображать, чувствовать и т. д., которые сходятся между собой в том, что не могут быть без мысли или представления, сознания или знания. Субстанцию, в коей они пребывают, назовем мыслящей вещью, или духом, или иным именем, только бы не смешивать ее с телесной субстанцией, так как умственные акты не имеют никакого сходства с телесными и мысль всецело отличается от протяжения»[9].
В ответе другому лицу Декарт замечает: «...можно недоумевать, не одна ли это и та же натура, которая и думает и пространство занимает, т. е. которая вместе и духовная и телесная, но путем, мною предложенным, мы познаем ее только как духовную» [10]. Качественное различие разных свойств материи превращается в отрыв некоторых из них от материи, что и воплотилось в разделение всего существующего на две субстанции[н]. Этот идеалистический вывод явился следствием метафизического способа рассуждения. Сознание Декарт описывает в противопоставлении телу, с которым отождествляет материю и дает геометрическое представление о материи. В основе физической теории Декарта лежит идея о тождестве материи и протяжения. «Природа материи, т. е. тела, рассматриваемого вообще, состоит не в том, что оно вещь твердая, тяжелая, окрашенная или иным каким образом возбуждающая наши чувства, но в том только, что оно — субстанция, протяженная в длину, ширину и глубину»[12]. Телу свойственны также делимость, пространственная форма (фигура), перемещение в пространстве в результате

толчка, сообща-... бмого данному телу другим телом, скорость этого перемещения, которые суть некоторые модусы протяжения. Сопоставление телесной и духовной субстанций привело Декарта к выводу о «полнейшей разнице, существующей между духом или душой человека и его телом», которая состоит «в том, что тело по своей природе всегда делимо, тогда как дух совсем неделим»[13].

• Цит. по изд.: *Любимов Я. А.* Философия Декарта. Спб., 1886. -С. 149—150.

[10] Там же.

[11] Декарт выделял также Бога как высшую субстанцию, которая является причиной материи и духа.

[12] *Декарт Р.* Избранные... С. 466. « Там же. С. 403.

«Поэтому душа по природе своей не находится ни в каком отношении ни к протяженности, ни к измерениям или каким-либо другим свойствам материи, из которой состоит тело, а связана со всей совокупностью его органов» [14]. Из положения о двух абсолютно противоположных субстанциях, каждая из которых — по определению— не нуждается для своего существования ни в чем, кроме себя самой, следовал вывод об их независимом существовании. Чисто материальные вещи — это вся природа, включая небесные тела, земные тела — неживые, растения, животные, а также тело человека. Мыслящая вещь, или субстанция, вся сущность или природа которой состоит в одном мышлении, — это душа. Она «всецело и поистине раздельна с моим телом и может быть или существовать без него» [15].

Тело животного и человека Декарт описывал как физик, опираясь на науку своего времени: «все тепло и все движения, которые у нас имеются, поскольку они совершенно не зависят от мысли, принадлежат только телу» [16]. О том, что эти движения не зависят от души, мы судим по тому, что «есть неодушевленные тела, которые могут двигаться такими же и даже более разнообразными способами, чем наше тело, и которые имеют больше тепла и движений (из опыта нам известен огонь, который один имеет значительно больше тепла и движений, чем какая-нибудь из частей нашего тела)». Поэтому «то, что мы испытываем в себе таким образом, что сможем допустить это и в телах неодушевленных, должно приписать только нашему телу, наоборот, все то, что, по нашему мнению, никоим образом не может относиться к телу, должно быть приписано нашей душе»[17]. Критерий, выбранный для различения функций души и тела, является субъективным. Декарт называет «большой ошибкой», которую делало большинство[18], когда связывало такие процессы, как движение и тепло, с душой. «Смерть никогда не наступает по вине души, но исключительно потому, что разрушается какая-нибудь из главных частей тела»[19].

[14] *Декарт Р.* Избранные... С. 610.

[15] Там же. С. 395.

[16] Там же. С. 596.

[17] Там же.

[18] Там же. С. 597.

[19] Там же.

Тело человека Декарт сравнивает с часами или иным автоматом, «когда они собраны и у них есть материальное условие тех движений, для которых они предназначены со всем необходимым для их действия»[20]. Дается краткое описание «устройства машины нашего тела»,. объяснение некоторых его функций — пищеварения, кровообращения и других отправлений, которые являются общими для животных и для человека. В вопросах физиологии,, как и природы в целом. Декарт—материалист. В объяснении влияния нервов на движения мускулов и работу органов чувств использует понятие о «животных духах». «Животные духи»—это «тела, не имеющие никакого другого свойства, кроме того, что он» очень малы и движутся очень быстро, подобно частицам-пламени, вылетающим из огня свечи»[2"1] и составляют «телесный принцип всех движений частей нашего тела». которые, как было сказано выше, осуществляются без участия души. Причина всех движений в том, что некоторые мускулы сокращаются, а противоположные им растягиваются. Это происходит из-за перераспределения духов между мышцами, что возможно потому, что «в каждом мускуле имеются небольшие отверстия, через которые эти «духи» могут перейти из одного в другой»[22]. От этого мускул, из которого они выходят, растягивается и слабеет, а мускул, в который приходит больше духов, сокращается и приводит в движение ту часть тела, к которой он прикреплен. Чтобы понять, каким образом происходят движения мускулов, следует рассмотреть строение нервов, при посредстве которых осуществляется движение. Нервы—это как

бы трубочки, в которых есть «сердцевина или внутреннее вещество, которое тянется в виде тонких ниточек от мозга, откуда оно берет свое начало, до оконечностей других членов, с которыми эти ниточки соединены»[23]; оболочка, которая является продолжением той, которые покрывают мозг, и «животные духи», переносимые по этим трубочкам из мозга в мускулы. Ниточки, составляющие сердцевину нерва, всегда натянуты. Предмет, касаясь той части тела, где находится конец одной из нитей, приводит бла-

[20] *Декарт Р.* Избранные... С. 597.

[21] Там же. С. 600.

[22] Там же. С. 601. ю **Там** же.

тодаря этому в движение ту часть мозга, откуда эта ниточка выходит, подобно тому как движение одного конца веревки приводит в движение другой. Натяжение нити приводит к тому, что открываются клапаны отверстий, ведущих из мозга в нервы, направляющиеся к разным членам. Животные духи переходят в эти нервы, входят в соответствующий мускул, раздувают его, заставляя укорачиваться — и происходит движение. Таким образом, движение возникает в результате воздействия предмета на тело, которое механически проводится к мозгу, а от мозга — к мускулам. Направленность «животных духов» каждый раз к определенным мускулам объясняется характером внешнего воздействия, требующего определенного, а не любого движения. Другой причиной направления течения животных духов является неодинаковая подвижность «духов» и разнообразие их частиц.

Таким чисто телесным механизмом объясняются не все движения, но только те, которые производятся без участия воли: ходьба, дыхание и вообще все отправления, общие для человека и животного.

Объяснение непроизвольных движений представляет исторически первую попытку рефлекторного принципа[24]. В то же время в рефлексе как механизме, совершенно независимом от психики, проявляется механистическая односторонность Декарта.

Животные, считал Декарт, не имеют души. Вся сложность явлений, какую мы наблюдаем в поведении животных, в том числе высших, есть чистый автоматизм природы. Величайшим из предрассудков называет Декарт мнение о том, что животные думают.

Главное соображение, убеждающее в том, что животные лишены разума, состоит в том, что, хотя между ними бывают одни более совершенные, чем другие, и хотя все животные ясно обнаруживают естественные движения гнева, страха, голода и т. п. или голосом, или движениями тела, тем не менее животные, во-первых, не имеют языка, и, во-вторых, хотя многие из них обнаруживают больше, чем человек, искусства в. некоторых действиях, однако, при других обстоятельствах они его

[24] На это указывал И. П. Павлов: «Общепризнано, что идея рефлекса идет от *Декартам/Павлов И. П.* Поли. собр. трудов: В 5 т. М.; Л., 1949. Т. III. С. 443.

совсем не обнаруживают. «...Животные разума не имеют, и природа в них действует согласно расположение их органов, подобно тому как часы, состоящие из колес и пружин, точнее показывают и измеряют время,. чем мы со всем нашим разумом»[25]. Отрицание у животных психики нарушало преемственность между животными и человеком и с неизбежностью приводило к идее бога как порождающей человеческий разум.

Этот вывод был обусловлен также соображениями этического характера и связан с религиозными догмами о бессмертии души. Идея бессмертия души, хотя и высказывается Декартом неоднократно, но конкретно не раскрывается.

Вывод об автоматизме животных выступал в системе Декарта конкретно-научным обоснованием философского положения о независимом существовании телесной и душевной субстанций или по крайней мере об отдельном существовании телесной субстанции. Метафизические размышления Декарта о душе как самостоятельной субстанции не подкрепляются материалом положительного описания такого существования, ибо, хотя по природе душа и *может* существовать -раздельно от тела, в *действительности* она существует в связи с телом, но не с любым, а только с *телом человека.* О связи души и тела свидетельствует опыт, собственное самонаблюдение. Голод, жажда и т. п., восприятия света, цветов, звуковзапахов, вкусов, тепла, твердости и пр. являются продуктом соединенной деятельности души и тела и называются страстями в широком смысле слова. Собственные проявления души — это желания и воля. Они — действия души и не имеют отношения к чему-либо материальному: не связаны с телесными процессами организма, не

вызываются каким-либо материальным предметом. Сюда же относятся внутренние эмоции души, направленные на «нематериальные предметы», например интеллектуальная радость от размышления о нечто» только умопостигаемом.
Душа соединена со всем телом, но наиболее ее деятельность связана с мозгом, точнее, по Декарту, не со всем мозгом, а только с частью его, «расположенной глубже всех». Душа помешается в очень маленькой железе, находящейся в середине мозга; в силу своего

[25] *Декарт Р.* Рассуждение... С. 52.

положения она улавливает малейшие движения живых духов, которые «могут ее двигать весьма различно в зависимости от различных предметов. Но и душа может вызвать различные движения; природа души такова, что она получает столько различных впечатлений, т. е. у нее бывает столько различных восприятий, что она производит различные движения в этой железе. И обратно, механизм нашего тела устроен так, что в зависимости от различных движений этой железы, вызванных душой или какой-либо другой причиной, она действует на «духи», окружающие ее, и направляет их в поры мозга, которые по нервам проводят эти «духи» в мускулы. Таким путем железа приводит в движение части тела»[26].
В объяснении механизма взаимодействия души и тела выступают глубокие противоречия философского учения Декарта. С одной стороны, утверждается, что душа имеет отличную и независимую от тела природу, с другой — тесно с ним связана; душа непротяженна и помещается в маленькой железе мозга. Так, в системе Декарта метафизические гипотезы и опытные наблюдения вступают в противоречие друг с другом[27].
Учение Декарта о душе и теле и об их субстанциональном различии породили философскую психофизичё-. скую проблему: хотя различие между духовным и телесным признавалось и до Декарта, но четкого критерия выделено не было. Единственным средством познания души, по Декарту, является внутреннее сознание. Это познание яснее и достовернее, чем познание тела. Декарт намечает непосредственный путь познания сознания: сознание есть то, как оно выступает в самонаблюдении. Психология Декарта идеалистична.
Дуализм Декарта стал источником кардинальных трудностей, которыми отмечен весь путь развития основанной на нем психологической науки.

[2в] *Декарт* Р. Избранные... С. 613.
[27] После Декарта проблему взаимодействия души и тела пы тались решить окказионалисты А. Гейлинкс (1625—1669) и 'Н. Мальбранш (1638—1715): настоящее взаимодействие невозможно, видимость же его производится простым вмешательством Бога. Тело считается случайной или кажущейся причиной происходящих в душе изменений и обратно. Это лишь окказия (cause per occasionem) — повод для деятельности истинной причины, которая •в Боге.

Декарт дал рационалистическое учение о страстях. которые определял как «восприятия, или чувства, или душевные движения, особенно связанные с душой, вызываемые, поддерживаемые и подкрепляемые каким-нибудь движением «духов»[28]. Природа страстей двойственная: они включают телесный компонент и мысль о предмете. Телесное начало придает страстям непроизвольный характер, а связь с мыслью позволяет управлять и воспитывать страсти.
Конкретно-научное учение Декарта о страстях включает такие вопросы: причины и источники страстей, классификация страстей и их описание, воспитание чувств. Единственной причиной страстей является движение животных духов, под влиянием которых в теле происходят большие физиологические изменения. В связи с этим Декарт уделяет большое внимание, психофизиологии чувств, описывает телесные проявления, физиологические компоненты страстей (изменения пульса, дыхания и др.)- Источники страстей разнообразны, но главным являются воздействия внешних предметов. Чувства, по Декарту, предметны, в этом их главная особенность.
Декарт различал первичные и вторичные страсти. Первичные страсти появляются в душе при ее соединении с телом и суть следующие шесть: удивление, желание, любовь, ненависть, радость, печаль, Их назначение— сигнализировать душе, что полезно телу, а что вредно. Они приобщают нас к истинным благам, если возникают на истинном основании, и совершенствуют нас. Все прочие страсти являются видами первичных и образуются при жизни.
Значение страстей велико. Они обеспечивают единство тела и души, «... приучают душу желать признанного природой полезным»[29]. От них зависит наслаждение жизнью. Однако страсти имеют и недостатки. «Страсть не всегда приносит пользу, потому что имеется много как вредных для тела вещей, не вызывающих сначала никакой печали и даже радующих человека, так и других

действительно полезных, но сначала неприятных вещей. Кроме того, добро и зло, связанные с этими вещами, кажутся более значительными, чем это есть на самом деле; они побуждают нас домогаться одно-

[28] *Декарт Р.* Избранные... С. 609.

[29] Там же. С. 624.

го и избегать другого с большим, чем следует, рвением»[30]. Отсюда возникает задача воспитания страстей Декарт уверен в неограниченных возможностях человека в отношении воспитания страстей: «...люди даже со слабой душой могли бы приобрести неограниченную власть над всеми своими страстями, если бы приложили достаточно старания, чтобы их дисциплинировать и руководить ими»[91]. Однако на страсть нельзя воздействовать непосредственно: недостаточно одного желания для того, чтобы вызвать в себе храбрость или уничтожить страх. Средствами в борьбе с нежелательными страстями являются разум и воля. От разума зависит знание жизни, на котором основывается оценка предметов для нас, а от воли — возможность отделить мысль о предмете от движений животных духов, возникших от этого предмета и связать их с другой мыслью о нем. Воля может не подчиниться страсти и не допускать движений, к которым страсть располагает тело. Например, если гнев заставляет поднять руку, чтобы ударить, воля может ее удержать; если страх побуждает ноги бежать, воля может их удержать, «приводя» доводы, убеждающие в том, что объект страсти сильнее, чем на самом деле. Так определенные суждения о добре и зле, т. е. бесстрастный компонент, своей духовной силой противодействуют телесному механизму, который действует по механическим законам. Если можно отложить действие, то в состоянии страсти полезно воздержаться от решения и заняться вопросами, пока время и досуг не помогут успокоиться волнению крови. Лучшим средством овладения страстями является опыт. Следует воспитывать у себя привычку поступать в жизни согласно определенным правилам. Практика обдумывания своих поступков в конце концов позволит и в неожиданных ситуацийх действовать вполне однозначно.

Психология Б. *Спинозы*

Новое решение проблем, выдвинутых Декартом, дал голландский философ-материалист Б. Спиноза (1632—1677). По оценке Гегеля, он снял дуализм, имеющийся в философии Декарта. Главное со-

[30] *Декарт Р.* Избранные... С. 662.

[31] Там же. С. 623.

чинение Б. Спинозы — «Этика». Название отражает этическую направленность книги. Основная цель сочинения— помочь человеку выработать линию индивидуального поведения, открыть путь к свободной жизни. Эту задачу Спиноза стремился решить философски обоснованным путем. Книга изложена геометрическим способом, в виде лемм, теорем и др. Все начинается с понятия «субстанция». Здесь же начинается расхождение во взглядах Спинозы и Декарта. В отличие от Декарта Спиноза разработал монистическое учение. Есть одна ■субстанция. Он определяет ее как то, что существует само в себе и представляется само через себя. Она в самой себе содержит необходимость существования. «Существование субстанции и ее сущность — это одно и тоже» [32]. Спиноза различает сущность и существование. Сущность — это характеристика вещи, то, без чего вещь перестает быть тем же самым. Существование — это есть она или нет. Все отдельные конечные вещи характеризуются расхождением между сущностью и существованием. О каждой отдельной вещи можно сказать, что ее бытие случайно; в своем существовании она всецело детерминирована извне. Субстанция в отличие от конечных вещей содержит в себе существование, т. е. ей свойственно существовать. Из того, что сущностью субстанции является существование, Спиноза заключает о многих ее свойствах. В отличие от отдельных вещей, она ничем не производится, она не сотворена, существует в силу самой себя, а не в силу другого какого-нибудь существа, она вечна, бесконечна, одна, в отличие от множественности конкретных вещей. В ней нет целей, она действует только по необходимости, т. е. в соответствии с объективными закономерностями. Каждое из этих положений доказывается в теоремах. Субстанцию Спиноза называл богом или природой; природа отождествляется с богом в том смысле, что является абсолютно самостоятельной и ничем не обусловленной, не сотворенной и вечной. Природа должна быть объяснена из себя самой. Понятие «субстанция» у Спинозы выступает как выражающее бытие вне нас существующей природы. Для бога в обычном смысле этого слова в системе Спинозы не остается места. Если Декарт объясняет существование материи

актом божественного творчества, Спиноза ут-
[32] *Спиноза* Б. Этика. М, 1936. С. 19.
87
верждает, что природа не нуждается в первоначальной причине. Это материализм.
Из бесконечной полноты природы логически должно проистекать бесконечное количество ее атрибутов (свойств), каждое из которых выражает некоторую сущность субстанции. Для человека познаваемы только два атрибута — протяжение и мышление: «...субстанция мыслящая и субстанция протяженная составляют одну и ту же субстанцию, понимаемую в одном случае под одним атрибутом, в другом — под другим»[33].
Каждая вещь как единичное проявление, частичка субстанции (ее модус) также имеет два атрибута: протяжение и мышление. Под атрибутом протяжения мы видим вещь как тело, со стороны мышления она выступает как идея этой вещи, ее духовная сторона, душа вещи. Поэтому они строго соответствуют друг другу, «Порядок и связь идей те же, что порядок и связь вещей»[34]. Из сказанного, отмечает Спиноза, становится понятно не только то, что человеческая душа соединяется с телом, но также и то, что должно понимать под единством тела и души. Душа и тело составляют один и тот же индивидуум (мыслящее тело), представляемый в одном случае под атрибутом мышления, в другом — протяжения. Поэтому порядок и связь состояний тела, происходящих под влиянием взаимодействия с другими вещами, сообразны с тем, в каком порядке и связи располагаются в душе представления и идеи вещей в виде представлений, ощущений, воли и других психических процессов.
Так Спиноза разрешил дуализм Декарта. В отличие от Декарта человеческое мышление он считал естественным свойством, проявлением мышления как атрибута всей субстанции. Протяженность и мышление не воздействуют друг на друга (как у Декарта), а соответствуют друг другу и в этом соответствии неотделимы друг от друга и от субстанции.
Оба атрибута действуют совместно в каждом явлении согласно вечной необходимости, которая есть причинная связь в природе. Поэтому порядок и связь идей таковы же, как порядок и связь вещей.
[33] *Спиноза Б.* Этика... С. 41.
[34] Там же.
88
У Спинозы есть указания на разную степень совершенства животных и человека. Из этого следует, что мышление как атрибут субстанции нельзя представлять по образцу и подобию человеческого мышления. Человеческое мышление — это частный случай мышления как атрибута субстанции. В природе существуют разные формы мышления. Степень совершенства мышления Спиноза связывает с большей или меньшей способностью тела к действию: мышление выступает функцией действия тела в мире вещей. Такая трактовка начисто отвергает параллелистическое толкование учения Спинозы, ибо мышление объясняется не из структурно-анатомической организации, а связывается с формой действия в мире внешних тел. В домарксистской философии это — высшее материалистическое решение проблемы духа и материи и представляет выход из тупика дуализма. Система Спинозы — материалистический монизм. Субстанция протяженная, и она же может мыслить. Нет особой духовной субстанции. Однако проблему соотношения материи и мышления Спиноза не мог разрешить до конца. Единство материи и мышления мыслится вечным. В связи с этим возникают трудности с ответом на ряд вопросов: всякое ли проявление субстанции имеет душу, какова функция (необходимость) психики и др.
На основе учения о субстанции Спиноза решает проблемы познания и аффектов. Различаются четыре способа приобретения познания: понаслышке либо па какому-нибудь другому произвольному признаку; от беспорядочного случайного опыта; путем заключения от общего положения к частному случаю, по следствию — о причине и т. п.; непосредственное восприятие сущности вещи через познание ее ближайшей причины. В «Этике» эти способы познания объединяются в три рола познания. Первые два способа образуют познание .первого рода. Это мнение и воображение; существуют в форме образа. Это смутное искаженное познание: во всех этих случаях душа воспринимает внешние тела через состояния собственного тела, так что в образах смешано то, что идет от вещей, и то. что — от своего тела. Продуктом познания первого рода являются также абстрактные, т. е. неполные, понятия отдельных вещей (например, понятие человека, лошади, собаки и т. п.). Познание второго рода — разум дает общие идеи о су-
89
щественных свойствах вещей. Они составляют основание для наук. Их недостатком является

отрыв от конкретных индивидуальных особенностей объектов, которые они обозначают. Познание третьего рода — интуитивное познание. Дает знание сущности вешей» при котором существенное и индивидуальное выступают в лх подлинном единстве в форме конкретных идей. Так Спиноза намечает движение познания от абстрактного к конкретному, развитое позже в диалектическом материализме.

На основе монизма в учении о субстанции и учения о познании дается анализ аффектов По оценке Л. С. Выготского: «Именно Спиноза боролся за естественное детерминистическое материалистическое причинное объяснение человеческих страстей. Именно он явился тем мыслителем, который впервые философски обосновал самую возможность объяснительной психологии человека как науки в истинном смысле этого слова и начертал пути ее дальнейшего развития»[35]. Учение об аффектах включает вопросы: о происхождении и природе аффектов (определение, классификация), о человеческом рабстве или о силе аффектов (оценка), о могуществе разума или о человеческой свободе (о борьбе с аффектами). Спиноза рассматривает аффекты как естественные проявления природы. «... Из природы человеческого тела необходимо следуют аффекты; из природы человеческого духа следуют идеи этих аффектов; поэтому из существа человеческой природы необходимо следуют аффекты»[36]. Взятые под атрибутом протяжения аффекты — это состояния тела, в которых вследствие воздействия других тел преувеличивается или преуменьшается действительная возможность этого тела существовать и действовать. Рассматриваемые под атрибутом мышления аффекты — это ложная, внушенная окружающими вещами идея, в которой утверждается большая или меньшая» чем на самом деле, способность тела существовать и действовать. Впоследствии это положение Спинозы о динамогенном влиянии эмоций получило экспериментальное подтверждение.

Спиноза выделяет три основных аффекта: желание» удовольствие, неудовольствие. Подчеркиваются их различия в зависимости от объектов, со стороны которых

[35] *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1984. С. 297. »• *Спиноза Б.* Этика... С. 46.

человек подвергается воздействиям. Из первичных аффектов образуется все многообразие страстей на основе трех принципов: путем изменения нашего представления о предмете; через сопереживание, по ассоциации. Аффекты разных людей имеют индивидуальные черты и отличаются настолько, насколько сущность одного человека отличается от сущности другого. Большое место занимает проблема оценки аффекта. Спиноза не согласен со стоиками в том, что аффекты абсолютно зависят от человеческой воли и можно безгранично управлять ими. Опыт учит, что для ограничения и обуздания аффектов требуются немалый навык и старание. В связи с этим отмечается сила, власть аффектов над людьми. Аффекты определяют действия и поступки человека. По своей силе и ценности аффекты неодинаковы. Есть аффекты, приносящие пользу,— удовольствие, веселость и т. п.— они увеличивают способности тела. Есть аффекты, приносящие вред,— сострадание, ненависть и т. п.— они угнетают человека. Но независимо от этого различия все аффекты вводят человека в заблуждение и ставят его в зависимость от вещей. «Человеческое бессилие в укрощении и ограничении аффектов я называю рабством. Ибо человек, подверженный аффектам, уже не владеет сам собой, но находится в руках фортуны, и притом в такой степени, что он, хотя и видит перед собой лучшее, однако принужден следовать худшему»[37]. По мысли Спинозы, человеческое рабство не в могуществе страстей, а в том, что их могущество сильнее, чем сила познания. Так как аффекты препятствуют жизни согласно разуму, от них необходимо освобождаться, как необходимо освобождаться от всякого рабства. Поскольку невозможно приспособить к себе внешние нам вещи — все они не зависят от нас, только познание определяет наше могущество. С его помощью раскрывается истинная природа вещей. Но одного познания недостаточно. Из укрощения аффектов, замечает Спиноза, не возникает блаженства. При познании высшего рода, т. е. второго и третьего рода, возникает новый особый аффект — высшее удовлетворение — блаженство, интеллектуальная любовь к миру. Возникновение этого аффекта и составляет условие обуздания страстей. Так утверждается мысль о необходимости

[37] *Спиноза Б.* Этика... С. 39.

единства аффекта и интеллекта, в противоположность отрицательной оценке роли чувств в познании, которой придерживался до него Ф. Бэкон.

Таким образом, свобода состоит не в том, чтобы слег.. довать своим аффектам, как обычно думают, а в познании необходимости и в подчинении этой необходимости. Свобода как идеал человеческой жизни есть плод познания. Спиноза заканчивает «Этику» словами; «Если же путь,

который я показал ... и кажется трудным, однако все же его можно найти»[38]. В понимании Спинозой свободы проявляется, рационализм и созерцательность.
Психология Спинозы — новый, важный после Декарта, шаг в становлении проблемы сознания как объекта психологического изучения. Вместе они составляют рациональную линию в трактовке сознания.

Глава II

ОФОРМЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ФИЛОСОФСКИХ УЧЕНИЯХ XVII В.

Развитие производства и науки потребовало, однако, новой теории, которой стал эмпиризм. Эта теория оформляется в Англии в связи с ее превращением в капиталистическую страну, вместе с развитием промышленности и опытного естествознания. Родоначальником эмпирического направления -явился Ф. Бэкон, продолжателем — Т. Гоббс. К. Маркс назвал ега систематиком бэконовского материализма. Окончательно эмпиризм оформляется у Дж. Локка.
Т. Гоббс (1588—1679) выступил против учения Декарта о двух субстанциях. Субстанция и тело означают одно и то же, поэтому «бестелесная субстанция» суть слова, которые при соединении взаимно уничтожают одно другое, как если бы человек сказал: «бестелесное тело». Под телесным бытием подразумевается существование, без остатка определимое в отношении пространства, времени, числа и движения. Все так называемые чувственные качества являются лишь разнообразными движениями материи внутри вызывающего их объекта, То же и человек: свойственные ему явления сознания

[38] *Спиноза Б.* Этика... С. 222.

нельзя отнести за счет души, они лишь проявления движения тела. Человек — это тело в ряду бесчисленного множества природных тел. Его движения — это реальность. Сознание — параллельно возникающие проявления этих движений. Ощущения — это проявление движений в наших органах чувств, которые возникают под влиянием внешних предметов. «Причиной ощущения являемся внешнее тело (объект), который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно (как при вкусе и осязании) или опосредованно (как при зрении, слухе, обонянии). Это давление, продолженное внутрь посредством нервов до мозга и сердца, вызывает здесь сопротивление или обратное давление или усилие сердца освободиться. Так как это усилие направлено вовне, то оно кажется нам чем-то находящимся снаружи. И это кажущееся или этот призрак люди называют ощущением»[1]. Удовольствие — это проявление движения в сердце.
Таким образом, психика — это тень реальных материальных процессов, она — эпифеномен. Вывод является результатом механистического понимания соотношения психики и мозга в духе параллелизма. Всю психику Гоббс сводит к образам. Начало всех представлений— ощущение. Представление воображения — это ослабленные ощущения. Память — тоже представление, когда мы хотим обозначить, что оно отошло в прошлое. Понимание — это образ, который возникает под влиянием слова. Мышление суть течение образов, связь представлений в соответствии с правилом ассоциаций. «Все представления суть движения внутри нас, являющиеся остатками движений, произведенных в ощущении, и те движения, которые непосредственно следуют друг за другом в ощущении, продолжают следовать *в* том же порядке и по исчезновении ощущения, так что если предыдущее движение снова имеет место и является преобладающим, последующее в силу связанности движимой материи следует за ним таким же образом, как вода на гладком столе следует в том направлении, в котором какая-либо капля ее водится пальцем. Однако так как за одной и той же воспринятой вещью в ощущении иногда следует одна вещь, а иногда — другая, то с течением времени случается, что, представляя себе

Гоббс Т. Левиафан. М., 1936. С. 40.

одну вещь, мы не можем сказать с уверенностью, какое будет наше ближайшее представление. Одно лишь можно сказать с уверенностью, а именно, что это будет нечто, следовавшее за имеющимся у нас представлением в то или иное время раньше»[2]. Таким образом, мышление— это не особый, не сенсорный процесс: человеческий ум не имеет никакого другого движения, кроме ощущения, представления и связи представлений. Идеи. которые не могут быть выражены в образах, пустые звуки. Гоббс ограничивает человеческое познание явлениями, что логически вытекает из установок эмпиризма и сенсуализма.

Составной частью психологических взглядов Гоббса является учение о способностях. Оно выступает в остром политическом значении. Гоббс доказывает, что люди не имеют врожденных преимуществ друг перед другом, выступая тем самым выразителем интересов буржуазии, предоставляя ей научное обоснование для борьбы с феодальной идеологией наследственных преимуществ.
Возникает вопрос о причинах, порождающих ежедневно наблюдаемые различия в способностях и талантах. Физические различия между людьми, хотя и существуют, но они не настолько значительны, чтобы могли давать решающее преимущество одному человеку перед другими людьми. Различия между людьми в отношении ума складываются прижизненно или в неорганизованной житейской практике без какого-либо метода и культуры обучения (природный ум, по терминологии Гоббса), или формируются путем систематического обучения наукам (по Гоббсу, благоприобретенный ум). По мысли Гоббса, если бы люди были поставлены в одинаковые условия, они приобрели бы одинаковый ум. Однако в уме есть один компонент, по которому люди существенно отличаются друг от друга, собственно, даже и не умственный компонент, но неразрывно связанный с ним — некоторая активность, инициативность или, наоборот, пассивность, индифферентность. «Причины различий ума кроются в страстях ... ибо мысли играют по отношению к желаниям роль разведчиков и лазутчиков, ищущих путей к желанным вещам»[3].
[2] *Гоббс* Г. Левиафан... С. 47.
[3] Там же. С. 80.

От эпифеноменализма Гоббса начинается бессубъектная психология, в которой сознание рассматривается как картина механического сплетения его содержаний. Понятие «личность» не имеет психологического содержания и вводится для решения вопроса о вменяемости при рассмотрении совершенных человеком действий. Личностью является тот, чьи слова или действия рассматриваются как его собственные.
Настоящим «отцом» эмпирической психологии является Джон Локк (1632—1704), выдающийся английский философ, педагог, врач по образованию, крупный политический деятель (К. Маркс назвал его защитником интересов буржуазии и идеологом классового компромисса 1688 г.). В 1690 г. вышло основное философское сочинение Дж. Локка «Опыт о человеческом разуме» (4-е изд., 1700 г.). Еще при жизни Локка книга была переведена на французский язык и оказала сильное влияние на развитие французской философии и психологии.
Целью Локка было исследование происхождения достоверности и объема человеческого познания. Все начинается с критики теории врожденных идей. Она направлена в основном против средневекового схоластического учения, которое признавало врожденность наиболее общих принципов и понятий, но также и против Декарта. Всем доводам в защиту врожденности знания Локк противопоставляет положение о возможности доказать его происхождение. Душу человека Локк рассматривает как некоторую пассивную, но способную к восприятию среду, сравнивает ее с Чистой доской, на которой ничего не написано, или с пустой комнатой, в которой ничего нет. Источником знаний является опыт как индивидуальная история жизни индивида. Локк. впервые обращается к самым началам духовной жизни» которые лежат в детстве. «Следите за ребенком с его рождения и наблюдайте за производимыми временем изменениями, и вы увидите, как благодаря чувствам душа все более и более обогащается идеями, все более и более пробуждается, мыслит тем усиленнее, чем больше у нее материала для мышления»[4]. Опыт имеет два источника. Первый источник Локк назвал ощущением. Его объектом являются объекты природы, внеш-
[4] *Локк Дж.* Соч.: В 3-х т. Т. 1. М., 1985. С. 167.

ние материальные вещи; органом — внешнее чувство {зрение, слух и т. п.); продуктом — идеи. «Таким путем мы получаем идеи[5] желтого, белого, горячего, холодного, мягкого, твердого, горького, сладкого и все те идеи, которые мы называем чувственными качествами». Вторым источником является рефлексия,) внутреннее восприятие, деятельность нашего ума. Его объектом являются идеи, приобретенные ранее; органом (или орудием) — деятельности (способности, по терминологии Лок-ка) нашего ума (восприятие, мышление, сомнение, вера, рассуждение, желание и вся многообразная деятельность нашего ума); продуктом — идеи другого оода, которые мы не могли бы получить от внешних вещей. Внутренний опыт дает как знания о внешнем мире, так еще в большей степени о нас самих.
Все идеи происходят или из одного, или из другого источника. Локк различает, но не отделяет их

друг от друга: ощущение — начало познания, рефлексия возникает после и на основе ощущений. Следовательно, в конечном счете ощущение является источником всякого знания. «Нет ничего в разуме, чего не было бы в чувстве» — этот сенсуалистический тезис, который высказывали еще Гоббс и Гассенди, защищает и материалистически разрабатывает Локк. Деление опыта на внешний и внутренний дало начало интроспективной психологии как науке о внутреннем опыте, методом которой является интроспекция.
Идеи, по Локку, бывают простые и сложные. Простая идея содержит в себе только одно представление или восприятие в уме, не распадающееся на различные идеи. Это элементы знания. Они составляют материал всего знания и доставляются душе двумя указанными путями — через ощущение и рефлексию. С Локка начинается атомистическая элементаристская установка в исследовании содержания сознания: простое первично, сложное вторично и производно от него. В учении о простых и сложных идеях Локк рассматривает важные вопросы познания: соотношение идей и вещей, активность познания.
Идеи мы имеем в душе. Им соответствуют качества з вещах. Локк различал три рода качеств: первичные,

[5] Познание, по Локку, имеет дело с идеями, которые он определяет как непосредственные объекты ума (духа).

$6

вторичные, а также третичные, которые, по существу, сводятся к вторичным, так что основное различие производится между первичными и вторичными качествами. Первичные качества — это реальные, совершенно неотделимые качества независимо от того, воспринимаем мы их или нет. Порождаемые ими простые идеи — плотности, протяженности, формы и др.— точно воспроизводят их. Вторичные качества — это цвета, звуки, запахи и т. д., на деле в вещах не находятся, они существуют, пока мы ощущаем, и зависят от первичных, а именно от объема, формы, строения и движения частиц. «Первичные качества есть подобия, вторичные считаются, но не бывают подобиями, третичные и не считаются и не бывают ими»[6]. Деление качеств на первичные и вторичные содержит возможность идеалистического отрыва ощущения от объекта. Как писал В. И. Ленин, «и Беркли, и Дидро вышли из Локка»[7]. При восприятии простых идей разум по большей части пассивен, «разум также мало волен не принимать эти простые идеи, когда они представляются душе, изменять их, когда они запечатлелись, вычеркивать их и создавать новые, как мало может зеркало не принимать, или изменять, или стирать образы или идеи, которые вызывают в нем поставленные перед ним предметы»[8]. Хотя Локк не всегда последователен и при описании простых идей рефлексии говорит о том, что ум часто бывает не вполне пассивным, все же в целом он верен тезису о пассивности познающего субъекта при восприятии простых идей: внешние воздействия влияют на сознание, минуя деятельность познающего субъекта. Здесь же проступает мысль о том, что активность в познании является причиной отхода от адекватного познания объекта. Современные исследования в области философии и психологии познания убедительно показали несостоятельность такого подхода. В них установка на предметно-ориентированное познание оценивается как натуралистическая; для объяснения работы сознания привлекается механизм рефлексии.
В отличие от простых сложные идеи суть их сочетания, соединенные вместе под одним общим именем.

[в] *Локк Дж.* ... Т. 1. С. 190.
[7] *Ленин* S. *И.* Поли. собр. соч. Т. 18. С. 127.
[8] *Локк Дж.* ... Т. 1. С. 168.

■

Сложные идеи образуются умом произвольно в результате следующих действии: соединение, суммирование простых идей; сопоставление, сравнение; обобщение через предшествующую абстракцию. Локк дал схему процесса обобщения, которое включает следующие операции. Сначала эмпирически выделяются по возможности все единичные объекты, о которых мы хотим получить общее понятие. Эти объекты расчленяются на составляющие их свойства, затем сравниваются по этим свойствам. После этого идеи, которые не повторяются в объектах, выделяются и отбрасываются (это называется абстрагированием). Затем абстрагируются, т. е. выделяются, те идеи, которые повторяются во всех объектах. Эти идеи суммируют, что дает совокупность идей, составляющую искомую нами сложную общую идею, которая обозначается словом. Локкова теория восхождения от простых идей к сложным путем выделения того общего,

что имеют между собой единичные вещи и факты, в течение долгого времени использовалась в практике научного исследования. Однако этой теории свойственна ограниченность, упрощенная трактовка общего. Психологическую критику эмпирической теории обобщения дал В. В. Давыдов и противопоставил ей теоретическое обобщение[9].

Одним из механизмов образования сложных идей Локк назвал ассоциацию. Он впервые ввел термин «ассоциация идей» (само явление описывалось и раньше, еще в античности). По Локку, ассоциация — это неверное, т. е. не отвечающее естественному соотношению, соединение идей, когда «идеи, сами по себе не родственные, в умах некоторых людей соединяются так, что очень трудно разделить их. Они всегда сопровождают друг друга, и как только одна такая идея проникает в разум, вместе с ней появляется соединенная с ней идея...»[10]. Примерами являются все наши симпатии, антипатии, идеи домовых и т. п. Такая связь приобретается в силу воспитания и привычки, а разрушается от времени. Задача воспитания заключается в том, чтобы предупреждать у детей образование нежелательных связей сознания. Несмотря на то что Локк ввел понятие ассоциаций ограниченно, после него этот механизм

■

[9] *Давыдов В. В.* Виды обобщения в обучении. М., 1972; *его же.*
Проблемы развивающего обучения. М., 1986.

[10] *Локк Дж.* ... Т. 1. С. 451.

сознания получил наибольшую разработку, на базе которой возникла и развивалась ассоциативная психология.

Локк рассматривает сознание как обязательный признак душевных явлений. «Невозможно, чтобы кто-нибудь воспринимал, не воспринимая, что он воспринимает» [н]. Сознание рассматривается также как некая духовная сила, которая объединяет наличные переживания, делает из них личность. «Личность есть разумное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как тоже самое мыслящее существо, в разное время и в различных моментах только благодаря сознанию, которое неотделимо от мышления» [12].

Учение Локка возбудило споры и завоевало огромную популярность. Большой интерес представляет полемика с Локком немецкого философа-идеалиста и ученого Г. Лейбница (1646—1716).

Свое решение психофизической проблемы Лейбниц называет гипотезой «предустановленной гармонии» [13]: душа и тело подчинены собственным законам. «Души действуют согласно законам конечных причин посредством стремлений, целей и средств. Тела действуют по законам причин действующих (производящих) или движений. И оба царства — причин действующих и причин конечных — гармонируют между собой» [и]. Объяснить естественным образом соединение или, скорее, согласие души с органическим телом нельзя, никакого воздействия на душу извне быть не может, душевная жизнь регулируется только своим собственным началом. Но «они сообразуются в силу гармонии, предустановленной между всеми субстанциями, так как все они суть выражения одного и того же универсума»[15]. Учение о предустановленной гармонии является одним из вариантов параллелизма.

Основные направления спора, который возник между Лейбницем и Локком, следующие. «Наши разногласия касаются довольно важных вопросов. Речь идет о том, действительно ли душа сама по себе совершенно

" *Локк Дж.* ... Т. 1. С. 387.

[12] Там же.

« *Лейбниц Г.* Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1983. С. 582.

[14] Там же. Т. 1. М., 1982. С. 427.

[15] Там же.

4*

чиста, подобно доске, на которой еще ничего не написали (tabula (rasa), как это думают Аристотель и наш автор, и действительно ли все то, что начертано на ней, происходит исключительно из чувств и опыта, или же душа содержит изначально принципы различных понятий и теорий, для пробуждения которых внешние предметы являются только поводом, как это думаю я вместе с Платоном, а также схоластами...» [16]. Вместо сравнения с чистой лоской Лейбниц использует образ глыбы мрамора, прожилки которого уже содержат основные контуры будущей фигуры: художник лишь удаляет все» мешающее им выступить. Лейбниц признает врожденные

интеллектуальные идеи, склонности, предрасположения. Лейбниц верно указал на невозможность объяснить только из индивидуального опыта приобретение всех знаний, в том числе всеобщих и необходимых понятий, как это думал Локк. Однако собственное объяснение Лейбница посредством апелляции к врожденным идеям не открывает действительных источников этих понятий.

По Локку, в познании простых идей разум пассивен и целиком определяется предметным миром-. По Лейбницу, «активность имеется также и в ощущениях, поскольку они дают нам более отчетливое восприятие, а стало быть повод кое-что заметить и, так сказать, развиваться»[17]. Это— апперцепция, особая сила духа, которая вместе с воздействиями извне определяет наше познание и поведение, «совместное действие внутренних предрасположений и внешних впечатлений ... детерминирует нас к принятому решению» [18]. Она дает нам мысль о том, что называется Я. Апперцепция — условие собственно человеческого познания (и у него действует непостоянно: «невозможно рефлексировать постоянно»[19]).

Апперцепцию как активность, которая присоединяется к перцепции, Лейбниц трактует абстрактно-идеалистически, лишь констатируя, но не раскрывая ее природы. Введенное Лейбницем понятие апперцепции имело продолжение в немецкой философии и психологии (И. Кант, Г. Гербарт, В. Вундт).

[16] *Лейбниц. ...* Т. 2. С. 48.

[17] Там же. С. 213.

[18] Там же. С. 199.

[19] Там же. С. 118.

Различие перцепции и апперцепции связано еще с одним понятием, которое вводит Лейбниц— бессознательного. Лейбниц выступил против локковско-картези-анской идеи об отождествлении всей психики с сознанием и впервые в истории произвел различие между бессознательными и сознательными состояниями духа. «...Картезианцы сделали большую ошибку, считая за ничто неосознаваемые восприятия»[20], потому что «убеждение в том, что в душе имеются лишь такие восприятия, которые она осознает, является величайшим источником заблуждений»[21]. Согласно Лейбницу, все в мире подчиняется закону непрерывности. Природа не делает скачков. Неорганическое и органическое, растение и животное, животное и человек лишь кажутся противоположностями; при ближайшем же рассмотрении они оказываются соседними ступенями, связанными между собой непрерывным прогрессом. Этот общий закон Лейбниц применяет и к душевной жизни. Она также непрерывна. Наряду с ясно сознаваемыми — апперцепируемы-ми — восприятиями в душе есть бесчисленные малозаметные восприятия, «которые недостаточно выделяются, чтобы их можно было осознавать или вспомнить, но они познаются по вытекающим из них определенным следствиям ... мы мыслим одновременно о множестве вещей, но обращаем внимание на наиболее выделяющиеся мысли»[22]. Все непроизвольные поступки являются результатом действия малых восприятий. Они определяют наши вкусы. Из малых восприятий возникают сознательные желания и страсти. Малые восприятия не сознаются ввиду их недостаточной силы, но «мы могли бы отлично сознавать их и размышлять над ними, если бы от этого нас не отвлекало их множество, или если бы они не оттеснялись, или вернее не затемнялись более сильными восприятиями»[23]. Сознание не отличается от бессознательного какой-то особой сущностью, в душе происходят постоянные переходы сознательных представлений в бессознательные и обратно.

Полемика между Лейбницем и Локком углубляет решение вопросов, касающихся природы человеческого

[20] *Лейбниц Г. ...* Т. 1. С. 415.

[21] Там же. Т. 2. С. 117. » Там же. С. 112—113. [23] Там же. С. 133.

сознания, и еще раз иллюстрирует положение В. И. Ленина о том, что «философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного»[24].

Глава III

СТАНОВЛЕНИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В XVIII в. английская психология развивалась от эмпиризма Локка к ассоцианизму в трудах Беркли, Юма и Гартли. Дж. Беркли (1685—1753) был непосредственным последователем Локка и шел от сенсуализма к субъективному идеализму. Для психологии интересен теорией зрительного восприятия пространства («Опыт новой теории зрения», 1709). Считалось, пишет Беркли, что

зрение дает идеи света, цветов, пространства, фигуры, движения. В частности, так писал Дж. Локк. Однако, указывает Беркли, нам лишь кажется, будто мы непосредственно видим протяженные тела в пространстве, в трех его измерениях. На самом деле расстояние, т. е. удаленность предметов от нас и сам факт, что они находятся вне нас, величина предметов, положение предметов в пространстве друг относительно друга глазом не воспринимаются. Пространственные характеристики вещей даются нам посредством мышечных ощущений, возникающих от поворота глаз, от напряжения его мышц. В опыте зрение всегда сопровождается двигательными, мускульными ощущениями, которые Беркли называет осязанием, включая сюда и собственно осязание, и двигательные ощущения от самого воспринимающего органа. Зрение и осязание вступают в связь (это же характерно и для слуха). Ассоциация между ними становится привычной в силу частого повторения. Поэтому впоследствии собственно осязаемые качества — расстояние, величина, фигура начинают восприниматься и зрительно. Таким образом то, что мы называем зрительными ощущениями, есть комбинация собственно зрительных и осязательных ощущений. Видимое восприятие пространства трактуется как зна-

[24] *Ленин В. И,* Поли. собр. соч. Т. 29. С. 322.

ки ранее приобретенных через осязание идей. Беркли сравнивает зрительные образы с языком: зрение стало для осязания языком, стало выражать содержание осязательного опыта. В сравнении зрительных идей с языком подчеркивается условность зрительных ощущений, их знаковая природа. Однако, поскольку эта связь образуется в опыте, она обеспечивает правильное поведение. В этом заключается ее биологическая полезность, Сформулированная Беркли теория была развита в эмпирической психологии в XIX в., особенно А. Бэном, который подчеркивал роль мышечных ощущений в образовании зрительных представлений пространства.

Англичанин ZLIOj^ (1711—1776), в философии последователь Д^1cTTэеркли, в «Трактате о человеческой природе» (1739) и в труде «Исследование о человеческом познании» (1748) развил понятие ассоциации и попытался представить все человеческое познание как ассоциацию идей. Юм делит все состояния сознания на «впечатления» и «идеи», их отражения. Идеи — это более слабые впечатления, которые мы используем в мышлении и рассуждении. Идеи могут быть простыми и сложными. Сложные идеи образуются путем ассоциаций. Вместо действий ума по образованию сложных идей, как этому учил Локк, Юм объясняет всю работу познания механизмом ассоциаций. Он дает следующую их классификацию. Ассоциации случайные и неправильные суть только ассоциации по закону смежности в пространстве или во времени, а сочетания идей естественные и правильные — это ассоциации по закону сходства и причинности. Все эти ассоциации встречаются в повседневной жизни. Они же лежат в основе научного мышления. Причинно-следственные отношения сводятся к привычной последовательности явлений. Знание отношений причинности не является априорным, но устанавливается в опыте следующим образом. Однажды такой-то объект сопровождается таким-то действием (например, хлеб насытил нас). В следующий раз и затем всегда такой же (хотя уже не тот же самый) объект всегда сопровождался таким же действием. В результате рождается уверенность, что и впредь подобные объекты будут вызывать такие же действия, т. е. что одно является причиной другого. Принципом, принуждающим сделать этот вывод, является привычка, или принцип ассоциации. «Действия этого притяжения даны, причины — не извест-

ны»*[1]. Кант считал гениально поставленной саму проблему: как можно перейти от чувственного опыта, который всегда имеет дело с частным случаем, к наиболее общим понятиям и отношениям, имеющим всеобщий и необходимый характер. Но он не согласился с решением Юма и ввел, наряду с опытным, априорное знание[2].

Английский врач и священник Д. Гартли (1705— 1757) также воспринял идеи Локка об опытном происхождении душевной жизни, развил его представление об ассоциациях и дал первую законченную систему ассоциативной психологии. При ее построении он опирался также на И. Ньютона, некоторые физические представления которого были использованы им для обоснования гипотезы о физиологических механизмах душевных процессов. В главном труде — «О человеке, его строении, его обязанностях и его упованиях» (1749)—Гартли развивает учение о психике как естественном начале. Все духовные способности (восприятие и др.) объясняются через обращение к органической структуре мозга. Существуют три основных простейших элемента душевной жизни: ощущения (сенсации), идеации (идеи ощуще-

[1] Цит. по: *Ивановский В. Н.* Ассоцианизм психологический **и** гносеологический. Казань, 1909. С.

156—157.

[2] *Кант И.* Соч.: В 4 т. Т. 4 (1). М, 1965. С. 130.

ний, т. е. повторение ощущений без предметов), простейший аффективный тон (аффекции)— удовольствие, неудовольствие. Из этих трех основных элементов строится душевная жизнь с помощью механизма ассоциации. В основе элементов и этого психологического механизма ассоциаций лежат вибрации, т. е. материальные физиологические процессы, возникающие в веществе нервов и мозга под влиянием внешних воздействий. Вибрации различны и отличаются по степени, роду, месту и направлению. Различиям в вибрациях соответствуют все разнообразие наших первоначальных простых идей и ощущений, представлений и чувствований. Из них с помощью механизма ассоциации образуются все психические явления. «Если две различные вибрации происходят в мозгу в одно и то же время, то вследствие того, что возбуждение из участков распространяется во все стороны, они оказывают воздействие друг на друга. Между двумя центрами прокладывается более прочная связь. Тогда в последующем, если по какой-нибудь причине будет вызвана одна из вибраций, вызывается другая вибрация. Это соответствует процессу вызывания одной идеи при помощи другой»[3]. Таким образом, ассоциации являются пассивным отражением нервных связей в мозгу. Сочетаются собственно не ощущения или идеи, а состояния мозга, которые сопровождаются ими — вибрации. «Вибрации должны заключать в себе ассоциацию как свое следствие, а ассоциация должна указывать на вибрации как на свою причину»[4]. Поскольку нервные связи могут быть или одновременными, или последовательными, постольку, по Гартли, и ассоциации бывают только одновременными и последовательными: они есть чисто механические образования. На основе ассоциаций образуются все сложные представления, явления памяти, понятия, суждения, произвольные движения, аффекты (страсти), воображение. При восприятии мы получаем ряд ощущений, которые соединены в силу того, что они объединены в самом предмете. Память — это воспроизведение ощущений по ассоциации в том порядке и отношении, в каких они были получены. «Мы не обладаем способностью по желанию вызывать какую-либо идеюг

[3] Английские материалисты XVIII века/Под ред. Б. В. Мееров-ского. В 3 т. Т. 3. М., 1968. С. 129.

[4] Там же. Т. 2. М, 1967. С. 299.

но можем вспомнить о ней, поскольку есть связь при помощи прежних ассоциаций с теми идеями, которые сейчас находятся в духе. Вид человека наводит на идею его имени»[5]. Если воспроизведение идей происходит без соблюдения порядка прежних реальных впечатлений, тогда мы имеем дело с воображением. Весь порядок воспроизведения идей происходит объективно без участия субъекта. Частные вопросы, связанные с памятью (ухудшение памяти у стариков, забывание душевнобольными после выздоровления событий, происходивших в период заболевания, трудность что-либо вспомнить в состоянии усталости и т. п.), Гартли объяснял грубо материалистически из состояний мозга. Главы о мышлении у Гартли нет: рассматривается понимание слов и предложений. Слово сводится к набору звуков, значение — это какая-то постоянная часть чувственных образов. Например, значение слова «белизна» образуется в результате выделения постоянного чувственного комплекса многих вещей (молоко, бумага, белье и т. п.). Понимание слова — это образование ассоциации между словом и значением, устанавливается в детстве, а также в процессе обучения наукам. Суждение складывается из понятий.

В системе Гартли нет мышления как процесса. Рассматриваются истины в науках, которые пассивно отражаются сознанием на основе механизма ассоциации. Новые мысли — это только новые комбинации старых простых идей или разложение сложных. «Когда мы достигаем сознания общих истин, это значит, что эта истина по ассоциации переносится на все частные идеи, которые охватываются этой идеей. Опыт показывает нам, что, когда мы строим такие заключения, мы не обманываемся^.

Проблема страстей занимает большое место в психологии Гартли. Страсти рассматриваются в качестве движущей силы поведения. Аффекты, достигшие известной степени интенсивности, побуждают к различным действиям и в этом смысле могут быть обозначены терминами желания или отвращения. Желание же и отвращение на той ступени интенсивности, когда они сильны, чтобы вызвать действие, называется волей. Так Гартли, подоб-

[6] Английские материалисты... Т. 3. С. 134. [6] Там же. С. 136.

но всем предшественникам, частью различал, частью смешивал феномены, входящие в понятия чувствований, желаний и воли. Аффектов во врожденном состоянии не существует. Не существует врожденных дурных и благородных страстей. Страсти — продукт воспитания и возникают по механизму ассоциации между представлением о вещи и аффекцией. Например, чувство страха первоначально неизвестно ребенку. Но, если однажды он испытает какой-то ущерб, «после этого идея страдания, оставшаяся в духе как воспоминание о полученном ущербе, ассоциируется с идеей обстоятельств, при которой он получил этот ущерб...»[7]. Гартли дает классификацию сложных страстей в соответствии с тем, откуда возникают удовольствие и страдание. Поскольку страсти выступают в качестве побуждений к действиям, знания об условиях воспитания страстей приобретают большое моральное значение: «на основе учения об ассоциациях мы узнаем, как беречь и улучшать хорошие аффекты и искоренять аморальные, исправлять то, что плохо»[8].

С позиции ассоцианизма Гартли объясняет возникновение произвольных движений. По Гартли, от рождения в организме имеется набор первичных автоматизмов. Это движения, которые вызываются внешними раздражителями на основе врожденных готовых механизмов. Возбуждение каждого органа чувств всегда переходит в возбуждение соответствующей группы мышц. Если же раздражитель вызывает к тому же и ощущение, в мозгу одновременно возникают два очага (например, от осязательного и от зрительного раздражителя), между которыми в силу одновременности устанавливается ассоциация. В дальнейшем одно зрительное впечатление вызывает соответствующее движение. Гартли различает три вида произвольных движений по степени легкости их выполнения: полупроизвольные, произвольные, вторичные автоматизмы.

Гартли дал естественное объяснение происхождения психических явлений. Эмоции, воля, интеллект, восприятие, память, воображение — «все они выводятся из внешних впечатлений, произведенных на внешнее чувство, следов (или идей) этих впечатлений и их взаимных свя-

[7] Английские материалисты... Т. 3. С. 136.

[8] Там же. Т. 2. С. 370.

зеи посредством ассоциации, взятых вместе и действующих друг на друга»[9].

Важная роль в истории ассоцианизма принадлежит философу, историку и естествоиспытателю Дж. Пристли (1733—1804). Пристли популяризировал теорию Гартли, а также боролся с его противниками и вульгаризаторами, главным образом с шотландской идеалистической школой здравого смысла.

[9] Английские материалисты... Т. 2. С. 272.

Глава IV

СТАНОВЛЕНИЕ ЭМПИРИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ПСИХОЛОГИИ XVIII В.

В XVIII в. происходит становление эмпирической психологии во Франции. Этот процесс происходил под определяющим воздействием теории Локка об опытном происхождении человеческого знания и в полемике с Р. Декартом, а также другими рационалистами. У истоков французской эмпирической психологии стоят крупнейшие мыслители — философы Просвещения. Это философы материалисты, атеисты Ж. Ла-метри, К. Гельвеций, Д. Дидро, П. Гольбах, а также представители правого умеренного крыла Ф. Вольтер, Э. Кондильяк, Ш. Монтескье и левого радикально-демократического крыла (Ж.-Ж- Руссо). XVIII век вошел в историю как век Просвещения и эпоха Великой французской революции. Наиболее существенные черты французской эмпирической психологии, отличающие ее от английской,— внимание к проблемам активности человеческого сознания, указание на его обусловленность общественными условиями — определяются этим временем как своей социальной базой.

Э. Кондильяк (1715—1780), которого Маркс и Энгельс называли «непосредственным учеником и французским истолкователем Локка»[1], указал на ограниченность эмпиризма Локка: объяснив из опыта происхождение содержания сознания, Локк не раскрыл происхождение самих психических процессов — действий рефлексии. Отвергая производимое Локком различение двух источни-

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 144.

ков опыта и признавая только один — ощущение, Кон-дильяк ставит целью своего самого известного произведения— «Трактата об ощущениях» — показать эмпирическое происхождение способностей, операций души. При этом он использовал следующий методический прием: вообразив статую, внутренне организованную подобно нам и обладающую духом, лишенным каких бы то ни было идей, не способную пользоваться ни одним из своих чувств, Крндильяк

наделяет ее только обонянием и из него выводит все идеи и дсюсические способности: внимание, память, сравнение, рассуждение, потребности, воображение, БОЛЮ. Осознавая гипотетичность своих построений, Кондильяк был убежден в истинности получаемых выводов, которая подтверждается опытом. Схема рассуждений при этом такова. Статуя получает первое обонятельное ощущение — ощущение запаха. По мере повторения возникает опыт, который дает начало памяти. Ощущения бывают неодинаковой силы. Сильное наличное ощущение приводит к сосредотонению на нем. Оно становится вниманием либо потому, что оно одно имеется налицо, либо потому, что оно сильнее всех других ощущений. Следовательно, внимание есть ощущение[2]. С появлением памяти возникают два ощущения — прошлое и наличное. Постепенно внимание по отношению к двум ощущениям дает сравнение. Результатом сравнения является выяснение отношения между идеями— суждение. Значит, суждение есть видоизмененное ощущение. Сравнение двух суждений дает рассуждение. Так, Э. Кондильяк прослеживает образование познавательных деятельностей. Удовольствие и неудовольствие — это обязательные эмоциональные спутники ощущений. Если статуя получает обонятельные ощущения, связанные только с неудовольствием, она будет полна неприятным запахом, но у нее не будет стремления освободиться от него. Это стремление возникает лишь после того, как она будет знать другие — приятные — ощущения. Из их сравнения возникает потребность: это внутренняя неудовлетворенность статуи, стремление получить удовольствие и избежать неудовольствия. Природа потребностей вторична, они — результат познания.

Против такой трактовки выступал Т. Рибо. См. об этом: Хрестоматия по вниманию/Под ред. А. Н. Леонтьева, А. А. Пузырея, В. Я. Романова. М., 1976. С. 70.

На основе потребностей возникает воображение как стремление восстановить ooраз, отвечающий потребности Потребность вместе с активным стремлением создают в статуе желание или волю.. Таким образом, все деятельности души суть измененные ощущения, их превращения. И все они являются результатом только обоняния. Несмотря на полное одиночество статуи, в ней возникают человеческие чувства и мысли. Здесь Кондильяк полностью игнорирует социальную обусловленность сознания. Характерная для XVIII в. робинзонада выступает здесь в гипертрофированном виде.

Обладание другими ощущениями — вкусом, слухом,, зрением, которыми Кондильяк наделяет затем статую, не меняет душевной жизни статуи. Коренным образом ее изменяет чувство сопротивления от соприкосновения, т. е. осязание. С осязанием ощущения, которые прежде переживались как собственные внутренние состояния» начинают проецироваться на внешний предмет и превращаться в качества этого предмета. Таким образом, переход от своих ощущений к выводу о существовании других тел осуществляется не с помощью рассуждения» а посредством одного лишь ощущения. Ощущение твердости есть как бы мост, переброшенный между душой и внешними объектами. Представления об углах, расстоянии и других пространственных характеристиках мира человек получает в опыте осязания. Опыт же дает знания о временных отношениях. Так, опираясь на осязание, Кондильяк обосновывает существование объективной реальности. Этому же служит складывающийся в опыте вывод о зависимости существования статуи от внешних вещей. Развиваемая Кондильяком теория восприятия имеет сходство с теорией Беркли и разделялась всей эмпирической психологией.

В трактовке мыслительных процессов — суждении, умозаключении—Кондильяк, как и другие философы-материалисты, стоял на позициях материалистическогосенсуализма, по существу, не отличая ощущения от мышления. Мышление, по Кондильяку, не только основывается на ощущении, но «суждение, размышление, желание, страсть и т. п. представляют собой не что иное, как само ощущение в различных его превращениях»[3].

[9] *Кондильяк Э.* Соч.: В 3 т. Т. 2. М., 1982, С. 192. ПО

Такова эмпирическая теория Кондильяка, сущность которой хорошо передает название одного из параграфов его книги «Трактат об ощущениях»: человек есть не что иное, как то, что он приобрел. В трудах Кондильяка
много отдельных тонких замечаний, которые касаются важных психологических проблем. Так, рассуждая о способе существования в сознании идей, о месте их «хранения», Кондильяк отмечает: «...идеи, как и ощущения, представляют собой состояния души. Они существуют постольку, поскольку модифицируют ее; они перестают существовать, как только перестают ее модифицировать. Искать в душе идеи, о которых я совсем не думаю, значит, искать их там, где их никогда не было»[4]. Эти мысли Кондильяка перекликаются с современными спорами о природе

психического в связи с проблемой идеального и близки той точке зрения, согласно которой психическое отражение есть идеальное явление объектов субъекту и только в этом явлении существует.

Кондильяк замечает, что многое из того, что происходит в нас, ускользает от самонаблюдения. Вообще «мы представляем себе искаженно то, что происходит в нас»[5]. Поэтому необходимо известное искусство, чтобы «...распознать все то, что в нас имеется»[6]. В этих замечаниях указывается на трудности самонаблюдения.

Опираясь на новейшие успехи в медицине и естествознании, в том числе голландского врача и естествоиспытателя Г. Бургаве, эволюционные идеи Ж. Бюффона, классификацию растений К. Линнея и др., врач и философ Ж. Ламетри (1709—1751) защищал естественнонаучный подход к проблеме человека и его психике. Маркс назвал его «центром» механистического французского материализма XVIII века[7]. Нацеленность на факты естествознания против умозрения составляет нерв всех рассуждений Ламетри. Ламетри отвергает дуализм Декарта и приписывает материи наряду с протяженностью способность к движению (движущую силу) и способность к ощущению, а также к мышлению. Нет души как особой субстанции: сама организация мозговой ткани свободно вызывает эти свойства (активность, чувстви-

[4] *Кондильяк* Э. ... Т. 3. С. 222.
Там же. С. 31.
• Там же. С. 29.
[7] *Маркс К., Энгельс* Ф. Соч. Т. 2. С. 140.

тельность, мышление). Животные, по Ламетри, имеют способность чувствовать. Мнение Декарта о том, что животные — простые машины, он называет нелепой теорией. Основываясь на аналогии внутренней организации тела человека и, в том числе, в строении мозга, защищая идею естественности человека, рассматривая его как часть природы, Ламетри указывает на преемственность в развитии от животных к человеку (трактат «Человек— растение»). Растения, животные и человек образуют «лестницу с незаметными ступенями, которые природа незаметно проходит последовательно одну за другой, никогда не перепрыгивая ни через одну ступень-ку>[8]. Это понимание человека делает излишней идею бога как его творца. Ламетри сознавал, что «изучение природы будет неизменно создавать неверующих людей» [9].

Поскольку человек — высшая ступень в развитии природы, его душа, хотя она «из того же теста и также сфабрикована, все же она далеко не того же качества, что душа животных» [,0]. Источник превосходства человека над животными Ламетри объясняет натуралистически: «организация является главным преимуществом человека» [и]. Другим условием, объясняющим специфику человека, является образование и воспитание. Самый процесс воспитания Ламетри трактует крайне механистически: «все сводится к звукам или словам, которые из уст одного через посредство ушей попадают в мозг другого...»[12].

В трактате «Человек—машина» Ламетри развивает идеи о зависимости душевных способностей От телесной организации и заключает: «Человека можно считать весьма просвещенной машинойК. Душа — это лишенный содержания термин, за которым не кроется никакой идеи и которым здравый ум может пользоваться лишь для обозначения той части нашего организма, которая мыслит»[13]. Конечно, Ламетри не отождествляет человека с машиной, выражение «человек— машина» не больше, чем метафора, с помощью которой он пытается объяс-

[8] *Ламетри* Ж. Соч. М., 1976. С. 258.
[9] Там же. С. 224.
[10] Там же. С. 260. " Там же. С. 211. " Там же. С. 207. [13] Там же. С. 226.

нить все самые сложные проявления человека, в том числе сознание. Однако механистическая трактовка вопроса обусловленности сознания телесной организацией вместе с такими формулировками, как «люди являются животными и ползающими в вертикальном положении машинами» [14], «человек является машиной» [15] и т. п., приводит к крайнему упрощению проблемы соотношения психики с ее материальным субстратом.

Дальнейшее углубление механицизма в ее трактовке произошло у последнего представителя французского материализма эпохи Просвещения П. Кабаниса (1757—1808). В своем труде «От-ношения между физической и нравственной природой человека» он-поставил задачу «разоблачить тайны человеческой природы» путем обращения к физиологическим основаниям для объяснения способностей, характера, нравов людей и

народов и пришел к следующему выводу: «Чтобы составить себе точное понятие об отношениях, результатом которых является мысль, следует рассмотреть. головной мозг как отдельный орган, предназначенный исключительно для ее производства, подобно тому, как желудок и кишки совершают пищеварение, печень вырабатывает желчь, околоушная, подчелюстная и подъязычная железы отделяют слюну. Впечатления, дойдя до мозга, возбуждают в нем деятельность, подобно-тому, как пища, попадая в желудок, вызывает в нем более обильное отделение пищеварительного сока и движения, способствующие ее растворению. Отправление первого состоит в сознаниикаждого отдельного впечатления, в выражении его знаком, в сочетании различных впечатлений, в сравнении их между собой, в составлении суждений, подобно тому, как отправления второго состоят в действии на питательные вещества, вызывание его к деятельности, в растворении их, в уподоблении соков нашей природе... головной мозг в некотором смысле переваривает впечатления,. ...он органически выделяет мысль»[16]. Эти идеи сделали Кабаниса? предшественником вульгарного материализма XIX в. Однако, оценивая их исторически, необходимо признать, что их атеистическая и материалистическая направленность имели прогрессивное значение ’[7].

Основываясь на материалистическом мировоззрении,. называя его здравой, разумной философией, Ламетри развивает следующие психологические идеи. Он разде-

[14] *Ламетри Ж.* С. 238.

[15] Там же. С. 244.

[10] *Кабанис П.* Отношения между физической и нравственной природой человека. Т. 1. Спб., 1865. С. 11.

[17] Л. Сэв, ссылаясь на «Приложение к атеистическому словарю» Лаланда (1815), в котором приводятся материалы преследования Кабаниса Наполеоном, видившим в атеизме разрушительную-силу для всякой социальной организации, делает вывод об идеологической роли научных идей. См.: *Сэв Л.* Современная французская философия. М., 1968. С. 62—63.

па

ляет позиции локковского эмпиризма: только опыт и наблюдение являются источником познания, которое он сводит к двум функциям — воображению и вниманию. Воображение понимается очень широко и включает не только воображение в собственном смысле этого слова как способность фантазировать, но и «суждение, размышление и память представляют собой ... настоящие модификации своеобразного «мозгового экрана», на котором, как от волшебного фонаря, отражаются запечатлевшиеся в глазу предметы»[18]. Ламетри (и здесь он ближе к Кондильяку)— сенсуалист: он не производит различия между чувственным и мысленным началом в человеке. Познание, начинаясь с ощущений, сводится к построению образов с помощью воображения. Порядок в эту деятельность вносит внимание, сообщая познанию активность. Познание является актом свободы и требует воли, которая «известна под названием внимания— матери наук»[19]. Функции внимания состоят в удержании представления и в отклонении действия всех других, которые находятся в сознании и образуют постоянно движущийся их поток. «Внимание — это ключ, могущий открыть ту единственную часть мозговой ткани, в которой живет идея, которую мы стремимся фиксировать» [20].

Ламетри принадлежит заслуга в выделении потребностей как своеобразной стороны душевной жизни и подчеркивании их особой роли в поведении. Потребно-*7* стям он придавал чрезвычайное значение. Существа, ли-[1] шенные потребностей, лишены также и ума (растения). Чем больше потребностей, тем больше ума[21].

Потребности Ламетри понимает натуралистически: основными для человека являются его потребности как природного существа (в пище, в наслаждениях и т. п. предметах, полезных для сохранения организма и размножения вида). Поэтому и счастье состоит в удовлетворении органических потребностей и в телесных удо-

» *Ламетри* Ж. ... С. 210. ..*• Там же. С. 128. . [20] Там же. С. 129; П. Я. Гальперин, автор оригинальной концепции внимания как контроля, ссылается на Ламетри как первого, ясно указавшего на внимание как деятельность контроля, которому он придавал особое значение в душевной жизни (Гальперин П. Я. К проблеме внимания.//Докл. АПН РСФСР. 1958. № 3). [21] Там же. С. 259.

вольствиях. Высшие удовольствия производны от чувственных и доступны немногим людям. Счастье, зависящее от нашей организации, наиболее прочно и является самым прекрасным даром природы. Так, вследствие натурализации потребностей Ламетри пришел к прославлению

чувственности, удовольствий тела. Выступления Ламетри в защиту насущных потребностей, свойственных человеку по самой природе, несмотря на теоретическую ограниченность, имели прогрессивное значение и способствовали преодолению старой идеологии христианского аскетизма, отвечали новой буржуазной морали.
Предметом исследований К. Гельвеция (1715— 1771) является проблема — откуда берется неравенства умов? Зависит ли оно от различий в организации, т. е. от природы, или только от воспитания? В связи с решением этого вопроса Гельвеций развивает следующие психологические идеи. Человек рождается со способностью ощущать и сохранять ощущения, т. е. с памятью. Опираясь на Кондильяка, отрицая вместе с ним внутренний опыт Локка, Гельвеций показывает, как только из ощущений формируются интеллектуальные способности. Все умственные операции — сравнение, суждение— сводятся к ощущению. «Выносить суждения — значить ощущать»[22]. Гельвеций игнорирует качественное своеобразие мышления. Выполнять все умственные операции, сравнивать идеи можно при наличии внимания. Внимание предполагает усилие. Делать это усилие побуждает интерес: человек, лишенный желаний, не будет проявлять внимания. При одинаковой заинтересованности в познании каких-либо явлений люди обнаруживают одинаковую способность напрягать внимание, Интерес предполагает стремление к счастью. Счастье — это физические удовольствия. В них начало всех поступков, действий, мыслей, дружбы, любви к ближним и др. Но если все проистекает из ощущений, а они — результат работы органов чувств, не зависит ли неравенство умов от их совершенства?
Ссылаясь на опыт, Гельвеций отвергает положительный ответ на этот вопрос: «Все люди с обычной хорошей организацией одарены от природы тонкостью чувств» необходимой для того, чтобы подняться до величайших
м *Гельвеций К.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 79.

открытий в математике, химии, политике...»[23]. Также отрицается связь между памятью и умственным развитием: для больших открытий (а это, по Гельвецию, высшее мерило способностей) достаточно обыкновенной памяти. Он ставит вопрос о' связи между умом и географическими условиями, расовыми различиями между людьми, пищей, темпераментом и заключает: «Как бы ни различна была употребляемая народами пища, географическая широта, в которой они живут, наконец, их темперамент, эти различия не увеличивают и не уменьшают умственные способности людей. Таким образом, не от силы тела, не от свежести органов и не от большей или меньшей тонкости чувств зависит большее или меньшее умственное превосходство. Впрочем, мало того, что опыт доказывает истинность этого факта; я могу еще доказать, что этот факт потому имеет место, что он не может быть иным...»[24].
Таким образом, с психологической точки зрения все люди обладают одинаковыми предпосылками для развития своих умственных способностей, ума. Почему же не все люди делают великие открытия? Это является результатом двух причин: разного положения, в котором они находятся, и того стечения обстоятельств, которое называется случаем, а также большего или меньшего стремления прославиться, следовательно, более или менее сильной страсти к славе. Таким образом, случай и стремление к славе — вот две причины неравенства умов. Гельвеций считает целесообразным изучение всех случайностей, способствующих совершению великих открытий, с целью планомерного воспитания великих людей. Хотя Гельвеций и преувеличивает роль случая в великих открытиях, он указывает на реальную особенность творческого процесса, которая продолжает привлекать внимание и современных психологов[25]. Останавливаясь на другой причине, определяющей неравенство умов, Гельвеций проницательно замечает: «На ум можно смотреть как на совершенную машину, но машину, не двигающуюся до тех пор, пока страсти не приведут ее в движение»[26]. Именно страсти являются, по Гельвецию,
[83] *Гельвеций* К. ... Т. 2. С. 107. [24] Там же. С. 111—112.
[гь] См.: Проблемы научного творчества в современной психологии/Под ред. Я. А. Пономарева. М., 1971. " *Гельвеций К.* ... Т. 2. С. 541.
-
источником умственной активности. Сила страстей у разных людей различна, но она не зависит от врожденной организации, так как человек рождается не только без идей, но и без страстей. Страсть — это продукт воспитания. Люди загораются страстью, если выполнение дел, на которые она направлена, создает им славу. Но жажда славы — это только замаскированная жажда наслаждений: Гельвеций биологизирует понятие интереса. За славой должны следовать почести, богатство и т. п., что создает условия для получения физических удовольствий. Рассматривая

различные формы правления — монархию, олигархию и республику, он приходит к выводу, что только республика хорошо вознаграждает людей в соответствии с их изобретениями на пользу общества. Личный интерес сочетается с общественным, здесь могут процветать таланты. Гельвеций призывает к республиканскому правлению. Так, проблема человеческих способностей приобретает у Гельвеция острую политическую окраску. По оценке К. Маркса, материализм Гельвеция «непосредственно применяется к общественной жизни»[27]. Гельвеций далек от научного понимания общества, все же указания на влияние общества на человека важны и подводили к новой для эмпирической психологии проблеме общественно-исторической обусловленности психики. Общий вывод Гельвеция: «неравенство умов можно объяснить воспитанием»[28], ибо «воспитание делает нас тем, чем мы являемся»[2£].

Д. Дидро (1713—1784) в полемике с Гельвецием[30] высказал ряд материалистических диалектических идей в понимании познания, природы человеческих интересов и страстей. Он дал трактовку способностей, в которой отошел от позиции Тельвеция и признал их врожденность. Он подверг резкой критике сенсуализм Гельвеция, указал на специфику мышления и высказал диалектические идеи о соотношении между ощущением и разумом.

[27] *Маркс К., Энгельс* Ф. Соч. Т. 2. С. 44.

[28] *Гельвеций* /С. ... Т. 2. С. 238. При этом в Примечании Гельвеций замечает, что воспитание не может превратить всех людей какой-нибудь страны в выдающихся, но оно способно приумножить их число, а из остальных сделать людей здравомыслящих и умных.

[29] Там же. С. 506.

[30] *Дидро Д.* Размышления о книге Гельвеция «Об уме»; «Систематическое опровержение книги Гельвеция «О человеке»//Дид-ро Д. Собр. соч. В 10 т. Т. 2. М., 1935.

Большое влияние на формирование материалистических традиций во французской психологии оказал естествоиспытатель и философ Ш. Бонне (1720—1793). Его психология, изложенная в труде «Опыт анализа душевных способностей» (1760), сходна с психологией Гар-тли.

К эмпирическому направлению примыкал Мен де Биран (1766—1824), но затем отошел от него. В «Очерке об основаниях психологии» (1812) он обращается к наблюдению внутренней жизни и развивает идеи о психологии как науке о внутреннем чувстве [м].

В **XIX** в. во Франции эмпиризм возродится *у*- И. Тэ-на («Об уме», 1870) и Т. Рибо («Современная английская психология», 1870).

[31] По характеристике П. Фресса и Ж. Пиаже, «начиная с него, психология становится методом интимного дневника и наукой о внутреннем чувстве» (см.: Экспериментальная психология. Вып. 1,2. М., 1966. С. 19).

Глава V

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ В РОССИИ В XVIII в.

Как показали исследования истории отечественной культуры, философии и науки, психологические идеи развивались в России еще в X—**XV** вв.[1] На основе этих предпосылок в **XVIII** в. сформировались достаточно целостные концепции, которые дали начало материалистическим традициям их последующего развития. Социальную базу отечественной психологии **XVIII в.** составлял феодально-крепостной строй. Обострение его глубочайших противоречий в художественной форме заклеймил А. Н. Радищев в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), за которую был сослан в Сибирь. Выражая настроения всех прогрессивно мыслящих деятелей русского общества, он потребовал полного уничтожения крепостного права. В **XVIII** в. в России широко развернулось просветительское движение, выдвинувшее ее замечательных деятелей: Н. Н. Попов-

[1] См.: *Ананьев Б.* Г. Очерки истории русской психологии XVIII—XIX веков. Л., 1947. С. 33; *Соколов М.* £. Очерки истории психологических воззрений в России в XI—XVIII веках. М., 1963; Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии/Под ред. А. Н. Ждан. М., 1988.

ского, Н. И. Новикова, В. Н. Татищева, Д. И. Фонвизина, Д. С. Аничкова, С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского, П. С. Батурина и др.; украинский мыслитель Г. С. Сковорода (1722—1794) заострил внимание на самосознании человека. Имевшее ярко выраженную антикрепостническую направленность, ведущее борьбу с господствующими в официальной науке идеализмом и теологией, оно выдвинуло в центр проблему человека. В этих условиях материалистическое решение основных психологических проблем приобретало форму борьбы за гуманизм, за

освобождение от предрассудков и суеверий.
В связи с признанием роли науки и просвещения в развитии общества, В. Н. Татищев утверждал идею о зависимости умственного развития от просвещения и обучения: источник индивидуального ума — опыт других людей, усваиваемый через язык и письменность. Н. И. Новиков, крупный организатор издательского дела в России, в печати отражал наиболее спорные вопросы о природе души, ее смертности или бессмертии. В 1796 г. выходит первая русская книга, специально посвященная психологии — «Наука о душе». Ее автор И. Михайлов произвел систематизацию психологических знаний в духе английского эмпиризма Локка. Не рассматривая умозрительных вопросов, касающихся бессмертия души и т. п., он описывает факты — ощущения, мысли как ассоциации представлений, волю.
Основы материалистической русской психологии заложил М. В. Ломоносов (1711—1765), великий русский ученый-энциклопедист, физик, химик, историк, философ, поэт и писатель, создатель первой грамматики русского языка, основоположник системы русского стихосложения, выдающийся организатор русской науки и просвещения в XVIII в. Психологические воззрения Ломоносова развиваются в связи с научными исследованиями (природы, русского языка и др.)-Материалистически объясняя ощущения как продукт воздействия предметов внешнего мира (при этом считая одинаково объективно существующими как первичные, так и вторичные качества) на органы чувств и подчеркивая роль мозга в различении раздражений, Ломоносов выдвинул трех-компонентную теорию цветового зрения («Слово о происхождении света», 1757). В самом начале XIX в. (1801) Т. Юнг, английский физик и врач, также выдвинул трехкомпонентную теорию цветового зрения, впо-

следствии капитально разработанную Г. Гельмгольцем. Особенно богата психологическими идеями работа «Краткое руководство к риторике» (1744). Здесь Ломоносов развивает мысли о воображении, о представлениях» страстях (природа, борьба со страстями и роль ума)г психологии речи. Идеи Ломоносова развивали Я. П. Козельский (1728—1794) и А. Н. Радищев. Свою книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев заканчивает «Словом о Ломоносове», в котором дал первую биографию и воссоздал образ великого ученого и человека, дал историческую оценку его деятельности.
В условиях усиления крепостного гнета проблему человека со всей остротой поставил Радищев (1749— 1802), выдающийся русский философ-материалист, экономист, правовед, революционер. Он ссылается на труды Гоббса, Декарта, Спинозы, Пристли, Локка, французских материалистов, обобщает успехи естествознания— труды Линнея, Бюффона, опирается на знания па медицине, «водимыесветильником опытности»[2]. Базой его научных идей было революционно-демократическое мировоззрение, не меньше, чем его материалистические взгляды, его психологию определяла гуманистическая этика. Полемизируя с дуализмом Декарта, Радищев утверждал: «все силы и самая жизнь, чувствования и мысль являются не иначе как вещественности совокупны ... в видимом нами мире живет вещество одинакородное^ различными свойствами одаренное...»[3]. Он отрицал существование души как самостоятельной субстанции: «То> что называют обыкновенно душой, т. е. жизнь, чувственность и мысль, суть произведения вещества единого, коего начальные и составительные части суть разнородны и качества имеют различные...»[4]. Психика является функцией известных органов тела — нервов и мозга и без них невозможна.
Большое место в трудах Радищева занимает проблема развития психики и в связи с этим сравнение психики человека и животных. Выдвигается положение о специфичности образа жизни человека: он не приспосабливается к природе, но преобразует ее, обладает речью, прямой походкой. Подчеркивается особая роль руки, высокое развитие мозга. Качественные отличия ощущений
[2] *Радищев А. Н.* Избранные сочинения. М., 1949. С. 398. [8] Там же. С. 452. Там же. С. 459.

человека связываются со своеобразием его знаний, особенно отмечается роль занятий искусством, вооруженность различными средствами — все это расширяет возможности органов чувств «до беспредельности». Указывается на роль языка и речи в формировании индивидуального сознания. Радищев отмечает роль воспитания ■в развитии разума, воздействие на человека общества (путем подражания и соучастия в переживаниях). Большое внимание уделяется проблеме способностей. Критикуя утверждение Гельвеция, «что человек разумом своим никогда природе не обязан», Радищев заключает: «...признавая силу воспитания, мы силу природы не отъемлем. Воспитание, от

нее зависящее, или разверже-ние сил, остаются во всей силе; но от человека зависеть -будет учение употреблению оных чему содействовать будут всегда в разных степенях обстоятельства и все, вне нас окружающее»[5]. Однако эти различия между людьми «токмо в одной степени, а не в существенности» и не являются препятствием для каждого к совершенствованию.

Вопросу о бессмертии души А. Н. Радищев посвящает философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», написанный во время ссылки в Сибири: «Я зрю везде смерть, т. е. разрушение; из того заключаю, что и я существовать перестану ... смерть всего живущего заставляет ожидать того же жребия»[6]. Однако в результате мучительных размышлений Радищев склоняется все же к выводу о неразрушимости специфически человеческой особенности — «мысленности». Через сомнение, допуская непоследовательности в рассуждениях (как согласовать, например, такие положения, как «мысленность есть вещественности свойство», и утверждения о бессмертии души), Радищев пытается выявить силу, которая обеспечивает единство — «сцепление» — всех составляющих человека частей и сил. Обращаясь к мышлению, он критикует сенсуализм Гельвеция («мысль от чувств есть нечто отдельное»)[7]. Активная природа человеческого мышления, выражением которой является внимание, власть человека распространяется не только на мысль: столь же властен человек над своими желаниями и страстями, да и над телом.

[5] *Радищев А. Н.* Избранные... С. 433.

[6] Там же. С. 437.

[7] Там же. С. 490.

W

Все это приводится как доказательство бессмертия души. «Человек по разрушении тела своего не может ничтожествовать ... мысленность его, будучи всех сил естественных превосходнее и совершеннее, исчезнуть не может»[8]. Этот вывод, на истинности которого Радищев не настаивает, «мечта ли то будет, или истинность»[9], несет большую эмоционально-нравственную нагрузку и, являясь уступкой религиозной идеологии, нужен Радищеву-человеку, находящемуся вдали от друзей, глубоко скорбящему о судьбах своего угнетенного народа.

Психологические проблемы, развиваемые в передовой науке и философии XVIII в., дали начало материалистическим и демократическим традициям философии и психологии в XIX в.

■ [8] *Радищев А. Н.* Избранные... С. 503. [9] Там же. С. 504.

Глава VI

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ В НЕМЕЦКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ КОНЦА XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Эмпирическая философия и психология, возникшие в Англии, проникли в Германию не сразу. Только во второй половине XVIII в. появились переводы локковских «Опытов», трудов Юма, в 70-х гг.— Гартли и затем французов — Боннэ, Гельвеция, Кондильяка. До этого здесь господствовали Декарт, Лейбниц и его последователь X. Вольф (1679—1754). Вольф «систематизировал и популяризировал Лейбница и установил в Германии психологию, под влиянием которой развивался Кант и которую он, т. е. Кант, потом отверг» *. Система X. Вольфа была компромиссом между эмпирическими и рационалистическими идеями в психологии. Этот компромисс выразился уже в разделении X. Вольфом психологии на две науки: эмпирическую («Эмпирическая психология», 1732) и рациональную («Рациональная психология», 1734). В эмпирической психологии Вольфа

[1] *Boring E.* A History of experimental Psychology. N. Y., 1929. P. 237.

проявилась тенденция XVIII столетия к изучению фактов о жизни души вместо утомительных схоластических споров о существе души. Однако эмпирия Вольфа была очень скудна. Вольф смутно указал на возможность измерения в психологии. Величину удовольствия можно измерять осознаваемым нами совершенством, а величину внимания — продолжительностью аргументации, которую мы в состоянии проследить. Однако дальнейшие шаги в этом направлении были подавлены отрицательным отношением к ним И. Канта. Предметом рациональной психологии были спекулятивные рассуждения о сущности, месте пребывания, свободе и бессмертии души. Именно в рациональной психологии X. Вольф выдвинул теорию способностей (Vermogen), продолжив различение в душе познавательных и желательных способностей, которое проводилось в средние века. Желательные способности объявлялись производными от познавательных. Из познавательного акта сначала возникает удовольствие (или страдание), потом суждение о

достоинстве объекта и, наконец, аппетит — стремление к объекту. Оно возникает из сознания его доброкачественности (или отвращения от объекта, в котором мы открываем зло). Более сильные проявления чувственного аппетита назывались аффектами.

Психологию Вольфа суровой критике подверг И. Кант (1724—1804). В контексте обоснования возможности теоретического знания и самой науки, поисков источника необходимости и всеобщности научного знания Кант ставит вопрос, при каких условиях возможна психология как наука: «...эмпирическое учение о душе должно всегда оставаться далеким от ранга науки о природе в собственном смысле, прежде всего потому, что математика неприложима к явлениям внутреннего чувства и к их законам»[2], а также потому, что в психологии невозможен эксперимент, «поскольку многообразие внутреннего наблюдения может быть здесь расчленено лишь мысленно и никогда не способно сохраняться в виде обособленных элементов, вновь соединяемых по усмотрению; еще менее поддается нашим заранее намеченным опытам другой мыслящий субъект, не говоря уже о том, что наблюдение само по себе изменяет и искажает состояние наблюдаемого предмета. Учение о душе никог-

[2] *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 60.

да не может поэтому стать чем-то большим, чем историческое учение и — как таковое и в меру возможности — систематическое учение о природе внутреннего чувства, т. е. описание природы души, но не наукой о душе»[3]. Кант оказался не прав, считая невозможным в психологии эксперимент и математику, но он проницательно указал на их необходимость для психологии как науки.

В психологии получили развитие следующие идеи И. Канта. Его считают основателем трихотомии души (до него немецкий философ И. Тетенс (1736—1807) впервые сделал это, но открытие осталось за Кантом). Уже во введении к «Критике способности суждения» (1790) он отличил познавательную способность души от способности чувствовать удовольствие и страдание (Gefuhle der Lust und Unlust) и от желательной силы (Begehrungsvermogen). Однако более подробно эта классификация дается в «Антропологии» (1798).

(Понятие воли в собственном смысле Кант не разбирает в своей «Антропологии». Но в других местах касается отношения желаний и воли: разница между ними в том, что воля побуждается разумом, тогда как желание имеет источником чувствования, удовольствия и страдания).

Классификация Канта перешла в XIX в. и стала господствующей.

Априоризм Канта в учении о познании, особенно учении об априорности пространства и времени как форм восприятия, оказал большое влияние на немецкую психологию и психофизиологию восприятия. Согласно Канту, познание начинается с воздействия предметов на нас, т. е. носит эмпирический характер. Из воздействий внешних вещей получаем содержание познания. Необходимой предпосылкой познания, условием, на котором зиждется наше опытное знание, являются формы. Они априорны и происходят из самой способности познания. Различаются априорные формы созерцания (восприятия) и априорные формы мышления. Формами восприятия являются пространство и время: все внешние явления мы представляем как существующие в пространстве: пространство есть форма внешнего чувства; все представления нас самих существуют во времени: время есть форма внутреннего чувства (но косвенным образом оно является условием и внешнего восприятия). Пространство и время как формы чувственности обла-

[3] *Кант И.* Соч. Т. 6. С. 60.

дают трансцендентальной идеальностью: таких объектов, как время и пространство, нет; и эмпирической реальностью: как способы, посредством которых осуществляются представления о предметах и обо мне самом. Эти формы могут быть, по Канту, только априорными: они абсолютно необходимые формы всего существующего, опыт же никогда не может дать всеобщего и необходимого, а только имеющее значение и смысл в определенных условиях. Априорные формы мышления присоединяются к содержанию, полученному эмпирическим путем, и устанавливают отношения, связи между многообразными содержаниями для получения из них знания. Их две группы: категории рассудка (их 12) и идеи чистого разума (их 3). В связи с исследованием априорных форм рассудка Кант развивает учение об апперцепции. Апперцепция — это активная сила, которая осуществляет синтез первоначально хаотических представлений. Она имеет две формы: первоначальное синтетическое единство апперцепции, или трансцендентальное единство самосознания: для познания необходимо единство самосознания; и трансцендентальное единство апперцепции, или объективная апперцепция, т. е. направленная на объект, она синтезирует

отдельные впечатления от объекта в целостное знание, вносит единство в хаотическое многообразие чувственности и создает объект.
Психологически важные положения содержатся в учении Канта о трансцендентальных схемах, в котором разрешается вопрос о применении категорий к эмпирической действительности, данной человеку в восприятии. Схемы — новый элемент сознания, соединяющий в себе разнородные познавательные способности. В силу этого Кант называет схемы также чувственными понятиями. Они являются продуктом деятельности воображения. Представления Канта о схемах подтверждаются эмпирическими исследованиями в современной психологии. Так, встречающийся в практике обучения вербализм, неспособность увидеть за словесной формулировкой какого-либо правила, закона, стоящую за ним реальность, преодолевается обращением к схематическим изображениям[4].

[4] См.: *Обухова Л.* Ф. Этапы развития детского мышления. М., 1972.

И. Г. Фихте (1762—1814) находился под непосредственным влиянием Французской революции. Развил идеи об активности субъекта, «Я», о деятельности субъекта, о деятельной стороне субъекта, трактуя ее идеалистически. Шеллинг назвал Фихте антиподом Спинозы. «Идеализм Фихте выступает как полная противоположность спинозизму, как спинозизм наизнанку, поскольку абсолютному, уничтожающему все субъективное объекту Спинозы он противопоставляет субъект в •его абсолютности, неподвижному бытию Спинозы — действие»[5].
По Фихте, есть безусловная абсолютно творческая способность — «разумная воля», которая реализуется в эмпирическом человеческом существе и отличает человека от других явлений природы. Сущность «Я» ■составляет деятельность: мы не потому действуем, что познаем, но мы познаем потому, что предназначены действовать. Знание выступает не как цель, а как средство рационального господства над природой. Субъект — прежде всего действующий субъект. Поэтому всякое познание лишь условие, предварительная ступень действия, а теория — часть человеческой практики. Деятельная природа человека проявляется и в его внешнем — телесном — облике, составляя принципиальное отличие человеческого тела от тела животного: он имеет два органа свободы — две руки, вертикальное положение при ходьбе, «одухотворенные глаза и выражающий интимнейшие движения сердца рот»[6], но в отличие от инстинктивной оснащенности животных «ничего этого мы не имеем, когда выходим из рук природы»[7]. Тело человеческое не завершено при рождении и до конца формируется духом, т. е. свободной волей. Фихте диалектически представляет духовное развитие человека от детства до зрелого возраста, всюду противопоставляя учению об ассоциациях творческое «Я». В этих генетических идеях душевная жизнь раскрывается из целесообразных действий «Я».
Ученик Фихте Ф. В. И. Шеллинг (1775—1854) выступил с критикой субъективизма Фихте и в отличие от него рассматривал душевную жизнь в контексте учения о природе. Природа телеологически связана с духовным.

» *Шеллинг* Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.,t 1977. С. 13. [в] *Фихте И. Г.* Основы естественного права согласно принципам наукоучения//Вопр. философии. 1977. № 5. С.148. [7] Там же.

■

Шеллинг видит духовное в процессах магнетизма, в электричестве, химических реакциях, но особенно в органической природе, которая развивается от растений к человеку. Человек является связующим звеном двух миров— природы и духа. Шеллинг проследил развитие сознания от ощущения до воли. Целью и высшей деятельностью «Я», по Шеллингу, является искусство.
В идеалистической системе Г. В. Гегеля (1770—1831) психология составляет один из разделов учения о субъективном духе (индивидуальном сознании). Индивидуальное сознание проходит в своем развитии три ступени. На первой ступени дух выступает в непосредственном сплетении с телом (дух как душа); составляет предмет антропологии. Здесь рассматриваются разнообразные формы психического склада людей в связи с их расовыми, возрастными и физиологическими особенностями, понятия характера и темперамента, а также ощущения. На второй ступени — рефлексии — дух представляет сознание. Явления сознания составляют предмет феноменологии духа. Здесь рассматриваются вопросы развития сознания. Оно проводит путь от сознания вообще к самосознанию и от него — к разуму. На третьей ступени рассматривается дух, как он обнаруживает себя в качестве ума (теоретический дух, т. е. познание), воли (практический дух) и нравственности (свободный дух). Эта ступень развития духа составляет предмет собственно

психологии. Раскрываемые в системе Гегеля проблемы отчуждения духа и его опредмечивания — в морали, праве, государстве, религии и т. д.— приближают к новому пониманию человеческого сознания: оно обнаруживается не только в слове, но в самых разнообразных проявлениях творческой активности человека, в практике. В то же время источники мышления, его бесконечной творческой мощи остаются здесь необъяс-ненными.

В философии Л. Фейербаха (1804—1872) утверждается материалистический подход к пониманию психики. Темой его философии является «человек как субъект мышления, тогда как прежде мышление само было для меня субъектом и рассматривалось мною как нечто самодовлеющее» [8]. Согласно антропологическому принципу

[8] *Фейербах Л.* Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 2. М, 1955. С. 881.

человек рассматривался в единстве тела и души: «...противоположность между телом и душой даже логически несостоятельна. Противоположности, выражаясь логически, относятся к одному и тому же роду сущности»[9]. •Фейербах не отрывал и не противопоставлял человека лрироде, считал его продуктом и частью природы. При этом специфическая социальная сущность человека, его - активное практическое отношение к природе Фейербахом не раскрываются.

Указав на принципиальную недостаточность интроспективной психологии, в которой явления сознания рассматриваются в их обособлении от всех реальных связей, Фейербах подчеркивает обусловленность сознания объективными материальными процессами, прежде всего мозговыми, и ставит задачу их изучения: «...в психологии нам влетают в рот жареные голуби, в наше сознание и чувства попадают только заключения, а не посылки, только результаты, а не процессы организма... Но из того, что мышление для меня не мозговой акт, отличный и независимый от мозга, не следует, что и само по себе оно не мозговой акт... Напротив, что для меня или субъективно есть чисто духовный нематериальный нечувственный акт, то само по себе или объективно есть материальный чувственный акт»'[10].

• *Фейербах Л.* Избранные... Т. 1. С. 220. [10] Там же. С 214.

Раздел третий

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ КАК НАУКИ О СОЗНАНИИ В ПЕРИОД ДО ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Глава I

СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ЭМПИРИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В XVIII в. в Германии намечается тенденция к изучению фактов, конкретных эмпирических явлений в отношении человека и природы. В этих условиях выступил философ, известный педагог и психолог И. Ф, Гербарт (1776—1841), который явился основоположником немецкой эмпирической психологии.

Гербарт выступил против теории способностей Вольфа, которую считал чисто словесной, уводящей исследователя от изучения явлений сознания, доступных наблюдению, а также потому, что считал неправильным разделение всей душевной деятельности на изолированные самостоятельные функции. Душевная жизнь — это единая связанная цельность.

Собственные психологические сочинения Гербарта: «О психологии как науке, вновь опирающейся на опыт, метафизику и математику» (1824—1825); «Учебник психологии» (1816) Ч

Гербарт был сторонником ассоциативной психологии и стремился построить психологию, основанную прежде всего на опыте: ее предметом должны быть факты, явления сознания.

Это очень простое положение в период господства в Германии рациональной психологии способностей должно было казаться, как пишет Рибо, «оригинальным до парадоксальности»[2]. По-видимому, эти идеи возникли у Гербарта под влиянием Локка.

[1] Русский перевод (1895).

[2] *Рибо Т.* Современная германская психология. Спб., 1895. С. 26.

■

Факты сознания, т. е. состояния сознания, выступают исходным пунктом всякого психологического исследования. Методами, открывающими эти явления, являются самонаблюдение, наблюдение за другими людьми, анализ продуктов деятельности. Однако с их помощью нельзя объяснить душевные процессы и, следовательно; получить научного знания о них, в то время как задачей психологии является «объяснить человеку, каков он есть».

Эксперимент в отношении явлений сознания; по мнению Гербарта, абсолютно неприменим:

«Психология не смеет экспериментировать над людьми»[3]. В связи с этим Т. Рибо замечает, что он даже не предчувствовал появления трудов по психофизике, которые покажут возможности экспериментального изучения ощущений[4]. По Гербарту, чтобы превратить психологию в науку, необходимо применить математику: только математика придает точность нашим определениям и делает возможной их проверку.

В связи с обоснованием возможности применения в психологии математики Гербарт развивал следующие психологические идеи. Элементом душевной жизни он считал представление. Представления — это сложные образы восприятия, которые возникают под влиянием объектов, существующих вовне. Они имеют не только качественные особенности, которые делают отличным одно представление от другого, но также и количественные характеристики. Количественная сторона душевных явлений отмечалась исследователями и раньше, но описывалась крайне неопределенно в терминах «больше» или «меньше», например «более или менее ясное представление», «более или менее напряженное состояние» и т. д. Количественная характеристика представления — это его сила, показателем силы выступает ясность. Представления— это динамические силы, они вступают во взаимодействие друг с другом. В результате количественная сторона представлений изменяется. В сознании происходит постоянная борьба между представлениями. Всю математическую сторону своей психологии Гербарт направил на вычисление интенсивностей борющихся представлений с целью составить точную картину душевной жизни. Само применение математики оказалось

[8] *Гербарт И.* Учебник психологии. Спб., 1895. С. 100. [4] *Рибо Т.* Современная... С. 43.

неудачным. Впервые эту поставленную Гербартом задачу осуществил Г. Фехнер [5].

Психология И. Гербарта складывается из двух частей— «статики духа» и «динамики духа». Предметом статики духа являются данные, полученные в результате измерения представлений в условиях их равновесия, т. е. в период покоя. Предмет динамики духа составляет выяснение условий движения представлений в сознании. В статике духа развивается учение о представлениях, устанавливаются различные типы связей между ними, описываются области и пороги сознания. В разделе о связях между представлениями Гербарт производит их классификацию. Выделяются, во-первых, отношения противоположности, борьбы между представлениями: при этом одно представление вытесняет другое. Соединение представлений бывает двух типов: это, во-первых, «компликация», когда данные отдельных ощущений соединяются, не теряя в своем качестве, в некоторое новое целостное образование; в^третбих, слияние сходных представлений. Учение о связях между представлениями, по существу, развивает положения ассоциативной психологии, но Гербарт не пользуется ее понятиями. Введенные им понятия (компликации и слияния будут использованы впоследствии, в частности, В. Вундтом.

В зависимости от степени ясности представления распределяются по трем областям: *ясного сознания* — здесь располагаются представления, имеющие свойство ясного сознания; *сознания* — здесь находятся менее ясные представления; темные, подавленные другими представления, становятся *бессознательными.* В разделении сознания на три области по признаку интенсивности представлений чувствуется влияние Лейбница. Распределение представлений по областям не есть нечто постоянное: в разные моменты времени одно и то же представление может пребывать в разных областях сознания. Душевная жизнь — это безостановочное движение представлений. Границы, которые отделяют одну область сознания от другой, Гербарт назвал порогами. Границу между ясным сознанием и сознанием он назвал порогом ясного сознания, а границу, которая отделяет об-

[5] См. раздел четвертый, главу II настоящего издания. 5

ласть неясного сознания от бессознательного^—порогом сознания. Введенное Гербартом понятие порога затем использовал Г. Фехнер.

Таким образом, сознание, по Гербарту, это сцена,. или экран, на котором «теснятся» представления меня^ ющейся степени ясности, они вступают в отношения друг с другом, перемещаются из одной области сознания в другую, при этом некоторые погружаются за порог. При каких условиях представление проникает в центр сознания? Во-первых, это зависит от собственной силы впечатления, которая не сводится к физической интенсивности, а определяется его значимостью для субъекта. Важно также отсутствие препятствий на пути представления в сознание. Однако главным условием, которое позволяет перейти представлению в область сознания и стать осознанным, ясным, является поддержка, которую окажет ему весь запас

прошлого опыта. Если новое впечатление не встречает такой поддержкиу оно сознаваться не будет. Таким образом, новые впечатления обязаны своим существованием в нашем сознании не специальной силе души, как этому учили раньше, а взаимодействию наличного и прошлых восприятий. Запас прошлых впечатлений, который идет навстречу новому, Гербарт назвал «апперцепирующей массой», а сам процесс слияния представления с прошлым опытом— «апперцепцией». Гербарт придает понятию апперцепции эмпирический смысл, который следует отличать от ее идеалистической трактовки у Лейбница и Канта. Он использует учение об апперцепции в своей педагогике (Очерк педагогических чтений, 1835).

Кроме представлений, Гербарт выделял в сознании чувства и волю, которые считал продуктом отношений между представлениями, частным случаем их взаимодействия. Например, чувство неудовольствия является результатом стеснения представлений; устранение стеснения составляет чувство удовольствия. Стремление» т. е. желание, выводится из стеснения представления, которое заканчивается его освобождением и прояснением и есть не что иное, как состояние, при котором представление пробилось в сознание сквозь препятствия и все более и более определяет собой другие представления, частью вызывая их, частью подавляяЭта составляет содержание раздела о воле.

■

Уже современники подвергали критике учение Гербарта о чувстве и воле. Действительно, в нем теряется-всякая специфика этих процессов. Они не получают самостоятельной характеристики, все сводится к силе представлений.

В психологии Гербарта вся душевная жизнь оказывается результатом взаимодействия представлений. Сознание также не есть нечто отдельное, оно — лишь сумма действительных представлений, их свойство. Гербарг создал свою научную школу. Ее самый выдающийся представитель М. В. Дробиш (1802—1896) —математик, логик, философ-идеалист и психолог— много сделал для популяризации и распространения его системы. Другой последователь Гербарта В. Ф. Фолькман в своем «Учебнике по психологии» (1856 г.) тщательно изложил новейшие данные о психических явлениях.

Особенную известность получили три ученика Гербарта—Т. Вайтц (1821—1864), М. Лацарус (1824— 1903) и Г. Штейнталь (1823—1899). Вайтц выступил с идеей о необходимости изучать душевную жизнь первобытных народов — и вообще проследить историческое-развитие психической жизни. В труде «Антропологи» первобытных народов» он предпринял попытку собрать-материал о жизни разных народов в отношении их культуры, семейной жизни, характера, нравов, политическойжизни, религии и этим поставил вопрос о возможности объективного изучения психики.

Лацарус и Штейнталь оцениваются историками в качестве основателей этнической психологии, психологии[1] народов, которая явилась одним из истоков социальной психологии. Штейнталь известен своими работамив области языкознания, а также исследованиями вопросов об отношении между грамматикой, логикой и психологической сущностью языка. Лацарус в работе «Жизнь души» рассмотрел данные о таких проявлениях психической жизни, как юмор, язык в его отношении к мышлению и т. д., которые проанализировал с психологической точки зрения. Лацарус и Штейнталь в 1859 г. основали «Журнал психологии народов и языкознания». В программной статье редакторов «Мысли о психологии народов»[6] в качестве главной выдвигалась задача

[6] Статья была переведена на русский язык в 1864 г. См. об этом в книге: *Будилова Е. Л.* Социально-психологические проблемы; в русской науке. М., 1983. С. 128.

изучения так называемого духа разных народов. Элементами духа народа считались язык, мифы, народное ■творчество, письменность, религия, практическая жизнь, из взаимодействия которых он складывается. Попытку •исследования психологии народов продолжил В. Вундт. Другим представителем немецкой эмпирической психологии XIX в. был Р. *r.JJ&me* (1817—1881). Он оказал меньшее, чем Гербарт, влияние на психологию, но все же его учениками были такие известные психологи, гкак К. Штумпф, Г. Э. Мюллер, крупный исследователь в области памяти. В «Медицинской психологии или психологии души» (1852) Лотце развил теорию пространственного восприятия («местных или локальных знаков»). Она оказала определенное влияние на В. Вунд-та и Гельмгольца. Лотце считал, что восприятие пространства осуществляется только с помощью зрения ;и осязания. Способность восприятия пространства

складывается в опыте следующим образом. Зрительные и -осязательные ощущения характеризуются качеством и определенной интенсивностью и сами по себе не содержат никаких пространственных признаков. Тогда как возможно восприятие пространственных свойств предмета? Ссылаясь на данные анатомии, он предполагает, -что каждая точка сетчатки и поверхности кожи качественно отлична от другой точки и поэтому ощущает внешние воздействия специфично, т. е. на свой манер. Она имеет как бы местный локальный знак. Локализация предметов в пространстве осуществляется на основе ощущений с их характерным местным качеством и ассоциированных с ними движений (руки, глаза, всего тела). Этот процесс является продуктом бессознательной механики внутренних состояний. Пространственное восприятие складывается прижизненно, «с помощью ряда опытов, которые, если бы мы могли их воспроизвести, показали бы нам в виде состояний сознания у детей, все эти промежуточные состояния, сделавшиеся неуловимыми для сознания взрослого»[7].

Рибо Т. Современная... С. 76.

Глава II

РАЗВИТИЕ АССОЦИАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ В XIX В.

XIX век является веком триумфа ассоцианизма. Закон ассоциаций рассматривался как основное явление душевной жизни. В ассоцианизме видели теорию, которую можно применить к вопросам политики, морали, воспитания.

Возникнув в Англии, ассоциативная психология в» XIX в. развивалась выдающимися философами и учеными: Томасом Брауном, Джеймсом Миллем, Джоном Стюартом Миллем, Александром Бэном, Гербертом-Спенсером. Важной особенностью ассоцианизма XIX в. явилось его соединение с философией позитивизма: Дж. Ст. Милль и Г. Спенсер были вместе с О. Контом основоположниками позитивизма. Слияние ассоцианизма с философской доктриной позитивизма не случайно, ее элементы были уже у Локка и Гартли. На развитие ассоциативной психологии большое влияние оказали успехи в области естествознания, особенно открытия в области химии (первое десятилетие XIX в.), а также в> физике и позже в биологии.

В развитии ассоцианизма в XIX в. различаются три этапа. Своего наивысшего расцвета ассоцианизм достигает у Т. Брауна и Дж. Ст. Милля. В их трудах он приобретает законченную классическую форму. В последующем у Дж. Ст. Милля ассоцианизм вступает в новый этап своего развития, который характеризуется пересмотром основных положений о предмете и методе ассоциативной психологии и началом кризиса этой системы. У А^Бэна в его аналитическом описании душевных явлений продолжается начавшееся еще у Дж. Ст. Милля отступление от классического ассоцианизма по ряду проблем. В конце XIX в. в ассоциативную теорию входит эксперимент. Экспериментальное исследование ассоциаций начал ученик Вундта М. Траутшольдт (1883). Крупнейшими представителями ассоцианизма этого периода являются Г. Эббингауз, Г. Э. Мюллер, Т. Циген.

В результате уточнений и дополнений, которые вносились все это время, происходит, по существу, отказ от многих принципиальных положений строгого ассоцианизма. Ассоцианизм вступает в период своего кризиса.

Рассмотрим подробнее содержание каждого этапа в развитии ассоциативной психологии XIX в. Т. Браун в «Лекциях по философии человеческого духа» (1820) продвинул доктрину ассоциаций: ввел вторичные законы ассоциаций, т. е. учение о дополнительных факторах, объясняющих возникновение в данный момент той или иной ассоциации из многих других.

К числу таких факторов он относил силу исходного ощущения, его новизну, близость, природные способности индивида, состояния его здоровья и др.

Браун предпринял анализ мышления как процесса решения задач, основанных на течении ассоциаций: зада-"ча вызывает беспорядочные ассоциации, одна из которых соответствует решению. Браун развил учение об ощущениях, в частности, выделил из осязания ощущение тепла-холода, а также мускульное чувство и указал на его значение для формирования чувства уверенности в -существовании предметов внешнего мира.

В условиях, когда усилились нападки на материализм, Браун отрывает душевные явления от их материальной основы, от мозга (только ощущения рассматриваются им в их отношении к мозгу и к окружающему миру, это составляет предмет физиологического учения о духе) и ставит своей задачей исследование их как подчиненных собственным, чисто внутренним законам, которые открываются только в самонаблюдении (составляют предмет исследования фдлософии духа). Материализм Гартли, как считает Браун, не в силах объяснить наиболее характерные для

умственной жизни связи идей— по сходству, по контрасту и др. Браун избегает употребления самого термина «ассоциация», сохраняя его для объяснения лишь простейших связей между наличным ощущением и предшествующими обстоятельствами (например, вид человека вызывает в памяти его имя и т. п.). По отношению к ассоциациям Браун признает, что основания для них лежат в мозгу. Все остальные связи представляют собой операции духа и называются относительными внушениями (relative suggestions). Соответственно ассоциации называются еще простыми .внушениями (simple suggestions). Так, терминологически закрепляется разделение всех душевных операций •на ассоциации (или простые внушения) и относитель-» «ые внушения, предпринимаемое для очищения учение об ассоциациях от материализма.
136
Единственным методом исследования духа, по Брау- -ну, является самонаблюдение. В связи с его защитой?-развивает идеи виртуального анализа в психологии. Как в химии качества отдельных ингредиентов сложного-тела не узнаются нами в качествах самого сложноготела, так и в своеобразной химии духа сложное чувство,. происходящее от первичных чувств через ассоциацию,. на первый взгляд имеет мало сходства с составными
его частями как существующими первоначально в элементарном состоянии, так что требуется напряженна»
сосредоточенность мысли, чтобы разложить и разделить, на части совокупность, которая могла составиться раньше в продолжение нескольких лет. Что делает химик по отношению к материи, то же самое делает интеллектуальный аналитик по отношению к духу. В отличие от анализа в других науках, которые имеют дело с веществом, анализ в отношении духа не может дать реального расчленения психических явлений: самое сложное чувство всегда есть одно чувство, нет половины чувства радости или скорби.
Анализ в науке о духе основан на чувстве взаимного; отношения одного состояния духа к другим его состояниям; когда эта кажущаяся сложность чувствуется, то. для нашего анализа это то же самое, как если бы она. была не относительной и виртуальной. Так Браун защищает самонаблюдение как метод ассоциативной психологии.
Идеализм сочетается у Брауна с механицизмом в; объяснении душевных явлений и проявляется в том, что% всякое сложное психическое явление он сводит к сумме составляющих его более простых. Наглядно это проявляется в объяснении сравнения и потребностей. Относительные внушения, которыми объясняются все операции ума, протекают как деятельность сравнения. В сравнении выделяются следующие компоненты: 1) двеили более идеи как объекты сравнения; 2) чувство отношения между ними, например сходство; 3) чувство произвольности, т. е. наличие намерения, желание найти этоотношение. Поскольку сравнение может осуществляться[1] и непроизвольно, автоматически, делается вывод, что» сравнение есть только ассоциация или внушение, по терминологии Брауна, а активный характер этого процесса-с психологической точки зрения — иллюзия. Познавательную деятельность Браун трактует механистически,.
137*
Подобным же образом он анализирует и потребности, которые называет аппетитами. Браун включает потребность в область чувственных процессов (feelings) наряду с ощущениями и чувствами удовольствия и неудовольствия (при этом имеются в виду лишь телесные, биологические потребности — в сне, отдыхе, упражнении, в пище и т. п.). Браун признает их жизненно важное значение для организма. Потребность он разделяет «а два рода чувствований (feelings): ощущение неудовольствия, вызываемое состоянием тела (при голоде, жажде и т. п.), и непосредственно связанное с этим ощущением желание того, что устраняет это неудовольствие, называемое проспективной, т. е. направленной на будущее, эмоцией, и ассоциацию между ними. Таким расчленением уничтожается специфика потребностей как особых психических состояний: потребность сводится к ассоциации между двумя чувствованиями.
Джеймс Милль (1773—1836), прежде всего историк и экономист, в 1829 г. опубликовал книгу «Анализ явлений человеческого духа», которая стала вершиной классического английского ассоцианизма. Его целью было способствовать наилучшему развитию душевных способностей и сил при воспитании. Опирался на предшественников, особенно на. психологию Гартли.
Он сводит всю психологическую жизнь к ощущениям, представлениям и ассоциациям идей: в психическом мире есть только одно явление — ощущение и только один закон — ассоциации. Ощущения, идеи, ассоциации, изменяясь бесчисленными способами, группируясь, составляют механизм человеческого духа. Следуя Гартли, а также Брауну, он выделил две причины закрепления ассоциаций: живость ассоциируемых ощущений и частоту их повторения. Он

сформулировал общий закон ассоциаций: идеи зарождаются и существуют в том порядке, в котором существовали ощущения как их оригиналы. Поэтому ассоциации, по Миллю, могут быть только одновременные или последовательные. Восприятия объектов построены из одновременных ассоциаций. Последовательные ассоциации еще более бесчисленны, и их природа лучше всего видна в обычной последовательности слов и мысли.
В учении об общем законе ассоциаций и причинах их закрепления выступают характерная для ассоцианиз-
138
ма полная пассивность организма, механицизм в трактовке психики. Джеймс Милль построил ментальную механику, т. е. теорию сложных ментальных соединений потипу механики.
Милль борется с активностью личности. Воспоминание и интеллектуальную деятельность он представлял: так. Есть задача что-то вспомнить. От этого эмоционального представления идут многочисленные ассоциации. Если «нападем» на идею, с которой ассоциировалось, представление, которое мы хотим вспомнить, то вспомним его. Таков же механизм интеллекта.
Джон Стюарт Милль (1806—1873), сын ДжеймсаМилля, экономист, философ, оформил индуктивную логику—«Система логики» (1843). Защищая ассоциативную^ психологию, фактически пришел к выводу о ее теоретической несостоятельности. Проводил мысль о том, что не-у механики, а у химии следует психологии заимствовать-способ изображения явлений сознания («ментальная химия»). Как в химии по продукту нельзя судить об исходных элементах, а знание свойств элементов не избавляет от необходимости изучать свойства целого, анализ явлений сознания как продуктов психического синтеза не может дать нам представления об исходных компонентах. Следовательно, виртуальный анализ не имеет-силы действительного анализа: «...семь цветов спектра,. быстро следуя друг за другом, производят белый цвет,. а не то, что они действительно суть белый цвет,— точно-также и относительно сложной идеи, образующейся путем соединения нескольких более простых идей ... надосказать, что она есть результат или порождение этих простых идей, а не то, что она состоит из них... . Таким образом, здесь мы имеем случай психической химии: &. них простые идеи порождают, а не составляют своей совокупностью идеи сложные» [!]. Но как открыть эти элементы? Выяснение происхождения одного класса психических явлений из другого (психическая химия) «не устраняет необходимости экспериментального изучения позже возникшего явления, подобно тому как знание кислорода и серы не позволяет нам без специального наблюдения и опыта вывести свойства серной кислоты»[2].
[1] *Милль Д. Ст.* Система логики. М., 1914. С. 777.
[2] Там же. С. 778.
139»
Поскольку в психологии нет средств для реального анализа сознания, она не может существовать как наука. Ее описания тем не менее имеют практическую полезность.
Милль критически анализирует также понимание предмета в ассоциативной психологии. Он начинает с различения физического (физиологического) и духовного. Все состояния духа, т. е. состояния сознания — мысли, эмоции, хотения и ощущения — производятся непосредственно или другими состояниями духа, или состояниями тела. «Когда одно какое-нибудь состояние произведено другим, связывающий их закон я называю законом духа. Когда же непосредственно причиной духовного состояния является какое-либо состояние тела, мы будем иметь закон тела, относящийся к области физических наук»[3]. В применении к психологии это различение приводит к следующим размышлениям. Ощущения происходят под воздействием внешнего предмета, в их основе лежат физиологические процессы. «Вопрос о том, we зависят ли подобным же образом от физических условий и остальные наши психические состояния, есть один из «проклятых вопросов» науки о человеческой природе»[4], Милль замечает: «многие выдающиеся физиологи утверждают, что мысль, например, есть в такой же степени результат нервной деятельности, как и ощущение... Только кажется, будто одна мысль вызывает .другую посредством ассоциации; на самом же деле вовсе не мысль вызывает мысль: ассоциация существовала не между двумя мыслями, а между двумя состояниями мозга, предшествовавшими разным мыслям. И вот юдно из этих состояний вызывает другое, причем наличность каждого из них сопровождается как своим следствием особым состоянием сознания»[5]. Отсюда делается !Вывод: «...не существует самостоятельных (или оригинальных) психических законов — «законов духа» ... психология есть просто ветвь физиологии, высшая и наибо-.лее трудная для изучения»[6]. Этот вывод означает, по существу, что ассоциативная психология не имеет своего предмета. Правда, Милль замечает, что в настоящее вре-

[3] *Милль Д. Ст.* Система... С. 773.
[4] **Там** же.
[5] Там же.
• Там же. С. 775.

мя физиология еще далека от того, чтобы объяснить явления сознания: «...последовательностей психических явлений нельзя вывести из физиологических законов нашей нервной системы, а потому за всяким действительным знанием последовательностей психических явлений мы должны и впредь (если не всегда, то несомненно «ще долгое время) обращаться к их прямому изучению лутем наблюдения и опыта. Так как таким образом порядок наших психических явлений приходится изучать ла них самих, а «е выводить их из законов каких-либо более общих явлений, то существует, следовательно, отдельная и особая наука о духе»[7]. В заключение Милль делает вывод, что, несмотря на все свои несовершенства, психология «значительно более продвинута вперед, чем соответствующая ей часть физиологии»[8]. Его окончательное определение предмета психологии таково: «...предметом психологии служат единообразия последовательности— те законы (конечные или производные), кто которым одно психическое состояние идет за другим, вызывается другим (или по крайней мере, следует за «им)»[9].
.Милль вводит в ассоциативную психологию «Я» в качестве субъекта сознания, отступая тем самым от классического ассодианизма, не признававшего в психике ничего, кроме явлений сознания.
Также отступлением от позиций ассоцианизма является указание на то, что существуют ассоциации по сходству, поскольку в строгом ассоцианизме ассоциации— это пассивные образования и могут быть только одновременными или последовательными. Во всех уточнениях, которые вносит Милль, фактически содержится признание несостоятельности ассоциативной психологии как научной системы.
Александер Бэн {1818—1903), автор двух обширных томов «Чувство и интеллект» (1885) и «Эмоции и воля» •(1859), использовал достижения физиологии нервной системы и органов чувств, а также биологии, стремился возможно теснее связать психические процессы с телесной организацией. Считая, что в психологии необходимо применять методы естественных наук, т. е. давать опи-
[7] *Милль Д. Ст.* Система... С. 774—775.
Там же. С. 775.
Там же.
сание фактов и их классификацию, Бэн,, по оценке Дж. Ст. Милля, дал «самое полное аналитическое изложение душевных явлений на основании правильного наблюдения».
Бэн отступает от свойственного ассоцианизму механизма в трактовке психической жизни. Объясняя возникновение произвольных движений, Бэн вводит представление о спонтанной активности нервной системы,. проявлением которой являются спонтанные движения. Когда какое-либо движение более одного раза совпадает с состоянием удовольствия, то удерживающая сила! духа устанавливает между ними ассоциации. Отсюда вычленяются движения, приводящие к целесообразным актам. Из связи разных обстоятельств с движениями образуется все многообразие человеческого поведения — навыки. При этом течение действия не требует или требует мало духовного напряжения при их исполнении. Если сочетание движений с ощущениями происходила бы только на основе одних временных отношений (как думал Д. Гартли), то различие приятного-неприятного, полезного-бесполезного не имело бы значения, а реакции, приводящие к удовлетворению, и бесполезные усваивались бы с одинаковой необходимостью, что противоречит реальности: в жизни происходит отбор полезного и отсев бесполезного.
Эти взгляды Бэна получили отзвук в последующем в учени» о формировании навыков путем проб и ошибок. Своим учением *о* пробах и ошибках как принципе организации поведения Бэн ока>-зал влияние на Дарвина. На него ссылался также Спенсер.
Уже в учении об образовании произвольных движений Бэн использует понятие удерживающей силы духа. Он приписывал духу некоторые прирожденные функции,. которые называл первичными свойствами (актами) ума: различение, нахождение сходства, удержание впечатлений и способность вызывать их посредством чисто душевных сил. С их помощью потом вырастает вся интеллектуальная активность. Без них невозможны ассоциации. Существуют различия между людьми в отношении первичных актов. В учении о первичных актах Бэн отступает от основных принципов ассоцианизма, в котором нет места актам.

В учении о видах ассоциаций продолжается отступление Бэна от позиций ассоциативной психологии. Так,, он вводит творческие ассоциации как способность ума
142
составлять новые комбинации, отличные от каких-либо добытых опытом, т. е. распространяет термин «ассоциация» на явления, которые не объяснимы с его помощью. Он трактует открытия в науках, художественное творчество и т. п. как ассоциативные процессы, что противоречит пониманию ассоциации как комбинации прежних впечатлений.
Так в творчестве А. Бэна происходит деградация ас-социанизма.
Ряд новых моментов в ассоциативную психологию вносит Герберт Спенсер (1820—1903). Он автор десятитомного труда «Синтетическая философия> (1862—1896), в состав которого входит и психология («Основания психологии». В 2 т., 9-ти частях.) Взгляды Спенсера представляют разновидность ассоцианизма на эволюционной основе. Это эволюционный ассоцианизм.
В работах Спенсера происходит сближение психологии с учением о биологической эволюции. Психические явления рассматриваются как один из видов жизненных проявлений.
Спенсер сформулировал общий закон эволюции, который распространил на всю Вселенную — неорганическую природу, органическую природу (биология и психология), надорганическую природу, т. е. социальную жизнь (социология).
Этот закон гласит: повсюду во Вселенной развитие идет от рассеянного к сплоченному, интегрированному, т. е. характеризуется концентрацией; от однородного к разнородному, т. е. характеризуется дифференциацией; от неопределенного к определенному, индивидуальному Этот закон продолжает идею прогресса, которую развивали выдающиеся мыслители до Спенсера — Г. Лейбниц, Г. Гегель. Однако, в отличие от них основывается на данных наук — геологии, ботаники, физиологии, психологии, эстетики, морали, лингвистики, истории и др.
Этот закон Спенсер применяет и к пониманию психики, считая, что психику можно понять исключительно только через анализ ее развития. В процессе эволюции происходит постепенная дифференциация психической жизни от жизни физической. Среда — это не только сила, пускающая в ход по типу механического толчка ©нутриорганические процессы, но и способная видоизменять жизнедеятельность, так что постепенно возрастает сложность приспособления к среде. Спенсер разработал систему психологических понятий, соответствующих эво-
143
люционнои теории. Сеченов высоко оценил значение учения Спенсера о развитии психики, назвав его «первой серьезной и систематически проведенной попыткой объяснить психическую жизнь не только со стороны содержания, но и со стороны прогрессивного развития из общих начал органической эволюции»[10]. Первичной единицей психики Спенсер считает ощущение. Оно развилось из первоначальной раздражительности. Внешний мир, воздействуя на организм, производит в нем толчок (nervous shock), который имеет и субъективный эффект— чувствование, т. е. простейшее ощущение. То» что объективно есть нервный импульс, субъективно есть единица чувствования. Из разного рода сочетаний чувствований образуются многообразные формы душевной жизни животных. Психика, по Спенсеру, как и жизнь в целом (см. его «Основания биологии», гл. IV, V), является приспособлением внутренних отношений к внешним, т. е. к внешней среде, причем специализация этого приспособления возрастает в процессе эволюции. Психология имеет своим предметом «не соотношения между внутренними явлениями, не соотношения между внешними явлениями, но соотношения между этими соотношениями» [и]. Психология должна исследовать природу, происхождение и значение связей между сознанием и внешней средой. Спенсер справедливо подчеркивает, что вся предшествующая ассоциативная психология замыкалась внутри организма, считала единственным путем его изучения установление связи между нервными процессами и психическими. В отличие от этого в психологии Спенсера психика берется в ее отношении к внешней среде и получает реальную функцию в осуществлении связи организма со средой. Эти положения Спенсера развивали в американской психологии В. Джемс, психологи-функционалисты, бихевиористы.
В процессе приспособления внутренних отношений к внешним образуются рефлекс, инстинкт, память, разум, воля. Они суть фазы психического развития, стадии приспособления. Интеллект — высшая фаза душевного развития, с его помощью приспособление расширяется в пространстве и во времени, возрастают его специа^

[10] *Сеченов И. М.* Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 419.
" *Спенсер Г.* Соч.: В 7 т. Т. 3. Спб., 1898. С. 85.

лизация, точность и сложность. Чувство и воля тоже-возникают из низших форм психической деятельности-Чувства всегда сопутствуют актам познания, возникают там, где действие перестает совершаться автоматически. Волевые поступки отличаются от автоматических: тем, что в них есть предварительное сознание того, чтодолжно быть выполнено.

На вопрос о том, каким образом происходит приспособление внутренних отношений к внешним, отвечает-теория ассоциации идей. Принцип ассоциации Спенсер» рассматривает как закон, лежащий в основе психического развития. Внешние отношения и связи производят связи внутренние. Они образуются в индивидуальном опыте. Их продуктом являются ощущения, восприятия, чувства, автоматические процессы — привычки.. К индивидуальному опыту присоединяется наследственный опыт предшествующих поколений, закрепленный в> нервной системе. Это безусловные рефлексы, инстинкты, а также некоторые знания и умения, которые закрепляются в структуре мозга вследствие их повторения в опыте многочисленных поколений, Человеческую психику Спенсер рассматривает в основных понятиях биологической эволюции, хотя и подчеркивая, что человек, в отличие от животных, существует не только в природной, но и в надорганической,, т. е. социальной, среде и вынужден приспосабливаться-к ней. Социальная эволюция, по Спенсеру, составляет часть эволюции вообще, поэтому законы и механизмы приспособления$_ч$человека к социальной среде только-усложняются благодаря появлению новых факторов — языка, общества, материального производства, науки,. нравственных и эстетических категорийи др. По сравнению с эволюцией в животном мире процесс приспособления у человека качественно не меняется. Спенсер» сохраняет понятие о двух формах опыта — индивидуальном и наследственном — видовом. Знания и умения,. приобретенные в опыте, закрепляясь в органической структуре мозга, частично передаются по наследству. К ним относятся те формы сознания — пространство и время, по вопросу о происхождении которых спорили[1] эмпиристы и априористы. По Спенсеру, каждое поколение от рождения имеет знания о пространстве и времени, но они были приобретены в продолжение длитель^-ного периода, через который произошло развитие чело-

вечества. Значит, нет абсолютно прирожденного. Так, •Спенсер спорит с Кантом. Но неправильна, с точки .зрения Спенсера, и позиция Локка, согласно которой знание исчерпывается только индивидуальным опытом. Здесь игнорируется психическое развитие, которое происходило вместе с развитием нервной системы. Сознание не чистый ^{ч}лист. Оно полно ассоциаций, которые являются результатом действия закона наследственности. Так Спенсер примиряет априоризм и эмпиризм. В процессе развития общества психика человека развивается: возрастает роль мышления по сравнению с. восприятием и действием, а в нем конкретные понятия •сменяются абстрактными. Эти идеи Спенсера являются прогрессивными, однако само понимание развития и его •механизмов отмечено печатью натурализма и биоло-гизации человека.

Биологизация в понимании законов развития человеческой психики привела Спенсера к откровенно реакционным расистским выводам. «...Европеец наследует двадцатью кубическими дюймами мозгу больше, чем папуас... такие способности, как способность к музыке, •почти не существующие у многих низших человеческих рас, становятся врожденными у рас более высоких. "Вследствие этого-то и происходит, что от дикарей, неспособных сосчитать числа своих пальцев и говорящих -языком, состоящим только из существительных и глаголов, выходят путем долгого развития наши Ньютоны и Шекспиры»[12].

Построенная на основах позитивистского эволюционизма теория человека Спенсера натуралистически трактует его развитие. В действительности закрепление знаний и умений, приобретаемых в процессе развития -человечества, происходит в объективированной, непсихологической форме социального наследования. Каждый индивид должен усвоить их. Усвоение является той новой формой опыта, которой нет у животных и которая занимает основное место в становлении человеческой психикиЧ

Исторически оценивая итоги развития ассоцианисти-ческой психологии в целом, необходимо иметь в виду

»2 *Спенсер* Г. ... Т. 3. С. 288—289.

[13] См.: *Леонтьев А.* Я. Об историческом подходе к изучению ■психики человека//*Леонтьев А. Н.* Избоанные психологические произведения. В 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 96—140.

следующее. Отстаивая эмпирический подход к пониманию психики, ассоцианизм защищает идею

опытного происхождения индивидуального сознания и безграничной воспитуемости человека. Такая позиция прогрессивна^ она создает научную базу для педагогики, открывая широкие перспективы для разработки путей обучение и воспитания. В рамках материалистического направления ассоцианизма, начиная с Гартлй, возникла задача изучения материальных основ психики, решение которой стало одним из магистральных путей в психологии. В ассоцианизме дано детальное описание как самого факта ассоциации, так и принципов (законов) образования ассоциаций, выявлены условия образованияи сохранения ассоциаций. Эти данные повлияли на понимание научения, процесса'приобретения знаний, особенно в период экспериментального развития ассоцианизма. Ассоциативная психология имеет и прикладное значение. Ассоциативный эксперимент в различных вариантах нашел широкое применение в клинике (Р. Зом-мер, Э. Крепелин, 3. Фрейд, К. Юнг и др.). В педагогике используются данные о роли повторения, о способах заучивания и др.

Вместе с тем, несмотря на серьезные и неоспоримые-достижения, ассоцианизм, развиваясь, все более обнаруживал свою теоретическую несостоятельность. Эта направление было замкнуто в сознании и не открывало-путей для его объективного исследования. «Чистая психология сознания» — так называл английскую психологию Эд. Гартман в своей книге «Современная психология». С. Л. Рубинштейн проницательно замечал, чтоассоциация — это вообще не механизм, а явление, конечно, фундаментальное. Но как явление оно само требует объяснения. Ассоциативную психологию отличаег описательность, она не имеет средств для объяснениядушевной жизни, что признавал еще Д. Юм: ассоциации — это «некоторого рода притяжение, которое, как. нам кажется, производит в духовном мире столь же-необычайные действия, как и в мире естественном, и' проявляется в столь же многих и разнообразных формах. Его действия всегда очевидны; но что касается до< его причин, то они по большей части неизвестны и должны сводиться на первичные свойства человеческой[1] природы, на объяснение которых я не претендую»'[14].

. " *Юм* Д. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.. 1966, С. 101,

Глава III

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РОССИИ

•

Русская психологическая мысль в *Л1Х* в. развивалась в связи с общественной мыслью и ^успехами в естествознании, в творческом усвоении достижений мировой философии и психологии. XIX век :в России был временем разложения феодальной формации, завершившимся глубоким кризисом феодализма "в 30—50-е гг. На разложение и кризис феодализма большое воздействие оказывали рост антикрепостнической борьбы угнетенных масс, в первую очередь крестьянства, возникновение и развитие революционного движения, начало которому положили декабристы. Кризис •феодализма в России нашел свое разрешение в отмене крепостного права в результате крестьянской (1861) и ^других буржуазных реформ и утверждения капитализма. События социально-экономической жизни получили отражение в борьбе различных направлений общественно-исторической мысли. В идейной жизни конца !20-х — начала 30-х гг. официально дворянскую линию -представляло консервативное движение (С. С. Уваров, Ж П. Погодин, С. П. Шевырев). Эта линия защищала эюмещичье-крепостную идеологию «официальной народности», обосновывая идею единения царя и народа, сохранения самобытности крепостной России, которая крепка «тремя коренными чувствами» — самодержавием, православием, народностью. Как ответ на вопрос *о* путях развития России на рубеже 30—40-х гг. сложились два течения — либерально-буржуазное западничество (Т. Н. Грановский, К. Д. Кавелин, В. П. Боткин, [?]Е. Ф. Корш, П. В. Анненков и др.) и либерально-дворянское славянофильство (А. С. Хомяков, братья И. В. 'и П. В. Киреевские, братья К. С. и И. С. Аксаковы, 10. Ф. Самарин). Споры между западниками и славянофилами были важной частью общественного движения своего времени. Революционно-демократическое на-шравление в эти годы представляли В. Г. Белинский, .А. И. Герцен, а также петрашевцы. После реформы 1861 г. в условиях быстрого развития капитализма и обострения классовой борьбы получила развитие философия революционеров-демократов Н. Г. Чернышевско-

*

Ж4&

го, Д. И. Писарева, Н. А. Добролюбова, философия народничества. Почвенничество и «боготворчество» Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого защищало идею о «народной почве», о

самобытности России, искало третий путь в решении проблем пореформенной России. Линию идеалистической философии представляли Вл. Соловьев, а также академические философские направления: неокантианство (А. И. Введенский, И. Лапшин, П. Новгородцев), позитивизм, интуитивизм (Н. Лосскии}^ неогегельянство (Б. Чичерин, Н. Де-оольский), "спиритуализм (Л. Лопатин), экзистенциализм (П. Шестов, Н. Бердяев). В рамках этих философских направлений развивалась идеалистическая умозрительная психология, в частности, в Московском и Петербургском университетах.
В связи с ростом рабочего класса в 90-е гг. Россия вступает в пролетарский период освободительного движения. Этот этап характеризуется распространением марксизма, выходом первых работ В. И. Ленина.
Из всех этих течений на развитие материалистической отечественной психологии в XIX в. оказали наибольшее влияние идеи революционеров-демократов: Герцена, Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Усвоение марксизма в психологии произошло после победы Великой Октябрьской социалистической революции.
В XIX в. большие успехи сделало отечественное естествознание. Отметим лишь некоторые из них, оказавшие особенное влияние на развитие психологии. Одним из ярких достижений эволюционной мысли до Ч. Дарвина явились диалектические взгляды на природу, развиваемые К. Ф. Рулье (1814—1858). В 1845—1846 гг. его курс публичных лекций на тему «Об образе жизни животных» высоко оценил А. И. Герцен, указав на глубокий методологический смысл данных о психологии животных, этой «дочеловеческой феноменологии развертывающегося сознания», позволяющей понять возникновение человеческого сознания и его качественные отличия от психики животных. В капитальном труде -«История развития животных» (1828—1837) основы эмбриологии заложил К. М. Бэр (1792—1876). Во второй половине XIX века действовал микробиолог, лауреат Нобелевской премии, создатель учения о фагоцитозе И. И. Мечников (1845—1916). Его труды «Этюды о природе человека» и «Этюды о природе оптимизма»
149
пользовались большой популярностью. В XIX в. было положено начало пропаганде дарвинизма в нашей стране, для которой особенно много сделали И. М. Сеченов, Д. И. Писарев, Н. Г. Чернышевский, К. А. Тимирязев. Большие успехи имела русская физиология. Во второй половине XIX в. развернулась деятельность основоположника отечественной научной физиологии И. М. Сеченова.
В XIX в. выходит ряд трудов по психологии Д. Вел-ланского, П. Любовского, А. Галича. Галич («Картина человека») выступает как оригинальный ученый и развивает новые для своего времени идеи о связи психики с деятельностью человека в условиях общественной жизни. Сложные вопросы о природе психики и задачах психологии поднимал А. И. Герцен. Психика — это особая функция мозга, отличная от функций других органов, например, печени и т. п. У физиологии и психологии разные задачи: задача физиологии — изучение организма, психология же уходит совсем в другой мир. Попытки преодолеть механистическую ограниченность в. понимании психики связаны с идеями Герцена о качественном своеобразии человеческой психики в отличие отпсихики животных, причина которого — в историческом развитии человека. Поэтому психология, отправляясь от физиологии, должна также основываться на философии и истории. А. И. Герцен материалистически решает проблемы психологии познания, развивает идеи о соотношении разума и чувства, критикует индивидуалистический подход к мышлению в сенсуалистических концепциях Локка и Кондильяка. Важное место в системе его психологических взглядов занимали проблемы личности. Личность — не пассивный продукт среды. Герцен защищал идею о «деянии» как существенном факторе духовного развития.человека. Особенное внимание Герцен уделяет проблеме свободы воли. Она стала предметом острых споров между идеалистами и материалистами в русской психологии 60—80-х гг. Ее обсуждал Н. Г. Чернышевский в «Антропологическом принципе в философии» (1860), в романе «Что делать?» (1863). Ее касался также и Герцен. Она-имела острое общественно-политическое звучание. Материалисты часто упрощенно трактовали вопрос о свободе воли, что приводило к фатализму. Герцен отказывается от идеалистического догмата о «свободной воле», ни от
150
чего не зависящей и ничем не определяемой. Также неприемлем и абсолютный физиологический детерминизм. «Действие, несомненно, является функцией организма, но оно не является обязательным и непроизвольным подобно дыханию или пищеварению. Физиология разлагает сознание свободы на его составные элементы, упрощает его»[1]. Для объяснения чувства свободы

необходимо перейти на другой уровень объяснения. У человека есть «способность, состоящая из разума, страсти и воспоминания, взвешивающая условия и определяющая выбор действия»[2]. Это сознание. Его анализ ускользает от физиологии и требует исторического подхода, его обеспечивает социология. «Для нее человек — это нравственное существо, т. е. существо общественное и обладающее свободой располагать своими действиями в границах своего сознания»[3]. Так, Герцен, отвергая индетерминизм в трактовке человеческих действий, указал на социально-историческую обусловленность высших проявлений личности, в том числе воли.
Видное место в развитии материализма XIX в. в России принадлежит Н. А. Добролюбову. Его борьба с идеализмом в философии, психологии, педагогике оказала большое влияние на дальнейшее развитие этих областей знания, способствовала укреплению позиций материализма. Добролюбов выступил с последовательной критикой дуализма, утверждая взгляд на человека как на одно целое, нераздельное существо. Со всей силой своего полемического таланта он разоблачал реакционную сущность френологии, имеющую распростра- • нение в русском обществе, выступал против вульгарного материализма, который «...унижает высокое значение духовной стороны человека, стараясь доказать, <5удто душа человека состоит из какой-то тончайшей материи»[4]. Добролюбов обосновывал взгляд на психические процессы как детерминированные, имеющие причину во внешнем мире.
Психология Чернышевского строилась на ог^ове принципов философского материализма в его антропологической форме. Согласно Чернышевскому, суг: :ть

[1] *Герцен* Л. *И.* Соч.: В 2 т. Т. 2. М, 1986. С. 527.
[2] Там же.
[3] **Там** же.
[4] *Добролюбов Н. А.* Избранные философские прей в . ,.лия. М,, 1948. С. 261.

антропологического принципа составляет такой подход, в соответствии с которым «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру, чтобы рассматривать каждую сторону деятельности человека как деятельность или всего его организма от головы до ног включительно, или, если она оказывается специальным отправлением какого-нибудь особенного органа в человеческом организме, то рассматривать этот орган в его натуральной связи со всем организмом»[5]. В то же время в человеке два рода явлений: материальные (человек ест, ходит) и нравственные (он думает, желает). Чернышевский выступает против дуализма в психологии. Антропологизм Чернышевского близок Фейербаху, но в отличие от созерцательного характера теории последнего у него вся философия подчинена задачам революционной борьбы. Так, в связи с критикой социал-дарвинизма и теории Мальтуса Чернышевский писал: «Думать людям следует не о переделке своего организма, по совету Мальтуса, а разве о том, не могут быть отношения между людьми устроены так, чтобы соответствовать потребностям человеческой натуры»[6].
Чернышевский требовал причинного подхода в психологии: «...в психологии всюду нужно искать причины»[7]. Научная психология должна выйти за пределы сознания в целях познания его причин. Решение этой задачи против обособителей психического продолжил позже И. М. Сеченов.
В понимании психики Чернышевский выступил против функционального подхода, закреплявшего психологический атомизм. Мышление, память, воображение принадлежат личности и должны рассматриваться в связи с деятельностью человека в соответствии с определенной потребностью. Чернышевский развивает мысли о специфике человеческих потребностей, в которых в отличие от биологических потребностей животных ин-тересность органического процесса отходит на задний план. Подчеркивается мысль о производстве потребностей в жизни, в активной деятельности.

[5] *Чернышевский Н. Г.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. М., 1974. С. 292.
[6] *Чернышевский Н. Г.* Поли. собр. соч.: В 15 т. Т. IX. М., 1949L
С 333
[7] *Чернышевский Н.* Г. Собр. соч. Т. 4. С. 249—250.

Чернышевский различал характер и темперамент. Характер определяется условиями жизни, воспитанием и поступками человека. Темперамент обусловлен природными факторами, но даже и он подвержен влиянию социальных условий. Мысли о социальной природе характера выводят Чернышевского за границы антропологического принципа в понимании человека как органического существа. Он разрабатывает также понятие «народного характера» как совокупности умственных и нравственных качеств различных народов. В то же время изучение

национальной психологии народов Западной Европы приводит его к выводу, что национальные различия стираются в условиях классовых и профессиональных разделений общества. «По образу жизни и по понятиям земледельческий класс всей Западной Европы представляет как будто одно целое; то же должно сказать о ремесленниках, о сословии богатых простолюдинов, о знатном сословии»[8].

Важной областью развития русской психологической науки была педагогика. Связанная с передовым движением в области народного просвещения непосредственно в предреформенный период, но особенно в 60-х гг. XIX в., она привлекала внимание не только специалистов, но всей прогрессивной русской общественности. Исключительный общественный резонанс получила статья выдающегося русского хирурга Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (1856). По оценке К. Д. Ушинского, идеи Пирогова «пробудили спавшую у нас до тех пор педагогическую мысль», а выдвинутый им принцип воспитания прежде всего человека в человеке должен стать требованием здравой педагогики, основанной на психологии»[9]. Лейтмотивом передовой педагогической мысли стали идеи о формировании всесторонне развитой, высоконравственной личности как цели воспитания, о гуманистическом отношении воспитателя к воспитаннику. Теоретики педагогической мысли XIX в. (Н. Х. Вес--сель, П. Д. Юркевиз) указывали на первостепенное значение '"психологии для педагогики. Органичное соединение педагогики с психологией происходит в фундаментальном произведении русской педагогической мысли —

[8] *Чернышевский Я. Г.* Собр. ... Т. 2. С. 593.

» *УшинскТй К- Д.* Собр. соч.: В 11 т. Т. 3. М.; Л., 1948. С. 11.30.

труде К. Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания». Здесь были использованы достижения всей мировой психологической мысли. Признавалась исключительная роль деятельности, особенно труда, в духовном развитии, в формировании характера и нравственных качеств. Труд Ушинского явился предтечей отечественной педагогической психологии. Переход к ней осуществил П. Ф. Каптерев (1849—1922), автор «Педагогической психологии» (1877). Характерен уже эпиграф книги: «Я хочу свести все обучение на психологическую почву».

Связь психологии с педагогикой означала выход психологии в прикладные области. Другой такой областью стала промышленная практика. В 80-х гг. XIX в. в связи с развитием капиталистического производства в России появляются работы по учету психики человека в труде, с чем связаны надежная работа персонала, устранение причин нарушений его деятельности, подбор и обучение людей. К психологии обращаются юристы, военные деятели, психиатры, физиологи. По Е. А. Будиловой, в рамках Русского географического общества еще в конце 40-х гг. были начаты замыслы «психической этнографии» (Н. И. Надеждин, К. М. Бэр, К. Д. Кавелин и др.), создана программа по изучению психологии народов России. Эти исследования положили начало новой отрасли — психологии народов, возникновение которой традиционно связывается с деятельностью М. Лацаруса и Г. Штейнталя (1859, Германия).

Во второй половине XIX в. одним из источников психологических знаний явилось языкознание. Колоссальным событием было появление толкового словаря В. Даля. Особое значение для психологии имела развернувшаяся в Харькове деятельность замечательного лингвиста, создателя научной школы исторического языкознания А. А. Потебни (1835—1891). Обсуждаемые в его трудах («Мысль и язык», «Из записок по русской грамматике», «Из записок по теории словесности. Поэзия и проза. Тропы и фигуры. Мышление поэтическое и мифическое») вопросы языка, взаимосвязи языка, чувственного познания и мышления, единства сознания и языка раскрывали проблему исторического развития человеческого сознания, его социальную природу. Потебня прослеживает также развитие самосознания в процессе

жизни человека, указывая на язык как его важнейшее условие[10].

У Потебни получают разработку идеи выдающегося немецкого мыслителя и лингвиста В. Гумбольдта (1767—1835) о социальном характере языка. По Гумбольдту, язык не просто внешнее средство общения людей, он — продукт «языкового сознания» народа, определяет его «дух». По Гумбольдту, «...язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка»[11]. Разные народы отличаются не по биологическим, расовым и т. п. признакам, а своим «видением мира». Поэтому знание нескольких языков обогащает представление о мире.

Гумбольдт выдвинул проблему внутренней формы языка, которая была основательно развита в отечественной психологической науке А. А. Потебней, а позже Г. Г. Шпетом (1927), Д. Н. Узнадзе

(1948). Прослеживая путь образования слова и исходя из идеи исторического развития языка и сознания, Потебня различает в слове внешнюю форму, т. е. членораздельный звук, содержание, объективируемое посредством звука и соответствующее понятию, и внутреннюю форму или ближайшее этимологическое значение слова, тот способ, каким выражается содержание. Слово есть орудие мысли и служит для ее объективации. Музыка, живопись также являются формами объективации мысли, но вне-лингвистическими, хотя и производными от языка. В них также есть эти три аспекта: содержание (идея), внутренняя форма (образ) и внешняя форма. Развитие сознания идет от языка чувств к языку мыслей. Путь образования слова таков: чувство отражается в звуке, в форме представления. Первой ступенью духовной жизни является мифологическое сознание, следующими — художественно-поэтическое и научное. В мифологическом сознании «мир существовал для человечества

[10] Исследования творчества Л. С. Выготского показали, что можно говорить о влиянии А. А. Потебни на становление ключевых моментов учения Выготского об общественно-исторической природе психики человека. См. об этом сб.: Научное творчество Выготского в современная психология/Под ред. В. В. Давыдова. М., 1981. *С.* 126.

[u] *Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 80.

только как ряд живых, более или менее человекообразных существ, когда в глазах человека светила ходили по небу не в силу управляющих ими механических законов, а руководствуясь своими соображениями... считать создание мифов за ошибку, болезнь человечества, значит думать, что человек может разом начать со строгой научной мысли, значит полагать, что мотылек заблуждается, являясь сначала червяком, а не мотыльком» [12]. История языка помогает проследить путь развития человеческого познания от мифа к поэтическому мышлению и науке, как единый процесс движения от языка чувств к языку мыслей. «Самый миф сходен с наукой в том, что и он произведен стремлением к объективному познанию мира» [|3].

[12] *Потебня А. А.* Мысль и язык. Харьков, 1892. С. 172—173.

[13] Там же. С. 173.

Раздел четвертый

РАЗВИТИЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ ПРЕДПОСЫЛОК ВЫДЕЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ

■

Глава I

РАЗВИТИЕ ФИЗИОЛОГИИ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ И ОРГАНОВ ЧУВСТВ В XIX В.

Во второй половине XIX в. создаются объективные условия для выделения психологии в самостоятельную науку. В зарубежной и отечественной науке все чаще встречается мысль о необходимости самостоятельного, отдельного от философии и естествознания, в рамках которых зародилась психологическая' мысль, развития психологии: этого требует специфика психических явлений.

Так, Т. Рибо в 1871 г. писал: «Мы желаем показать, что психология может сложиться в независимую науку», что условием этого является возможность выделить факты, которые «составляют самую прочную и всего менее оспариваемую часть этой науки. Чистое и простое изучение этих-то фактов и может обосновать независимую науку»[1]. Сходную мысль встречаем у Н. Я. Грота: «Ежедневное появление... новых трудов по вопросам психологическим... наводит на мысль, что психологическая наука способна развиваться далее своими средствами и что в ней есть много задач, которые не могут быть решены при помощи одного только микроскопа или других каких-либо орудий точного естествознания» [2].

Мысль о том, что одним из условий достижения психологией самостоятельности является ее отделение от философии, выразил Г. И. Челпанов в докладе на I Всероссийском съезде по психоневрологии (1923) «О предпосылках современной эмпирической психологии»: «Стремление внести в психологию философские элементы противоречит понятию эмпирической психологии.

[1] *Рибо Т.* Современная английская психология. М., 1875. С. 18.

[2] *Грот Я. Я.* Психология чувствований. Спб., 1879—1880. С. VII.

Трактование философских проблем в обстановке эмпи-рико-психологических понятий ведет к

крайней поверхности, что, в свою очередь, может привести психологию к упадку»[3].
Выделение психологии в самостоятельную науку произошло в 60-х- гг. XIX в. Оно ознаменовалось появлением первых программ (В. Вундт, И. М. Сеченов), созданием специальных научно-исследовательских учреждений — психологических лабораторий и институтов, ка-;федр в высших учебных заведениях, начавших подготовку научных кадров психологов, выходом специальных психологических журналов, образованием психологических обществ и ассоциаций, проведением международных конгрессов по психологии.
По С. Л. Рубинштейну, решающую роль в становлении психологии как самостоятельной науки сыграло внедрение эксперимента, что «... не только вооружило ее новым для нее, очень мощным методом научного мышления, но и вообще по-новому поставило вопрос о методике психологического исследования в целом, выдвинув новые требования и критерии научности всех видов опытного исследования в психологии»[4]. Эксперимент был заимствован психологией из естествознания, прежде всего, из физиологии органов чувств и нервной системы. Интенсивное развитие этих и других областей естествознания, успехи в области объяснения явлений жизни (механико-физико-химическая теория жизни, концепция К. Бернара о гомеостазе), возникновение психофизики и психометрии явились важнейшей предпосылкой преобразования психологии в самостоятельную науку и обусловили ее развитие по образцу естественных наук.
Замечательный английский анатом, физиолог, патофизиолог и врач Чарльз Белл (1774—1842) экспериментально установил (а точнее подтвердил факт, известный еще в античности) различия между передними и задними корешками спинного мозга по функции: передние корешки содержат моторные нервы с двигательной функцией, задние—чувствительные (1807). Это открытие намечало анатомическую основу рефлекторной дуги,

[3] Цит. по: *Эфрусси П.* О. Успехи психологии в России. Пг., 1923. С. 20.
[4] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946. С. 56.

каждая часть которой получала анатомическое обоснование: проведение возбуждения по чувствительному нерву,. затем его переработка в нервном центре и передача поэфферентному нерву к органу движения. Тем самым было» установлено, что спинной мозг построен по принципу рефлекторной дуги. Открытие имело сильный резонанс^ Параллельно оно было совершено французским физиологом Мажанди (1822) и вошло в науку под двойным именем — «закон Белла-Мажанди». Белл показал регулирующую роль мышечного чувства в осуществлении[1] движения. Он впервые выделил нервы, которые ведут ог мышцы в мозг и сигнализируют о характере мышечного сокращения. Так Белл сформулировал идею нервного круга или, как он называл, «нервного кольца»: раздра- ' жение поступает в мозг, от мозга в мышцу, от мышцы[5] опять в мозг. Разрыв в какой-либо части круга приводит к тем или иным нарушениям движения: при повреждении двигательного нерва наступает паралич, при нарушении того нерва, который ведет от мышцы к мозгу,. наблюдаются различные нарушения координации движения. Идея нервного круга, сформулированная Беллом в 1826 г., не получила развития и была введена в оборот в 30-е гг. XX в. в связи с развитием кибернетических исследований в виде понятия об обратной связи. Современники восприняли только ту часть его учения омышечном чувстве, где говорится о такой его функции,. как ощущение усилия во время движения. Белл описал факт, который теперь называется реципрокной иннервацией мышц-антагонистов: когда мышцы-разгибатели расслабляются, мышцы-сгибатели сокращаются. Открытия Ч. Белла углубляли и расширяли представления о деятельности нервной системы и позволяли лучше понять нервный механизм поведения.
Одним из самых видных физиологов XIX в. был Ио-гащ^с Мюллер (1801—1858). В. И. Ленин назвал ега «знаменитым основателем новейшей физиологии». Среди его учеников Г. Гельмгольц, Э. Дюбуа-Реймон, К- Людвиг и др. Особенно большое значение приобрело его «Руководство по физиологии человека» (1833—1840). В нем наряду с вопросами общей физиологии большое место занимают данные по физиологии нервной системы. В этом учебнике получило развитие учение о рефлекторном акте и о рефлекторной природе работы спинного мозга.

Необходимо отметить, что несколько раньше подобную работу произвел английский физиолог Маршалл Холл (1790—1857), жоторого Э. Боринг назвал «пионером в исследовании рефлекторных актов»[5]. Мюллер признавал приоритет Холла. Несмотря на это, в силу авторитета Мюллера и **его** учебника, учение о рефлекторной природе деятельности спинного мозга связывается с -его именем.

Большое место в учебнике Мюллера занимает изучение деятельности органов чувств, особенно зрения и слуха.
Мюллер выдвинул доктрину специфической энергии органов чувств, которая является одним из самых крупных обобщений XIX в. в этой области физиологии. Доктрина включает десять законов. В соответствии с первым законом мы имеем сознание не объекта, но наших нервов, нервы — это посредники между воспринимаемыми объектами и умом и таким образом они навязывают -уму свои собственные характеристики. По Мюллеру, ощущения складываются в чувствующем органе через посредство нервов, и в качестве результата от действия внешних причин дают знания некоторых качеств или условий не внешних тел, а самих сенсорных нервов. Непосредственными объектами восприятия наших чувств -являются состояния, вызываемые в нервах и чувствуемые как ощущение либо самого нерва, либо чувствующего органа. Идеи Мюллера о том, что нервы органов чувств не являются передатчиками свойств внешних тел, напоминают мысли Локка о вторичных качествах. Второй закон доктрины Мюллера состоит в принципе специфичности. Имеется пять видов нервов и соответствующих органов чувств, и каждый из них имеет свое специфическое качество или свою специфическую энергию, тсоторую навязывает уму. Третий закон доктрины специфичности опирается на эмпирическую очевидность первых двух: одна и та же причина вызывает в различных органах чувств различные ощущения (зрительные, •слуховые ощущения возникают и тогда, когда орган чувств раздражается необычным раздражителем, неадекватным для данного органа чувств, например, электрическим или механическим). Следовательно, и качество ощущений зависит от природы нерва, на который воздействует причина. Таким образом, хотя причиной ощущений является материальное воздействие, ощущение не

'• *Boring E.* G. A History of experimental Psychology. N. Y., A929. P. **120.**

воспроизводит его свойств. Внешнее воздействие высвобождает нервную энергию, которая дремлет в органе чувств и только ждет толчка для этого возбуждения.
Как же мы приходим к уверенности в том, что воспринимаем объекты, а не состояние наших нервов? Мюллер отвечал так: нервы имеют определенное соотношение с внешними объектами. Ясно, что глаз воспринимает цвет, а не давление. Он может воспринимать и давление, но тогда он воспринимает его как свет. Поэтому мы воспринимаем действительно объект, в случае же действия на нас неадекватного стимула мы имеем иллюзию.
В. И. Ленин в связи с философским анализом положения, которое сложилось в естествознании к концу XIX — началу XX в., подвергает критическому рассмотрению выводы Мюллера с позиции теории отражения. Он квалифицирует эти взгляды как идеализм [6].
Теория Мюллера не является случайным явлением в развитии физиологических знаний. В. И. Ленин назвал уклон в сторону идеализма среди естествоиспытателей XIX в. «временным зигзагом, преходящим болезненным периодом в истории науки, болезнью роста, вызванной крутой ломкой старых установившихся понятий»[7].
В физиологии, развивавшейся в русле механического материализма, к XIX в. накопились такие факты, которые свидетельствовали о больших трудностях в объяснении специфики деятельности именно живого организма: работы органов чувств, нервной системы, мышечной ткани и т. д. Например, нервная деятельность, самый нервный процесс понимались в механистическом материализме по образцу механического движения. Ее носителем считались мельчайшие тельца, «животные духи». При изучении деятельности органов чувств также наталкивались на очень большие трудности. Уже факт различия между сетчаточным образом и видимым образом предмета ставил в тупик.
В XIX в. многие физиологи, столкнувшись с этими трудностями и не имея средств для их преодоления, приняли позицию отказа от теории и занялись описанием деятельности органов чувств (Ян Пуркинье, 1787— 1869). В основе теории Мюллера лежит неправомерное

[6] См.: *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 18. С. 322.
[7] Там же. С. 323.

допущение о том, что органы чувств и проводящие нервные пути обладают своей специфической энергией изначально[8], и, следовательно, ощущение зависит не от природы раздражителя, а от самого органа или нерва и является выражением его специфической энергии.
Теория Мюллера встретила оппозицию уже у современников. Так, Пуркинье в рецензии на

учебник Мюллера писал: «Мы не хотим, чтобы наша точка зрения оценивалась как идеалистическая. Мы считаем более действительной реальность вещей вне нас и именно в том смысле, как это обычно понимается...»[9]. С подобной критикой выступил физиолог Э. Х. Вебер. Философскую критику теории Мюллера впервые осуществил Л. Фейербах. Ее одобрил В. И. Ленин.

Мюллер дал также объяснение восприятия пространства, опираясь при этом на философию И. Канта. Он считал, что ощущающий орган имеет прирожденную способность к пространственному зрению, т. е. на сетчатке есть точки для восприятия величины, глубины и других пространственных свойств. Стимуляция этих точек дает впечатление о предметах как находящихся на определенном расстоянии от нас, имеющих определенную величину и т. д. При этом опыту уделяется незначительное место. Мюллер явился основателем позиции нативизма в теории восприятия пространства. Эти взгляды разделял немецкий психолог К. Штумпф, а также физиолог Э. Геринг. В 1801 г. Юнг выдвинул трехком-понентную теорию цветового зрения: сетчатка имеет три типа рецепторов, которые отвечают на красный, зеленый или фиолетовый цвета, а белый цвет является результатом равномерного возбуждения всех трех рецепторов. Позже, в последней четверти XIX в., Э. Геринг сформулировал фотохимическую теорию цветового зрения. В глазу имеются три фоторецептора, в каждом — пара цветоощущающих веществ: бело-черное, красно-зеленое, желто-синее. Внутри каждой пары происходят противоположно направленные химические процессы ассимиля-

[8] Ошибочность концепции Мюллера преодолевается обращением к эволюционному подходу, который объясняет специфичность как результат приспособления в филогенезе к определенным свойствам объектов.

[9] Цит. по: *Ярошевский М.* Г. Критика В. И. Лениным физиологического идеализма и ее значение для понимания истории пси-хофизиологии//Вопр. психологии. 1960. № 2. С. 53.

Рис. 2. Э. Х. Вебер (1795—1878). Сформулировал закон различительной чувствительности

ции — диссимиляции: диссимиляция вещества вызывает ощущение белого, красного, желтого; ассимиляция — черного, зеленого, синего.

Большой вклад в развитие физиологии органов чувств внес профессор анатомии и физиологии Лейпциг-ского университета Э. Х. Вебер. Он работал главным образом над осязанием («Об осязании» (1924)). Вебер различал в кожных ощущениях три рода ощущений: давления, или прикосновения, температурные, а также локализации. Для изучения этого последнего он изобрел специальный прибор — эстезиометр, или циркуль Вебе-ра, и с его помощью проводил экспериментальные исследования осязания. Он установил экспериментально, что при действии двух раздражителей на кожу, они различаются как разные в том случае, если отстоят друг от друга на известном расстоянии, причем это расстояние различно для разных участков кожи, т. е. что кожа обладает разной чувствительностью к локализации прикосновения. В объяснение этого факта он соединил принципы нативизма и генетического подхода. Самые известные эксперименты Вебера относятся к различительной чувствительности, которые привели к выводу: для того чтобы произошла разница в ощущениях, новый раздражитель должен находиться в известном отношении к ис-

6*

ходному. Это отношение для каждого органа чувств есть величина постоянная. Она устанавливалась опытным путем. Для звука это отношение составляет 1/10, для света— 1/100, и т. д. Этим обобщением Вебер подводил к мысли о возможности измерения в психологии. Оно было осуществлено Фехнером.

Выдающийся вклад в физиологию, а также в психологию восприятия и ощущения сделал J\ Гельмгольц (1821 —1894). В 1850 г. в статье «Измерение скорости нервного возбуждения» он опубликовал результаты экспериментальных исследований, в которых показал, что скорость распространения возбуждения по нерву составляет примерно 120 м/сек. В 1849 г. другой великий физиолог, друг Гельмгольца Дюбуа-Реймон, который исследовал электрические явления в мышце и нерве, показал, что нервный процесс — это не движение животных духов, а не что иное, как электрическая волна. Этот вывод приближал к пониманию физиологического процесса возбуждения и вместе с исследованиями Гельмгольца о скорости нервного возбуждения способствовал материалистическому пониманию нервного процесса и психики. В 1851 г. Гельмгольц изобрел офтальмоскоп, прибор, с помощью которого можно было исследовать глазное дно. С этого времени Гельмгольц занимается зрением. Он принимает теорию Юнга о цветовом зрении и развивает ее. Из всех исследований, направленных на изучение зрения, рождается знаменитая работа «Физиологическая оптика» (1856—1866). Здесь представлены физика света, анатомия и физиология органов зрения, а также психологические феномены, которые

сопровождают физиологические процессы зрения. Здесь же Гельмгольц сформулировал теорию восприятия, теорию бессознательных умозаключений. В 1863 г. выходит еще одна большая работа Гельмгольца «Учение о слуховых ощущениях». Здесь даются физическая характеристика звука, анатомия и физиология органов слуха, резонансная теория слуха, описываются психологические феномены. Так, к 60-м годам XIX в. благодаря работам Вебера и Гельмгольца три органа чувств — осязание, зрение и слух — получили капитальную разработку.
В теории ощущений Гельмгольц проявлял непоследовательность, колебался между материализмом и идеализмом. Исходя из правильного положения о том, что наши представления, ощущения являются результатом
164
воздействия предметов на нас, соотношение ощущения с вызвавшим его предметом мыслилось Гельмгольцем не по типу отражения и описывалось в терминах символа» иероглифа, знака. Важной частью исследований Гельм-гольца явилась его теория восприятия.
Теория бессознательных умозаключений Гельмголь-ца утверждает, что перцептивный образ не ограничивается тем, что идет от стимула в данный момент: восприятие, которое выступает для человека как непосредственно данное, является на самом деле продуктом опыта. Процесс соединения данных ощущений с прошлым опытом является бессознательным и напоминает ту работу, которую мы производим в процессе мышления, когда делаем умозаключение: мы как бы сопоставляем наше впечатление (меньшая посылка) с какой-то частью прошлого опыта (большая посылка), а затем делаем вывод о том, что же имеет место в данный момент. Гельмгольц указывал на условность термина «бессознательное умозаключение»: оно — результат не сознательной деятельности, а какой-то игры нервных процессов, неизвестной нам, но которую можно представить по аналогии с умозаключением. Выделяются следующие особенности бессознательных умозаключений. Во-первых, они действуют принудительно, от них нельзя избавиться с помощью мышления. Они возникают бессознательно и не управляются сознанием. Во-вторых, они формируются в опыте, путем многократного повторения, в-третьих, механизмом таких умозаключений являются, по-видимому, какие-то сенсомоторные связи между собственно зрительными ощущениями и ощущениями от движений глаза в процессе восприятия.
Теория бессознательных умозаключений Гельмгольца имеет большое значение и не только для понимания восприятия: она указывает на существование механизмов, которые хотя и не выступают в самонаблюдении, но составляют действительное содержание таких явлений, как «я вижу», «я слышу» и др. Объективно все это выявля- ет принципиальную недостаточность самонаблюдения как метода психологии.
Гельмгольц оставил интересные психологические заметки по творческому мышлению, вниманию и др. вопросам. Но они имеют более частное значение.
В XIX в. развернулись исследования по анатомии и физиологии мозга. Они углубляли представления о ма-
165
термальном субстрате психической деятельности. В первой четверти XIX в. известный австрийский врач и анатом Ф. А. Галль выступил с исследованиями по морфологии мозга. Он впервые отличил серое вещество, составляющее кору и подкорковые образования, от белого вещества, которое состоит из проводящих волокон, связывающих отдельные участки коры между собой и кору с нижележащими отделами. Наибольшую известность, однако, получили не эти исследования, а френология Галля. В области психологии она опиралась на теорию способностей, а мозг представлялся как совокупность органов этих способностей (их 27), каждая из которых связывалась с определенной группой клеток в коре. Эти участки, разрастаясь, придают черепу выпуклую форму, по которой можно определить способность человека. Френология Галля как учение о связи строго локализованных способностей человека со строением черепа является ложным направлением, хотя в свое время эти идеи вызывали определенный интерес, в том числе в России. Она отражала попытку дифференцированного подхода к пониманию мозга, который до этого казался однородной массой.
Идеи локализационизма натолкнулись на сопротивление со стороны фактов. Примерно в это же время, в первой четверти XIX в., французский физиолог, основатель экспериментальной физиологии мозга Пьер Флу-ранс (1794—1867) на основе физиологических эксперт ментов с разрушением полушарий у птиц обнаружил, что через некоторое время у птиц восстанавливается поведение, независимо от того, какая часть мозга была разрушена. «Масса мозговых полушарий физиологически столь же равноценна и однородна, как масса какой-нибудь железы, например

печени». Так была высказана идея о полной функциональной однородности мозговой массы. Исследования Флуранса имели большое значение, так как на место умозрительных домыслов поставили научный эксперимент. Полученные данные свидетельствовали о пластичности мозга, о взаимозамещаемости его функций. Однако Флуранс сделал слишком широкие обобщения. Неучет эволюционного подхода к мозгу, имеющему различное строение у животных, находящихся на разных ступенях развития, привел к неправомерным выводам. Все последующие десятилетия работы по исследованию мозга были связаны с развитием идей локали-
166
зационизма. Материал поступал из двух источников. Во-первых, из наблюдений за нарушениями поведения у больных с локальными поражениями мозга (клинические наблюдения французского врача Буйо, показавшие, что потеря моторной функции речи связана с нарушениями в области передних отделов мозга (1825); открытие французским анатомом Брока центра моторных образов слов (1861); открытие немецким психиатром Вер-нике центра сенсорных образов слов и др.)-
Вторым источником, на базе которого складывались локализаци-онистские представления о мозге, были анатомические и физиологические исследования мозга (опыты с непосредственным раздражением коры, с разрушением определенных областей мозга и т. п.). Открытие двигательных центров в коре Фритчем и Гитцигом (1870) методом раздражения роландовой борозды коры электрическим током и исследования киевского анатома Беца по морфологическому описанию коры, открытие связи затылочной коры мозга с функцией зрения, височной — слуха и др. (Мунк), передних областей мозга — с вниманием и интеллектуальными функциями (Гитциг и Ферьер), полученные методом экстирпации отдельных участков коры мозга, подкрепляли вывод о неоднородности морфологической структуры мозга: мозг имеет высокодифференцированное строение. Однако представления о прямой связи функции с каким-то узким участком мозга были слишком грубыми, противоречащими фактам. Так, например, немецкий физиолог Ф. Гольц (1834—1902) обнаружил, что экстирпация отдельных участков мозга у собаки приводит к нарушению поведения в целом, следовательно, к мозгу нужно подходить как к целостному образованию.
В период расцвета узколокализационистского подхода эта идея не получила достаточного развития, и только в 60-х гг. крупнейший английский невролог X. Джексон преодолел узкий локализационизм и сформулировал принципиально новый подход к пониманию локализации психических функций.
По Джексону, психическая функция представлена в мозгу по уровневому типу: например, по отношению к двигательной активности низший уровень — что спинной мозг и варолиев мост, средний уровень — моторная область коры, высший уровень — префронтальная область. Нарушения на том или ином уровне приводят квыпаде-
167
нию той или другой стороны функции. В процессе эволюции происходит развитие и интеграция различных уровней головного мозга — формирование системы связей, которые обусловливают сложное поведение человека— мышление, символическое действие. Распад этой интегративной деятельности приводит к нарушению психики. Идеи Джексона были развиты Г. Хэдом, его учеником. Новое и весьма прогрессивное направление, начатое Джексоном по проблеме локализации психических функций, получило настоящее развитие позже, уже в XX в., особенно в нейропсихологии, в теории системной динамической локализации высших психических функций человека.
Таковы главные направления в развитии учений по физиологии мозга в XIX в. Локализационистский и ан-тилокализационистский подходы сосуществовали, потому что каждый из них опирался на какие-то факты, которые, однако, понимались односторонне, а сложность проблемы локализации психических функций в мозгу не позволяла принять тот или другой подход как единственный.
Успехи в области исследования мозга так же, как и достижения в некоторых других областях физиологии (были открыты железы внутренней секреции и показана связь эндокринной системы с психическими процессами), способствовали развитию знаний о материальных (анатомических и физиологических) основах психики и поставили большой вопрос о соотношении анализа физиологических механизмов психических функций и собственно психологического анализа, т. е. проблему соотношения психологического и физиологического. В ходе ее решения оформились две теории — параллелизма и взаимодействия физиологических процессов и психических явлений. Каждая из них базировалась на концепции дуализма духа и материи. В теории

параллелизма психическое рассматривается как параллельное физиологическому, т. е. как эпифеномен. Отрицая реальную функцию психики, эта концепция вступает в противоречие с естествознанием и ставит под сомнение необходимость психологии как отдельной науки. В теории взаимодействия сохраняется значение психики и тем самым значимость психологии как науки. Однако объяснение самого процесса влияния психики на тело встречает большие трудности. Наибольшее распространение среди психологов получила теория параллелизма.

Глава II

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПСИХОФИЗИКИ И ПСИХОМЕТРИИ

Другим важнейшим источником, на базе которого формировалась экспериментальная психология, явилась психофизика. I\JT. Фехнер (1801—1887) в работе «Элементы психофизики» (T86D) сформулировал основную задачу психофизики: разработать точную теорию соотношения между физическим и психическим мирами, а также между душой и телом. Соответственно он различал две психофизики: внутреннюю (она должна разрешить вопрос о соотношении между душой и телом, между психическим и физиологическим) и внешнюю (ее задача — соотношение между психическим и физическим). Фехнер разработал только внешнюю психофизику.

Для работы в этой области Фехнер создал экспериментальные методы. Он сформулировал основной психофизический закон. Все это составило новую самостоятельную область знания — психофизику. Целью Фехне-ра было измерение ощущений. Поскольку раздражитель, который вызывает ощущения, может быть измерен, Фехнер предположил, что средством измерения ощущения может быть измерение интенсивности физического раздражителя. Точкой отсчета при этом выступала та минимальная величина раздражителя, при которой возникает первое, едва заметное ощущение. Это нижний абсолютный порог. Фехнер принял допущение, что все едва заметные разницы в ощущениях равны между собой, если равны приросты между раздражителями, которые происходят в геометрической прогрессии. Разностный порог Фехнер избрал в качестве меры измерения ощущения. Таким образом, интенсивность ощущения равна сумме разностных порогов. Эти рассуждения и конкретные математические вычисления привели Фех-нера к известному уравнению, в соответствии с которым интенсивность ощущения пропорциональна логарифму раздражителя.

Для психофизических измерений Фехнер разработал три метода: метод едва заметных различий, метод средних ошибок и метод постоянных раздражителей, или метод истинных и ложных случаев. Эти классиче-

Рис. **3. Г. Т. Фехнер** (1801— 1887). Основатель психофизики

ские методы измерения используются до настоящего времени.

Фехнер впервые осуществил приложение математики к психологии. Это возбудило огромный интерес и, конечно, критику. Было замечено, что закон верен лишь в известных пределах, т. е. если интенсивность раздражителя возрастает, то в конце концов наступает такая величина этого раздражителя, после которой любое его увеличение уже не приводит к увеличению ощущения. Это и ряд других критических замечаний не поколебали уверенности Фехнера в своем законе. Соглашаясь с критиками в деталях, он говорил: «Вавилонская башня не была достроена потому, что работники не могли столковаться относительно способа ее постройки; мой психофизический монумент уцелеет, потому что работники не могут столковаться относительно способа его разрушения» *К*

Третьей областью, на базе которой выросла экспериментальная психология, явилась психометрия. Ее предметом является измерение скорости протекания психических процессов: ощущений и восприятий, простейших ассоциаций. Эта новая линия в психологии началась в

[1] Цит. по кн.: *Рибо Т.* Современная германская психология. Спб., 1895. С. **161.**

астрономии. Астрономами было замечено, что реакция на воздействие никогда не происходит немедленно, всегда есть некоторое запаздывание ответа на сигнал. **Был** установлен факт индивидуальных различий в скорости восприятия.

Разница в показаниях между отдельными наблюдателями была названа Бесселем «личным уравнением».

Началось измерение времени личного уравнения. Оказалось, что даже у одного человека оно может быть различным. Выяснилось, что одним из условий, существенно влияющим на это время, является то обстоятельство, ожидается или не ожидается сигнал. Большой толчок для исследований в этой области был дан изобретением тоже астрономами специального аппарата для измерения времени реакции — хроноскопа.

Настоящее развитие психометрия получила в исследованиях голландского физиолога Ф. Дондерса.

Дондерс (1818—1889) изобрел методику исследования времени сложных психических процессов (1869). Сначала измерялось время простой реакции, т. е. время, протекающее с момента появления какого-нибудь простого слухового или зрительного раздражителя до момента ответного на него движения. Потом задание усложнялось и получало форму реакций выбора, реакций различения. Измерялось время этих более сложных реакций. Затем из времени сложных реакций вычиталось время, затрачиваемое на простую реакцию, остаток приписывался тому психическому процессу, который требуется для операции выбора, различения или решения других задач.

В настоящее время работа Дондерса получила новое прочтение в рамках когнитивной психологии в связи с проблемой нахождения экспертного критерия для суждения об уровневой организации психики. В 1969 г. она была переиздана.

Большой вклад в психометрию внес австрийский физиолог 3. Экснер. Ему принадлежит термин «время реакции». Немецкий физиолог Л. Ланге произвел различение сенсорной и моторной реакций и показал, **что** в зависимости от того, настроен ли испытуемый на сенсорную сторону процесса или он имеет установку на его моторный аспект, время реакции существенно менялось. С этого времени начинается исследование установки.

Исследования количественных аспектов психических процессов открывали возможность объективного подхода к психическим явлениям. В этом заключается принципиальное значение работ в области психофизики и психометрии. Их результаты способствовали материалистическому пониманию психики. Сама постановка вопроса о протекании психических процессов во времени встретила резкую критику со стороны идеалистов[2].

[2] См.: *Грот* Я. О времени//Вопр. философии и психологии. 1894. Кн. 24(4).

Глава III

РАЗВИТИЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ В БИОЛОГИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ для психологии

Наряду с экспериментальным методом значительное влияние на развитие психологии оказал принцип эволюции и шире — принцип развития. По С. Л. Рубинштейну, этот принцип проник в психологию под двойным влиянием: философии Ф. Шеллинга и. Г. Гегеля, выдвинувших в философском плане идею развития, и эволюционного естествознания [1]. Немецкий психолог К. Гросс (1861—1946) так оценивал значение Дарвина для психологии: «Естественный эксперимент и теория Дарвина повлияли на психологию как если бы ей подарили одновременно подзорную трубу и микроскоп: экспериментальные методы придали ее исследованиям проникающую в глубь точность, а стремление провести сравнение между различными ступенями жизни и в психическом мире и подойти к вопросу о развитии души открыло для нее новые необъятные области исследования. Это зоопсихология, психология народов, психология детства»[2]. В 1859 г. Дарвин опубликовал свой труд «Происхождение видов путем естественного отбора», самую значительную работу в биологии. Установленный Дарвином факт изменчивости видов и открытые им законы эволюции — естественный отбор в условиях борьбы органических существ за существование на основе законов изменчивости и принцип наследственности—дали

[1] *Рубинштейн* С. *Л.* Основы психологии. М., 1935. С. 18.

[2] *Гросс К.* Душевная жизнь ребенка. Киев, 1916. С. 2.

материалистическое истолкование целесообразности — приспособленности организмов в природе. Указывая на дальнейшее развитие исследований, Дарвин писал: ■«Много света будет пролито на происхождение человека и на его историю»[3]. В книге «Происхождение человека и половой отбор» (1871) Дарвин специально исследовал вопрос о месте человека в органическом мире и показал, что человек произошел в процессе развития от низших животных форм: «...человек обязан своим существованием длинному ряду предков. Если бы не существовало какого-либо из звеньев этой цепи, человек не был бы совершенно таким, каким он есть. Если мы не станем нарочито закрывать глаза, то с теперешними нашими знаниями мы сможем приблизительно узнать наших прародителей, и нам незачем стыдиться их»[4]. В следующей работе «Выражение эмоций у человека и животных» (1872) Дарвин с помощью эволюционного учения обосновал идею общности происхождения выразительных движений, сопровождающих чувство страха, агрессивности, удивления и др. у животных и человека, показал их приспособительный смысл. Идея приспособительного значения психики оказала большое влияние на психологию. Высказанная также Г. Спенсером, она дала начало новому подходу к изучению психики как важнейшего средства адаптации к среде.

Теория эволюции оказала глубокое влияние на психологию. Она утверждала идею развития, а открытые Дарвином законы эволюции в органическом мире поставили перед психологией задачу определения движущих сил психического развития и в особенности по отношению к человеку. Вставал также вопрос о сопоставлении психики животных и человека. В трудах Дарвина эти вопросы впервые были поставлены на научную основу, а их разработка дала начало развитию новых направлений и подходов в психологии — психологии животных, детской психологии и психологии так называемых малокультурных народов.

Сосредоточив свое внимание на доказательстве родства человека и животных, Дарвин подчеркивал скорее черты сходства между ними, нежели различия. Нередко он, завышая психические способности животных, приписывал им специфически человеческие черты (воображе-

[3] *Дарвин Ч.* Происхождение видов. М., 1987. С. 359.

[4] *Дарвин Ч.* Соч.: В 9 т. Т. 5. М.(1953. С. 274.

ние, нравственные чувства и т. п.). Дарвин не усматривал качественного своеобразия интеллекта человека: «Как бы ни было велико умственное различие между человеком и животным, оно только

количественное, а не качественное»[5]. Истолкование психических проявлений животных по аналогии с психикой человека определило развитие начатой им сравнительной психологии. Первым направлением этой области был антропоморфизм (Дж. Романее). Животные изображались по образцу человека, делались выводы о том, что в каких-то отношениях животные выше людей (имелись в виду взаимопомощь, взаимовыручка и другие факты поведения так называемых «общественных» животных).
Наивный антропоморфизм был приостановлен исследованиями крупного английского биолога Ллойда Моргана (1852—1936). Он ввел так называемый «закон экономии», известный также как «закон Ллойда Моргана» («Введение в сравнительную психологию», 1894): не приписывать животному высшие психические способности» если его поведение можно объяснить механизмами более низкого психического уровня. Морган установил, что животные способны к научению, и ввел термин «обучение путем проб и ошибок», обозначив им форму научения у животных[6]. В это же время Дж. Леббок (1834— 1913) занимался исследованиями поведения муравьев» ос, пчел[7]. Назовем также Леонарда Гопхоуза (1864— 1929) [8]. Несмотря на отход от антропоморфизма, этим биологам не удалось полностью избежать субъективизма в истолковании поведения животных: им приписывали сознание, старались определить его уровни и т. п.*
Реакцией на антропоморфизм и субъективизм явилось механистическое направление: исходило из того, что животные не только не обладают психикой человеческо-

[5] *Дарвин Ч.* ... Т. 5. С. 239.
[6] *Морган Л.* Поведение животных. Спб., 1909.
[7] *Леббок Дж.* Муравьи, осы и пчелы. Спб., 1882.
[8] *Гопхоуз Л.* Ум в процессе эволюции. Спб., 1901.
[9] В русской науке против очеловечения животных выступал один из основоположников зоопсихологии в России В. А. Вагнер (1849—1934). С' позиции эволюционной теории он анализировал сложнейшие формы поведения животных, их психику. Так он показал, что инстинкты произошли в процессе эволюции «под диктовку среды и под контролем естественного отбора». Он наблюдал факты «объективным методом» путем филогенетических и онтогенетических исследований.

го рода и уровня, но вообще не имеют никакой психики (Ж- Фабр, Ж- Лёб; школа «объективной сравнительной психологии» [А. Бете, Т. Беер, Э. Циглер, И. Икскюль]). Тенденция изображать животных как слепые машины породила реакцию. Американский натуралист, зоолог Г. Дженнингс показал, что уже простейших нельзя понять с помощью теории тропизмов и рассматривать их поведение как механический результат прямого воздействия внешнего раздражителя. В зависимости от общего физиологического состояния животного в данный момент его реакция изменяется, хотя бы внешний раздражитель оставался тем же. Дженнингс обнаружил уже у простейших элементарные формы научения. Эти эксперименты свидетельствовали о том, что, по-видимому, психика у животных простирается до самых начальных— простейших их форм.
В конце XIX в. исследования по психологии животных развернулись особенно широко в Америке. Собственно экспериментальные исследования были начаты Э. Торндайком. В книге «Ум животных» (1898) он доказывал, что высокоразвитые животные учатся совершенно слепо и выполняют действия объективно целесообразные и разумные, но без всякого понимания того, что они делают. По оценке И. П. Павлова, это было первое исследование на пути экспериментального объективного изучения поведения животных. Торндайк ввел новую экспериментальную технику, которая вошла в золотой фонд сравнительной психологии (метод проблемного ящика и лабиринта). Был сделан вывод, что животные способны решать задачи только путем случайных проб и ошибок; сформулированы законы научения: закон эффекта (из нескольких реакций на одну и ту же ситуацию более прочно связывается с ситуацией, т. е. закрепляется та из реакций, которая сопровождается удовлетворением от награды); закон упражнения (реакция на ситуацию закрепляется пропорционально частоте, силе и длительности повторения); закон готовности (упражнения изменяют готовность синапсов к проведению нервных импульсов и способствуют более легкому установлению связи, проторению новых путей); закон сдвига.
Через несколько лет, в 1901г., Э. Торндайк опубликовал монографию «Ум обезьян». Исследования Торндайка показали возможность объективного изучения поведения и этим проложили путь для бихевиоризма. Однако об-

щая механистическая установка Торндайка и его выводы, согласно которым духовная жизнь

сводилась к механическим ассоциациям, возбудили споры. Высказывались мнения, что искусственная ситуация лаборатории не может быть адекватным приемом для исследования поведения. Эти критические замечания нельзя было игнорировать. В. Смолл разработал лабиринтную модель поведения (1900). Крупные исследования в области зоопсихологии выполнил Р. Йеркс, замечательный экспериментатор. Их начало относится к 1900 г. («метод множественного выбора»), с помощью которого исследовались процессы обобщения у животных, в том числе у приматов («Умственная жизнь мартышек и человекообразных: изучение поведения, сопровождающегося идиацией», 1916). Важное значение имели исследования В. Кёлера с человекообразными обезьянами. Кёлер дал экспериментальную критику позиции Торндайка, сформулировал требования, которым должна отвечать задача на исследование интеллекта животных, и дал объективные доказательства наличия у животных интеллекта[10].

Развитие биологии и углубление экспериментального анализа инстинкта, попытки понять биологическое значение изучаемых форм поведения привели в 30-х гг. к созданию этологии как самостоятельной науки, изучающей поведение животных в естественных условиях (К- Лоренц, Н. Тинберген — в 1973 г. им была присуждена Нобелевская премия; К. Фриш).

Сравнительно-психологические исследования, развернувшиеся после Ч. Дарвина, помогают понять происхождение и развитие психики, раскрывают биологические предпосылки возникновения сознания человека. Здесь впервые сложились объективные методы исследования психики.

Под влиянием Ч. Дарвина возникла как отдельная отрасль детская психология. В 1876 г. И. Тэн, известный французский философ, психолог, литературовед и историк искусства, опубликовал статью «Заметки об усвоении речи у детей и в человеческом роде», в кото-

[10] В советской науке Н. Ф. Войтонис, Н. Н. Ладыгина-КотеГ. 3. Рогинский, Н. А. Тих исследовали развитие обезьян в онтогенезе, показали решающую роль манипулирования и ориентировочной деятельности для развития интеллекта.

176

рой описал первые речевые проявления своей дочери. Ч. Дарвин является автором небольшой статьи «Биографический очерк одного ребенка» (1877), который представляет собой описание наблюдений за поведением сына с рождения до 10 мес. Вслед за этой статьей Дарвина стали появляться исследования в форме наблюдений над развитием ребенка [и] (В. Прейер, Дж. Селли, Стенли Холл, В. Штерн, К. Гросс, К. Бюлер и др.)- Первой теорией в этой области явилась теория рекапитуляции,. которую сформулировали Ст. Холл (1844—1924) и Дж. Болдуин (1861—1934). В ее основу был положен биогенетический закон Геккеля, перенесенный в детскую психологию и эмбриологию (Э. Геккель, дарвинист, в 60-х гг. XIX в. выступил с законом, в соответствии с которым зародыши высших животных повторяют в сокращенною виде общую эволюцию предшествующих животных форм). Согласно закону рекапитуляции, в процессе индивидуального развития ребенок проходит (повторяет) этапы эволюционного процесса, а также культурного развития, которое прошло человечество: дикость, собирательский этап, охота, скотоводчество и др. Важнейшие стадии в их строго закономерной последовательности автоматически воспроизводятся одна за другой. Так, испытываемые ребенком противоположные чувства—страх перед водой и любовь к ней — это следы от тех времен,. когда животные жили в воде, а затем избрали своим местопребыванием землю. Онтогенетическое развитие рассматривалось как биологически детерминированный процесс. Ст. Холл уделял много внимания педагогике (ему принадлежит термин «педология», которым он обозначал общую науку о развитии ребенка). Болдуин считал» что онтогенетическое развитие не является полным повторением филогенеза и человеческой истории, в нем есть «пропущенные главы». Теория рекапитуляции была дополнена учетом внешних факторов на развитие ребенка. Результатом явилась теория двух факторов психического развития и их конвергенции В. Штерна. Согласна Штерну, ребенок — это организм, который, появляясь на свет, уже имеет какие-то органические задатки, инстинкты, врожденные влечения. Штерн назвал их внутренни-

[11] В 1878 г. опубликована книга французского психолога и физиолога Б. Пере «Первые три года ребенка» и ряд других его работ; были высоко оценены современниками, в том числе в России.

177

ми особенностями, или внутренним фактором, определяющим духовное развитие. Вторым фактором являются влияния среды, природной и общественной. Они определяют фактическое развитие из задатков. Подчеркивается необходимость учитывать особый момент, наиболее благоприятный для соединения первого и второго факторов. Им являются сензитивные периоды в

психическом развитии как наиболее благоприятные для воздействия внешних влияний, например для обучения языку, музыке и т. д. Теория двух факторов, хотя и учитывает роль внешних влияний в развитии, является, как и теория рекапитуляции, концепций фатальной предопределенности психического развития: воспитание, хотя его роль и признается, все же действует лишь в заданных природой пределах.

До настоящего времени можно говорить о распространенности теории двойной детерминации психического развития [12].

Под влиянием теории эволюции Ч. Дарвина возник вопрос о том, отличается ли и, если отличается, то чем, психика современного человека от психики первобытного (о первобытном состоянии можно судить, изучая современные народы, уровень развития которых соответствует первобытному). Возникли две школы. В Англии Э. Тейлор (Первобытная культура, 1870) выдвинул концепцию первобытного анимизма. К этой школе принадлежит также Дж. Фрэзер (Золотая ветвь, 1890). Тейлор рассматривает многочисленные факты, в которых убедительно выступает исключительное своеобразие представлений о мире отсталых народов (обрядовые действия, вера в сновидения, мифы о природе, верования и др.). Являются ли они результатом различий в основных познавательных процессах или единый универсальный человеческий ум порождает различные картины мира в разных условиях жизни? По Тейлору, на всех этапах исторического развития мышление человека всюду одинаково. Дикарь, так же как и современный человек, пытается ответить на вопросы о законах мира, причинах событий, которые он наблюдает, о причинах явлений природы и приходит к представлению о призрачной душе. Душа представлялась в виде контура невещественного

[12] *Бурменская* Г. *В., Обухова* Л. *Ф., Подольский А. И.* Современная американская психология развития. М., 1986. С. 32.

образа, по своей природе вроде пара, воздуха или тени. Она составляет причину жизни и мысли; обладает личным сознанием и волей своего телесного обладателя; способна покидать тело и переноситься с места на место; является мысли; обладает личным сознанием и волей своего телесного обладателя; способна покидать тело и переноситься с места на место; является спящим людям как образ, отделенный от тела, но сходный с ним; властвует над телом. Так рождается представление о двойственности человека как состоящего из тела и души. По аналогии с собой первобытный человек начинает рассматривать всю окружающую действительность и различает в ней эти же два начала: тело и душу. Так дикарь приходит ко всеобщему анимизму— одухотворению природы. Умственный механизм как современных, так и первобытных людей тождествен. Этот механизм при ограниченном опыте и недостаточных знаниях неизбежно должен был породить те мифы и представления, которые поражают современного человека. И если бы случилось, что культура исчезла, современный человек с такой же неизбежностью пришел бы к анимизму.

Вывод о неизменности мышления на всех этапах исторического развития человеческого опыта, основной тезис теории первобытного анимизма, оспаривался французской социологической школой, которая в начале XX в. выдвинула положение о качественном отличии первобытного мышления от мышления современного человека [13],

См. раздел шестой, главу V настоящего издания.

Раздел пятый

ВЫДЕЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ В САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ НАУКУ И ЕЕ РАЗВИТИЕ ДО ПЕРИОДА ОТКРЫТОГО КРИЗИСА (60-е гг. XIX в. — 10-е гг. XX в.)

Глава I

ПЕРВЫЕ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ

Первым вариантом психологии как самостоятельной науки явилась физиологическая психология В. Вундта (1832—1920). Свои исследования он начал в области восприятия. Из них составилась книга ■«Очерки по теории восприятия» (1862). В этих «Очерках» Вундт развивает идеи о психологии как экспериментальной науке. В вышедших в 1863 г. «Лекциях о душе человека и животных» Вундт наряду с экспериментом в качестве источника психологического исследования называет анализ продуктов человеческого духа. Эти идеи наметили задачу развитой им впоследствии психологии народов. Так, к началу 60-х гг. складывается программа психологии, объединяющая два метода — экспериментальный и культурно-исторический. Вышедшие в 1874 г. «Основания физиологической психологии» Вундта явились началом психологии как

самостоятельной науки. Ее объектом объявляются те процессы, которые доступны одновременно и внешнему, и внутреннему наблюдению и имеют как физиологическую, так и психологическую сторону и потому не могут быть объяснены ни только физиологией, ни только психологией: это ощущения и простейшие чувствования. По методу физиологическая психология есть психология экспериментальная. Начиная с 1875 г. Вундт действовал в Лей-пцигском университете. Здесь в 1879 г. он создал психологическую лабораторию, на базе которой через два года был создан Институт экспериментальной психологии, с самого начала превратившийся в международный центр по подготовке психологов. Здесь учились Э. Кре-пелин, Г. Мюнстерберг, О. Кюльпе, А. Киршман, Э. Мей-ман, К. Марбе, Т. Липпс, Ф. Крюгер (Германия),

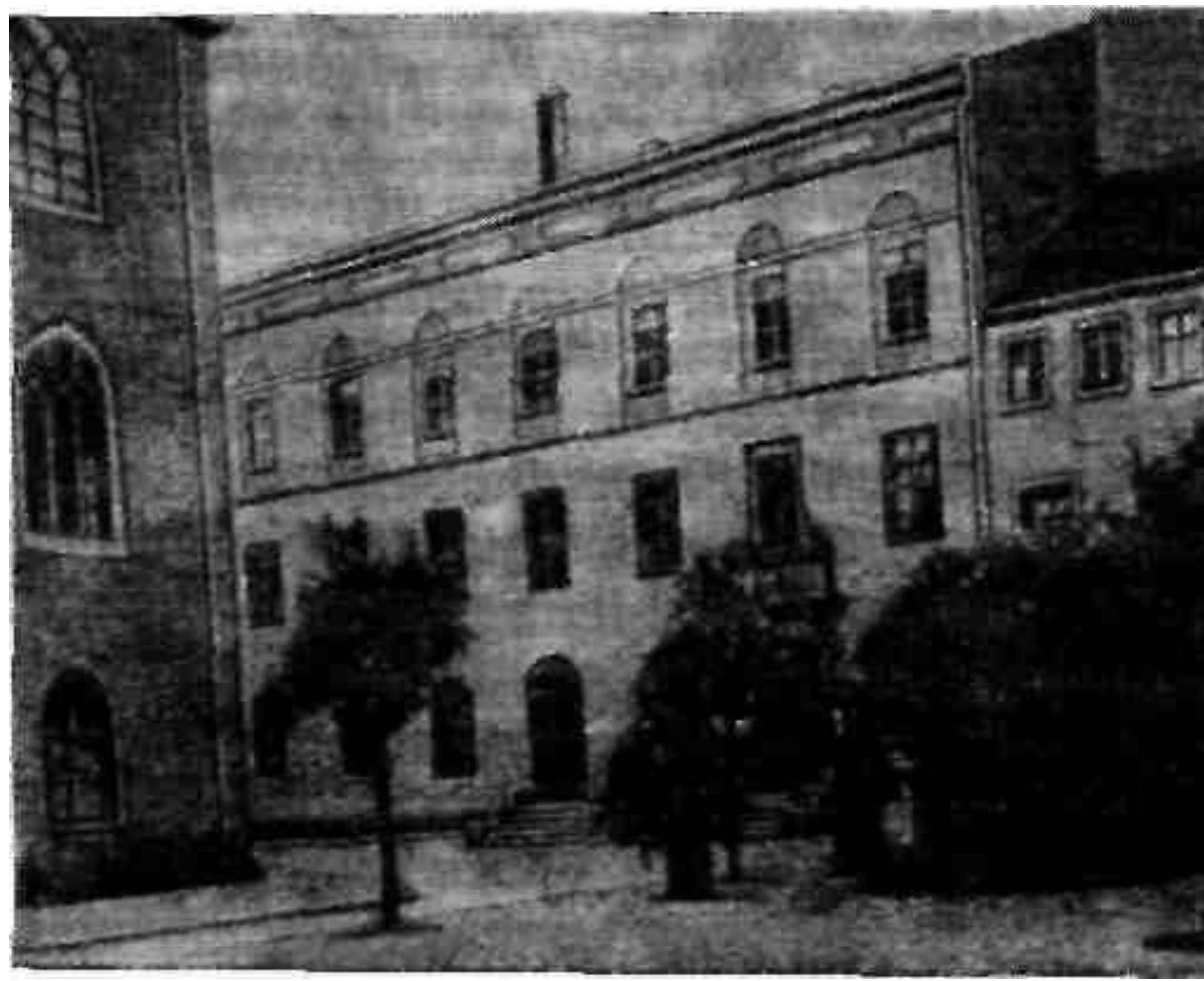
Рис. 4. В. Вундт (1832—1920) (в центре) с сотрудниками. Лейпциг, 1912

Э. Титченер (Англия), Э. Скрипчур, Д. Эыджелл, Ст. Холл (Америка), В. М. Бехтерев, В. Ф. Чиж, Н, Н. Лан-ге (Россия) и др. Так сложилась школа Вундта, от которой начинается история психологии как самостоятельной науки.

Подвергнув критическому анализу прежние понимания предмета психологии (как науки о душе и о внутреннем опыте), Вундт определяет психологию как науку о непосредственном опыте. Объект и субъект выступают в неразрывном единстве: всякий объект является представляемым объектом (Vorstellungsobjekt). Этот термин играет у Вундта ту же роль, что и «нейтральные элементы» у Маха: за неразрывностью субъекта и объекта в опыте лежит идеалистический тезис, ставящий под сомнение независимое от субъекта существование объективного мира. По характеристике С. Л. Рубинштейна, Вундт направил психологию по пути махистской ее переориентации.

Единый опыт может рассматриваться с двух точек зрения. «Эти точки зрения подсказываются нам тем, что каждый опыт расчленяется непосредственно на два фактора: на содержание, данное нам, и на способ нашего восприятия этого содержания» *. Опыт, взятый в отвле-

[1] *Вундт В.* Очерки психологии. М., 1912. С. 4.

Рис. 5. Пансион «Trierianum» при Лейпцигском университете, в котором в 1879 г. был основан Институт экспериментальной психологии

чении от познающего субъекта и направленный на выявление связей объективных явлений, изучает естествознание. Это опосредствованный опыт. Опыт, рассматриваемый в его отношениях к субъекту и в тех свойствах, которые ему приписываются субъектом, это непосредственный опыт, который и изучает психология. Психология, определяемая как наука о непосредственном опыте, является, по признанию самого Вундта, разновидностью эмпирической психологии, поскольку должна показать связь содержаний опыта в том виде, как она дана субъекту. Таким образом, объектом изучения в психологии остается сознание. В его описание, однако, Вундт вносит новые черты. В противоположность интеллектуализму всей прежней психологии Вундт рассматривает психическое как процесс. При этом воля берется как типический процесс. Вундт называет свою психологию волюнтаристической, подчеркивая в то же время отличие своей системы от философского волюнтаризма Шопенгауэра.

Поскольку все науки изучают одни и те же предметы, но с разных точек зрения, постольку «нельзя допустить никакого принципиального различия между психо-

логическими и естественнонаучными методами»[2]. Поэтому в психологии также должны использоваться экспериментальные методы, «имеющие целью осуществить точный анализ психических процессов, подобный анализу, предпринимаемому естествознанием в применении к явлениям природы»[3]. Эксперимент не отменяет самонаблюдения, оно остается единственным прямым методом в психологии. Объективные явления — поведение, деятельность— Вундт исключал из психологии. «Человек сам — не как он появляется извне, но как он дан непосредственно себе самому» является собственно проблемой психологии. Эксперимент лишь

позволяет сделать самонаблюдение более точным.

Однако не вся психика поддается экспериментальному изучению. Вундт ограничил эксперимент областью простейших психических процессов — ощущений, представлений, времени реакций, простейших ассоциаций и чувствований. Исследование высших психических функций и психического развития требует других методов. В качестве таковых Вундт считал анализ продуктов человеческого духа, которые являются продуктом общения множества индивидов: языка, мифов, обычаев. Эту часть психологии он назвал психологией народов, противопоставив ей индивидуальную экспериментальную психологию. С введением Вундтом двух психологии, отличающихся по содержанию и методам, различно ориентированных— на естествознание и науки о духе, происходит раскол единой науки, который явился одной из причин и характерной чертой открытого кризиса, разразившегося в психологии в начале второго десятилетия XX в..

Психологическая система Вундта включала изучение элементов (ощущений и чувствований), анализ связей между элементами и продуктов этих связей, исследование законов душевной жизни. В этой программе отчетливо выступает атомизм Вундта, характерный для ассоциативной психологии: простейшие элементы, сенсорные по своей природе, первичны, сложные образования вторичны. Однако Вундт борется с крайностями ассоциа-низма: в продуктах ассоциаций он обращает внимание на возникновение нового качества, не сводимого к сумме свойств исходных элементов. Все ассоциации Вундт

[2] *Вундт В.* Очерки... С. 9.

[3] Там же.

подразделяет на одновременные и последовательные, которые в свою очередь имеют несколько форм: одновременные существуют в форме слияния, ассимиляции — диссимиляции и компликации, последовательные — узнавания и воспоминания. За этими видами ассоциаций скрываются восприятие и память. Вундт борется с функционализмом старой психологии и рассматривает их как результат единого механизма ассоциаций. При этом ассоциации характеризуются как пассивный процесс, который протекает без активного участия субъекта. В психологии Вундта нет субъекта, нет личности: «... все психическое— это непрестанная смена явлений, постоянное возникновение и созидание... Нигде эти факты действительной душевной жизни не нуждаются в другом субстрате для своего истолкования, кроме того, который дан в нас самих»[4]. Кроме ассоциативных, Вундт различает апперцептивные связи. Они складываются при активном участии сознания. Апперцепция — это особая функция сознания, которая проявляется в активности субъекта и внешне выражается во внимании. Из всей совокупности содержаний, находящихся в сознании, т. е. просто перцепируемых, апперцепция, или внимание, выделяет объект, вследствие чего его восприятие становится более ясным и отчетливым; оно входит в ясную точку сознания — апперципируется. Когда апперцепция на$_г$ правлена на выбор между разными основаниями в процессе подготовки к действию, она есть воля. Вундт сближает понятия апперцепции, внимания и воли и даже отождествляет их. Продуктом апперцепции являются апперцептивные сочетания представлений. Мышление и воображение выступают функциями апперцепции. Выступая объяснением сложных явлений душевной жизни, сама апперцепция не объясняется: ее источник в самом сознании.

Последним разделом психологии Вундта является учение о законах психической жизни. В них отражается попытка выйти за рамки описания, выявить собственные свойства субъективного мира — их Вундт называет самостоятельной психической причинностью в отличие от физиологических механизмов психических процессов.

Из всего сделанного Вундтом наиболее исторически значимым явились введение им в психологию экспери-

[4] *Вундт В.* Очерки... С. 128.

мента, организация Института экспериментальной психологии и основание специального журнала «Психологические исследования» (первоначально «Философские исследования»), который стал (после «Mind», основанного А. Бэном в 1876 г.) первым собственно психологическим журналом.

Одновременно с Вундтом в России с программой построения психологии выступил И... JVI. Сеченов (1829— 1905). Сеченов окончил Военное инженерное училище в Петербурге и медицинский факультет Московского университета. В обстановке обострения борьбы между идеализмом и материализмом по коренным мировоззренческим вопросам, касающимся природы человека, души, свободы воли, детерминации поведения, под влиянием философии революционеров-демократов, прежде всего Чернышевского, Сеченов осуществляет ряд работ,

направленных на разрешение труднейших психологических проблем. «Моя задача, — писал он, — заключается в следующем: объяснить деятельностью уже известной читателю анатомической схемы (имеется в виду простой рефлекс.— прим. А. Ж.) внешнюю деятельность человека... с идеально сильной волей, действующего во имя какого-нибудь высокого нравственного принципа и отдающего себе ясный отчет в каждом шаге — одним словом, деятельность, представляющую высший тип произвольности» [5].

Результатом работ Сеченова явилось новое представление о психике и задачах психологии как науки. Сеченова можно по праву считать основоположником отечественной научной психологии. Его важнейшие труды по психологии: «Рефлексы головного мозга» (1863), в которых сформулирована рефлекторная теория в связи с проблемой произвольных и непроизвольных движений; «Кому и как разрабатывать психологию» (1873), здесь в полемике с К. Д- Кавелиным излагаются общая программа построения психологии, взгляды на предмет, метод и задачи психологии; «Элементы мысли» (1878), здесь дается естественнонаучная разработка мышления как итог исследования познавательных процессов; статьи 90-х гг.: «Впечатления и действительность», «Пред-

[5] *Сеченов И. М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1952. С 62.

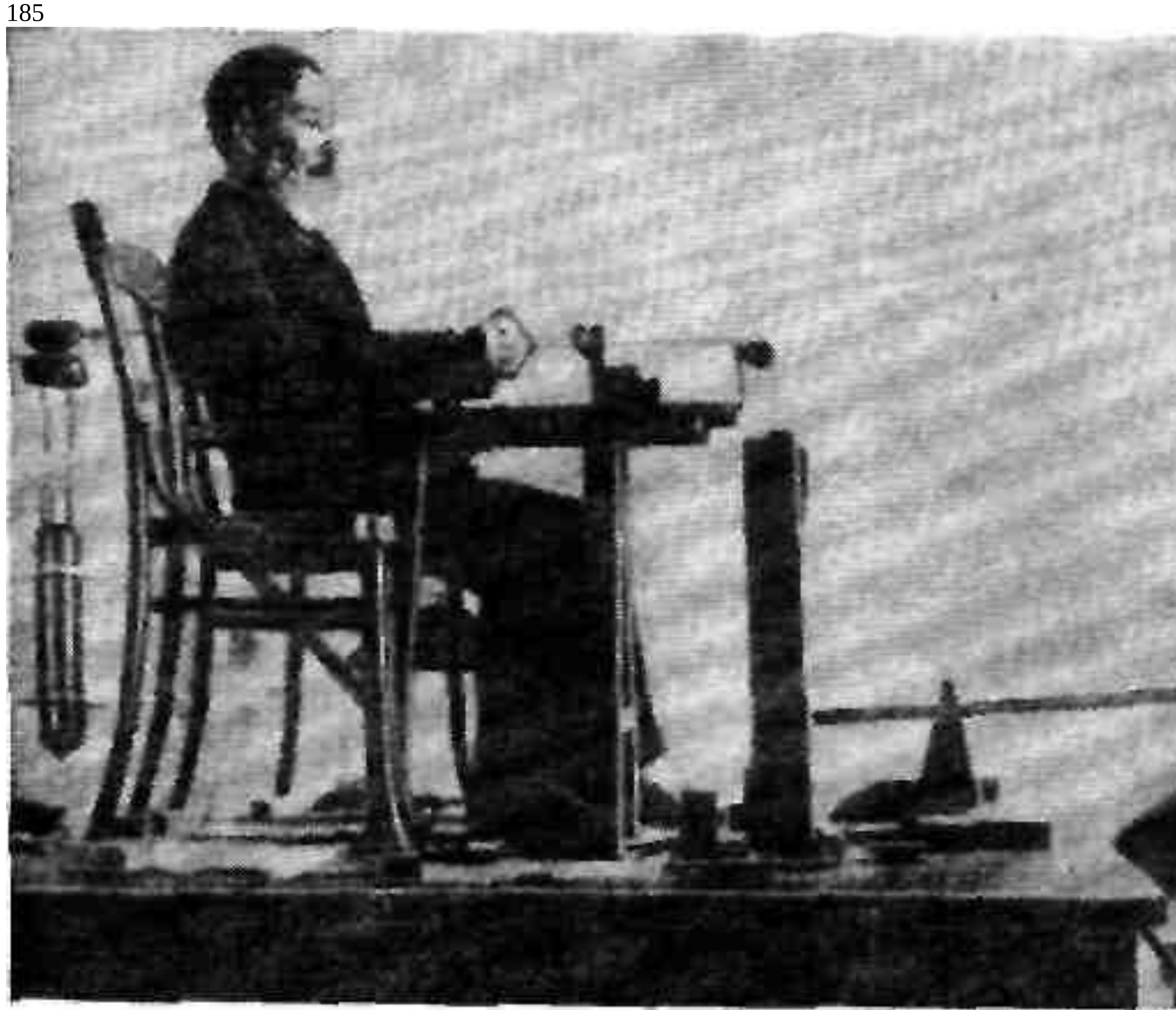

Рис. б. И. М. Сеченов (1829—1905) проводит опыт по изу*
чению работы мышц рук. Москва, 1902.

метная мысль и действительность», «О предметном мышлении с физиологической точки зрения» и др.

В «Рефлексах головного мозга» Сеченов поставил задачу «доказать возможность приложения физиологических знаний к явлениям психической жизни»[6]. Решение этой задачи вылилось в

рефлекторную теорию психического. По Сеченову, способность воспринимать внешние влияния в форме представлений (зрительных, слуховых и т. п.) складывается в опыте по типу рефлексов; способность анализировать эти конкретные впечатления, память, все эти психические акты развиваются путем рефлекса. Схема психического процесса та же, что и схема рефлекса: психический процесс берет начало во внешнем воздействии, продолжается центральной деятельностью и заканчивается ответной деятельностью — движением, поступком, речью. Психический процесс возникает и завершается в процессе взаимодействия индивида с окружающим миром, значит, влияние извне в форме чувствования первично. Мотивы, отвлеченные представления не являются первоначальными причина-

[6] *Сеченов И. М.* Избранные... Т. 1. С. 52.

ми наших поступков. В объяснении психики нужно исходить не из психики, несмотря на то что «голос самосознания... говорит мне донельзя ясно десятки раз в день, что импульсы к моим произвольным актам вытекают из меня самого и не нуждаются, следовательно, ни в каких внешних возбуждениях»[7]. Сеченов предпринимает попытку «вырвать» психологию из замкнутого мира внутреннего сознания и объяснить, как происходят психические процессы, проследить становление сознания в онтогенезе. Таким образом, рефлекторный принцип не означает сведения психического к физиологическому. Речь идет о сходстве между ними по структуре и по происхождению. «Первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении...»[8]. Рефлекторный подход предполагает также изучение мозговых механизмов психических процессов. Решение этой задачи стало предметом научной деятельности И. П. Павлова, А. А. Ухтомского и др.

Так, с помощью рефлекторного принципа психическое получает свое причинное объяснение, сохраняя при этом качественную, не сводимую к физиологической, характеристику. Его дальнейшая разработка происходит в

[7] *Сеченов И. М.* Избранные... Т. 1. С. 126.
[8] Там же. С. 104.

Рис. 7. К. Д. Кавелин (1818— 1885). Писатель, юрист, философ. Известен в связи с полемикой с И. М. Сеченовым по вопросам развития психологии как положительной науки
статье «Кому и как разрабатывать психологию», написанной в связи с книгой историка-публициста К. Д. Кавелина «Задачи психологии». Здесь И. М. Сеченов сформулировал задачу психологии: «Научная психология... не может быть ничем иным как рядом учений о происхождении психических деятельностей» [9]. Объяснить происхождение— значит показать протекание психического акта: его начало, центральную фазу и конец. В такой трактовке задачи психологии заключено требование выйти за пределы сознания в систему объективных отношений человека с миром, раскрыть условия, определяющие тот или иной характер действий человека, описать внешние проявления психических явлений, т. е. отнести к фактам сознания научно, объективно.
Указав на бесплодность интроспективного метода, Сеченов развивает идеи генетического подхода в психологии. «Следить исторически за ходом развития человека... с его рождения на свет, подметить главнейшие фазы в том или другом периоде и вывести всякую последующую фазу из предыдущей», ибо «из реальных встреч ребенка с окружающим миром и складываются все основы будущего психического развития»[10]. При этом Сеченов требует не ограничиваться описанием, а искать «реально-психическую подкладку» изучаемых явлений сознания.
Сеченов развивает представления об активном дея-тельностном характере чувственного познания. Так, смотрение он называет действием: глаз выпускает «щупала», могущие сильно удлиняться или укорачиваться с тем, чтобы свободные концы их, сходясь друг с другом, прикасались к рассматриваемому в данный момент предмету»[11]. Эти материалистические идеи Сеченов защищал в борьбе с идеалистами, в частности Э. Л. Радло-вым [12]. Программа Сеченова подводила к изучению целостного поведения. В своем принципиальном содержании эта задача решается и современной психологией.
В то же время программе Сеченова, базирующейся на естественнонаучном материализме, свойственна исто-
[9] *Сеченов И, М.* Избранные... С. 198.
[10] Там же. С. 210, 212.
[11] Там же. С. 521.
[12] *Радлов Э. Л.* Натуралистическая теория познания (по поводу статей проф. И. М. Сеченова)//Вопр. философии и психологии. 1894. Кн. 25(5).

рическая ограниченность. Признавая социальную обусловленность человеческого сознания, отмечая «преемственный ход развития всего психического содержания по мере накопления знаний»[13], Сеченов не смог включить эту реальность в свою программу. Его подход намечал путь объективного исследования явлений сознания в основном как продуктов взаимодействия индивида с предметным миром. Используя генетический методСеченов показывает, что речевое — символическое абстрактное мышление и волевой акт личности, самосознание «Я» имеют свои генетические корни в открытой для объективного наблюдения системе отношений. И. М. Сеченов оказал огромное влияние на мировую и отечественную психологию. Его традиции продолжены Н. Н. Ланге, В.М. Бехтеревыми физиологии И. П. Павловым, А. А. Ухтомским. Глубокое влияние Сеченова на отечественную науку продолжается и сегодня [14].
Глава II
ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПЕРИОДА СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОЛОГИИ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ НАУКИ
С самого начала существования психологии как самостоятельной науки наметились различные подходы к пониманию ее предмета, методов и задач. Вундтовские традиции развивались Э. Титченером-(1867—1927) и психологами, группировавшимися вокруг него в Корнелльском университете в США. Этот университет благодаря усилиям Титченера стал крупным психологическим центром и одним из первых положил начало экспериментальной психологии в США. Титченер в основном разделяет вундтовское понимание предмета психологии как науки о непосредственном опыте. Свою психологию он назвал структурной психологией, противопоставляя свой подход функционализму американской-психологии. Согласно его точке зрения, психология должна изучать структуру — материю сознания как совокупность отдельных

элементов, далее не поддающихся

[13] *Сеченов И. М.* Избранные... С. 159.

[14] См. книги: Иван Михайлович Сеченов. К 150-летию со дня рождения/Под ред. П. Г. Костюка и др. М., 1980; *Ярошевский М.Г.* Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.

анализу, простых по своей природе. Необходимо изучать сознание в терминах элементов, т. е. в отличие от всех функциональных отношений, от их роли в поведении, только в связи с нервным субстратом: считалось, что ■физиологические основы объясняют психические процессы. Отсюда троякая цель психологии. Она стремится -«анализировать конкретное данное душевное состояние, разложив его на простейшие составные части; найти, каким образом соединены эти составные части, законы, управляющие их комбинацией; привести эти законы в связь с физиологической организацией»[1].

Сознание образует особый внутренний мир. Проникнуть в него можно только с помощью метода аналитической интроспекции. Этот метод является одним из вариантов интроспекции. В отличие от такого его понимания, в соответствии с которым в явлениях сознания открываются содержания вещей, т. е. не психологические факты, аналитическая интроспекция дает материал о собственно психологических фактах; из интроспективного отчета Титченер требовал исключить все, что имеет отношение к физической природе стимула, к значению, поскольку эти моменты не открываются в самонаблюдении. Оставить в самоотчете исключительно «чистое содержание сознания», ибо только оно может быть •воспринято интроспективно. В интроспективном отчете испытуемый не должен подменять психические явления тем предметом, который вызывает эти явления, т. е. не совершать «ошибки стимула». Например, вместо того чтобы сказать «дорога неровная», психолог должен говорить «давление на подошвы моих ног становится все более неодинаковым», т. е. называть только свои непосредственные ощущения. За пределами Корнелля эти -различия редко кто понимал, но Титченер придавал им принципиальное значение. Были разработаны требования к самонаблюдению: необходимо создать хорошие условия, чтобы исключить внешние влияния, внимательно следить за ходом сознания, выразить его явление словами, стараться не отвлекаться, внутренне проникнуться задачей и т. п. Метод аналитической интроспекции ограничен областью собственного сознания. Непосредственно известна каждому только собственная душа. Исследовать психику животных, детей, психически

[1] *Титченер Э.* Очерки психологии. Спб., 1898. С. 10.

больных, а также социально-психологические процессы можно по аналогии с данными собственного самонаблюдения, поскольку ощущения у всех одинаковы. Титченер не поддерживал идею индивидуальной дифференциальной психологии. В ряде выступлений, в частности в статьях «Постулаты структурной психологии» (1898),. «Схема интроспекции» (1912), Титченер развивает идеи об аналитической интроспекции, защищая этот метод от справедливых нападок в связи с его ненадежностью. Так, валидность интроспекции нельзя, по Титченеру,. оценивать путем отсылки к стимулу, ибо она интересуется содержанием сознания, а не его соответствием стимулу. В защите аналитической интроспекции Титченерпроявляет настоящую самоотверженность.

В качестве первичных элементов сознания Титченервыделяет ощущения, образы, чувства. Ощущения обладают качеством, интенсивностью, отчетливостью и длительностью. Составляют характерные элементы восприятий. Образы — это следы прежних ощущений, от которых отличаются меньшей отчетливостью. Составляюг характерные элементы представлений памяти и воображения. Чувства — любовь и ненависть, радость и печаль—обладают качеством, интенсивностью, длительностью. Это элементы душевных движений. Задача психологии заключается в том, чтобы описать эти элементы с использованием эксперимента, который уточняет данные самонаблюдения, объяснить их, главным образом с помощью физиологии, и показать, что, будучи сгруппированы и распределены известным образом, они образуют различные сложные процессы, из которых состоит наше сознание. Внимание, мышление имеют сенсорнуюприроду и не содержат нового элементарного процесса, подобного рассмотренным трем. Титченер спорит с вюрцбургскими психологами по вопросу безобразного мышления и выдвигает контекстную теорию значения. Система Титченера представляет собой концентрированное выражение интроспективной трактовки психики. Психическое ограничивается здесь сферой осознанного и исследуется как замкнутое в себе сознание. Показания самонаблюдения принимаются за то, за что они сами себя выдают, т. е. проводится тезис о непосредственном познании психического, о совпадении явления и сущности в

психологии. Система Титченера занимала особое место в американской психологии и, составляя особую
191
школу, не стала ее органической частью. Американских психологов интересовали человеческие способности и индивидуальные различия. Как писал Боринг, «Титченера интересовал ум, а американцев — умы». Эта психология находилась, по существу, в изоляции. Реакцией на это направление был функционализм. Расхождение между ■структурным и функциональным подходами в американской психологии было характерно и для европейской науки и, может быть, исходит из нее: идейным истоком •функциональной психологии является психология акта австрийского философа и психолога Ф. Брентано.

Ф. Брентано (1838—1917) выдвинул программу, которая противостояла как традиционной элементаристскои ассоциативной психологии, так и новой психологии Вун--дта. На формирование его философских и психологических взглядов оказали особенно большое влияние Аристотель и схоластика, а именно те аспекты этих систем, в которых жизнь души выступает как активное начало, не только как воспринимающая воздействия извне, как учила вся эмпирическая психология, начиная от Локка. В главном труде «Психология с эмпирической точки зрения» (1874) Брентано противопоставляет экспериментальному методу Вундта, значение которого, как и измерения, с его точки зрения, является весьна ограниченным для психологии, внутреннее восприятие психических феноменов. Метод Брентано был вариантом субъективного метода самонаблюдения. Главным для него был вопрос о сущности психического как предмета психологического исследования. Он выступает против психологии как науки о содержаниях сознания. Подлинной психологической реальностью являются не они, а акты нашего сознания. «Примерами психических феноменов являются любые представления с помощью •ощущения или фантазии, и я понимаю здесь под представлением не то, что представляется, но акт представ-.ления»[2].

Психические феномены Брентано противопоставляет физическим. «Примерами физических феноменов являются цвет, фигура, ландшафт, которые я вижу; аккорд, который я слышу; тепло, холод, запах, которые ощу-

[2] *Brentano Fr.* Psychologie vom empirischen Standpunkt. 1 Bd. Leipzig, 1874. S. 103—104.

192
щаю, а также сходные картины, которые являются мне в фантазии»[3].

Таким образом, предметом психологии являются психические феномены как акты — видения, слышания, суждения и т. п. Но акт не имеет смысла, если он не направлен на объект. Акт интенционально содержит в себе что-то как объект, на который он направлен. Поэтому основная характеристика психологических актов, по Брентано, заключается в том, что они обладают имманентной предметностью, т. е. всегда направлены на объект. Сознание есть всегда сознание о... . Но каждый акт содержит в себе объект как свой предмет особым способом: «В представлении что-то представляется, в суждении что-то признается или отвергается, в любви любится, в ненависти ненавидимо, в желании желаемо и т. д.»[4]. Предметы в смысле Брентано обладают не реальным материальным, а интенциональным бытием. Это идеальные объекты, которые сами находятся в душе. Брентано как бы помещает весь предметный мир в душу человека.

Соответственно способу отношения к предмету Брентано производит классификацию духовных актов на три вида: акты представления (Vorstellun-gen), акты суждения (Urteile), акты чувства (Gefuhle). В представлении предмет является — презентируется — сознанию. Модификациями этого акта являются восприятие, воображение, понятие. Среди всех психических актов представлению принадлежит ведущая роль. «Ни о чем нельзя судить, ничего нельзя желать, ни на что нельзя надеяться, ничего нельзя бояться... если нечто не представлено»[5]. Суждение — другой вид отношения к объекту. В отличие от традиционного ассоцианизма, в котором суждение понимается как объединение или разъединение представлений, по Брентано, в суждении объект мнится как истинный или ложный. В актах чувства субъект относится к своему объекту как к добру или злу. Этот класс психических феноменов охватывает также желание и волю. Учение о чувствах Брентано положил в основу своих этических представлений.

Выделяя три вида актов, Брентано подчеркивал их единство в целостной душевной жизни, в отличие от фи-

[s] *Brentano Fr.* Psychologie... S. 103—104. Ibid. S. 115. [5] Ibid. S. 104.

7 *А. //. Ждан*
193

зического мира, в котором объекты могут существовать как отдельные вещи. Многообразие же соответствующих актов ощущения, видения, слуха, ощущений тепла и запаха и вместе с ними одновременные желания и чувствования и размышления, как и внутреннее восприятие, которое «...дает нам. о них все знание, мы вынуждены охватывать как частичные феномены одного единого феномена...»[6]. Сознание в единстве его актов Брентано сравнивает с рекой, в которой одна волна следует за другой.

В психологии интенциональных актов поднимаются три важных вопроса психологии сознания — предметности, активности и единства. В этих свойствах, по Брентано, выступает специфика психических явлений. Однако в силу идеалистических позиций, рассмотрения сознания в отрыве от практической деятельности человека Брентано не смог раскрыть действительное содержание этих реальных характеристик сознания.

Поднятые в психологии Брентано проблемы получили последующее развитие в психологии функций К. Штумпфа, в австрийской школе. Она оказала влияние на Вюрцбургскую школу, гештальтпсихологию, на английскую психологию Ф. Стаута и Дж. Уорда и более опосредованное на персон а листическую психологию, психоанализ Фрейда, для которого курс Брентано был единственным не медицинским курсом, прослушанным за время учебы в Венском университете. В философии особенное развитие идеи Брентано получили у его ученика Э; Гуссерля (1859—1938).

В австрийской школе ученик Брентано А. Мейнонг (1853—1920) создал «теорию предметов», ставшую теоретической основой проблемы целостности в Грацкой школе. Не останавливаясь на ее анализе, необходимо отметить, что эта теория восполнила известную односторонность психологии Брентано, из которой исключался анализ содержательной стороны сознания. Другой австрийский психолог, X. Эренфельс (1859—1932), экспериментально установил факт целостных образований — гештальтов, которые являются продуктом деятельности сознания, подтвердив этим теоретические представления Брентано об актах.

[е] *Bretifano Fr* Psyohologie... S. 125—126.

Настоящее экспериментальное развитие учение Брен-тано об акте получило в психологии функций К Штумпфа (1848—1936), крупного немецкого психолога, основателя психологического института при Мюнхенском (1889) и Берлинском (1893) университетах. Учениками Штумпфа в разное время были Э. Гуссерль, а также К. Коффка, В. Кёлер/ М. Вертгеймер, К. Левин, впоследствии основатели гештальтпсихологии. Центральным понятием психологии Штумпфа является понятие функции, которое соответствует понятию акта Брентано. Штумпф различает явления сознания, психические функции, их продукты (например, понятие как продукт понимания). При этом именно функции составляют самое существенное в душевной жизни и задачу исследования. Явления лишь материал для работы душевного •организма. Именно в зависимости от функции мы замечаем в целостном явлении его части, например, определенный тон в аккорде. Штумпф производит классификацию функций. Их экспериментальное исследование осуществлялось на материале слуховых восприятий, в частности музыки.

-

На американском, континенте идеи психологии акта превратились в большое самостоятельное направление — функционализм. У истоков его стоит психология

7»

В. Джемса (1842—1910). Его главный труд «Основы психологии» (в 2-х т., 1890). Вскоре после этого Джемс оставляет психологию, посвящает себя философии и становится известным как прагматист. По точной оценке Н. Н. Ланге, Джемс оказал большое влияние на развитие психологии необычным мастерством в описании душевной жизни, «...точно обратил нас к непосредственному опыту, закрытому до сих пор теоретическими построениями»[7]. Джемс отвергает атомизм современной ему психологии. Собственное самонаблюдение, которому должна следовать психология, показывает каждому человеку, что эти гипотетические элементы ему недоступны. В самонаблюдении нам открываются не эти атомы,. а некоторые цельные конкретные состояния сознания. Они изменчивы: минувшее состояние сознания не может снова возникнуть и буквально повториться. Тождестве» воспринимаемый нами объект, а не наши ощущения, Уже поэтому неправильно смотреть на психическую жизнь как перетасовку и ассоциацию одних и тех же идей. Психическая жизнь есть постоянная смена каче-ственностей. В сознании нет связок. Оно течет непрерывно. Постоянная смена качественностей составляет поток сознания. В его

непрерывном потоке выделяются некоторые переходные состояния. Подобно полету птицы он составляется как бы из сменяющихся полетов и присаживаний. Места отдыха обыкновенно" заняты какими-либо чувственными образами, места полета заполнены мыслями об отношениях, которые существуют между предметами, наблюдаемыми в периоды относительного отдыха. Эти состояния, т. е. сознавание отношений между явлениями сознания — пространственных, временных, сходства, различия невозможно схватить самонаблюдением. Характерной чертой потока сознания является наличие психических обертонов, неопределенных образов, смутных и неотчетливых явлений сознания. Сознание отличается селективностью, т. е. избирательностью: в нем всегда одно состояние выдвигается вперед» другое, наоборот, отходит на задний план в соответствии с тем, что нужно, важно, интересно данному индивиду. Селективность отличает наши переживания, во внешнем мире все предметы имеют однинаковую степень реальности.

' *Ланге* Я. Я. Психология. М., 1914. С. 53.

Рис. 9. В. Джемс (1842—1910)

Вопрос о связи состояний с мозгом решается Джемсом в его теории психического автоматизма, являющейся разновидностью концепции психофизического параллелизма. Все душевные процессы являются функцией мозговой деятельности, изменяясь параллельно последней и относясь к ней как действие к причине. Однако эта теория противоречит здравому смыслу, который говорит, что у нас есть сознание и раз оно возникло, то,. подобно всем другим функциям, оно целесообразно. Об-этом же говорит и теория эволюции. На этой точке зрения стоит вся описательная психология. Поэтому в описании сознания, считает Джемс, надо следовать традиционной терминологии: «Я буду так выражаться, *как* будто сознание в самом деле направляло процессы нервных центрах согласно его целям, а не являлось бессильным пассивным зрителем смены житейских явлений»[8].

В целом Джемс весьма пессимистически оценивал состояние психологии, сравнивая ее с кучей сырого фактического материала, считал, что ее нельзя назвать наукой. Новейшую экспериментальную психологию, заро-

[в] *Джемс В.* Психология. Спб., 1896. С. 77—78.

лившуюся в Германии, он описывал с уничтожающей иронией, называя Вебера, Фехнера и Вундта «философами призмы, маятника и хронографа», занятыми «выслеживаниями и выпытываниями». Также скептически юн отнесся к психоанализу Фрейда. Ближе всего для него непосредственное наблюдение и сознание как его объект.

В связи с размышлениями о сущности сознания он ■наметил новый подход к его исследованию. «Я отрицаю •сознание как сущность, как субстанцию, но буду резко настаивать на его значении в качестве функции... Функция эта — познание. Необходимость сознания вызвана потребностью объяснить факт, что вещи не только существуют, но еще не отмечаются и познаются»[9].

Эти идем навеяны успехами в биологии, которая показала, что «различные виды наших чувств и способы ■мышлений достигли теперешнего состояния в силу своей полезности для регулирования наших воздействий на внешний мир» [10]. Именно эти идеи Джемса дали начало новому направлению американской психологии — функционализму.

Наиболее ярко и последовательно это широко распространенное в США в начале XX в. направление представлено психологами Чикагской школы (Дж. Дьюи, Дж. Р. Энджелл, А. У. Мур, Дж. Г. Мид, Г. Кэрр и др.). Существовало до 1916 г., после чего перешло в бихевиоризм. Начало этому движению положила статья Джона Дьюи «Понятие рефлекторной дуги в психологии» ^(1896), направленная против автоматизма в понимании рефлекторного акта. Выделяемые обычно элементы — стимул и ответная реакция — в действительности не существуют как отдельные. Они находятся внутри координации и соответствуют ее разным фазам. «Стимул является той фазой формирующейся координации, которая представляет условия, необходимые для достижения успешного результата; реакция является той фазой этой же координации, которая дает возможность достигнуть соответствия этим условиям и служит инструментом в достижении

успешной координации. Поэтому они являются строго соответствующими друг другу и совпа-

[9] *Джемс В.* Существует ли сознание?//Новые идеи в философии. Сб. 4. М., 1913. С. 103—104.

[10] *Джемс В,* Психология... С. 4.

дающими во времени»[11]. По аналогии с рефлексом психика также должна рассматриваться в связи со своей полезной функцией в поведении.

Социальную почву функционализма составляет прагматизм, который пронизывал всю американскую идеологию, ее философию и науку. Практическая полезность идей считалась главным свойством идей. В этой обстановке анализ создания, лишенный практической значимости, как это было в структурализме Титченера, вызывал протест.

Функционализм вместо анализа сознания со сторо-ны содержания в терминах составляющих его элементов; требовал рассмотрения сознания со стороны его функции в поведении. Вместо анализа сознания по типу-«что» анализ сознания по типу «как», «почему» совершается умственная операция, как работает ум, когда *ок* имеет дело с окружающим миром, каковы операции, посредством которых сознание решает определенные задачи в том или ином приспособительном акте. Предметом изучения объявляется функция, т. е. операция. Изучить-функцию — значит, раскрыть ее координацию, с однойстороны, с организмом, с состоянием потребности, которую она удовлетворяет[12], и с внешней средой, на которую эта функция направлена. Психическая функция, рассматриваемая со стороны ее полезности в практических ситуациях, является инструментом приспособления-к окружению. Нацеленность на анализ психики в жизненных ситуациях способствовала развитию прикладных: областей — тестирования, педагогической, медицинской^ юридической, промышленной психологии. Так, Дьюи занимался проблемами обучения.

Психологи этого направления выступили против представлений Титченера о психологии как чистой науке. Напротив, функционалист «находит какое-то удовольствие в общественном применении его трудов»[13]. То, от чего отвлекался структурализм — значение, ценность, отношение, не должны быть-исключены из психологии только по причине их нена-' блюдаемости. Следующим требованием функционали-

[11] *Dewey* Л The reflex arc concept in Psychology//Psychol. Rew. 1896. V. 3. N 4. P. 370.

[12] Отсюда развилась динамическая психология с ее исследованиями влечений, мотивации, биологических нужд организма (Wood-worth. R., **1918).**

« *Carr И* F»mct?ona1ism//Psychologies of 1930. Chap. 3. P. 69.

сгов было не ограничиваться только областью сознания, но рассматривать целостный организм в единстве разума и тела.

Функциональная психология как одна из новых точек зрения оказалась полезной для новых развивающихся отраслей психологической науки — педагогической, промышленной и др. Однако она не выдержала проверки временем и распалась. Требование рассматривать психику с ее функциональной стороны не открывало нового понимания самой психики, а основное понятие «функция» страдало неопределенностью и многозначностью: одни авторы понимали под функцией психические акты (видения, слышания и т. п.), другие использовали это понятие в значении, которое сложилось в физиологии, как функция функции, например, дыхание понимается как выполняющее функцию снабжения организма кислородом и др.

Антитеза функционализм — структурализм как главное содержание теоретической борьбы в зарубежной психологии сознания конца XIX — начала XX в. высветила односторонность каждого из этих подходов. Структурализм строил свои исследования, абстрагируясь от роли сознания в поведении, а психология акта и функционализм недооценивали содержательную сторону сознания. Этот спор поучителен и для современной психологии. Как показали новейшие исследования в области ■субъективной семантики (Е. Ю. Артемьева, А. Г. Шмелев и др.), психологический анализ содержания сознания открывает новые и большие возможности для понимания субъективного внутреннего мира человека. Задача заключается поэтому не в том, чтобы исключить содержание сознания из сферы психологического изучения, а сделать его по-настоящему содержательным.

Рассмотрение теоретических концепций, сложившихся в психологии к началу XX в., подтверждает справедливость оценки, которую дал Н. Н. Ланге, сравнивший положение психологии, раздробленной на ряд направлений, с Приамом, сидящим на развалинах Трои[14]. Психология вступила в период открытого кризиса.

В дореволюционной России официальной психологией была психология идеалистическая: она

преподавалась с университетских кафедр, в ее руках **был** главный

[14] *Ланге Н. Н.* Психология*. С. 42.

4

200

печатный орган — журнал «Вопросы философии и психологии», ее представители возглавляли Психологическое общество. Идеалистическая психология не была однородной. В ней различаются 2 варианта: умозрительно-философская и эмпирическая. Умозрительно-философскую линию представили университетские психологи — неокантианец А. И. Введенский (1856—1925),. Л. М. Лопатин (1855—1920), интуитивист Н. О. Лос-ский (1870—1965), С Л, Франк (1877—1950). В своем-главном труде «Психология без всякой метафизики» (1914) профессор Петербургского университета А. И. Введенский провозгласил отказ от обсуждения в-психологии каких-либо философских — метафизических — вопросов: психология изучает душевные явления безоценочным образом как факты внутренней природы в отличие от этики, эстетики, педагогики, логик» и др. Ее задачей является исследовать состав каждогодушевного явления, каким образом из элементарных явлений оно складывается, как изменяется в зависимости от изменения элементов, как влияют друг на друга-разные душевные явления (память — на мышление, мышление—на волю и т. п.). Так, во имя сохранения психологией своей специфичности провозглашался отказ оr изучения психического в его связях с внешним миром. Этот идеалистический подход получил особенно яркое выражение в так называемом «законе отсутствия объективных признаков одушевления»[15]: психическое не имеет никаких внешних материально выраженных признаков, поскольку они могут быть и без психического сопровождения. Отсюда следовал вывод об интроспекции-как единственном методе изучения в психологии. Вопрос о пределах одушевления объявлялся неразрешимым: неопровержимо как допущение об одушевленности, например, растений, т. е. всеобщей одушевленности», так и противоположное ему, т. е. отрицание душевной^ жизни. Вне эмпирического познания объявлялся вопрос о существовании чужого одушевления. Это «недоказуемое мнение», допустить которое, однако, заставляет наличие нравственного чувства, невозможное у бездушного предмета. Так, вопреки провозглашенному принципу избегать метафизики, с ее помощью Введенский выбирает-

[15] *Введенский А. И.* О пределах и признаках одушевления.. Спб., 1892.

20 Г

ся из тенет неизбежного солипсизма. Закон Введенского возбудил дискуссию и критику. Так, Н. Я. Грот назвал этот закон мнимым, считая, что «одушевленность других существ теоретический объективно доказуема»[16]. В связи с кризисом философствующей психологии дальнейшая судьба в развитии психологии в Петербургском университете была связана с укреплением естественнонаучного направления, развиваемого на кафедре физиологии (Н. Е. Введенский, ученик Сеченова, А. А. Ухтомский), на кафедре зоологии (В. Н. Шимкевич), где возник первый в России центр сравнительной психологии (В. А. Вагнер). В Москве Л. М. Лопатин в курсе психологии, читаемом в университете[17], проводил линию на различие психических и физических явлений, сделал вывод об «имманентной нематериальной субстанции душевной жизни как неизбежном выводе». Весь материал, касающийся отдельных психических процессов (познавательные процессы — ощущения, память, закон ассоциаций, а также бессознательное), рассматривался «по данным внутреннего опыта». В критике материализма Лопатин, как и Введенский, имеет в виду вульгарный материализм.

Эмпирическую линию в идеалистической психологии отличали приверженность к эмпиризму Локка и английскому ассоцианизму, внимание к методам эмпирического исследования, в частности положительное отношение ;к эксперименту. В Петербургском университете ее представлял М. И. Владиславлев, автор двух трудов по психологии: «Современные направления в науке о душе» •(1866) и «Психология» (в 2-х т., 1881). Он выступил против материализма и физиологических методов исследования, считая их бесплодными для психологии. Впервые в отечественной науке он дал большой исторический юбзор развития психологических знаний начиная от античности («Психология»). Его учениками были выдающиеся психологи Н. Н. Ланге, Н. Я. Грот. В Московском университете М. М. Троицкий (1835—1899) выступил сторонником английского эмпиризма. В двухтомном труде «Немецкая психология в текущем столетии» (1867)

[16] Возражения Н. Я. Грота//Вопр. философии и психологии. 1893. Кн. 19. Приложение. С. 2.

[17] *Лопатин* Л. М Лекции по психологии, читаемые на историко-философском факультете Московского университета. М., 1909.

Рис. 10. Н. Я- Грот (1852— 1899). Основатель первого в России специального журнала по вопросам философии и психологии «Вопросы философии и психологии» (1889)

он дал критику немецкой идеалистической психологи» за ее отрыв от эмпирии и пропагандировал в России английскую линию на эмпиризм, в духе которого выпол-нена его другая работа «Наука о духе» (1882). Троицкий явился основателем Московского психологического общества (1885). К его учреждению он привлек профессоров всех факультетов университета, в том числе математиков (Н. В. Бугаев), психиатров (А. Я. Кожевников) и др. Целью общества он провозгласил «соединить-разрозненные труды психологического характера в целях более широкой и плодотворной разработки психологии в ее составе, приложениях и истории и для распространения в России»[18]. На заседаниях общества обсуждались не только психологические, но и философские-вопросы (о свободе воли, о духе и материи, о времени и др.). Оно получило огромную популярность, его отдельные заседания приобретали характер общественных: событий, как, например, доклад Л. Н. Толстого «О смысле жизни». Создание общества явилось свидетельствомрастущего авторитета психологии в России.

Преемник Троицкого Н. Я. Грот (I[852-1899]) руководил русской идеалистической психологией в 80—

[18] Краткий исторический очерк деятельности Московского Психологического общества за 25 лет Н. Виноградова//Вопр. философии и психологии. 1910. Кн. 3. С. 252.

30-х гг. Основал и был редактором до 1899 г. журнала «Вопросы философии и психологии», который хорошо отражает состояние русской идеалистической психологии. Его основной труд «Психология чувствований в ее

истории и главных основах» (1880) — капитальное исследование проблемы чувств. Здесь Грот высказывает ряд соображений общепсихологического характера. В соответствии с эволюционной точкой зрения Г. Спенсера он рассматривает психическую жизнь как один из видов взаимодействия организма со средой. Заслуживает внимания его теория психического оборота. В каждом психическом акте он выделяет 4 фазы, вместе они ■составляют оборот, который является регулятором взаимодействий организма со средой. В состав оборота входят: внешние впечатления на организм, переработка их JBO внутреннее (сюда, в частности, относятся чувствования), вызванное этим внутренним впечатлением внутреннее движение, затем внешнее движение организма навстречу предмету. Грот сам подчеркнул новизну своего подхода: ввел в число основных психологических понятий понятие «деятельность»[1Э]. Эти идеи Грота созвучны материалистической психологии Сеченова, на влияние которого он сам указывал. В дальнейшей своей деятельности Грот отходит от этого направления своих исследований, занимается проблемами логики, свободы ЕВОЛИ и др., к которым подходит с позиций идеализма.
Большое место в идеалистической психологии принадлежит Г. И. Челпанову (1862—1936). Его главная заслуга — в создании Психологического института, педагогической деятельности по подготовке психологических кадров и популяризации психологии. В своем главном теоретическом труде «Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе» (1-е изд.— 1909 г.) Челпанов выступает с критикой материализма, который в психологии понимался как сведение психического к физиологическому. В трактовке психики •стоял на идеалистических позициях, психофизиологического параллелизма, т. е. признавал автономность психического и его соответствие физиологическим процессам.
4
"»
[19] *Грот Н.* Я. Психология чувствований в ее истории и главных -основах. Спб., 1880. С. 4.

Рис. 11. Профессор Московского университета, основатель Психологического института Г. И. Чел панов (1862— 1936) и ученик Челпанова, впоследствии профессор Московского университета Г. Г. Шлет (1879—1940)

Заметную роль в отечественной психологии сыграл ученик Челпанова Г. Г. Шпет (1879—1940). Его научная и педагогическая деятельность принадлежит разным областям: кроме психологии, он действовал в области философии, логики, искусствоведения, литературы. Шпет был вице-президентом Академии художественных наук (ГАХН). Вместе с Челпановым он участвовал в разработке проекта Психологического института. Из психологического исследования Шпета наиболее изучены его идеи в области этнической психологии.

Материалистическая линия в психологии дореволюционной России развивалась в русле естественнонаучного материализма и, являясь продолжением идей Сеченова, была направлена на объективность психологических исследований. Выдающимися представителями этого направления были В. М. Бехтерев, Н. Н. Ланге. Большую роль в нем сыграли также исследования И. П. Павлова. Н. Н. Ланге (1858—1921) отстаивал биологический подход и выступал против эпифеноменализма в его различных вариантах. «Психика не является эпифеноменом, но представляет собой реальный факт». Экспериментальные исследования восприятия привели его к тео-

Рис. 12. Н. If. Лаяге (1858— 1921). Один из основоположников экспериментальной психологии в России. В 1896 г. основал психологическую лабораторию в Новороссийском университете (Одесса)

рии восприятия как фазового процесса. Восприятие не происходит моментально во всей полноте, в нем выделяются 4 ступени, из смены которых Ланге вывел закон перцепции: чувственный образ формируется постепенно — от целостного впечатления к подробному различению его свойств. Эти ступени обусловлены всем ходом биологического развития. Был сделан вывод о предметности восприятия у человека. Экспериментальные исследования внимания привели его к двигательной теории внимания: внимание — это двигательная реакция организма, которая улучшает условия восприятия. Прерывистость мускульных движений объясняет колебания внимания. Внимание имеет три формы: рефлекторную, инстинктивную, волевую. Волевая форма внимания является продуктом опыта, а не какой-то самостоятельной силы духа, типа апперцепции Вундта. Исследования Ланге вносили объективные методы в науку и экспериментально обосновывали материалистический взгляд на психику.

В направлении объективности в психологии развивалась деятельность В. М. Бехтерева (1857—1927), выдающегося клинициста, психиатра, невропатолога и психолога. Бехтерев пришел к психологии от неврологии в психиатрии, которыми занимался (после окончания Медико-хирургической академии в Петербурге и заграничь-

Рис. 13. В. М. Бехтерев (1857— S927). Невропатолог, психиатр, психолог. Основатель первой в России лаборатории экспериментальной психологии (Казань, 1885) и ряда других научных учреждений : «Психоневрологического института» (1908, Петербург) , «Экспериментально-клинического института по изучению алкоголизма» (1912, Петербург), •«Института по изучению мозга и психической деятельности» (1918,
Петроград)

ной командировки в клиниках Германии, Австрии и •Франции) в Казанском университете. Здесь в 1885 г. он устроил первую психофизическую лабораторию для научных изысканий в области анатомии, физиологии и экспериментальной психологии. После возвращения в Петербург развернул широкую исследовательскую и организаторскую работу по неврологии, в которую включал учение о нервной системе, а также о нарушениях духовной сферы в связи с нарушениями мозга. В 90-х гг. он организовал в Петербурге ряд лабораторий в целях исследования нервнобольных, в том числе экспериментально-психологическую. Объективную психологию и психиатрию он включил в круг наук о мозге, предложил термин «психоневрология». В 1908 г. он создал Психоневрологический институт, в числе профессоров которого были П. Ф. Лесгафт, М. М. Ковалевский, Н. Я. Введенский, В. Я. Комаров, Е. В. Тарле, социолог Е. В. де Роберти. После революции он организовал ряд психоневрологических учреждений, самым крупным из них является Институт по изучению мозга и психической деятельности (1918).

Центральная идея Бехтерева — объединение различных разделов неврологии: нейрохирургии, нейропатоло-гии, физиологии н психологии. В психологии Бехтеров в первый тдервод сво.ей деятельности исп#льзовал объ-

2071

ективные приемы экспериментальных исследований Вун-дта. Во втором периоде, в начале XX в., он создает объективную психологию, в которой на основе объективных исследований человека

предлагает новую систему понятий психологии и новую терминологию. Психическую деятельность он рассматривает как рефлекторную, а различные стороны и формы этой деятельности — как различные ее виды: внимание — это рефлекс сосредоточения, мыслительная деятельность — символические рефлексы и т. п. В 1907—1912 гг. выходит «Объективная психология». Она переводится на немецкий, французский, английский языки и становится важной вехой в истории психологии XX столетия, что отмечали зарубежные исследователи (Флюгель, Уотсон, Боринг и др.). В третьем советском периоде Бехтерев создает общие основы рефлексологии. На основе экспериментальных работ по изучению сочетательных, т. е. вырабатываемых у индивида прижизненно, двигательных рефлексов у животных и человека, совокупность которых назвал соотносительной деятельностью, Бехтерев сделал вывод о том, что именно эта деятельность должна стать объектом изучения как воплощение строго объективного подхода к психической деятельности. Это понятие он стремился распространить на все отрасли психологии, в том числе на детскую. В 20-х гг. его ученик Н. М. Щелова-нов создает специальное учреждение — Отдел развития Института по изучению мозга. Здесь воспитывались и одновременно изучались дети от рождения до 3 лет. Свой метод Щелованов назвал сравнительно-онтогенетическим: это тщательное систематическое прослеживание процесса развития с целью выявления того нового, что возникает с первых часов появления на свет. На основе этого исследования Н. Л. Фигуриным и М. П. Денисовой были описаны этапы развития ребенка на первом году жизни (1929). Была создана и система воспитания от рождения до 3 лет. Собранные по этому методу материалы позволили осуществить ряд работ, посвященных развитию отдельных сторон поведения: сна и бодрствования (Н. Л. Фигурин), ранних форм условно-рефлекторной деятельности (Н. И. Касаткин), предметных действий' (Р. Я. Лехтман-Абрамович), речи (1\ М. Лямина), движений (М. Ю. Кистяковская) и др. Вопросы социальной обусловленности поведения и развития составили «Коллективную рефлексологию». Ее

задачей было изучение способов и проявления коллективных рефлексов, образующих в своей совокупности коллективную деятельность, в сравнении с индивидуальными рефлексами или индивидуальной деятельностью-. Здесь же Бехтерев пытался установить всеобщие законы, которым подчинен мир неорганический, органический и социальный. Законы тяготения, инерции, относительности и др. он распространял на понимание психики и общественных явлений. Бехтерев — материалист и эволюционист, но он не владел диалектическим методом и отклонился в сторону механицизма и энергетизма. Состоявшаяся в 1929 г. рефлексологическая дискуссия отметила положительную-роль В. М. Бехтерева в развитии объективного подхода в психологии. Однако исключение из исследования психики и сознания привело к биологизации и крайне механистической трактовке человека и поведения, и после дискуссии рефлексология прекратила существование.

Наследницей В. М. Бехтерева явилась Ленинградская психологическая школа. В. Н. Мясищев, А. В. Ярмоленко, Б. Г. Ананьев, составившие ее ядро, были прямыми учениками Бехтерева.

И. П. Павлов (1849—1936) не создал собственной психологической концепции, но влияние, которое он оказал на развитие психологии, как мировой, так и отечественной, несомненно велико и плодотворно.

Впервые обращение физиолога Павлова к психическим явлениям произошло в связи с его работой по изучению деятельности пищеварительных желез[20]. Выявилось, что работа пищеварительных желез может быть-обусловлена не только чисто физиологическими моментами (раздражением полости рта), но и видом пищи,. ее запахом, т. е. фактами психического порядка. Секрецию слюнной железы на эти факторы Павлов назвал-«психической секрецией», но истолковал ее в физиологических понятиях. Объяснение этих фактов и положила начало учению об условных рефлексах. «Влияние этих объектов... в существенном тоже самое,что и в физиологических опытах, когда они соприкасаются с полостыа рта. Перед нами... лишь дальнейшее приспособление... наш опыт в физиологической форме дает всегда один *j?*

[20] За эту работу И. П. Павлов в 1904 г. был удостоен Нобелевской премии.

тот же результат... безусловный рефлекс; основная же характеристика психического опыта — его непостоянство... все дело только в большем числе условий, влияющих на результат психического опыта сравнительно с физиологическим. Это... условный рефлекс»[21]. Вся дальнейшая работа И. П. Павлова была направлена на изучение условнорефлекторных связей: условий их образования, развития, угасания. Подчеркивался биологический смысл условных рефлексов: они служат для

уравновешивания организма с внешней средой. Условные раздражители имеют сигнальное значение: они — сигналы внешних возбудителей безусловных рефлексов. В опытах Павлова выступила необходимость подкрепления и ориентировочного рефлекса для образования новой •связи. Понимание Павловым условий образования ус-.ловного рефлекса отличается от механистической трактовки механизмов обусловливания в бихевиоризме Уот-'оона и концепциях необихевиоризма.

Характеризуя особенности высшей нервной деятельности человека, Павлов наметил учение о второй сигнальной системе как о прибавке к механизмам высшей нервной деятельности.

%. Павлов надеялся, что его объективные исследования позволят проанализировать приспособление от его простейших форм вплоть до высших проявлений, т. е. психических явлений у животных и сознания у человека. Павлов признавал реальность субъективного мира и психологию как науку, изучающую его. «Жизненные явления, называемые психическими, хотя бы и наблюдаемые объективно у животных, все же отличаются — пусть лишь по степени сложности — от чисто физиологических явлений»[22]. Он внимательно следил за достижениями как отечественной, так и мировой психологии (см., например, знаменитые «Павловские среды»). В 1916—1919 гг. Павлов посещал психиатрические клиники, изучая психические заболевания в связи с данными •физиологии мозга. В письме Челпанову по случаю официального открытия Психологического института в Москве 5 апреля (24 марта) 1914 г. он писал: «После славяых побед науки над мертным миром, пришел черёд

[21] *Павлов И.* Я. Поли. собр. трудов: В 5 т. Т. III. М.; Л., 1949. •С. 29—30.

[22] Там же. С. 37-. .

■

разработки и живого мира,,а в нем и венца земной природы — деятельности мозга. Задача на этом последнее пункте так невыразимо велика и сложна, что требуются? все ресурсы мысли... Вот почему я, исключающий в своей лабораторной работе над мозгом малейшее упоминание о субъективных состояниях, от души приветствую» Ваш психологический институт»[23]. Но Павлов был убежден, что субъективная психология как наука об явлениях сознания не дает их познания. Говоря о необходимости слития физиологии и психологии, он имел в виду использование физиологических данных для понимания^ субъективного мира. «Мне кажется, что для психологов; наши исследования должны иметь очень большое значение, так как они должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания»[24].

Освоение наследия Павлова в советской психологи*? прошло сложный путь и связано с вопросами предмета-психологии и ее самостоятельности как науки. Эти вопросы обсуждались особенно интенсивно в ходе дискуссий 50-х—60-х гг.[25] Б. М. Теплов творчески использовал учение Павлова о типах высшей нервной деятельности-для разработки психофизиологии индивидуальных различий.

Естественнонаучная материалистическая психологиж явилась важной предпосылкой становления, а затем га составной частью советской психологии.

Глава III

РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ЕЕ ПРИКЛАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ

Выделение психологии в самостоятельную науку сопровождалось интенсивным развитием экспериментальных исследований. Во всех странах создаются психологические лаборатории и институты экспери-

[23] Вопр. психологии. 1955. № 3. С 100.

[24] *Павлов И. П.* Поли. ... Т. III. С. 89;

[25] См. кн.: Научная сессия, посвященная проблемам физиологического учения академика И. П. Павлова. М.,. 1950; Материалы совещания по психологии. Стенографический отчет//Изв. АПН1 РСФСР. Вып. 45. М., 1953; Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности и психолог и и /Под ред. П. Н. Федосеева н др. М., 1963.

ментальных и прикладных исследований. Несмотря на ограничения, которые ввел для эксперимента его основоположник Вундт, уже в 80-е гг. происходит его распространение на исследование высших психических -функций. Начало им положил Г. Эббингауз (1850— 1909) своей работой о памяти (1885), к которой примыкают труды Г. Э. Мюллера (1850—1934) и сотрудников. -Психологи Вюрцбургской школы в первом десятилетии XX в. начали

экспериментальное изучение мышления и ФОЛИ. Экспериментальные исследования смыкаются с медицинской, педагогической, промышленной и др. практикой, возникают прикладные области психологии.
Широкое развитие эксперимента в психологии происходило по образцу и под влиянием естествознания.
При этом человек рассматривался объективистски, -только как индивид, испытывающий воздействия со сто-■роны предметов материального мира. Положение о естествознании как единственном образце научности встретило критику со стороны ряда исследователей (например, Ф. Брентано, В. Дильтея и др.). Возникают дискус-<ии о месте и назначении эксперимента, в ходе которых «у психологии обнаружились два лика: один, обращенный к физиологии и естествознанию, другой — к наукам о духе, к истории, к социологии»[1]. Так в процессе и на основе развернувшихся широким фронтом экспериментальных исследований происходит раскол психологии на естественнонаучную, в основе материалистическую, и историческую, понимающую, направленную идеалистически. ..
В разных странах развитие экспериментальных исследований происходило своеобразно. Это объясняется жак сложившимися исторически традициями, так, и это тлавным образом, в силу специфики социальной ситуации в каждой стране и запросов общественной практики.
В Германии эксперимент получил распространение «а изучение сложных психических процессов и произошло развитие таких прикладных областей, Как медицинская и педагогическая психология. Г. Эббингауз в работе о памяти (1885) впервые вышел за пределы физиологического эксперимента вундтовского типа и сформулировал законы памяти на основе собственно психологи-

[1] *Выготский* Л. С. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М., 1982. С. 385.

Г'

веского эксперимента. Память он понимал как механический процесс образования следов, и для ответа на вопрос о том, как образуются новые следы, должен был решить методическую задачу: найти материал, абсолютно не знакомый испытуемому, не имеющий никаких связей с его прошлым опытом. Таким материалом Эббингауз выбрал бессмысленные слоги. Он разработал методику их составления и приемы подачи материалов, строго учитывающие условия эксперимента и позволяющие однозначно оценивать результаты. Эббингауз ввел два метода исследования памяти: метод заучивания и метод сбережения. Метод заучивания состоит в том, что испытуемому предъявляется ряд бессмысленных слогов, которые он должен заучить путем повторений до правильного безошибочного воспроизведения. Показателем скорости заучивания, его качества было число повторений. Метод сбережения отвечал на вопрос о том, правомерно ли на основании невозможности воспроизвести выученный материал говорить о его полном забывании: после того как наступило полное забывание материала, он вновь предъявлялся испытуемому. Оказалось, что его заучивание дает некоторую экономию во времени. Полученные результаты свидетельствовали о том, что заученное оставляет следы в памяти, но доступ к ним теряется.
Эббингаузом были установлены следующие факты. Выявлен объем непосредственного запоминания — выражается количеством единиц материала, которые человек может воспроизвести после однократного предъявления. Этот объем равен 6—8 бессмысленным слогам. Этот •факт имел определенное значение для исследований различных нарушений памяти. Оказалось, что уже при незначительном увеличении материала количество повторений, которое требуется для его запоминания, возрастает во много раз. Из этого следовало, что увеличение нагрузки на память приводит к снижению работоспособности. Было установлено, что то время, которое требуется для заучивания материалов, целесообразно распределять на несколько сроков, разделенных интервалами. Например, если материал требует 30 повторений, целесообразно повторять его в течение 3 дней по 10 раз, чем 30 раз в один день. Эта закономерность в эксперименте, выполненном в лаборатории Г. Мюллера А. Постом (1897), получила название

Рис. 14- Г. Эббингауз (1850
1909)

«закона Иоста», в соответствии с которым более старая ассоциация больше укрепляется повторением и лучше актуализируется, чем только что образовавшаяся.

Эббингауз установил, что после того, как материал выучен полностью, необходимо возвращаться к нему,. чтобы он не был забыт: необходимо не только заучивание, но и переучивание. Показано, что забывание — такой же закономерный процесс, как и запоминание,—и происходит следующим образом: сразу после запоминания забывание идет быстро, затем процесс замедляется и через определенное время останавливается. Этот факт получил графическое изображение в виде «кривой забывания». Было показано, что этот закон действует не только для бессмысленных слогов, но и для осмысленной памяти. Для ответа на вопрос о том, что является решающим для памяти — элементы или связи между ними, предъявлялись ряды с постоянным набором элементов, но отличавшихся их порядком. Был обнаружен факт ослабления связей в середине ряда («фактор края»). Экспериментально исследовалось значение при-

яадлежности к целому, или вопрос о единицах памяти. Хотя Эббингауз работал главным образом с бессмысленными слогами, он использовал также и осмысленные тексты. Выступило различие между запоминанием осмысленного и бессмысленного материала. Было установлено, что для запоминания имеет значение не количество элементов, а число самостоятельных единиц. Это противоречило пониманию памяти как механической способности и подводило к представлению о ней как осмысленной деятельности. Был обнаружен факт упраж'няемости памяти: тренировка в запоминании одного материала приводила к улучшению запоминания материала другого рода. Выводы, полученные Эббингаузом, имели прикладное значение, прежде всего, для педагогики.
Крупным исследователем памяти был Г. Э. Мюллер, .автор трехтомных экспериментальных исследований памяти («К анализу памяти и представлений», 1911, 1913, 1917). Мюллер сделал вывод о том, что память — не механическая способность. Он показал, что в памяти действует установка на запоминание. Способы заучивания осмысленного текста отличаются от простого повторения в случае бессмысленного материала. Смысловая работа над текстом обеспечивает его запоминание. В лаборатории Мюллера были созданы новые методы исследования памяти: метод парных ассоциаций (М. Калкинс) и др.
Экспериментальная разработка мышления составила предмет и задачу исследований Вюрцбургской школы {1901—1910—1911 гг.). Школу возглавил О. Кюльпе {1862—1915), ученик Вундта и его ассистент в Лейпциге с 1887 по 1894 г. В ее состав входили А. Майер, А. Мессер, X. Уатт, К. Бюлер, Н. Ах, К. Марбе. Кюльпе был ■не только психологом: от философских познавательно-теоретических проблем он пришел к психологическим исследованиям мышления. Его философские убеждения развивались от махизма к феноменологии.
Психологи этой школы начали с простых задач на чувственное сравнение (например, тяжестей), понимание слов, предложений и т. п. В качестве испытуемых выступали они сами: предъявлялись высокие требования к самонаблюдению. В отличие от прежней психологии, которая хотя и говорила о самонаблюдении, но не разрабатывала его как метод, вюрцбуржцы сделали самонаблюдение методом исследования. Н. Ах назвал его «методом систематического экспериментального самонаблю-

дения». Испытуемый должен был описать весь процесс умственной деятельности, иногда его прерывали на каком-то этапе решения. Использовалось также сообщение испытуемого непосредственно после окончания опыта. Полученные данные рассматривались как достоверное » адекватное описание хода мышления в процессе решения задачи.
Одной из первых была работа К. Марбе на понимание суждения. Испытуемый сообщал о каких-то неясных переживаниях, которые Марбе назвал «положениями сознания»: сомнения, неуверенность, ожидание, удивление, согласие, узнавание, а также чувства напряжения-и расслабления. Н. Ах дал им название Bewufttheit, которое можно перевести как «знаемость», «осознанность»;. Иногда они сопровождались наглядными представлениями или отрывочной внутренней речью. Исследование А. Мессера, проведенные на материале отдельных слов-и предложений, привели к выводу о том, что процесс протекает в форме мыслей (Gedanken). Их главная характеристика, по Мессеру, состоит в отсутствии чувственно-наглядного содержания, а также связи с речью; Бюлер развивает положение Мессера о мыслях как основных носителях мышления, производит их классификацию: мысли как сознание правил, как сознание отношений и мысли-интенции.
Так, исследования Вюрцбургской школы привели к опровержению известного из прежней психологии положения о том, что в состав мышления (и слова как еп> носителя) входят в качестве компонента представления,. образы, поколебав этим сенсуалистические представления о нем. Кюльпе писал: «Я был поражен, что объекты внешнего мира, такие как тела, или метафизические предметы, такие как идеи Платона или монады Лейбница, могут мыслиться непосредственно, без того, чтобы можно было образовать о них наглядные представления. Из этого я заключил, что мышление должно быть. особым видом деятельности нашей души и что оно стоит совсем в другом отношении к своим предметам, чем, например, ощущение или представление»[2].
Независимо от этой школы к аналогичным выводампришли и другие психологи: А. Бинэ («Психология умо-
[2] Цит. по: *Messer A.* Die Wurzburger Schule//Einfuhrung in die neuere Psychologie/E. Saupe. OSterwieck-Harz, 1931. S. 18.

заключения», 1889; «Экспериментальное изучение интеллекта», 1903), Р. Вудвортс (статьи: «Причина произ-зольного движения», «Безобразная мысль», 1906), <1>. Гальтон и др.
Другой проблемой этой школы был анализ деятельной стороны мышления. В экспериментах X. Уатта испытуемому давалось задание на направленные ассоциации/Предполагалось, что правильный ответ обеспечивается у испытуемого внутренней установкой, которая производит отбор из всех актуализируемых ассоциаций, соответствующих задаче. Н. Ах экспериментально подтвердил эти факты X. Уатта. После того как испытуемый запоминал пары бессмысленных слогов, ставилась задача: после предъявления первого слога воспроизвести не ассоциированный с ним, а рифмованный. При этом ассоциированный слог затормаживался. По Н. Аху, решение задачи — это активный процесс, в основе которого лежит особый психологический механизм: установка и детерминирующая тенденция; они придают мышлению целенаправленный характер.
Положение о качественном различии между сенсорными процессами и мышлением было подвергнуто острой критике Вундтом, Мюллером, Титченером. Так, Мюллер пытался дать объяснение тем же фактам с помощью понятия констелляции сознания. Например, слово «роза» может быть ассоциированно с бесчисленными образами и понятиями — «красный», «цветок», «шипы», «сад» и др. в зависимости от общей констелляции сознания в данный момент.
Отто Зельц (1881—1944) указал, что посредством констелляции сознания хотя и можно сделать понятным, почему воспроизводится отнюдь не сильнейшая ассоциация, но эта теория не может объяснить упорядоченное, т. е. смысловое, мышление. Зельц занимался решением настоящих, в том числе творческих, задач и дал такое описание процесса мышления. На первых этапах происходят попытки, в результате которых в сознании складывается образование, названное проблемным комплексом. Это антиципирующая схема задачи, в которой имеется разрыв, отвечающий искомому. Она контролирует я направляет ход мыслительных операций. Если задача типовая — пробел в схеме заполняется актуализацией имеющихся способов решения. Если задача не решается известными способами, она приобретает для данного человека творческий характер. В этом случае необходимо
217
открытие новых способов решения. Этот процесс также направляется антиципирующей схемой. При этом нахождение искомого облегчается подсказкой извне, в качестве которой выступает случайное наблюдение каких-то фактов. В силу большой предварительной работы случайность становится одним из факторов упорядоченной духовной деятельности, выполняющих роль подсказки. Зельц приводит примеры из истории научных открытий (Фарадей, Дарвин, Франклин и др.)- Зельц подчеркивает целостность мышления. Благодаря этой идее вместе с личным влиянием Вюрцбургская школа подготовила возникновение нового направления гештальтпсихологии, хотя Коффка и выступал с полемикой против основных положений Вюрцбургской школы. Эти исследования убедительно указывали на специфику мышления, которая, однако, интерпретировалась идеалистически как особая духовная активность, оторванная от чувственных образов, от речи, от практики. Такая трактовка — следствие ограниченности метода, систематической интроспекции. В самонаблюдении мышление действительно выступает как протекающее без опоры на чувственные образы и привычные формы речи. Однако объективные методы свидетельствуют о связи мышления с речью. В частности, применение электромиографической и электроэнцефалографической техники позволяет регистрировать во время решения задачи движения мышц речевых органов и электрическую активность соответствующих участков коры мозга. Исследование генеза мышления методом планомерного формирования психических свойств и процессов (П. Я. Гальперин) показало, что «секрет безобразного мышления заключается в том, что оно представляет собой остаточное явление речевой формы сокращенного и автоматизированного предметного действия. Очевидно, главная ошибка заключалась не в описании этого явления... но в том, что явление — и только явление приравнивалось к полной действительности и за явлением не видели и не признавали сущности»[3].
Большое развитие в Германии получили прикладные исследования. Э. Крепелин (1856—1926) особенно стремился внести в психиатрию психологический эксперимент. Он применил в клинике ассоциативный экспери-

[3] Исследования мышления в советской психологии/Под ред. Е. В. Шороховой. М., 1966. С. 255.
218
мент и показал различие в характере ассоциаций при шизофрении и маниакально-депрессивном психозе. Ассоциативный эксперимент в клинике применял также Р. Зоммер. Крепелин произвел

экспериментальные исследования умственного утомления и построил кривую работы. Ему принадлежит попытка составления схем исследования личности (здорового или больного) путем измерения ряда признаков: времени протекания психических процессов, способности к упражнению, прочности упражнения, специальной памяти, приспособляемости, утомляемости, способности восстанавливаться после утомления, глубины сна, отклоняемости и некоторых других. Из подобных исследований возникла задача установления типа людей, которая стала одним из направлений новой области психологии—дифференциальной психологии.
В теснейшем союзе с научной психологией действовал Э. Блейлер (1857—1939). Из его школы вышел К. Юнг, оба использовали ассоциативный эксперимент в диагностических целях. Блейлер особенно известен выделением новой формы мышления — аутистического мышления.
Интенсивное развитие получило приложение экспериментальной психологии к педагогике. Э. Мейман (1862—1915), Р. Лай и др. провозгласили возникновение экспериментальной педагогики. Важное место заняла психология в юридической практике, особенно при оценке верности свидетельских показаний. В. Штерн создал Институт прикладной психологии и журнал под тем же названием. Наибольшее внимание уделял педагогической и промышленной психологии. Основываясь на фактах из экспериментальной психологии об индивидуальных различиях в показаниях между людьми, которые сначала воспринимались как ошибки, развил дифференциальную психологию (1900). Под влиянием книги К- Бюхера «Работа и ритм» психологи экспериментально исследовали отношение между ритмом продуктивности и качеством труда. Г. Мюнстерберг, основные исследования которого были выполнены в Америке, показал практическое значение психологии при выборе профессии.
У истоков экспериментальной психологии в Америке стоят В. Джемс, Г. Ст. Холл (1844—1924), Дж. Кеттел 'I860—1944). Хотя Джемс не был психологом-экспери-

ментатором (он имел небольшую лабораторию в Гарвардском университете (основана в 1875 г.), где ставились некоторые эксперименты), он активно поощрял экспериментальные исследования. У него начинают свои эксперименты по зоопсихологии Э. Торндайк, Д. Дьюи,, Д. Энджелл, Р. Вудвортс, все психологи-экспериментаторы — его ученики. Именно Холл, явился основоположником экспериментальной психологии в Америке как руководитель одной из крупнейших экспериментальных психологических лабораторий: ее Фресс и Пиаже называют первой в Америке[4]. Он проводил экспериментальные исследования в области восприятия, однако ведущей его областью была педагогическая и генетическая психология. Большой энтузиаст организации движения по изучению детей, он указал на важность эмпирического изучения ребенка. С этой целью применял анкетыопросы (родителей и учителей) с последующей статистической обработкой результатов. Холл явился крупным организатором американской психологической науки. По его инициативе была создана Ассоциация американских психологов (1892), первым президентом которой он был. Он явился основателем важнейших периодических изданий. По приглашению Холла в связи с 20-летием Кларковского университета 3. Фрейд прочитал пять лекций по психоанализу[5] и этим начал развитие психоанализа в США. Многосторонняя деятельность Холла выдвигает его в ряд основоположников американской психологической науки, в том числе ее экспериментального направления.
Важную роль в становлении и развитии американской экспериментальной психологии сыграл ДжКеттел (I860—1944). От экспериментальных исследований времени р.еакций, начатых у Вундта учеником, а затем ассистентом, он перешел к изучению индивидуальных различий. Этот интерес привел его к Гальтону, известному своими трудами в области интеллектуальных способностей, и в 1890 г. в английском журнале «Mind» вышла статья Кеттела «Интеллектуальные тесты и их измерение», предисловие к которой написал Гальтон. Целью
Фресс П., Пиаже Ж. Экспериментальная психология. Вып. I. IL M, 1966. С. 60.
[5] См.: Хрестоматия по истории психологии/Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.. 1980.

Кеттела было определение интеллектуального уровню (студентов). Он разработал задания, которым дал термин «тест», для измерения мышечной силы, скорости? движения, чувствительности, остроты зрения и слуха,, различения веса, времени реакции, памяти и т. п., считая, что с их помощью можно измерять интеллектуальные функции. Эти исследования были продолжены затем в Соединенных Штатах, в Колумбийском университете, в котором он действовал. Кроме способностей, Кет-тел изучал также навыки.
Непосредственное влияние Кеттела на американскую-психологию продолжалось в течение 65 лет.

Вместе сБолдуином он основал журнал «Психологическое обозрение» (1894) и «Указатель по психологии», «Психологический бюллетень» (1904). Его преемником в Колумбийском университете стал Р. Вудвортс.
Из других основателей экспериментальной психологии в Америке следует назвать Г. Лэдда (1842—1921),. Э. Скрипчура (1864—1927), К. Сишора (1866—1949), Д.Болдуина (1861—1934), Д.Энджелла (1869—1949). Особое место занимает Э. Титченер, экспериментальные-исследования которого развивались в русле собственной" теоретической программы — структурализма. Большойвклад в становление экспериментальной психологии » США внесли зоопсихологи. Ставшие классическими исследования Э. Торндайка, Р. Иеркса, В. Смолла обогатили психологическую науку методиками объективного' изучения психики животных и способствовали возникновению бихевиоризма.
Многие из экспериментальных исследований тесно» смыкались с практикой и становились частью ряда областей прикладной психологии. Эта тенденция прослеживается уже у Кеттела в его исследованиях навыка чтения. В конце своей жизни он непосредственно занимался прикладной психологией в крупной частной компании «Psychological Corporation». Связь с практикой? проявлялась, в частности, в том, что экспериментальные исследования проводились не в лабораториях, а в условиях профессиональной деятельности. Так изучались, например, навыки приема и передачи телеграмм (У. Брайан, Н. Хартер), обучения машинописи (У. Бук) и др.
Эти вопросы в советской психологии в 20-е гг. изучал С. Г. Геллерштейн и дал им глубокую интерпретацию в докладах на международных конференцияхг
22 *г*
IV Международной психотехнической в Париже (1928) *т* IX Международном психологическом конгрессе в США (1929).
Особенно тесно экспериментальные исследования были связаны с прикладными задачами в работах Г. Мюн-стерберга, основателя психотехники. Его исследования связаны с областью промышленного производства. Несколько раньше американский инженер Ф. Тейлор (1856—1915), которого называют «классиком управления», разработал систему интенсификации труда путем использования психологических факторов в целях рационализации производства; Например, на одном производстве (по контролю стальных шаров) было занято 120 женщин. В результате исследования психофизиологических условий этой работы, ее приспособления к этим условиям, был сокращен рабочий день, введены, частые паузы в соответствии с кривой утомления. Продуктивность работниц возросла настолько, что ту же работу •стали делать 35 человек. По оценке В. И. Ленина, «эта система (тейлоризм) соединяет в себе утонченное зверство буржуазной эксплуатации и ряд богатейших научных завоеваний в деле анализа механических движений при труде, изгнания лишних и неловких движений, выработки правильнейших приемов работы, введения наилучших систем учета и контроля»[6]. Именно задаче, связанной непосредственно с экономическими интересами предпринимателей, служила психотехника как направление прикладной психологии. В ней разрабатывались проблемы профессионального утомления, профориентации, профотбора, психологии воздействия, в том числе средствами рекламы и др. В самостоятельную область :знания ее оформил Г. Мюнстерберг[7] (термин «психотехт ника» ввел немецкий психолог В. Штерн).
Еще в 1908 г. в Бостоне Ф. Парсонс организовал -бюро, в котором давал индивидуальные консультации подросткам, выбирающим профессию. По существу, это было начало работы по профориентации, но велась она •без достаточных научных основ, специальных методов и опиралась главным образом на наблюдение за индивидуальными особенностями подростков и собственную ин-
[в] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 36. С. 189—190. [7] См. его работы на русском языке: Основы психотехники. М., Т922—1923, 1924; Психология и экономическая жизнь. М., 1924.
туицию. В разработке методов для исследования личных: качеств и отбора рабочих и служащих в соответствии с особенностями различных видов деятельности, профессий выдающуюся роль сыграли исследования Г. Мюнстерберга. Он работал в непосредственной связи и по-заказам крупных американских компаний. Эксперименг Мюнстерберга существенно отличался от лабораторного эксперимента Вундта: здесь произошел переход от искусственных лабораторных условий к моделированию естественных условий деятельности. Работы Г. Мюнстерберга давали большой практический эффект. Разрабатываемые на основе этих исследований тесты стали: главным средством при отборе рабочих и служащих.
В психотехнике по-новому выступил принцип практики: практика выступила не только

«потребителем» полученных психологией в условиях лабораторного эксперимента данных, но сама ставила перед психологией запросы, задавая перспективу ее методологических основ; и методических приемов. В этом, кроме чисто практического эффекта, большой методологический смысл психотехнического движения, на который неоднократно указывал Л. С. Выготский.
Экспериментальная психология возникла в связи с задачей исследования наиболее общих законов сознания и психики. Индивидуальные различия рассматривались-как помеха, от которой надо избавляться. Однако в ходе ее реализации появляются сначала робкие опыты <г определением индивидуальных различий. Ф. Гальтон в Англии, А. Бинэ во Франции, Дж. Кеттел и Г. Ст. Холл В США, Э. Крепелин и В. Штерн в Германии, А. Ф. Ла-зурский в России были первыми, кто создавал психологию индивидуальных различий.
В Англии эти работы были начаты Ф. Гальтоном (1822—1911), биологом, антропологом, выдающимся последователем Дарвина. В своей главной книге «Наследственность таланта» (1869) Гальтон выдвинул и впервые в науке статистическим методом пытался обосновать идею наследственности таланта. «Теория наследственности таланта, — писал он, —находила себе защитников и между прежними писателями, и между новейшими. Но я объявляю притязания на то, что я первый пытался разработать этот предмет статистически, пришел к таким результатам, которые могут быть выраженье цифрами, и применил к изучению наследственности за-

жоны уклонения от средних величин»[8]. Отрицая природное равенство людей в отношении умственных способностей, Гальтон утверждал, что способности наследуются так же, как физические признаки. Показателем талантливости является высокая репутация в общественной и профессиональной жизни. Аргументом, который доказывал наследственный характер таланта, служили случаи, когда более или менее знаменитые личности имели выдающихся родственников.
Ф. Гальтон даровитость рассматривал как непрерывную цепь, начинающуюся от непостижимой высоты и ■спускающуюся до почти неизмеримой глубины. Всех людей Гальтон делил по их природным способностям на классы, отделенные небольшими интервалами. Число людей в каждом классе неодинаково и подчиняется закону уклонения от средних величин Кетле, согласно которому частота уклонения от средней есть функция их величины. Так, по материалам словаря современников, который содержит список из 2500 имен разных деятелей (артисты, ученые, судьи, врачи, купцы, поэты, государственные деятели, полководцы, путешественники), число наиболее избранных составило 250 личностей из миллиона людей.
Гальтон пытался оценить одаренность разных рас по числу гениев (при этом социальные условия жизни не учитывались) и сделал вывод, что она неодинакова по генотипу. Некоторые его высказывания носят откровенно расистский характер. Из того факта, что в настоящее время нет людей, равных Сократу или Фидию, •Ф. Гальтон сделал вывод об ухудшении человеческой природы и видел средство ее улучшения в планомерном размножении даровитых людей, которое приведет к образованию новой человеческой [ч]формы. Эти мысли он развивает в специальную область — евгенику.
Подходя к человеку с откровенных биологизаторских *юзиций,.лспользуя результаты, полученные с помощью ■применения статистического подхода, Гальтон объяснил •распределение одаренности природными факторами. Он выделил наследственно обусловленные качества ума: энергия тела и духа, упорная выдержка и постоянство, ■врожденное влечение к науке, здоровье, независимость

[8] *Гальтон* Ф. Наследственность таланта. Спб., 1875. С. 2.
суждений[9]. Игнорирование социальной сущности человека и законов его развития, биологизация социальных проблем привели к антинаучным выводам и реакционным рекомендациям (например, слабые нации должны уступить дорогу более благородным вариантам человечества и т. п.). С целью изучения влияния воспитания и среды он предпринял исследование однояйцевых и разнояйцевых близнецов путем сбора анкет. Этим был введен новый метод научного исследования — близнецовый метод[10]. Был сделан общий вывод о существовании огромного внутрипарного сходства близнецов одного пола, видимо, однояйцевых близнецов. У разнояйцевых близнецов наблюдались различия внутри пары, но это не поколебало общего вывода о решающей роли наследственности.
От изучения таланта Ф. Гальтон перешел к измерению психических функций каждого человека с целью оценки его ума. Он ввел задачи (тесты) на измерение остроты ощущений (зрительных, слуховых, обонятельных и др.), времени реакции, изобретая необходимые для этого приборы (свисток Гальтона для определения верхнего порога слуха, линейка Гальтона для определения

глазомера и др.). Тестировались ассоциативные способности, воображение, скорость образования суждений. По результатам испытаний судили об индивидуальных различиях между людьми. Гальтон считал, что тесты сенсорного различия могут служить средством оценки интеллекта, поскольку исходил из сенсуалистическойустановки и рассматривал органы чувств единственным^ источником знаний, дающих базу для действий интеллекта. В 1882 г. он основал антропометрическую[11] лабораторию в Лондоне. Здесь за небольшую плату каждый человек мог подвергнуть испытанию свою сенсорную различительную чувствительность, моторные процессы. Он видел практическое значение данных исследований для отбора людей в связи с государственными за-

[9] *Гальтон Ф.* Люди науки, их воспитание и характер. Спб., 1875.

[10] Близнецовый метод используется сейчас для оценки роли ге-нотипических факторов в формировании свойств нервной системы, которые характеризуют индивида (И. В. Равич-Щербо).

[11] Гальтон называл антропометрией искусство измерять физические и умственные свойства людей.

дачами в области промышленности, армии, колониальной политики.

Так, Гальтон выступил основоположником психологии индивидуальных различий и метода тестов, который оказался адекватным путем их изучения.

Гальтон пытался исследовать индивидуальные различия в области характера. Он высказывал идеи о связи психики и внешности человека, используя для этой цели методику составных портретов. Эти попытки не увенчались успехом.

Из всех многочисленных идей Гальтона особенно продуктивное продолжение получила идея тестирования психических функций. По Гальтону, тестами потому можно измерять психические процессы, что они, являясь функцией мозга и будучи обусловлены наследственно, обладают известным постоянством на протяжении всей жизни человека. В таком понимании и стала развиваться тестология. Ее важным направлением были статистические исследования, построенные на выявлении взаимосвязей показателей, полученных с помощью широкого диапазона тестов. Ч. Спирмен (1863—1945) разработал метод анализа корреляций — факторный анализ. Он экспериментально установил, что один и тот же испытуемый в различных интеллектуальных тестах дает одинаковые результаты, т. е. оценки по этим тестам при решении самых различных задач коррелируют. Эти отношения Спирмен объяснил зависимостью от общей причины— фактора G (general Ability). Наряду с этим общим фактором были выделены специфические факторы, соответствующие специальным формам деятельности $(S\backslash_t$ 5г...) • Последователи факторного анализа совершенствовали его процедуру. Возникли мультифакторные теории (Л. Терстоун, Дж. Гилфорд — США, С. Берт — Англия): в них в структуре интеллекта выделяется ряд факторов, имеющих разный вес в разных тестах. Число таких факторов, выделяемых разными авторами, различно. Расширяется сфера применения факторного ана-„ лиза. Г. Айзенк и Р. В. Кеттел применили его к исследованию личности.

Создание экспериментальной психологии во Франции связано с именем А. Бицэ (1857—1911). В экспериментальных исследованиях по изучению мышления он пришел к тем же выводам, что и Вюрцбургская школа. Он изучал также людей с выдающимися способностями —

крупных счетчиков, шахматистов. Исследовал также воображение, память и интеллект у детей. В 1896 г. А. Бинэ опубликовал серию тестов для испытания личности. Его исследования патологии воплотились в работу «Изменения личности».

Настоящую известность ему принесла «метрическая шкала интеллектуального развития», разработанная А. Бинэ совместно с врачом Симоном по заказу французского министерства просвещения с целью отбора умственно отсталых детей из нормальной школы и подбора однородных классов не по знаниям, а по способностям. Первый вариант шкалы появился в 1905 г., а перерабатывалась она до самой смерти А. Бинэ.

С ее помощью были изучены дети от 3 до 12 лет. Тесты исследовали то, что называют термином «умственная одаренность», ум в противоположность глупости: теоретическую основу этих требований составляла концепция биологически детерминированного развития в онтогенезе, которое совершается независимо от обучения. Обучение должно идти за развитием, подчиняться ему. Под интеллектом понималось умение решать задачи, доступные соответствующему возрасту. Тесты составлялись эмпирически: на основании проб включались задачи, которые решались 75%

детей изучаемого возраста. Они были разнообразными: испытывались память, внушаемость, моторные способности, практические навыки, умственные функции — сравнение, различение, определение, понимание картин; были немые и словесные тесты. Некоторые повторялись для разных возрастов, но изменялась степень требований к ответу. Были разработаны требования к технике проведения эксперимента, к поведению экспериментатора и фиксированию результатов.
Были получены следующие величины: умственный возраст — величина, получающаяся в результате тестовых испытаний, складывалась из числа лет в соответствии с решенными задачами (например, если ребенок 5 лет решил все задачи своего возраста и 2 задачи из следующего, то его умственный возраст равен 5 и 2/5 года— всего для каждого возраста дается 5 задач); уровень умственного развития выражается в умственной отсталости (разница между умственным и хронологическим возрастом выражается в отрицательных числах) или умственном превосходстве (выражается в положи-

6*

тельных числах). В 1911 г. Штерн ввел коэффициент интеллекта (JQ) как отношение умственного возраста к хронологическому (в %). Впервые он был использован в варианте этой шкалы, разработанной Л. Терменом {США) в 1916 г. и получившей название шкалы Стэн-форд — Бинэ. Шкала Бинэ получила распространение и в других странах. В России ее усовершенствовала А. М. Шуберт. Усовершенствования шкалы имели как частный, так и более принципиальный характер. Так, наблюдались трудности с интерпретацией полученных результатов: поскольку степень владения речью существенно сказывается на решении тестовых задач, было уменьшено число словесных тестов.
Тесты были направлены на то, чтобы определить индивидуальные способности каждого ребенка, поэтому эти исследования способствовали развитию индивидуальной психологии, выступали в качестве ее метода. В основе лежало предположение о том, что способности природно обусловлены, их величина константна и составляет неизменное свойство индивида. Поэтому их измерение позволяет сделать прогноз личности на будущее.
Однако реально тесты отражали не столько врожденные способности, сколько некоторый суммарный результат развития в определенных условиях в определенной социально-культурной среде. К тому же выступило, что то, что рассматривалось как способность, измеряемая тестами, с возрастом радикально меняется. Так с самого начала обнаружилось, что в теоретическом плане тесты решали не ту задачу, которую ставили перед собой исследователи. Оказалось, что и в практическом плане краткое тестовое обследование не может быть надежным средством, с помощью которого можно умственно отсталого отличить от просто отстающего. Показывая, что ребенок не решает задачу, тест не раскрывает причину этого. Это относится и к другим областям, где применяются тесты: профориентации и профотбору, изучению хода психического развития детей. В решении всех этих задач целесообразно использовать метод тестов лишь в сочетании с другими методами, направленными на изучение условий развития обследуемой личности.
В западноевропейской и американской психологии вопросы индивидуальных различий решаются обычно с

помощью метода тестов. В отечественной науке Б. М. Тепловым и его школой разработаны другие теоретически обоснованные и опирающиеся на объективную методику пути исследования индивидуально-психологических различий людей.
Кроме педагогики, другой областью прикладных исследований во французской психологии в XIX в. была медицина, особенно психиатрия и неврология. В Париже действовал крупнейший невропатолог, один из основоположников изучения неврозов и гипнотизма Ж. Шарко (1825—1895). Его психиатрическая клиника в Сальпет-риере превратилась в мировую школу. Здесь учились 3. Фрейд, П. Жанэ, А. Бинэ. Шарко занимался истерией и гипнозом. Он выделил истерию как заболевание и объяснил ее симптомы — параличи, анестезии, припадки — физиологическими причинами. Он подчеркивал значение гипноза как диагностического средства, позволяющего отделить истериков от других типов пациентов. Гипнотическое состояние он рассматривал как болезненное состояние сознания — помрачения сознания, аналогичные истерическим.
Иные взгляды на истерию и гипноз сложились в психологической школе (г. Нанси). Их развивали И. Берн-гейм и А. Лебель. В отличие от Шарко Бернгейм понимал гипноз как состояние, родственное обычному сну, при котором человек обладает способностью находиться под воздействием идеи и реализовать ее, причем все другие воздействия внешнего мира оказываются

недоступными сознанию. В своих демонстрациях Бернгейм внушал больным галлюцинации, изменения в сосудодви-гательной и секреторной системах, параличи, анестезии, автоматические действия и т. п. Он описал факт внушения на долгий срок. Этот факт и его объяснение за счет предположения о сохранении в сознании какой-либо идеи, но скрытой до дня исполнения произвели неизгладимое впечатление на Фрейда и явились предпосылкой собственных идей о бессознательном.

Факты амнезии при пробуждении, изменения личности в гипнозе (присвоение чужой личности, чередования личностей, возвращение к прежней личности), нарушения психики при душевных заболеваниях представляли большой интерес для психологии и особенно для самого малоизученного ее раздела — высших психических функций и личности. Особенно большая заслуга в ис-

пользовании материалов патологии принадлежит Т. Рибо (1839—1916), основоположнику современной эмпирической психологии во Франции. Рибо разделял позиции ассоцианизма и считал, что теория ассоциаций представляет собой наиболее разработанный отдел в современной психологии[12]. Он подчеркивал важность изучения анатомо-физиологических основ психических явлений, разделяя принципы физиологической психологии. Психология, по Рибо, должна быть экспериментальной наукой, но эксперимент не сводил к его лабораторной форме и называл патопсихологию естественным экспериментом самой природы. Многие труды Рибо посвящены исследованию болезней памяти, личности, чувств и др. Рибо считал, что психология должна быть объективной генетической, изучать конкретные факты психической жизни в их развитии. Возникновение социальных чувств, памяти, произвольного внимания, творческого воображения, он связывал с общественными условиями существования человека, с его трудовой деятельностью.

Следует отметить также большую организаторскую деятельность Т. Рибо. Он основал первый печатный орган психологов журнал «Философское обозрение» j(1876), в котором сотрудничали психологи и философы многих стран — Англии, Италии, Германии, Америки, России. В 1889 г. в Париже он организовал I Международный психологический конгресс с целью укрепления международных связей и сотрудничества психологов разных стран.

Внимание Рибо к фактам патологии, использование их для изучения психической жизни получило свое развитие в работах его ученика П. Жанэ (1859—1949). Основным методом психологии он считал клиническое наблюдение. Научное психологическое исследование может быть только изучением всех психологических явлений исключительно как действий. Психология должна быть объективной в том смысле, что она должна изучать непосредственно наблюдаемое — действия, речь субъекта, его манеру говорить и т. п. Любой изучаемый психологом факт должен поясняться с помощью понятия действия: новизна, длительность, прерывность-непрерыв-

[12] 7\ *Рибо* написал диссертацию о Д. Гартли (1872), читал курс о новейших работах по вопросу об ассоциациях в Коллеж де Франс (1901); автор работ по анализу современной немецкой в английской психологин.

ность и т. д. В его изучение П. Жанэ включал количе^ ственный аспект, т. е. мощность или эффективность действия, а также напряжение. По показателям этих аспектов определялась принадлежность к норме или патологии и тяжесть заболевания. Жанэ развивает эволюционные идеи об уровнях поведения, каждый из которых отличается различной степенью сложности актов-действий. Все функции психики, наблюдаемые в филогенезе и онтогенезе, описываются в последовательности их становления[13]. Поражением того или иного уровня объясняются психические заболевания: так, при неврозе поражаются верхние этажи; при идиотии поведение находится на стадии рефлекторных действий.

Исходя из представлений о важности общения, П. Жанэ построил учение о памяти как чисто человеческом изобретении и о ее социальной природе. Память — это рассказ о некотором событии прошлого, случившемся в отсутствие того, кому этот рассказ адресован. П. Жанэ называет память «преобразованной формой социального поведения отсутствия».

Признаваемая Жанэ социальная обусловленность психики человека получила широкое признание во французской психологической науке. Учениками П. Жанэ были А. Пьерон (1881—1964), а также А. Валлон, Ж. Пиаже— все основатели современной французской генетической психологии.

В России у истоков экспериментальной психологии стояли врачи-психиатры. В 80-х гг. XIX в. ими были организованы экспериментальные психологические лаборатории при психологических

клиниках (в Казани, а затем в Петербурге—В. М. Бехтерев; Москве — С.С.Корсаков, А. А. Токарский; Харькове—П. И. Ковалевский; Киеве—И. А. Сикорский; Дерпте (теперь Тарту) — Э. Крепелин, В. Ф. Чиж и др.). В этих лабораториях велись исследования по широкому кругу проблем, включая, кроме психологических, анатомию и физиологию нервной системы, психиатрию. Темами экспериментально-психологических исследований были время протекания психических процессов, различные виды ощущений (зрительные, слуховые; мышечные, температурные, болевые), восприятия, двигательные реакции, внимание,

*• Генетический подход к интеллектуальным операциям был осуществлен его учеником Ж. Пиаже.

231

память, явления гипнотизма, эмоции, влияние различных условий на умственную и мышечную работоспособность и др. Официальная идеалистическая психология не хотела замечать эту работу врачей. Об этом с горечью писал В. Ф. Чиж в своем письме в редакцию журнала «Вопросы философии и психологии» в 1894 г. Однако процесс внедрения эксперимента в психологию нельзя было остановить. Первым психологом, создавшим собственно психологическую лабораторию, был Н. Н. Ланге (Новороссийский университет, 1896 г.). Ланге внес огромный вклад в развитие экспериментальной психологии. Его исследования в области восприятия и внимания и основанная на них теория этих процессов — закон перцепции и теория волевого внимания — привели его к выводу о том, что самонаблюдение не может уловить стадии этих процессов, не позволяет вскрыть законы изучаемых процессов. Результаты этих исследований были обобщены в докторской диссертации автора «Психологические исследования», защищенной в 1893 г. в Московском университете. В своем вступительном слове на защите «О значении эксперимента в современной психологии» Н. Н. Ланге развивал как главную мысль о том, что «к изучению психологических проблем необходимо приложить тот точный *эксперимент,* который дал столь блестящие результаты в области естествознания; и что, сделав это, применив к психологии эксперимент, мы может возвести ее к такому совершенству, обратив ее в столь положительную науку, какой она еще никогда не была»[и]. В развернувшемся на защите диспуте по вопросу о значении эксперимента в психологии позицию Ланге разделяли С. С. Корсаков, а также А. А. Токарский. Заострив внимание на слабых сторонах современного эксперимента, первый официальный оппонент Л. М. Лопатин сделал вывод о том, что в настоящее время «эксперименту принадлежит сравнительно скромная роль в решении коренных задач психологии»[15], так что «в его современном состоянии, применяемый к решению основных психологических проблем о воле и разуме, он все же едва ли может заменить столь часто и несправедливо осуждаемый метод психологической

[14] *Ланге* Я. Я. О значении эксперимента в современной психо-логии//Вопр. философии и психологии. 1894. Кн. (24)4. С. 565.

[15] Отчет о докторском диспуте Н. Н. Ланге//Вопр. философии я психологии. 1894. Кн. (24)4. С. 580.

232

интроспекции»[16]. Так в обстановке ожесточенных споров постепенно эксперимент входил в психологическую **науку в** России. В поддержку эксперимента выступил влиятельный Н. Я- Грот. В докладе «Основания экспериментальной психологии», с которым он выступил в Московском психологическом обществе, Грот выдвинул задачу разработки собственно психологического эксперимента, который должен, в отличие от эксперимента в естествознании, учитывать сознание, самосознание человека. Грот поддержал идею Ланге о необходимости учреждения психологических лабораторий при университетах.

В 1901 г. А. П. Нечаев организовал лабораторию экспериментальной психологии при Педагогическом музее военно-учебных заведений. Нечаев подчеркивал значение экспериментальной психологии для выработки целесообразных приемов школьного обучения и решения спорных вопросов дидактики и методики. Он развернул экспериментально-психологические исследования основ школьного дела. При психологической лаборатории Нечаева в 1904 г. были созданы педологические курсы (директор Н. Е. Румянцев). По его инициативе были организованы (1906 и 1909) Всероссийские съезды по педагогической психологии и экспериментальной педагогике (1910, 1913, 1916). На съездах обсуждались принципы и методы психологического исследования, проблемы соотношения теории и эксперимента. Г. И. Челпанов в докладе «Задачи современной психологии>, с которым он выступил на Втором Всероссийском съезде по педагогической психологии, предостерегал от «плодящегося дилетантизма в науке»,

который угрожает ей всегда в случае отрыва от теории. Однако в условиях начавшегося процесса смыкания психологии с практикой это в действительности справедливое опасение было воспринято как выступление против эксперимента. Бехтерев назвал Челпанова «ревностным защитником теоретической психологии» и в своем заключительном слове на этом съезде заявил: «Дайте науке ход, не загоняйте ее в привилегированные палаты одних университетов, ибо в таком случае она будет далека от практической жизни»[17].

[16] Отчет о докторском... С. 588.

[17] *Бехтерев В. М.* Речь перед закрытием съезда/Друды Второго Всероссийского съезда по педагогической психологин. Спб- 1910. С. 379.

А. Ф. Лазурский выступил за расширение области прнйбйёния эксперимента, распространив его на исследование личности. В этих целях он разработал метод естественного эксперимента. Естественный эксперимент подобен клиническому исследованию и заключается в наблюдении по специальной программе за испытуемым, например школьником, в естественных условиях, во время учебных занятий, в подвижных играх, чтения и т. п. Наряду с лабораторными приемами он позволяет исследовать личность человека, его интересы, характер. «Здесь, как и во всяком другом эксперименте, мы имеем преднамеренное, могущее неоднократно повторяться вмешательство исследователя в душевную жизнь испытуемых, причем вмешательство это при помощи определенных, заранее выработанных приемов и имеет всякий раз определенную цель: исследовать ту или иную заранее намеченную группу психологических процессов:*'[8].

Количественный подход к исследованию структуры личности с помощью тестов разработал Г. И. Россолимо Х1860—1928), выдающийся детский невропатолог-клиницист. Свой метод экспериментального изучения личности он назвал методом психологических профилей. Он выделил 11 психических процессов (внимание, воля, точность и прочность восприимчивости, зрительная память, память на речь, память на числа, осмысление, комбинаторные способности, сметливость, воображение, наблюдательность), которые оценивал по 10-балльной шкале. Графически высота каждого профиля выражалась высотой ординаты: из показателей вычислялась средняя высота психологического профиля. Методика явилась первым профильным изображением результатов измерения интеллектуальных способностей. Профиль имел диагностическое значение для определения дефектности личности, т. е. отсталости (значительная,средняя или слабая), а также характера отсталости (снижение памяти, недостатки высших психических процессов, слабость психического тонуса).

Крупнейшим событием в истории отечественной экспериментальной психологии явилось открытие Психологического института при историко^физтгологическом факультете Московского университета (1912), основателем

[18] *Лазурский А.* Ф. Личность и воспитание//Естественный эксперимент и его применение. Пг., 1918. С. 3.

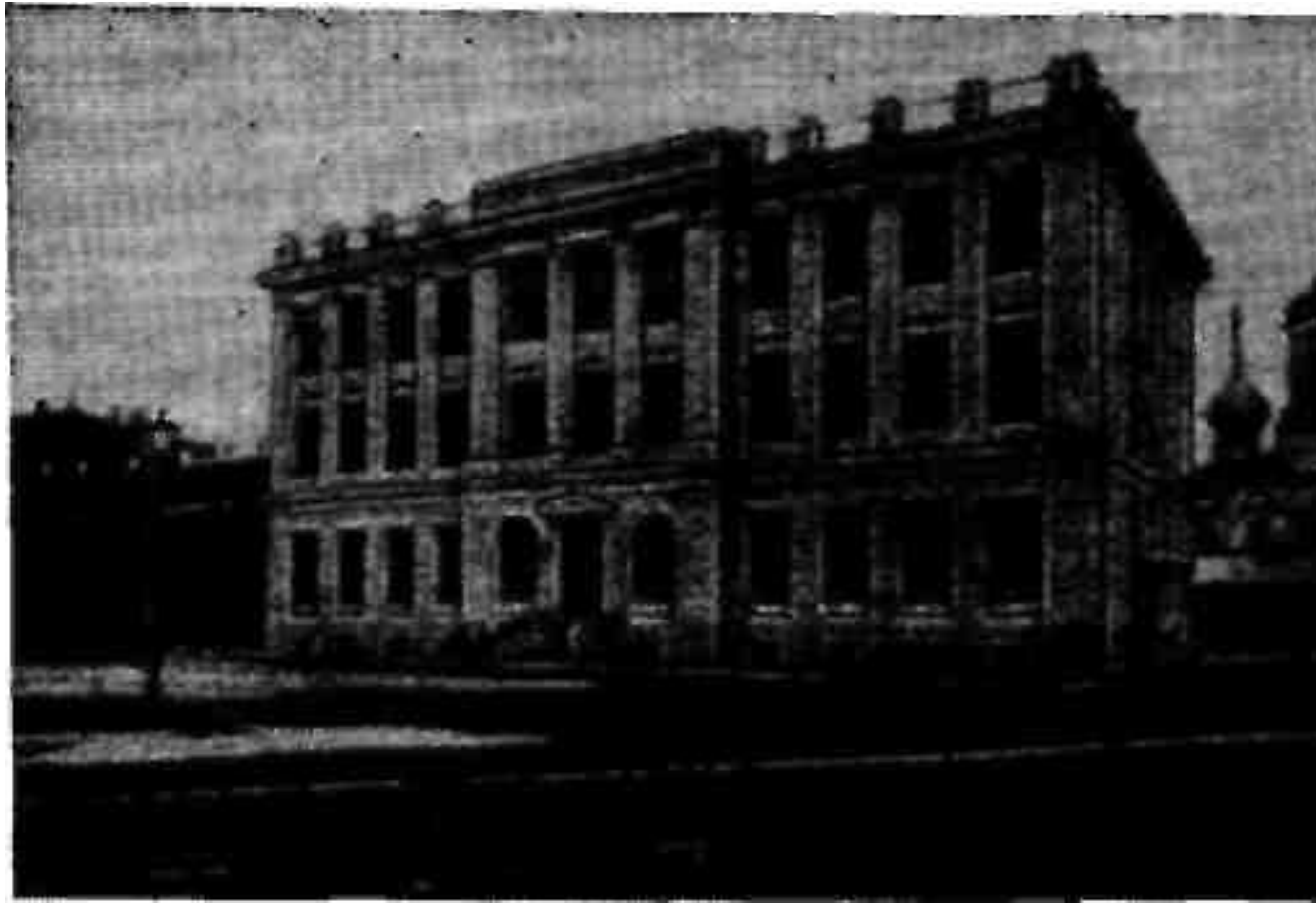

Рис. 15. Психологический институт им. Л. Г. Щукиной при Московском университете.
Основан в 1912 г.

■

которого был Г. И. Челпанов. Его проект создавался на основе обобщения опыта подобных учреждений в Германии и США. Задачу эксперимента Челпанов видел в том, чтобы сделать возможным точное самонаблюдение, т. е. подчинил его интроспекции. Челпанову принадлежит заслуга в продуманной организации обучения психологов экспериментальным методам исследования, в основу которого был положен его учебник «Введение в экспериментальную психологию» (1915). По оценке А. Н. Леонтьева, «это было первое и единственное пособие по психологическому практикуму на русском языке, лучшее среди аналогичных зарубежных изданий»[19]. Результаты научных исследований института публиковались [20].

Так в борьбе мнений развивалась и крепла организационно-экспериментальная и прикладная психология в России дореволюционного периода. В конце XIX —начале XX в. производились психологические исследования прикладного характера также в области психологии труда.

[19] Московский университет за 50 лет Советской власти/Под ред. И. Г. Петровского и др. М., 1967. С. 512.

[20] См.: Труды Психологического института. Психологические исследования. Вып. 1—2. М.(1914; ж. <Психологическое обозрение*, издавался в 1917—1918 гг.

В период от выделения психологии в самостоятельную науку до открытого кризиса экспериментальная и прикладная психология во всех странах достигла большого развития. Обнаруживается связь психологии с запросами общества. Однако в целом психология отставала от запросов практики, а теория развивалась независимо от нее.

Раздел шестой

ЗАРУБЕЖНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ПЕРИОДА **ОТКРЫТОГО КРИЗИСА**

(10-е гг.—середина 30-х гг. XX в.)

Глава I

КРИЗИС В ПСИХОЛОГИИ

-

Борьба мнений в области теории, новые факты, полученные в период интенсивного развития эмпирических и прикладных исследований в первые 50 лет существования психологии как самостоятельной науки[1], все более и более обнаруживали несостоятельность психологической теории, и прежде всего недостаточность ее основания — субъективно-идеалистического представления о психике. В начале 10-х гг. психология вступила в период открытого кризиса, который продолжался до середины 30-х гг. Подобно кризису, который переживало в этот период естествознание[2], он явился показателем роста науки, развитие которой приводит к необходимости смены прежних представлений новыми знаниями. По оценке Л. С. Выготского, это был кризис методологических основ психологии и он «является выражением того факта, что психология как наука в своем практическом продвижении вперед в свете требований, предъявляемых ей практикой, переросла возможности, допускавшиеся теми методологическими основаниями, на которых начинала строиться психология в конце XVIII — начале XIX века»[3].
Позитивное содержание кризиса составила работа по созданию новой психологической теории, развернувшаяся как в зарубежной, так и в отечественной науке. В отечественной психологии этот период совпал с победой в нашей стране Великой Октябрьской социалистической революции и характеризовался началом работы по перестройке ее методологических основ на базе марксист-
*
[1] Раздел пятый, главы II и III настоящего издания.
Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 18. С. 264—332.
Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М.§ I960. С. 474.

ской философии. В связи с коренным различием путей по преодолению кризиса в зарубежной и советской психологической науке целесообразно рассматривать их отдельно. Рассмотрим ситуацию кризиса в зарубежной психологии [4].
Кризис в психологии совпал с периодом обострения экономических и социально-политических противоречий в буржуазном обществе, обусловленным его переходом к империализму. Рост мирового господства сопровождался качественными изменениями в экономике, политике и идеологии, развитием процесса концентрации капитала и господства монополий и финансовой олигархии, агрессивной внешней политикой, направленной на перераспределение колоний и рынков сбыта путем империалистических войн, среди которых первая мировая война явилась первым из величайших социальных потрясений XX в. Обостряется борьба между буржуазией и рабочим классом, роль которого как революционного класса неуклонно возрастает, в то время как буржуазия превращается из прогрессивного класса в консервативный в даже реакционный. Все эти процессы нашли свое отражение в буржуазной идеологии и философии. Литературу и искусство затопляют многообразные антиреалистические течения, полные мистических мотивов, настроения страха и отчаяния. Сложность и противоречивость социальной ситуации, разочарование в прежних «добропорядочных» нормах буржуазной морали, проповедь волюнтаристских взглядов на общество и историю приводили буржуазную интеллегенцию к ложным представлениям о человеческой личности, к неверию в духовные ценности, выливались в проповедь господства «природного> биологического начала в человеке. Противоречия между личностью и обществом осознавались как извечная несовместимость биологической природы человека с моральными требованиями общества. Это приводило к оправданию социальной несправедливости, конфликтов, преступлений, войн, к выводу о невозможности установления нормальных человеческих отношений.
В философии наиболее распространенными течениями становятся позитивизм в форме махизма и эмпирио-
[4] *ВйЫег К.* Die Kriese der Psychologie. Jena, 1927. С марксистских позиций анализ кризиса впервые дал Л. С. Выготский, особенно его «Исторический смысл психологического кризиса»//Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. М,, 1982.

критицизма, интуитивизм А. Бергсона, немецкая идеалистическая философия жизни, феноменология Э. Гуссерля. Продолжалось влияние волюнтаристских идей А. Шопенгауэра, Э. Гартмана, Ф. Ницше. По оценке Дж. Бернала, «в результате социальных затруднений в конце XIX века стал воскрешаться антиинтеллектуализм, нашедший свое выражение в философских теориях Сореля и Бергсона. Инстинкт и интуиция стали расцениваться как нечто более важное, чем разум... Разум отвергается как устаревшее понятие...»[5]. Эти направления оказали существенное влияние на психологию. Многие психологи последовали за философией Маха. Как отмечает М. Г.

Ярошевский, «несмотря на фиктивность махистских решений, их влияние испытало большинство психологических школ капиталистического Запада»[6].
Сегодня очевидно, что ни одно из возникших в период открытого кризиса направлений не смогло вывести психологию из этого состояния, потому что не затрагивало «...методологического основания, на котором развивается психология на Западе: поэтому внутри себя он не имеет разрешения»[7]. Однако заявленные в этот период новые подходы, поставленные проблемы, полученный эмпирический материал оказали большое и плодотворное влияние на последующее развитие психологии, которое продолжается и поныне.
Рассмотрим важнейшие направления периода открытого кризиса.

Глава II

БИХЕВИОРИЗМ

Бихевиоризм возник в США и явился реакцией на структурализм В. Вундтаи Э.Титченераина американский функционализм. Его основоположником был Дж. Уотсон (1878—1958), статья которого «Психология с точки зрения бихевиориста» (1913) положила начало направлению. В ней автор критиковал психологию за субъективизм, называя «... сознание с его структурными единицами, элементарными ощущениями, чув-

[5] *Бернал Дж.* Наука и общество. М., 1953. С. 119. • *Ярошевский М. Г.* История психологии. М, 1976. С. 307. [7] *Выготский* Л. С. Развитие высших психических функций. М., 1960. С. 480—481.

ственными тонами, вниманием, восприятием, представлением одними лишь неопределенными выражениями»[1], а также за практическую бесполезность. Предметом бихевиоризма он провозгласил изучение поведения объективным путем и с целью служить практике. «Бихевиоризм полагает стать лабораторией общества»[2].
Философскую основу бихевиоризма составляет сплав позитивизма и прагматизма. В качестве научных предпосылок Дж. Уотсон называл исследования по психологии животных, особенно Э. Торндайка, а также школу объективной психологии. Однако все эти исследования были, как их оценивал Уотсон, «скорее реакцией на антропоморфизм, а не на психологию как науку о сознании»[3]. Он отмечал также влияние работ И. П. Павлова и В. М. Бехтерева.
Поведение человека как предмет бихевиоризма — это все поступки и слова, как приобретенные, так и врожденные, то, что люди делают от рождения и до смерти. Поведение — это всякая реакция *(R)* в ответ на внешний стимул (5), посредством которой индивид приспосабливается. Это совокупность изменений гладкой и поперечно-полосатой мускулатуры, а также изменения желез, которые следуют в ответ на раздражитель. Таким образом, понятие поведения трактуется чрезвычайно широко: оно включает любую реакцию, в том числе и выделение секрета железой, и сосудистую реакцию. В то же время это определение чрезвычайно узко, так как ограничивается только внешне наблюдаемым: из анализа исключаются как ненаблюдаемые физиологические механизмы и психические процессы. В результате поведение трактуется механистически, поскольку сводится лишь к его внешним проявлениям.
«Основная задача бихевиоризма заключается в накоплении наблюдений над поведением человека с таким расчетом, чтобы в каждом данном случае при данном стимуле (или лучше сказать — ситуации) бихевиорист мог сказать наперед, какая будет реакция или — если дана реакция — какой ситуацией данная реакция вызвана»[4]. Таковы две проблемы бихевиоризма. Уотсон про-

[1] *Уотсон Дж.* Психология как наука о поведении. М, 1926. С. 3. [a] Хрестоматия по истории психологии/Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М., 1980. С. 37. » Там же. С. 35. [4] Там же. С. 36—37.

изводит классификацию всех реакций по двум основаниям: являются ли они приобретенными или наследственными; внутренними (скрытыми) или внешними (наружными). В результате в поведении выделяются реакции: наружные или видимые приобретенные (напримеригра в теннис, открывание двери и т. п. двигательные навыки); внутренние или скрытые приобретенные (мышление, под которым в бихевиоризме разумеется внешня» речь); наружные (видимые) наследственные (например, хватание, чихание, мигание, а также реакции при страхе, ярости, любви, т. е. инстинкты и эмоции, но описываемые чисто объективно в терминах стимулов и реакций); внутренние (скрытые) наследственные реакции желез внутренней секреции, изменения в кровообращении и др., изучаемые в физиологии. В последующем Уотсон произвел различение между инстинктивными в эмоциональными реакциями: «...если приспособления вызваны стимулом внутреннего характера и относятся к телу субъекта, то мы имеем эмоцию, например,

покраснение; если стимул приводит к приспособлению организма, то имеем инстинкт — например, хватание»[5].
Наблюдение за новорожденным привело к выводучто число сложных незаученных реакций при рождении и вскоре после него относительно невелико и не может обеспечить приспособления. Бихевиорист не находит данных, подтверждающих существование наследственных форм поведения, таких как ползание, лазание, драчливость, наследственных способностей (музыкальных, художественных и др.)- Практически поведение является результатом обучения. Он верит во всесилие образования. «Дайте мне дюжину здоровых крепких детей и людей, и я возьмусь сделать из каждого из них на выбор специалиста по своему усмотрению: врача, коммерсанта, юриста и даже нищего и вора, независимо от их талантов, склонностей, тенденций и способностей, а также профессии и расы их предков»[6]. Поэтому навык и научение становятся главной проблемой бихевиоризма. Речь, мышление рассматриваются как виды навыков. Навык — это индивидуально приобретенное или заученное действие. Его основу составляют элементарные движе-ния, которые являются врожденными. Новый или вы*

[в] *Уотсон Дж.* Психология как... С. 185.

• *Watson J. B.* Behaviorism. N. Y., 1930. P. 104.

ученный элемент в навыке — это связывание воедино или объединение отдельных движений таким образом, чтобы произвести новую деятельность. Уотсон описал процесс выработки навыка, построил кривую научения (на примере обучения стрельбе из лука). Сначала преобладают случайные пробующие движения, много оши-•юбочных и только некоторые — удачные. Начальная точность низка. Усовершенствование за первые 60 выстрелов идет быстро, затем медленнее. Наблюдаются периоды без усовершенствования — на кривой эти участки -называются «плато». Кривая оканчивается физиологи-ческим пределом, свойственным индивиду. Удачные движения связываются с большими изменениями в организме, так что они лучше обслуживаются и физиологически « в силу этого имеют тенденцию закрепляться.
Удержание навыков составляет память. В противоречие с установкой на отказ от изучения ненаблюдаемых механизмов поведения Уотсон выдвигает гипотезу о таких механизмах, которые называет принципом обусловливания. Называя все наследственные реакции безусловными рефлексами, а приобретенные — условными, .Дж. Уотсон утверждает, что важнейшим условием образования связи между ними является одновременность в действии безусловного и условного стимулов, так что стимулы, первоначально не вызывавшие какой-либо реакции, теперь начинают вызывать ее. Предполагается, что связь является результатом переключения возбуждения в центральной инстанции на пути более сильного, т. е. безусловного раздражителя. Однако бихевиорист не занимается этим центральным процессом, ограничиваясь наблюдением за соотношением реакции со всеми новыми стимулами.
В бихевиоризме процесс образования навыков и научения трактуется механистически. Навыки образуются путем слепых проб и ошибок и представляют собой неуправляемый процесс. Здесь один из возможных путей выдается за единственный и обязательный[7]. Несмотря на указанную ограниченность, концепция Уотсона положила начало научной теории процесса формирования двигательного навыка и научения в целом.

[7] Существует и другой путь, в основе которого лежит управление процессом образования навыка: выделяется система условий, необходимых для действия, и организуется его выполнение с ориентировкой на эти условия.

К середине 20-х гг. бихевиоризм получил широкое распространение в Америке, что позволило Э. Борингу написать: «...не будет преувеличением сказать, что в настоящее время бихевиоризм является типичной американской психологией, несмотря на то что, может быть, большинство американских психологов и откажется от того, чтобы называть себя бихевиористами»[8]. В то же время для исследователей становилось все яснее, что исключение психики приводит к неадекватной трактовке поведения. На это указал Э. Толмен в критике Уотсона, назвав его подход молекулярным[9]. Действительно, если исключить из поведения его мотивационно-познаватель-ные компоненты, невозможно объяснить интегрирование отдельных реакций в тот или иной поступок или деятельность типа «человек строит дом», плавает, пишет письмо и т. п. Утверждение Дж. Уотсона о том, что би-хевиорист интересуется поведением целого человека, никак не обеспечивается его механистически атомистической позицией и даже вступает в противоречие с ней, что он сам признавал. «Бихевиорист в своей научной деятельности употребляет орудия,

существование которых он отрицает и в своем объекте, и в самом себе». Вследствие механицизма в трактовке поведения человек в бихевиоризме выступает как реагирующее существо, его активная сознательная деятельность игнорируется. «Окружающие условия так влияют на нас, что в данный момент при данных условиях всякий предмет может вызвать только строго соответствующий и обусловленный образ действия»[10]. При этом не учитываются качественные изменения, наступающие в поведении с переходом к человеку: данные, полученные в исследованиях на животных, переносятся на человека. Уотсон подчеркивал, что он писал этот труд и рассматривал человека как животный организм. Отсюда натурализм в трактовке человека. Человек «...представляет собой животное, отличающееся словесным поведением»[11].
Скрытую основу бихевиоризма составляет отождествление психики с интроспективным ее пониманием в пси-

[8] *Boring E.* У. A History of experimental Psychology. N. Y., 1929. P. 589.
• *Толмен Э.* Поведение как молярный феномен//Хрестоматия по истории психологии. М., 1980. С. 46—63.
[10] *Уотсон Дж.* Психология как... С. 281.
и Там же. С. 305.

хологии сознания. По оценке Выготского и Рубинштейна, игнорирование сознания, психики, вместо того чтобы .перестроить интроспекционистскую концепцию сознания, составляет суть радикального бихевиоризма Уотсона. Очевидно, нельзя положить в основу психологии отрицание психики. В то же время исторической заслугой Уотсона является исследование поведения и острая постановка проблемы объективного подхода в психологии. Также важной является выдвинутая им задача управления поведением человека, нацеленность научного исследования на связь с практическими задачами. Однако в силу механистического подхода к человеку как реагирующему организму реализация этой задачи получает ь бихевиоризме направление, дегуманизирующее человека: управление начинает отождествляться с манипулированием личностью.
Еще в 1913 г. У. Хантер в экспериментах с отсроченными реакциями показал, что животное реагирует не только непосредственно на стимул: поведение предполагает переработку стимула в организме. Этим была поставлена новая проблема. Попытку преодолеть упрощенную трактовку поведения по схеме стимул — реакция за счет введения внутренних процессов, развертывающихся в организме под влиянием стимула и влияющих на реакцию, составили различные варианты необихевиоризма. В нем разрабатываются также новые модели обусловливания, а результаты исследований получают широкое распространение в различных областях социальной практики. Основы необихевиоризма заложил Э. Толмен (1886—1959). В книге «Целевое поведение животных и человека» (1932) он показал, что экспериментальные наблюдения над поведением животных не соответствуют уотсоновскому молекулярному пониманию поведения по схеме стимул — реакция. Поведение, по Толмену, это молярный феномен, т. е. целостный акт, который характеризуется собственными свойствами: направленностью на цель, понятливостью, пластичностью, селективностью, выражающейся в готовности выбирать средства, ведущие к цели более короткими путями. Введение в характеристику поведения понятий цели (намерения), поля отражает позицию Толмена по отношению к другим направлениям в психологии: он признавал совместимость бихевиоризма с гештальтпсихологией, глубинной психологией. Убежденный в сложности детерминации поведе-

юия Толмен различал три разновидности его детерминант: независимые переменные (первоначальные причины поведения) стимулы и исходное физиологическое состояние организма; способности, т. е. видовые свойства •организма; вмешивающиеся внутренние переменные (intervening variables) — намерения (цели) и познавательные процессы. Выступив против субъективистского истолкования этих образований в духе старого мента-лизма, Толмен сделал именно вмешивающиеся переменные предметом собственных экспериментальных исследований. В экспериментах на латентное научение, викарные пробы и ошибки, гипотезы и др. было сформулировано понятие «когнитивной карты» (cognitive map). Когнитивная карта — это структура, которая складывается в мозгу животного в результате переработки поступающих извне воздействий. Она включает сложную сигнификативную структуру соотношения между стимулами и целями (sign — gestalt) и определяет поведение животного в ситуации актуальной задачи. Совокупность таких карт позволяет адекватно ориентироваться в ситуации жизненных задач в целом, в том числе и для человека. Несмотря на все оговорки, связанные с попытками избежать

ментализма, фактически в результате -введения промежуточных переменных поведение реально получает психологическую характеристику. Выводы, полученные на животных, Толмен распространял на человека, разделяя тем самым биологизаторские позиции Уотсона.
Крупный вклад в развитие необихевиоризма внес К. Халл (1884—1952). Его гипотетико-дедуктивная теория поведения складывалась под влиянием идей Павлова, Торндайка, Уотсона. Собственные экспериментальные исследования развернулись в области научения у животных. Как и теория Уотсона, теория Халла не учитывает фактора сознания, но в отличие от Уотсона, вместо схемы стимул — реакция Халл вводит формулу, предложенную еще в 1929 г. Вудвортсом, стимул — организм— реакция, где организм—это некоторые протекающие внутри него невидимые процессы. Их можно описать объективно, подобно стимулу и реакции: это результаты предшествующего научения (навык, по терминологии Халла), режима депривации, производным которого является драйв, инъекции лекарств и т. п. Поведение начинается стимулированием из внешнего ми-

245

ра или из состояния потребности и заканчивается реакцией. «Эволюция органических процессов привела к появлению той формы нервной системы у высших организмов, которая под воздействием потребности и мускульной активности будет вызывать без предшествующего обучения те изменения в движениях, которые имели бы вероятность свести потребность на нет. Активность такого рода мы называем поведением»'[2]. Применяя логический и математический анализ, Халл старался выявить связь между этими переменными, стимулами и поведением. Им были сформулированы законы поведения— теоретические постулаты, устанавливающие связи между основными переменными, определяющими поведение. Основной детерминантой поведения Халл считал шгр^бность. Потребность вызывает активность организма, его поведение. От силы потребности зависит сила реакции (потенциал реакции). Потребность определяет характер поведения, различного в ответ на разные потребности. Важнейшим условием образования новой связи, по Халлу, является смежность стимула, реакций и подкрепления, которое снижает потребность. Таким образом, Халл принимает закон эффекта Торндайка. Сила связи (потенциал реакции) зависит от количества подкреплений и есть функция его, а также она зависит от отсрочки подкрепления. Халл подчеркивает решающую роль подкрепления в образовании новых связей. Ему принадлежат тщательная теоретическая и экспериментальная разработка и математический расчет зависимости реакции от характера подкрепления (частичное, прерывистое, постоянное), от времени его предъявления. Эти факторы научения были дополнены принципами. Выступивший в опытах с лабиринтами факт неодинакового поведения животного на разных участках пути в процессе выработки навыка (скорость обхода тупиков в начале и в конце лабиринта неодинакова, и во втором случае она больше; число ошибок на участках вдали от цели больше, чем в конце лабиринта; скорость передвижения в лабиринте при его повторном прохождении больше в конце пути, чем в начале) получил название градиента цели. Описанные Халлом феномены свиде-

[12] *Hull* C. *Z.* Principles of behavior: An introduction to behavior theory. N. Y., 1943. P. 68.

246

тельствовали о целостной — молярной — природе поведения. В принципе градиента цели Халл видел сходство своей концепции с учением о силах поля К. Левина. Интеграции отдельных двигательных актов в целостный поведенческий акт способствуют антиципирующие реакции или антиципирующие ответы на раздражение — экспериментально обнаруженные феномены частичных ответов, способствующих нахождению действий, ведущих к цели. Так, наблюдалось, что в процессе тренировки животное все менее глубоко заходит в тупики или даже только замедляет движения около них, подобно тому, как в процессе выработки условного рефлекса наступает момент, когда до появления опасности животные осуществляют защитные, т. е. целесообразные, действия только на сигнал об опасности. Антиципирующие реакции Халл рассматривал как функциональные эквиваленты идей, целей, намерений.
Опыт математического подхода к описанию поведения в системе Халла повлиял на последующую разработку математических теорий научения. Под непосредственным влиянием Халла вопросами научения начали заниматься Н. Е. Миллер, О. Г. Маурер. Они создали собственные концепции, оставаясь в рамках традиционной теории подкрепления, но использовали формальный подход Халла. К- Спенс и его ученики А. Амсель, Ф. Логан продолжали развитие теоретических идей Халла.
Другим вариантом концепций поведения, включающих в структуру поведения промежуточные

механизмы, является теория субъективного бихевиоризма, с которой выступили Д. Миллер, Ю. Галантер, К. Прибрам. Под влиянием развития счетно-вычислительных машин и по аналогии с программами, заложенными в них, они постулировали внутри организма механизмы и процессы, опосредующие реакцию на стимул и реальность которых не вызывает сомнения. В качестве таких инстанций, связующих стимул и реакцию, они назвали гОбраз и План. «Образ — это все накопленные и организованные знания организма о себе самом и о мире, в котором он существует... употребляя этот термин, мы имеем в виду, в
основном, тот же тип представления, которого требовали другие сторонники познавательной теории. Оно включает все, что приобрел организм — его оценки наряду с фактами — организованное при помощи тех понятий, об-
2471
разов или отношений, которые он смог выработать:»[1]*. «План —это всякий иерархически построенный процесс организма, способный контролировать порядок, в котором должна совершаться какая-либо последовательность операций»[14]. Образ — это информативный, а план — алгоритмический аспекты организации поведения. Всюду авторы указывают на аналогии этих образований программам счетно-вычислительных машин. Поведение рассматривается как серия движений, а человек—как сложная вычислительная машина. Стратегия плана строится на основе проб, проводимых в условиях, созданных образом. Проба (test) —это база целостного процесса поведения, с помощью которой выясняется, что операционная фаза (operate) осуществляется правильно. Таким образом, понятие поведения включает идею обратной связи. Каждой операции предшествует проба. Единица поведения описывается по схеме: Т—О—Т—Е (результат). «...Схема Т—О—Т—Е утверждает, что операции, выполняемые организмом, постоянно регулируются результатами различных проб». Позиция субъективного бихевиоризма отражает общую тенденцию в развитии бихевиоризма, когда, выражаясь словами самих авторов, спочти каждый бихевиорист контрабандой протаскивает в свою систему тот или другой вид невидимых явлений—внутренние реакции, побуждения, стимулы и т. п. ... так делает каждый по той простой причине, что без этого нельзя понять смысл поведения»'[5]. Однако авторы не устают подчеркивать, что эти невидимые явления — «промежуточные переменные» — не следует понимать в духе психологических понятий субъективной интроспективной психологии. Трактовка их по аналогии с устройством счетно-вычислительных машин не может быть признана удовлетворительной, потому что в машине образы и планы — это материальные образования, действие которых происходит автоматически, тогда как психика и появляется как необходимое условие выполнения субъектом действия в новых обстоятельствах. Авторы предвидят, что их объяснение может быть оценено как
" История зарубежной психологии/Под ред. П. Я. Гальперина. А. Н. Ждан. М., 1986. С. 103.
" Там же. С. 106.
[15] *Миллер Д., Галантер Ю., Прибран* /С. Планы в структура поведения. М.. 1965. С. 236.
*
248
грубые механистические аналогии и гипотезы, но тем не менее считают их достаточно точно отражающими сущность поведения. В целом субъективный бихевиоризм в трактовке поведения остается в рамках механистической бихевиористской методологии и не выходит на действительное объяснение регулирования человеческого поведения.
Отдельную линию в развитии бихевиоризма представляет теория оперантного бихевиоризма R Скиннер^ (р. 1904). Как и Уотсон, он выдвигает в качестве предмета исследования поведение организма и, сохраняя двучленную схему его анализа, изучает только его двигательную сторону. Основываясь на экспериментальных исследованиях и теоретическом анализе поведения животных, Скиннер формулирует положение о трех видах поведения: безусловнорефлекторном, условнорефлектор-ном и оперантном. Последнее и составляет специфику учения Скиннера. Безусловнорефлекторный и условно-рефлекторный виды поведения, вызываемые стимулами (S), называются Скиннером респондентным, отвечающим поведением. Это реакции типа *S*. Они составляют определенную часть репертуара поведения, но только ими не обеспечивается адаптация в реальной среде обитания. Реально процесс приспособления строится на основе активных проб — воздействий животного на окружающий мир, некоторые из которых случайно могут приводить к полезному результату, который в сиЛу этого закрепляется. Такие реакции, которые не вызываются стимулами, а выделяются («испускаются») организмом, Скиннер назвал оперантными. Это реакции типа *R*[16]. Именно эти реакции преобладают в адаптивном поведении

животного.
Для их исследования была сконструирована специальная установка, получившая название «ящик Скиннера». Это клетка. В ней имеется манипулятор — устройство, нажатие на которое приводит к появлению подкрепления (положительного или отрицательного). Манипулятор связан с записывающим устройством, регистрирующим силу и частоту реакций животного. Все элементы ситуации варьировались с целью исследования зависимости между реакцией и режимом подкрепления.
Образование реакций объясняется в терминах обусловливания. В соответствии с двумя формами реакций
[16] Буква *R* используется для привлечения внимания к понятию «подкрепление» (reinforcement).

различаются респондентное и оперантное обусловливание как механизмы, объясняющие возникновение и усиление реакций этих двух типов. При обусловливаний респондентного типа реакция, уже существующая в репертуаре животного, связывается с новым раздражителем в силу смежности во времени безусловного и условного стимулов. Это обусловливание типа S. При описании поведения этого типа Б. Скиннер ссылается на И. П. Павлова, однако трактует его учение об образовании условной связи упрощенно. При оперантном обусловливании новая реакция (например, нажатие на рычаг) не вызывается стимулом: она осуществляется в какой-то определенный момент независимо от определенных обстоятельств и, будучи подкреплена, усиливается в силу временного следования реакции и подкрепления. Это обусловливание типа /?.
Различие между этими двумя типами обусловливания и соответствующими типам» поведения поднимается Скиннером на принципиальную высоту и доводится до противопоставления условнореф-лекторного и оперантного поведения. Оперантные реакции Скиннер рассматривает как активное поведение. Однако реально активность сводится к системе случайных слепых хаотических проб, некоторые из которых, оказавшиеся правильными, подкрепляются. Следовательно, организм находится во власти подкрепляющих стимулов и только. В действительности приспособление животных к миру строится как активный процесс на основе ориентировки на внешние объекты и их свойства (пищевые, оборонительные и др.)» в соответствии с которыми выполняется действие. Реально активность животного не так слепа, как ее описывает Скиннер.
На основе анализа поведения Скиннер сформулировал свою теорию научения. Главным средством формирования нового поведения выступает подкрепление. Вся процедура научения у животных получила название «последовательного наведения на нужную реакцию»[17].
Данные, полученные при изучении поведения животных, Скиннер переносит на человеческое поведение, что приводит к крайне биологизаторской трактовке челове-
[17] Ранее этот метод был открыт замечательным русским дрессировщиком В. Л. Дуровым. См.: *Дуров В. Л.* Дрессировка животных, дрессированными по моему методу (40-летний опыт). М.^ 1924.

ка. Так возник скиннеровский вариант программированного обучения. В соответствии с его требованиями учебный материал расчленяется на мелкие порции (шаги), каждая из которых доступна для учащихся; каждый шаг немедленно подкрепляется; в этих целях используются технические средства. Процесс учения индивидуализируется. Принципиальная ограниченность концепции Б. Скиннера состоит в сведении обучения к набору внешних актов поведения и подкреплению правильных из них. При этом не организуется внутренняя познавательная деятельность учащихся и как следствие обучение теряет свою специфику как сознательный процесс. Следуя установке уотсоновского бихевиоризма, Б. Скин-нер исключает внутренний мир человека, его сознание из поведения и производит бихевиоризацию психики. Психические процессы описываются в терминах реакций и подкреплений, а человек — как реактивное существо, подвергающееся воздействиям внешних обстоятельств. Культура — литература, живопись, эстрада — оказывается в его трактовке «хитроумно придуманными подкреплениями». Доведенная до крайности бихевиориза-ция человека, культуры и общества приводит к абсурду, что особенно выступило в печально нашумевшей книге 1971 г. «По ту сторону свободы и достоинства». Трансформация Скиннером понятий свободы, ответственности, достоинства означает их фактическое исключение из объяснения реальной жизнедеятельности человека. Разрешению социальных проблем служит созданная Скиннером технология поведения, призванная осуществлять контроль одних людей над другими. Поскольку намерения, желания,

самосознание человека не принимаются во внимание, средством управления поведения не является обращение к сознанию людей. Им выступает контроль за режимом подкреплений, позволяющий манипулировать людьми. За научным примитивизмом такой трактовки человека как автомата открывается ее реакционная идеологическая направленность. Вместе с другими методами и средствами, разработанными в психологии, наука о поведении Скиннера используется в целях решения политических проблем американского общества, вооружает буржуазных политиков из других стран в их практике контроля над поведением людей с целью его модификации. Необихевиоризм внес вклад в экспериментальное исследование поведения: способство-
251
вал утверждению объективного подхода к его изучению. Однако теоретическая несостоятельность направления-является закономерным результатом базисной установки, восходящей к Уотсону — на исключение сознания изпсихологии. Включение промежуточных переменных, природа которых понимается разными авторами различно, не освободило это направление от механицизма » натурализации человека. В зарубежной психологии нарастает общее разочарование в бихевиоризме.

Глава III

ГЕШТАЛЬТПСИХОЛОГИЯ

Гештальтпсихология (от нем. Gestalt — образ, структура)—одно из наиболее влиятельных и интересных направлений периода открытого кризиса,г явилось реакцией против атомизма и механицизма всех разновидностей ассоциативной психологии. Гештальт-психология явилась наиболее продуктивным вариантом^ решения проблемы целостности в немецкоязычной (немецкой и австрийской) психологии, а также философи» конца XIX — начала XX в. Понятие «гештальт» было введено X. Эренфельсом в статье «О качестве формы» в 1890 г. при исследовании восприятий. Непосредственным поводом для исследования Эренфельса послужили некоторые замечания Э. Маха о восприятии мелодий и геометрических форм: по Маху, ощущение мелодии или звуковой формы в известной мере независимо от ощущений отдельных звуков, поскольку сохраняется при изменении последних в случае транспонирования мелодии в другую тональность, как будто бы оно само было таким же простым и неразложимым элементом, как и элементарное ощущение. Этот факт Эренфельс подверг специальному анализу. Он выделил специфический признак гештальта — свойство транспозиции (переноса): мелодия остается той же самой при переводе ее из одной тональности в другую; гештальт квадрата сохраняется независимо от размера, положения, окраски составляющих его элементов и т. п. Однако Эренфельс не раз» вил теории гештальта и остался на позициях ассоци-анизма.

Новый подход в направлении целостной психологии осуществили психологи Лейпцигской школы (Ф. Крю-
252
гер, глава школы (1874—1948), И. Фолькельт (1848— 1930), Ф. Зандер), которая получила название школьг диффузно-комплексных переживаний или школы психологии развития. Существовала с конца 10-х до конца 30-х гг.

Главное понятие этой психологии — понятие комплексного качества как целостного переживания, пронизанного чувством. Основу любого психического акта — восприятия, памяти и др.— составляет система бессознательных активных процессов и импульсивных тенденций,. диспозиций, которые детерминируют его продукт. Оформляющая сила духа проявляется особенно в творческих деятельностях по созданию новых идей, форм, а также в играх детей. Исследования лейпцигских психолого» привлекли внимание Л. С. Выготского, который отмечал: «Мы обязаны лейпцигским исследователям установлением того замечательного факта, который показалчто вообще в начале развития мы не может констатировать достаточно дифференцированных отдельных психологических функций, а мы наблюдаем гораздо более сложные недифференцированные единства, из которых постепенно только путем развития и возникают отдельные функции, среди которых мы находим и восприятие. Дальнейшие исследования оказались совершенно не под силу Лейпцигской школе с ее ложными методологическими взглядами. Лишь с совершенно иных методологических позиций становятся понятными факты дальнейшего развития восприятия»[1].

История гештальтпсихологии начинается с выходаг работы М. Вертгеймера «Экспериментальные исследования восприятия движения» (1912), в которой ставилось под сомнение привычное представление о наличии отдельных элементов в акте восприятия. В экспериментах: испытуемому

последовательно предъявлялись два световых стимула (один — вертикальная или наклонная полоска (А), другой — горизонтальная (В)). При значительном временном интервале между А и В видны оба стимула, следующие друг за другом. При очень быстрой смене раздражителей испытуемые воспринимали угол,. при средней скорости видели, как первая — наклонная" или вертикальная линия — перемещается в горизонталь-

[1] *Выготский* #. С. Развитие высших психических функций. М.,г I960. С. 258.

ное положение. Это кажущееся движение испытуемые не могли отличить от реального перемещения даже при специальной инструкции. Вертгеймер также описал явление «чистого движения», когда испытуемые, отчетливо видя движение, не воспринимали перемещающегося объекта. Оно получило название стробоскопического движения.

Сам факт кажущегося движения был не нов. Еще раньше было установлено, что последовательное смещение объекта может вызвать восприятие непрерывного движения. Новым было объяснение этого факта. По Вертгеймеру, при возбуждении в мозгу определенного пункта «А» вокруг него создается зона, где также сказывается действие раздражителя. Если вскоре вслед за <*А*^ возбуждается пункт «В», то между ними возникает короткое замыкание, и возбуждение передается из пункта «А» в пункт «В». В феноменальном плане этим процессам соответствует восприятие движения из «А» в чсВ». Идеи Вертгеймера стали отправным пунктом для развития гештальттеории.

Непосредственно после этого вокруг Вертгеймера, и в особенности в 20-х гг., в Берлине складывается Бер--линская школа гештальтпсихологии: М. Вертгеймер, К. Коффка (1886—1941), В. Кёлер (1887—1967), К. Левин (1890—1947). Исследования охватывали восприятие, мышление, потребности, аффекты, волю.

В. Кёлер в книге «Физические структуры в покое и стационарном состоянии» (1920) проводит мысль о том, что физический мир, так же как и психологический, подчинен принципу гештальта. Геш-тальтисты начинают выходить за пределы психологии: все процессы действительности определяются закономерностями гештальта. ■Объяснение психических явлений должно состоять в нахождении соответствующих структур в мозговых процессах, которые объяснялись на основе физической теории электромагнитного поля, созданной Фарадеем и Максвеллом. Вводилось предположение о существовании электромагнитных полей в мозгу, которые, возникнув под влиянием стимула, изоморфны структуре образа. Гипотеза о наличии мозговых полей составляет существенную часть системы гештальтпсихологии и представляет ее решение психофизической проблемы. Принцип изоморфизма рассматривался гештальтпсихо-логами как выражение структурного единства мира — физического, физиологического и психического: последний есть точная структурная репродукция динамической организации соответствующих -мозговых процессов. Выявление единых закономерностей для всех сфер реальности позволяло, по Кёлеру, преодолеть витализм. Выготский оценил эту попытку как «чрезмерное приближение проблем лсихики к теоретическим построениям и данным новейшей физн-

ки»[2]. Дальнейшие исследования (хотя не все они были выполнены гештальтпсихологами) усилили новое течение. Э. Рубин открыл" феномен фигуры и фона (1915); Д. Катц показал роль гештальт-факторов в поле осязания и цветового зрения. Принципиальное значение имели эксперименты Кёлера на курах с целью проверить, что является первичным — восприятие целого или элементов. Животное дрессировалось на выбор более светлого из 2 серых оттенков. Затем следовал критический опыт: в новой паре темная поверхность заменялась более светлой. Животное продолжало выбирать более светлую из этой новой комбинации, хотя ее не было во время дрессировки. Поскольку отношение между светлым и; темным в критическом опыте сохранялось, значит, оно, а не абсолютное качество определяло выбор. Следовательно, элемент неимеет значения, а получает его в определенной структуре, в которую он включен. Тот факт, что такие структуры свойственны курам, означал, что структуры являются первичными примитивными актами. Целое — это не высшее, как считалось раньше, структурирование не есть результат интеллекта, творческого синтеза и т. п. В 1917 г. Кёлер распространил принципы структурности на объяснение мышления («Исследование интеллекта человекоподобных обезьян»), В 1921 г. Коффка сделал попытку приложить общий принцип структурности к фактам психического развития и построить на его основе теорию психического развития в онто-и филогенезе («Основы психического развития»). Развитие состоит в динамическом усложнении примитивных форм поведения, образовании все более и более сложных структур, а также в установлении

соотношений между этими структурами. Уже мир младенца[1] в какой-то мере гештальтирован. Но структуры младенца еще не связаны друг с другом. Они, как отдельные молекулы, существуют независимо друг от друга. С развитием они коммуницируют,. вступают в соотношения друг с другом. Подвергалась критике теория 3 ступеней развития в филогенезе К- Бюлера за то, что она представляет психическое развитие как состоящее из различных не: связанных друг с другом единым принципом ступеней.

В этом же 1921 г. Вертгеймер, Кёлер и Коффка, ведущие представители гештальтпсихологии, основывают журнал «Психологические исследования» (Psychologische Forschung). Здесь публикуются результаты экспериментальных исследований этой школы.. С этого времени начинается влияние школы на мировую психологию. Важное значение имели обобщающие статьи 20-х гг. М. Верт-геймера: «К учению о гештал.ьте» (1921), «О гештальттеории»-(1925). В 1926 г. К. Левин пишет статью «Намерения, воля и потребности» — экспериментальное исследование, посвященное изучению потребностей и волевых действий. Эта работа имеет принципиальное значение: гештальтпсихологии приступает к настоящему экспериментальному исследованию этих областей психической жизни, наиболее трудно поддающихся экспериментальному исследованию. Все это очень поднимало влияние гештальтпсихологии. В 1929 г. В. Кёлер читает лекции по гештальтпсихологии в Америке, которые затем выходят книгой «Гештальтпсихологии» (Ge-stalt Psychology). Эта книга представляет систематическое и, пожалуй, лучшее изложение этой теории. На американскую психоло-

Выготский Л. *С.* Собр. соч... Т. 1. С. 102.

тию оказала большое влияние также книга К. Коффки сПринципы гештальтпсихологии» (Principles of Gestalt Psychology), 1935.

Плодотворные исследования продолжались до 30-х гг., до того времени, когда в Германию пришел фашизм. Вертгеймер, Кёлер, Коффка, Левин эмигрировали в Америку. Здесь теоретические исследования не полу--чили значительного продвижения. К 50-м гг. интерес к гештальтпсихологии спадает. В последующем, однако, отношение к гештальтпсихологии меняется. В. Кёлер в статье «Гештальтпсихология сегодня»[3] приводил свидетельства влияния гештальтпсихологии на психологическую науку США: на Э. Толмена, американские теории научения. Ф. Бартлетт оценил вклад гештальтпсихологии в исследования памяти. В последнее время в ряде стран Западной Европы и в отдельных кругах психологов США наблюдается определенное усиление интереса к гештальттеории и истории Берлинской психологической школы. В 1978 г. было основано Международное психологическое общество «Гештальттеория и ее приложения». В 1979 г. состоялось первое рабочее заседание этого общества, а в октябре того же года вышел первый [ч]номер журнала «Гештальттеория», официального печатного органа этого общества. Членами этого общества .являются психологи из разных стран мира, прежде всего «з ФРГ (3. Эртель, М. Штадлер, Г. Портеле, К. Гусе и др.)» США (Р. Арнхейм, А. Лачинс, Михаэль Вертгеймер и др.)> Италии, Австрии, Финляндии, Швейцарии.

Центральной в гештальтпсихологии является проблема целостности и целостного подхода в противоположность элементаризму и механицизму старой, ассоциативной, и новой, бихевиористской, психологии. Как подчеркивал Вертгеймер, «...гештальттеория возникла из конкретных исследований...»[4]. Она не является теоретической спекуляцией, но выросла из конкретных потребностей изучения человека, она эмпирична в этом смысле. Вместе с тем на нее оказала влияние философия Канта, -Маха, особенно феноменологическая философия Гуссерля. Гештальтпсихология была также ориентирована на -естествознание, особенно на физику.

[8] *Kohler W.* Gestalt Psychology today//American Psychologist. 1959. V. 14. N 12. P. 727-734.

[4] Хрестоматия по истории психологии/Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М.f 1980. С. 84.

В. Кёлер одновременно с получением психологического образования изучал физику у Макса Планка; Вертгеймер вспоминал о своих длительных беседах с Эйнштейном в 1916 г. Поэтому становятся понятными слова Вертгеймера о том, что «гештальтпсихоло-гия появилась не вдруг, она конвергировала, подтянула к себе материал из всех наук, а также от различных философских точек зрения для решения принципиального вопроса;»[6], касающегося подхода к пониманию психологических проблем.

Гештальтпсихологи выступили с новым пониманием предмета и метода психологии: важно начинать с наивной картины мира, изучать реакции так, как они есть, изучать опыт, не

подвергшийся анализу, сохраняющий свою целостность. В этой структуре отдельные элементы выделяются, они действительно существуют. Но они вторичны и выделяются по своему функциональному значению в этом целом. Коффка писал, что одной из основных ошибок традиционной психологии является то, что она расчленила структуру на элементы, лишая ее тем самым существенных свойств. Гештальтисты выступили с критикой метода аналитической интроспекции. Они считали, что анализ является продолжением, первоначально восприятие дает целостную картину. Аналитической интроспекции был противопоставлен другой феноменологический метод, направленный на непосредственное и естественное описание наблюдателем содержания своего восприятия, своего переживания. С самого начала гештальтпсихологи отбросили тезис о происхождении восприятия из ощущений, объявили ощущение «фикцией, созданной в психологических сочинениях и лабораториях». Тезис об изначальной целостности, структурной •организованности процесса восприятия выражен Вертгеймером: «Есть сложные образования, в которых свойства целого не могут быть выведены из свойств отдельных частей и их соединений, но где, напротив, то, что происходит с какой-нибудь частью сложного целого, определяется внутренними законами структуры всего целого. Структурная психология (гештальтпеихология) есть именно это»[6]. В отличие от интроспективной психологии от испытуемых требовалось описать предмет восприятия не таким, каким они его знают, но таким, каким они его видят в данный момент. В этом описании нет элементов.

[в] Хрестоматия по истории... С. 87. [6] Там же, С. 86.

Эксперименты, которые ставили эти психологи, пробсты и действительно выявляли первоначальную целостность. Начаты они были на восприятии. Например,. предъявлялись точки:...... и т. п. (опыты Вертгеймера)..

Испытуемый объединял их в группы из двух точек, разделенных интервалом. В другом опыте предъявлялись линии:|| J J || и т. п. (опыты Кёлера). Испытуемый видел
не отдельные линии, но группы из двух линий, разделенных интервалами. Эти опыты показали, что в качестве первичного в восприятии выступает целое. Было установлено, что элементы зрительного поля объединяются в перцептивную структуру в зависимости от ряда 'факторов. Этими факторами являются близость элементов друг к другу, сходство элементов, замкнутость, симметричность и др. Было сформулировано положение о том, что целостный образ — это динамичная структура и образуется по специальным законам организации. В зрительном поле при восприятии действуют связывающие и сдерживающие перцептивные силы. Связывающие силы направлены на связывание элементов друг с другом, имеют центральное значение. Их функция — интегрирование. Именно связывающие силы объясняют закономерности возникновения структур при восприятии. Другие, так называемые сдерживающие, силы направлены на дезинтегрирование поля.

Перцептивная работа может иметь много форм: замыкание неполных фигур, искажения (иллюзии) и др. Были сформулированы некоторые положения, которые получили название законов восприятия в гештальттео-рии. Важнейший из них закон фигуры и фона, согласно которому зрительное поле делится на фигуру и фон. Об этом различии убедительно говорят так называемые действенные изображения. Фигура замкнута, оформлена, обладает живостью, яркостью, ближе нам в пространстве, хорошо локализована в пространстве, занимает главенствующее положение в поле. Фон имеет свою функцию, он служит тем общим уровнем, на котором выступает фигура. Он аморфен, кажется расположенным за фигурой, плохо локализуется в пространстве. В другом законе — прегнантности — выражается тенденция перцептивной организации к внутренней упорядоченности, ведущей в ситуации неоднозначных стимульных конфигураций к «хорошей» фигуре, к упрощению восприятия. Например (см. рис. 16), если испытуемому предъявля-

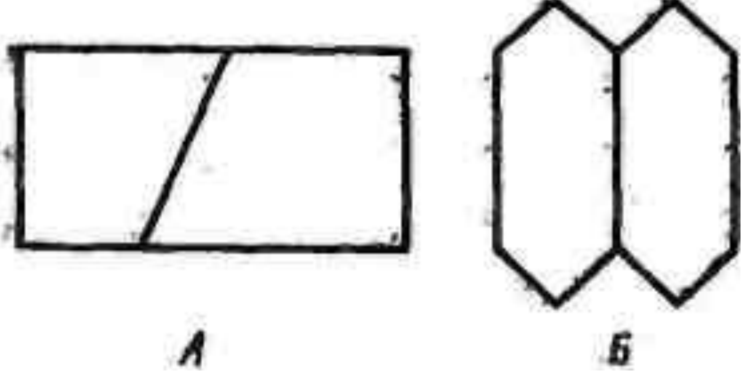

Рис. 16. *А* воспринимается как одна фигура, разделенная внутренней линией; *Б* — как две независимые фигуры, соединенные боковыми сторонами

Рис. 17

ются две фигуры, то обычно первая воспринимается как одна фигура, разделенная линией. Во втором случае испытуемый видит две независимые фигуры, соединенные боковыми сторонами. Согласно Коффке «...причина ясна: в первом случае общая структура лучше, чем каждая из двух ее частей, тогда как во втором случае имеет место обратное»[7]. Еще один закон восприятия — закон дополнения до целого («амплификации»). Если фигура не аакончена, в восприятии мы стремимся видеть ее как целое. Например (см. рис. 17), точечная фигура воспринимается как треугольник. Эта феноменология объяснялась с помощью принципа изоморфизма.

Структуры являются непосредственным отражением в сознании физиологических процессов в мозгу, возникающих в результате внешних воздействий, которые в виде афферентных импульсов достигают кортикальных полей. При этом физиологические закономерности объяснялись физическими законами электромагнитного поля.

Например, разделение поля восприятия на фигуру и фон объясняется как результат образования в мозгу двух по-разному заряженных электрических полей, между которыми возникает электродвижущая сила. Эти процессы изоморфны явлению восприятия фигуры на определенном фоне. Гештальтпсихология занимает паралле-

[7] Хрестоматия по ощущению и восприятию/Под ред. Ю. Б. Гип-яенрейтер н М. Б. Михалевской. М., 1975. С. 288.

листические позиции в понимании соотношения психик» и мозга, причем работа мозга объясняется физикали-стски.

Факты, полученные в гештальтпсихологии при изучении восприятия, обогащают представление о восприятии. На их основе были сделаны ценные практические выводы. В частности, с учетом закономерности фигуры и фона были разработаны некоторые приемы маскировки-фигур, которые использовались во время войны.

В гештальтпсихологии экспериментально исследовалось также мышление (Кёлер, Вертгеймер, Дункер,, Майер). По Кёлеру, интеллектуальное решение состоит в том, что элементы поля, прежде не связываемые, начинают объединяться в некоторую структуру, соответствующую проблемной

ситуации. С чисто описательной» точки зрения для этой формы поведения характерно использование предметов в соответствии с их отношением друг к другу и в реорганизации поля. Структурирование поля в соответствии с проблемой происходит внезапно в результате усмотрения (инсайт) при условииесли все элементы, необходимые для решения, находятся в поле восприятия животного. Вертгеймер распространяет этот принцип на решение задач человеком. Он приходит к выводу: «Мышление заключается в усмотрении, осознании структурных особенностей и структурных требований; в действиях, которые соответствуют этим[1] требованиям и определяются ими, и тем самым в изменении ситуации в направлении улучшения ее структуры» [8].
Условием переструктурирования ситуации, по Вертгеймеру, является умение отказаться от привычных,. сложившихся в прошлом опыте и закрепленных упражнениями шаблонов, схем, оказывающихся неадекватными ситуации задачи. Переход на новую точку зрения осуществляется внезапно в результате озарения — ин-сайта. Подчеркивается, что, хотя мышление есть единый процесс, в его динамике можно выделить этапы, последовательные фазы.
Первая фаза — постановка задачи на основе условий; «первое-достижение заключается именно в осознании того, что здесь есть-нроблема. Видение, правильная постановка проблемы часто гораздо важнее решения поставленной задачи»[9]. Вторая фаза — группировка, реорганизация, структурирование и другие операции *

• *Вертгеймер М.* Продуктивное мышление. М.f 1987. С. 270*
• Там же. С. 277.

связи с поставленной задачей. Третий этап или фаза — обнаружение структуры путем инсайта. Четвертый — нахождение путей реализации в соответствии с этой структурой.
В исследованиях Дункера экспериментально изучался факт использования при решении задачи элементов ситуации в новом функциональном значении, способность отойти от привычного понимания вещей, сложившегося в жизненном опыте, ибо «...в реальном мышлении изменение функционального значения какого-нибудь элемента суждения в процессе мышления имеет первостепенное значение»[10]. В своих исследованиях мышления Вертгеймер критикует два традиционных подхода — ассоциативную теорию и традиционную логику. В связи с критикой ассоциативной концепции анализируется роль прошлого опыта в мышлении. Вертгеймеру приходилось специально разъяснять свою позицию по этому вопросу, так как «...все еще встречаются психологи, которые, совершенно не понимая гештальттеорию, считают, что она недооценивает роль прошлого опыта»[п]. «Главный вопрос не в том, *действительно ли* прошлый опыт играет роль, а в том, какой именно опыт — слепые связи или структурное понимание с последующим осмысленным переносом, а также в том, как мы используем прошлый опыт: посредством внешнего воспроизведения или на основе структурных требований, его функционального соответствия данной ситуации. Ссылка на прошлый опыт, таким образом, не решает проблемы, та же самая проблема возникает в отношении прошлого опыта»[12]. Однако, несмотря на эти разъяснения, упрек гештальтпсихологии в недооценке опыта — справедливый упрек, и в целом, «...гештальтпсихология отличается ярко выраженным антигенетизмом, антиисторизмом» [13].
Важную область гештальтпсихологии составили исследования в области потребностей, воли, аффектов, главным образом связанные с именем К- Левина. Левин исходил из того, что основанием человеческой активности в любых ее формах, будь то поступок, мышление, память, является намерение — потребность.

*• *Вертгеймер М.* Продуктивное... С. 296.
[41] Там же. С. 96.
« Там же. С. 100.
[18] *Теплов Б. М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М., 1985.
С. 243.

Потребность — это некоторое стремление, тенденция выполнить, осуществить какую-то цель, которая ставится или самим субъектом, или исходит от кого-то другого, например от экспериментатора. Чтобы отличить свое понимание потребности от уже сложившегося в психологии и связанного главным образом с биологическими, врожденными потребностями, Левин называет их квази-лотребностями. Они образуются в актуальной ситуации -в связи с принятыми намерениями, целями и направляют активность человека. Квазипотребность создает в личности систему напряжения. Эта система напряжения стремится к разрядке. В разрядке

состоит, по Левину, удовлетворение потребности. Отсюда название теории К. Левина — «динамическая теория личности». Разрядка потребности осуществляется в определенной ситуации. Эта ситуация называлась Левином психологическим полем. Левин использовал топологические понятия (топология — раздел геометрии, изучающий преобразования пространства) для создания учения о психологическом поле. Эта тенденция к формализации получила особенное развитие в американский период деятельности К- Левина. Каждая вещь в психологическом поле характеризуется не по своим физическим свойствам, а выступает в каком-то отношении к потребности субъекта. Именно потребность обусловливает то, что один предмет имеет побудительный характер, притягивает к себе, имеет положительную валентность, другой — не имеет такого побудительного характера, имеет отрицательную валентность. Таким образом, предметы поля представляют собой положительно и отрицательно заряженные валентности по отношению к этой потребности. Факт единства личности и среды выражен К- Левином в понятии «жизненное пространство». Его структура и динамика выражаются в понятиях взаимозависимости, силового поля, равновесия, мощности. Жизненное пространство обладает свойствами — уровнем реальности, временной перспективой. Введением понятия временной перспективы Левин подчеркивал включенность в понятие жизненного пространства также ожиданий, представлений о будущем (идеальный план) и прошлом, но в связи с тем, как они представлены в настоящем. В связи с квазипотребностями К- Левин исследовал проблему целеобразо-вания и целенаправленного поведения. Эти исследования ввели в психологию комплекс важнейших понятий,

характеризующих поведение, связанных с достижением[1] целей: целевая структура и целевые уровни индивида, *в*-том числе реальные и идеальные цели, уровень притязаний, поиск успеха и стремление избежать неудачи и некоторые др.

К различным сторонам и проявлениям личности, таким, как волевое, и противоположное ему — полевое — поведение (в связи с этим проблема произвольности),. аффекты, структура личности, К- Левин применяет структурно-динамический подход, анализируя их в понятиях психологического поля.

К. Левин обогатил психологию рядом новых методов^ и методик. Это—опыты на прерванное действие (М. Ов-

сянкина), опыты на запоминание незавершенных и завершенных действий (Б. В. Зейгарник), опыты на замещение (К- Лисснер и А. Малер), опыты на выявление уровня притязаний (Ф. Хоппе), опыты на пресыщение(А. Карстен) и др. В американский период К. Левин-отходит от интрапсихологических проблем и обращаетсяк интерперсональным отношениям. Особенно большое-внимание уделяется вопросам лидерства, их типов (демократическое, авторитарное), проблеме групповой атмосферы, группового стандарта. Позднее К. Левин возглавил Центр групповой динамики. Здесь разрабатывались проблемы, связанные с промышленной практикой: производительность труда в группе, коммуникация, социальная перцепция, взаимоотношения между группами, членство в группе, подготовка групповых лидеров иулучшение группового функционирования. Материал исследований К. Левина, особенно методики, в многочисленных модификациях используются и в настоящее время, в том числе в советской психологии. В то же время подчеркивается, что в подходе К. Левина к личности-недостаточно раскрывается роль интеллекта и сознания. В заключение остановимся на общей оценке геш-тальтпсихологии. Гештальтпсихология пыталась развить атомистическую теорию в психологии, преодолеть схематизм в трактовке психических процессов, открыть новые принципы и подходы к их изучению. Введенный ею структурный принцип в смысле нового подхода Выготский оценивал как «великое незыблемое завоевание теоретической мысли»[14]. В этом сущность и историче-

[14] *Выготский Л. С* Собр. соч. ... Т. 1. С. 281.

ский смысл гештальттеории. Существенно отметить также, что основатель общей теории систем Л. фон Берта-ланфи считал, что в работе «Физические гештальты в покое и стационарном состоянии» В. Кёлер предвосхитил отдельные положения общей теории систем. Этим оценивался важный вклад гештальтпсихологии в методологию научного исследования. Методики экспериментального исследования восприятия, мышления, личности, а также полученная в результате их применения богатая феноменология составляют важный итог деятельности гештальтпсихологов. «Наиболее ценный эффект структурной психологии — это сделанные ею описания»[15],—писал Л. С. Выготский. Этой школой сделан важный шаг по преодолению

интеллектуализма, свойственного всей традиционной психологии. Однако в теоретическом плане концепция зашла в тупик. Введенный ею структурный принцип не оправдал себя как универсальный, т. е. распространенный на всю общую психологию, и на детскую, и на патопсихологию. В этой универсальности обнаружилась недостаточная объяснительная сила структурного принципа. Так, в применении к проблемам психического развития попытка охватить единым принципом инстинктивные и интеллектуальные процессы не позволяет увидеть принципиальную разницу между ними, а также разницу между животными и человеком, приводит к натуралистической теории психического развития ребенка, «сознательно сливает животное и человеческое, игнорирует историческую природу развития человеческого сознания...»[16] и в конечном счете не объясняет психическое развитие. В более общем смысле: «Понятие структуры одинаково распространяется на все формы поведения и психики. Снова в свете или, вернее, в сумерках структуры все кошки серы: вся разница в том, что один вечный закон природы — закон ассоциации — сменился другим, столь же вечным законом природы — законом структуры...»[17]. Описанный в гештальтпсихологии чрезвычайно важный психологический факт—факт гештальта — продолжает привлекать исследователей. Его теоретическое ос-

ч [15] *Выготский Л.* С. Собр. соч. ... Т. 1. С. 402. '• Там же. С. 268.

[17] *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М1960. С. 27.

мысление с помощью принципа изоморфизма справедливо расценивается как откровенный физикализм и не может претендовать на объяснение. С позиций, отражающих достижение современной психологии в области экспериментальных исследований и теории, намечается но**вый** подход к объяснению этого факта. Так, анализируя фундаментальные исследования гештальтпсихологии в области восприятия, отмечая «авторитетность и притягательность этого направления»'[8], был сделан вывод о том, что ключом к пониманию выявленных в них закономерностей может стать изучение генезиса восприятия. Такой подход позволяет понять психологический механизм гештальта, в частности в области восприятия. Им выступает, по мнению А. А. Митькина, опыт субъекта (автор опирается на современные исследования восприятия в зарубежной науке, а также усматривает связь выдвинутого им тезиса с учением о фазности восприятия Н. Н. Ланге, отдельными высказываниями И. М. Сеченова). Более конкретно эти психологические механизмы раскрываются в исследованиях по планомерному формированию симультанного опознания, проводимых в контексте теории планомерного формирования умственных действий и понятий [19].

Глава IV

ГЛУБИННАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Эта психология выдвинула идею о независимости психики от сознания и пыталась обосновать реальное существование этой независимой от сознания психики и исследовать ее. Центральное психологическое течение глубинной психологии — психоанализ 3. Фрейда. Классическая глубинная психология включает также. концепции индивидуальной психологии А. Адлера и аналитической психологии К. Юнга. Эта психология отличается от эмпирической психологии сознания представлениями о форме существования психического: психика

[18] *Митькин А. А.* Законы гештальта и фазность восприятия// Психол. ж. 1983. № 6. С. 30.

[19] См.: *Шабельников В. К.* Формирование быстрой мысли. Ал-на-Ата, 1982; *Подольский А. И.* Становление познавательного действия: научная абстракция и реальность. М., 1987 и др.

существует вне и независимо от сознания, и именно бессознательная психика, являющаяся глубиной психики, составляет ее предмет и общую проблему. Сознание тоже ею не отрицается: оно — свойство, присущее психике лишь в отдельные моменты. Перед глубинной психоло-тией стоит и проблема личности, ибо содержание бессознательного играет решающую роль в выяснении ценности личности.

Психоанализ 3. Фрейда (1856—1939) формировался в условиях и под воздействием политического и социального развития Австрии конца прошлого — начала нынешнего столетия. Такие особенности социально-психологической атмосферы Австрии того времени, как крушение патриархальных принципов в столкновении с буржуазным укладом жизни, соперничество политических сил либералов и консерваторов и поражение либерализма, расцвет национализма и на его почве распространение антисемитских настроений, ощущение которых на себе неоднократно описывает 3. Фрейд («Толкование сновидений», «Автобиография» и др.)- Экономические потрясения (кризисы) порождали пессимизм, потерю веры в разумность бытия и

представления об иррациональности жизни, различные формы и разновидности иррационалистического сознания. В конце XIX в. появляется широкий интерес к бессознательному — не только в специальной, научной литературе, но и в художественной, а также в философии. Взгляды 3. Фрейда, его понимание человека, согласно которому под напором инстинктов сексуальности и в силу бессознательности психических процессов признавалось, что «Я» — «не хозяин в собственном доме», объективно отражали кризис буржуазной личности, типичное самоощущение индивида в ^буржуазном обществе, в том числе той его части, с которой имел дело Фрейд как практикующий врач. Однако сам Фрейд выдавал свою исторически обусловленную теорию человека за единственно научную — естественную концепцию человека.
Психоанализ возник в начале 90-х гг. XIX в. из медицинской практики лечения больных с функциональными нарушениями психики. 3. Фрейд после окончания медицинского факультета Венского университета (1881 г.) работал практикующим врачом в Вене. В 1938 г. вынужден эмигрировать в Англию. Умер в Лондоне в 1939 г.
"266
Занимаясь неврозами, главным образом истерией3. Фрейд изучил опыт знаменитых французских неврологов Ж. Шарко и И. Бернгейма. Использование последним гипнотического внушения с терапевтическими целями, факт постгипнотического внушения произвел» большое впечатление на Фрейда и способствовали такому пониманию этиологии неврозов, их лечения, которое составило ядро будущей концепции. Оно было изложено в книге «Исследование истерии» (1895), написанной совместно с известным венским врачом И. Брей-ером (1842—1925), с которым Фрейд в то время сотрудничал.
В общей форме теория Фрейда в этот период сводилась к пониманию невротических болезней как патологического функционирования «ущемленных аффектов»,. сильных, но задержанных в бессознательной области: переживаний. Если с помощью гипноза пациент получит возможность оживить в памяти эти травмирующие ега переживания и вновь эмоционально испытает их, может наступить излечение. Решающим моментом в становлении оригинальной теории 3. Фрейда был отход от гипноза как средства проникновения к ущемленным и забытым болезненным переживаниям: во многих и как раз наиболее тяжелых случаях гипноз оставался бессильным, встречал «сопротивление», которое не мог преодолеть. Фрейд был вынужден искать другие пути к ущемленному аффекту и в конце концов нашел их в толковании сновидений, свободно всплывающих ассоциаций^ малых и больших психопатологических симптомов (проявлений), чрезмерно повышенной или пониженной чувствительности, двигательных расстройств, оговорок, забываний и т. п. Исследование и интерпретацию этого разнообразного материала Фрейд назвал психоанализом— новой формой терапии и методом исследования. Ядро психоанализа как нового психологического направления, составляет учение о бессознательном.
Научная деятельность Фрейда охватывает несколькодесятилетий. За эти годы его концепция бессознательного претерпела существенные изменения. В его учении; можно различать, хотя и несколько условно, три периода. Первый период (1897—1905), когда психоанализ в^ основном оставался методом лечения неврозов с отдельными попытками общих заключений о характере душевной жизни. Основные произведения этого периода: «Тол-
267?
кование сновидений» (1900), «Психопатология обыденной жизни> (1904), «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905), «Три очерка по теории сексуальности» (1905), «Отрывок из одного анализа истерии» (1905 г., первое и законченное изложение психоаналитического метода лечения). Особенное значение имеет работа «Толкование сновидений», в которой излагается первый вариант учения о системе душевной жизни как имеющей глубинное строение. В ней выделяются три уровня — сознательное, предсознательное и бессознательное с цензурой между ними. В этот период психоанализ начинает приобретать популярность, вокруг Фрейда складывается кружок (1902) из представителей разных профессий (врачи, писатели, художники), желающих изучить психоанализ и применить его в своей практике. Во втором периоде (1906—1918) фрейдизм превращается в общепсихологическое учение о личности и ее развитии. Фрейд формулирует основные принципы своей психологии, описание психических процессов с трех точек зрения — динамической, топической и экономической. В этот период выходят «Анализ фобии одного пятилетнего мальчика» (1909), «Леонардо да Винчи» (1910) и «Тотем и табу» (1912)—работы, в которых Фрейд распространяет психоанализ на область художественного творчества и проблемы человеческой истории, «Положение о двух принципах психической деятельности» (1911). Психоанализ возбуждает интерес во многих

странах. В 1909 г. Фрейд по приглашению Холла читал лекции в Кларковском университете (Ворчестер) и этим положил начало распространению психоанализа в Америке («О психоанализе, пять лекций», 1909). Значительным событием в развитии психоанализа в этот период был отход от 3. Фрейда его первых сотрудников А. Адлера (1911) и К. Юнга (1912). Лучшим и наиболее полным изложением психоанализа, как он сложился к началу первой мировой войны, и работой, которая вместе с «Психопатологией обыденной жизни» получила наиболее широкое по сравнению с другими трудами 3. Фрейда распространение, являются его «Лекции по введению в психоанализ» (в 2 т.; в 1932 г. Фрейд присоединил к ним 3-й т.), которые представляют записи лекций, прочитанных врачам в 1916—1917 гг. В 3-м, последнем, периоде концепция 3. Фрейда претерпевает существенные изменения и получает свое философское

268

завершение. Под влиянием событий первой мировой вой-<ны изменяется учение о влечениях («По ту сторону принципа удовольствия», 1920). Структура личности , представляется теперь в виде учения о трех инстанци- \ ях — «Я», «Оно», «Идеал-Я» («Я и Оно», 1923). В ряде работ 3. Фрейд распространяет свою теорию на понимание культуры и разных сторон общественной жизни: религию — «Будущность одной иллюзии» (1927), антропологию, социальную психологию, проблемы цивилизации— «Психология масс и анализ человеческого Я> (1921), «Моисей и единобожие» (1939) и др. Психоанализ становится философской системой и смыкается с .другими иррационадиетическими течениями буржуазной -философии.

Система психоанализа

Психоанализ рассматривает душевную жизнь с трех точек зрения: динамической, топической (учение о структуре душевной жизни) и экономической. С топической точки зрения Фрейд различает три сферы психики — сознательное, предсознательное и бессознательное. Сознательное (Bw) имеет свойство пережива-«ия. Предсознательное (Vbw)—это скрытое (латентное) бессознательное, потенциально сознательное: может проникнуть в сознание, т. е. имеет способность сознания. Бессознательное (Ubw) — это вытесненная бессознательная психика, не обладает способностью проникнуть в сознание: это может только представитель вытесненной бессознательной психики. Источником предположений о бессознательной психике явились следующие теоретические соображения. Исходя из безусловного детерминизма и исключая правомерность физиологических объяснений в психологии, 3. Фрейд рассматривал факты, не поддающиеся сознательному контролю и не привлекавшие внимания раньше в психологии (забывчивость, описки, сновидения), как явления, которые имеют причины и поэтому должны получить объяснение. Так и получалось, что психическое должно объясняться из психического, и значит, психическое сознательное— из психического бессознательного: объективные проявления — сновидения, ошибочные поступки, описки, забывчивость, имеющие место в нормальной душевной жизни, а также в невротических симптомах у ^больных людей, открываются сознанию, а их причины —

269

нет. Именно эти проявления являются свидетельством бессознательного. Пути их выявления с помощью анализа объективных проявлений бессознательного составляют методы Фрейда. Основным из них является метод анализа свободно всплывающих ассоциаций. Пациент удобно располагался на софе, Фрейд—сзади, так, что пациент был ему виден, а он сам не попадал в поле зрения пациента. Ему предлагалось отдаться ходу свободных ассоциаций, т. е. говорить все, что приходит ему в голову, прекратив всякое сознательное управление ходом мыслей, не давать возможности для критики, которая отбрасывает иные ассоциации под предлогом их недостаточной важности или бессмысленности. Требование искренности со стороны пациента в высказывании своих мыслей является предварительным условием всякого» аналитического лечения. Получаемый таким образом материал — Фрейд называл его «рудой для психоанализа»— подлежал истолкованию, потому что под влиянием сопротивления в нем возникают искажения и вытесненная мысль, которую ищем, маскируется своим заместителем. Тесно связан с этим метод толкования сновидений. Фрейд различал явное образное содержание сна, его фасад и маскируемый им скрытый смысл. Он представляет собой желания, в которых мы не хотим себе признаться, так как они неприемлемы для нас. Выражается в символике сновидений. «Я назвал «работой сновидений» процесс, который совместно с цензурой переводит скрытые мысли в явное содержание сновидения и который включает такие процессы, как сгущение и смешение. В снах бессознательное пользуется, особенно для изображения сексуальных комплексов, определенной символикой, которая... вполне типична. Отсюда

необходимость истолкования сновидений. Сновидения есть и у здорового человека. Сновидения создаются также как невротические симптомы: ...они являются компромиссом между требованиями подавленных импульсов (вытесненных влечений) и сопротивлением цензурирую-щей силы» *К* Фрейд придавал чрезвычайную важность толкованию сновидений. «Прежде психоанализ был связан только с патологическими явлениями... но когда он перешел к сновидениям, здесь он уже имел дело с яв-

[1] An autobiographical Study Sigmund Freud//The International Psychoanalytical library. N 26. London, 1948. P. 82

лениями нормальной психической жизни, встречающимися у каждого здорового человека. Если сны оказались образованными так же, как симптомы, если их объяснение требует тех же допущений — вытеснение желаний, замещение и компромиссные образования, выделение сознания и бессознательного в различные психические системы, то ясно, что психоанализ больше не вспомогательная наука в области психопатологии; он в большей степени дает основание новой и глубокой науке о психике, которая будет так же приемлема для понимания нормы. Его постулаты и открытия оказались пригодны для перенесения в другую область психических явлений, и перед ними открыт путь далеко за их пределы в сферы универсального значения»[2].

Одним из методов был анализ ошибочных действий повседневной жизни. Такие явления, как описки, оговорки, потери вещей и др., не случайны и выражают импульсы и намерения, которые отстранены и должны быть скрыты от сознания. С их помощью человек выдает свои тайны. Опять намечается связь психоанализа со здоровой психикой. Симптоматические действия должны быть истолкованы. Исходя из них можно выявить существующие, но скрытые или подавленные импульсы и намерения. Так, остроумие, шутки, каламбуры и остроты представляют собой замаскированные мотивы что-то сказать не прямо, а делая намек. Невротические симптомы рассматривались как искаженный заместитель вытесненного в бессознательное желания. Таковы источники проникновения в бессознательное, т. е. способы привести в сознание вытесненный материал.

Всюду в сновидениях, ошибках повседневной жизни, проявляющихся в нормальной душевной жизни, в невротических симптомах больных наблюдается столкновение двух тенденций, конфликт противоположно направленных душевных сил: одной нарушающей и другой нарушенной тенденции, желания. Сила, которая оказывает сопротивление этой второй тенденции, — цензура. Под ее влиянием происходит вытеснение идеи, с которой связано несовместимое желание, в бессознательное, где оно продолжает существовать, но в измененном виде, и переработка этой тенденции, создание замены невозможного удовлетворения путем искажения, образования бо-

Aп autobiographical Study... P. 85.

лезненного симптома, навязчивого состояния, сублимации (переключения на другие пути — в рамках творческой, научной и т. п. деятельности) и др. Работа цензуры по искажению бессознательных скрытых мыслей в явное содержание включает процессы сгущения, смещения (сдвига), превращения мысли в образ и др. Возникает необходимость толкования, которое возможно, поскольку сохраняется остаток сходства с первоначальной вытесненной идеей.

Каковы те тенденции, против которых выступает цензура? Это вопрос о содержании и сущности бессознательного. Скрытые тенденции — это всегда желания, с которыми наше социализированное сознание не может примириться, потому что «...по природе своей они безусловно достойны осуждения, одинаково неприличны как в этическом, так и в эстетическом и социальном отношении и относятся к разряду таких явлений, о которых не решаются подумать или думают только с отвращением»[3]. Бессознательное — это место сосредоточения влечений, все вытесненное из сознания как недопустимое па своей природе. В системе бессознательного нет отрицания, сомнения, различных степеней достоверности. Ее процессы находятся вне времени, они подчинены принципу наслаждения, для них не имеет значения критерий реальности. В этой системе отсутствует противоречие, она существует в форме представлений, не облекается в речь. Бессознательное называется первичным психи» ческим процессом. Оно — исходный момент душевной жизни: «...остатки той стадии развития, в которой они являлись единственной формой душевных переживаний»[4]. Это истинная психическая реальность. Однако бессознательное «по своей внутренней природе нам столь же неизвестно, как и реальность мира внешнего, и в силу данных сознания является нам столь же несовершенным образом, как и внешний мир» в силу данных нам органов чувств»[6].

Экономическая точка зрения на деятельность психического аппарата принимает во внимание количествен-

[3] *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ. М., 1922. С. 147.
[4] *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М., 1923.
[5] Цит. по: *Нири К.* Философская мысль в Австро-Венгрии. М» 1987. С. 115.

ную сторону, подход к душевной жизни с точки зрения траты энергии. Психоанализ предполагает, что влечения заряжены определенным количеством энергии, которая создает напряжение в организме, сопровождаемое неудовольствием, страданием. Под влиянием биологической тенденции к снижению возбуждения организм стремится освободиться от страдания, снизить напряжение (различными путями — путем освобождения от идущих извне раздражений, удовлетворения идущих изнутри)чтобы добиться снижения тонуса возбуждения и испытать чувство удовольствия. Таким образом, течение душевных процессов автоматически регулируется принципом удовольствия — страдания (принцип удовольствия)причем страдание соотносится с ростом напряжениявозбуждения, а удовольствие — с его спадом. Задача душевного аппарата с экономической точки зрения заключается в том, чтобы справиться с действующим в душевном аппарате количеством возбуждения и не допустить его до полного застоя.

В описании структуры душевной жизни как состоящей из сознания и двух систем бессознательного — пред-сознательного и собственно бессознательного и цензурой между ними — необходимо внести изменения, если применить динамическую точку зрения. Если в описательном смысле существует двоякое бессознательное, то в динамическом — только одно: то, что вытеснено и не может быть сознательным. В дальнейшем эта топография душевного аппарата была преобразована. В окончательном варианте психическая сфера разделялась на три образования: «Я», «Сверх-Я», «Оно». Индивидуум представляется как бессознательное «Оно», которое поверхностно охвачено «Я». Здесь собираются все влечения, Понимание Фрейдом влечений менялось. В окончательном варианте психоанализа различаются: сексуальные влечения — подчиняются принципу удовольствия; инстинкт самосохранения-влечения «Я»— подчиняется принципу реальности. Те и другие объединяются в группу влечений к жизни (эрос). Другим влечением является влечение к смерти, к разрушению. «Оно» — это область бессознательного, играет самую важную роль *в* структуре личности. «Оно» — движущая сила поведения: источник энергии, мощное мотивационное начало. «Я» — это поверхностный слой душевного аппарата. Называется сознанием. Соизмеряет деятельность «Оно» с принце*

зтом реальности. «Сверх-Я» направлено против «Оно», жыражает систему требований «Я». Имеет «двойное ли-що»: включает систему идеалов (идеальное «Я») и запреты. Это критическая инстанция, посредник между «Оно» и «Я». В целом совокупность моральных, этических тенденций Фрейд называет «Сверх-Я», идеалом и •совестью. «Сверх-Я» является представителем морального ограничения и стремления к совершенству. Это .надзиратель, критик, продолжает в личности ту функцию, которую выполнял родитель и воспитатель в первом периоде жизни индивида. Эта часть в структуре -личности относится к бессознательному.

Точка зрения взаимных связей этих состояний стала гясна в процессе исследования источников невротических -состояний. Корни их прослеживались до глубокого детства. В результате вырисовывалась общая линия развития психики человека. По Фрейду, ребенок рождается наполненным влечениями. Он — чисто органическое существо. При удовлетворении они доставляют ему наслаждение. Эти недифференцированные желания органического удовольствия, наслаждения Фрейд называл сексуальным влечением, в основе которого лежит энер-тия либидо. Развитие организма происходит под влиянием влечений и проходит ряд стадий: от аутоэротизма .до ранней генитальной стадии (конец 1-го года жизни). Затем первоначальный эрос испытывает организацию в .двух направлениях: во-первых, происходит подчинение господству генитальной зоны и возникновение собственно полового влечения; во-вторых, выбор объекта составляет другую сторону превращения либидо. Это второе направление имеет исключительное значение. Сначала лицо, на которое направлены влечения, ребенок находит среди близких. Маленький мальчик сосредоточивает свои сексуальные желания на матери, он враждебен отцу. У девочки обратная установка — нежность к отцу и враждебность к матери. Фрейд развивает теорию обязательной конфликтной ситуации, связанной с двойственностью желаний ребенка к отцу и к матери как объектам любви. Конфликт заканчивается образованием комплексов— Эдипа у мальчика и Электры у девочки (до 4— 5 лет). В результате вытеснения этих комплексов

образуются внутренние идеалы и запреты — «Сверх-Я», -(«Сверх-Я» имеет также теснейшую связь с филогенетическим достоянием: в нем — осадок развития человече-

ского рода, табу, сохранившиеся со времен первобытного общества и зафиксированные наследственно).

После подавления сексуального влечения наступает латентный период. Он продолжается до пубертатного' возраста. С 13—14 лет начинается фаза дальнейшегоразвития сексуального влечения. Это период окончательного выбора объекта. Ребенок берет за образец отца и мать и переносит влечение на другой объект. Это — благополучное развитие либидо. Для неблагополучного развития характерны фиксации (задержки) на определенной стадии, регрессии (возвращения на пройденную стадию). Эти извращения были названы инфантилизм мом.

В результате развития в онтогенезе, с накоплением жизненного опыта складывается «Я», формируются инстанции «Сверх-Я» и вытесненного «Оно». Развитая,. правильно сформированная личность представляет собой систему первичных влечений, нашедшую пути их удовлетворения: частично прямые, но главным образом: окольные, через сублимацию. Вся человеческая деятельность, культура и общество рассматриваются как средство удовлетворения и символического выражения некоего внутреннего желания, влечения. Соотношение между сферами в структуре личности рассматривалось как динамическое их столкновение и борьба по типу конфликта между сознательным и бессознательным, а человек выступал их продуктом. Сознательное «Я», считавшееся раньше истинным средоточием индивида, становится лишь глашатаем бессознательного, причем довольно плохо информированным, поскольку оно ничего не знает" об истинном содержании бессознательного, донося сведения лишь о том, что пропускает цензура. Сознательное— не суть психики, а лишь такое ее качество, которое «может присоединяться или не присоединяться к другим ее качествам»[6]. В то же время задача заключается в том, чтобы перевести бессознательный материал человеческой психики в область сознания. «Там, где было Оно, должно быть Я». Механизмы взаимодействия между различными инстанциями в личности находят свой аналог в социальных и культурных процессах в обществе. «...События человеческой истории, взаимодействие между человеком и природой, культурным развити-

Хрестоматия по истории психологии... С. 184.

-ем и отказом от первобытного опыта... — не более чем отражение динамических конфликтов между Я, Оно и Сверх-Я, которые психоанализ изучает в индивиде, те же самые процессы, повторенные в более широком масштабе»[7]. Все социальные институты объяснялись как результат развития сугубо внутренних тенденций в самом человеке. Причем Фрейд прибегал к неоправданно широким аналогиям. Антагонизм между индивидом и обществом, наблюдаемый им в буржуазной культуре, он считал неотъемлемой частью развития культуры на все времена, поскольку подходил к человеку и трактовке причин возникновения неврозов с натуралистических позиций.

Учение 3. Фрейда с момента его возникновения и до «астоящего времени вызывает неослабевающий интерес, но получает при этом неоднозначную оценку. В «Автобиографии» Фрейд с уверенностью утверждал: «Уже не сможет быть сомнений в том, что психоанализ будет продолжать существовать, он доказывает свою способность выступать и развиваться и как отрасль знания, и как терапевтическая методика»[8]. Интерес к психоанализу объясняется реальностью его центральной проблемы — бессознательного, исследуемой к тому же не в лаборатории, а в конкретных жизненных ситуациях. Причиной живучести концепции 3. Фрейда является также поддержка, которую она встречает в господствующей идеологии. Об этом очень точно писал исследователь творчества 3. Фрейда Карл Э. Шорске: «Фрейд создал такой образ человека, который для либеральных слоев мог служить чуть ли не *утешением,* ведь значимость политической сферы, социального крушения Фрейд снизил до минимума. Поскольку свое собственное политическое прошлое и настоящее низвел он, по сравнению с приоритетом и первичностью конфликта между отцом и сыном, просто до сопровождающего явления, Фрейд одарил своих сотоварищей — либералов такой безысторичной теорией человека, которая делала для них сносным сошедший с их орбиты ставший неуправляемым политический мир»[9].

Неоднозначность оценок теории Фрейда проистекает из одностороннего решения, которое получает в ней про-

[7] An autobiographical... P. 134.

• Ibid. P. 135.

• Цит. по: *Мири К.* Философская мысль... С. 114—115.
276
<>лема бессознательного. Как основной требовал ответа «опрос: насколько научно обоснованы психологическая теория бессознательного, утверждения о детской сексуальности и широкое толкование понятия сексуальности, представления о важности сексуальной жизни и детских переживаний для этиологии неврозов. В качестве одного из критериев выдвигалась терапевтическая эффективность психоанализа. Однако сам по себе факт излечимости еще не подтверждает правильности теоретического толкования бессознательных процессов, поскольку наступает в зависимости от ряда причин. Так психоанализ лишается этого критерия истинности своих построений, а других нет. В системе психоанализа допускается большая произвольность в толковании символичного смысла проявлений бессознательного — снов и др., истинность которых невозможно проверить. Вместо строгой дедукции используются аналогии, метафоры. Все это противоречит объективности и научности, обязательным для научной теории.
В психоанализе происходит биологизация и натурализация психики человека. Сущность человека составляет темное Оно. Человек рассматривается как природное существо, наполненное влечениями. Влечения лежат в основе поведения человека, неврозы также объясняются из влечений. Духовный мир рассматривается как форма сублимированного либидо. Одновременно общественные явления психологизируются. Фрейд заменил реальные движущие силы исторического процесса и войн идеей природной склонности человека к агрессии и деструкции. Именно противоречия, научно не обоснованные утверждения, граничащие с вымыслом, встретили критику даже приверженцев Фрейда — Юнга, Адлера, Хорни, Фромма, выступивших с модификациями учения о бессознательном в психоанализе.
Индивидуальная психология Л. *Адлера*
После окончания Венского университета А. Адлер (1870—1937) начал свою практику вначале в качестве глазного врача, но скоро основным направлением его работы становится психиатрия. Встретившись с большими трудностями в лечении неврозов, Адлер обратил внимание на новый подход Фрейда, в ча-
277
стности высоко оценил его «Толкование сновидений». Эту книгу он считал величайшим вкладом в понимание природы человека. Она подверглась резким нападкам, особенно утверждения о сексуальной этиологии неврозов. Адлер выступил в печати в защиту Фрейда. Фрейд обратил внимание на это выступление и предложил Адлеру вступить в психоаналитический кружок (1902). Однако скоро между ними начались глубокие теоретические разногласия, главным из которых было отрицание Адлером сексуальной этиологии неврозов и других феноменов. Конфликт завершился разрывом, отходом от Фрейда (1911) и образованием собственной концепции. По Адлеру, не сексуальные влечения, а чувство неполноценности и необходимость компенсировать дефект занимают центральное место в личности и выступают факторами развития каждого человека. Чувство неполноценности вызывается как органическими — морфологиче^ скими и функциональными недостатками органов, аномалиями органов, их функций и др., так и субъективными факторами — ощущением природной слабости, трудностей в социальных отношениях и др. Чувство неполноценности — нормальное чувство, оно—не пассивное состояние, но является стимулом психического развития индивида. Он стремится преодолеть неполноценность: чем сильнее чувство неполноценности, тем сильнее стремление к его преодолению в форме стремления к превосходству, к власти над окружающей средой. Таким образом, чувство неполноценности уравновешивается стремлением к совершенству, даже к превосходству. Вместе они приводят к образованию бессознательных механизмов компенсации и сверхкомпенсации дефекта.
С чувством неполноценности связана постановка жизненной цели, которая ведет весь поток душевной активности в определенном направлении. Цель вырабатывается индивидуально и задает ту целостную индивидуальную личностную структуру, которую Адлер называет «стилем жизни». Эти важнейшие образования складываются к 4—5 годам. «Стиль жизни» — продукт творчества индивида и отражает его уникальность, неповторимость. В психологии Адлера понятие «стиль жизни»приравнивается к личности, к «Я». Формирование стиляжизни во многом зависит от семейной ситуации и в первую очередь от матери, которая прежде всего вводит ребенка в мир. Индивидуум не может рассматриваться
ж
вне общества. Человеческое бытие социально, человек не является изолированным существом,

действующим независимо от социального окружения, в котором живет. Только посредством социального общения индивид становится частью общества, участником этого великого разделения труда. Социальное чувство или социальный интерес выражает связи между людьми в человеческом обществе. Оно развивается в трех основных жизненных сферах: в профессиональной деятельности, в социальных контактах с другими людьми, в любви и браке. Личность, не обладающая способностью к кооперации, не может решить этих трех важнейших для каждого человека проблем и получает в своем развитии отклоняющееся от нормы невротическое направление, а также может развиваться по пути преступного поведения или **превращения** в трудного ребенка. Нормальная личность с хорошо развитым социальным интересом хорошо компенсирована. Невротическая личность характеризуется увеличивающимся чувством неполноценности, неразвитым социальным интересом и преувеличенной активной целью к достижению превосходства.

Существуют три группы условий, способствующих появлению чувства неполноценности в раннем детстве. Во-первых, наличие физических недостатков, воспринимаемых как жизненные препятствия. Однако преодоление этих недостатков возможно. Для этого необходимо изменить отношение к дефекту, а также овладеть определенными приемами, необходимыми для работы (здесь приводятся примеры из истории о музыкантах с плохим слухом, художниках с плохим зрением и т. п.). Во-вторых, неправильное воспитание, продуктом которого являются изнеженные дети, у которых не возникает чувство собственной ценности, и они встречаются с большими трудностями в установлении взаимопонимания с другими людьми. В-третьих, неправильное воспитание и как его результат бессердечные дети, у которых в силу враждебного отношения к другим людям также затрудняется процесс кооперации в обществе. Эти ошибки **в** воспитании порождают у ребенка сильное чувство неполноценности. С точки зрения Адлера, воспитание **в** детях упорства и самостоятельности, терпения, отсутствие бессмысленного принуждения, унижения, насмешек, наказаний способствует укреплению у человека веры **в** свои силы.

Согласно Адлеру, дефект сам по себе не предопределяет фатально дальнейшую судьбу ребенка и может быть компенсирован в процессе воспитания. Это утверждение сохраняет свою значимость и сегодня. В то же время еще Л. С. Выготский указал на абстрактность теории Адлера, по существу снимающей разницу между воспитанием аномального, например глухого, и нормального ребенка и поставил задачу разработки путей и средств воспитания аномальных детей'[10]. Личность выступает у Адлера фикцией, жизненные силы наращивают свою мощь сами по себе, они стоят как бы за личностью. Подчеркивание Адлером роли общества в развитии личности явилось основанием для квалификации его в зарубежной психологии как родоначальника социального направления в развитии психоанализа. Он сохранил глубокую связь с психоанализом, в частности,. принял положение о врожденных бессознательных причинах и движущих силах поведения (хотя и понимал их иначе); сохранил тезис о решающей роли раннего детства для всей последующей жизни человека, не проводил качественных различий между болезнью и нормой и др_

Аналитическая психология /С. *Юнга*

К. Юнг (1875—1961) после окончания медицинского факультета Базельского университета работал как психиатр в психиатрической клинике Цюрихского университета Burgholz (1900—1909) под руководством Э. Блейлера. В этот период в зимнем семестре 1902—1903 гг. работает в Париже под руководством П. Жане. Здесь экспериментировал со словесными ассоциациями с целью выявления бессознательных комплексов, ядро которых составляют эмоционально окрашенные содержания. Заинтересовался «Толкованием сновидений» Фрейда, начал применять принципы психоанализа в своей практике, но использовал при этом свой метод контролируемых ассоциаций. Этот метод — одна из модификаций ассоциативного эксперимента. С 1906 г.

[10] Советские психологи И. А. Соколянский, А. И. Мещеряков исследовали тот реальный процесс, который приводит к развитию психических функций и полноценно развитой личности в условиях тяжелых дефектов. См.: *Мещеряков* Л. *И.* Слепоглухонемые дети. М., 1974.

начал сотрудничать с Фрейдом. Начавшиеся разногласия с Фрейдом касались фрейдовских положений о сексуальной природе либидо. С 1909 г. покидает клинику Блейлера и занимается частной практикой. В 1912 г. в книге «Психология бессознательного» Юнг выступил с критикой Фрейда. По Юнгу, либидо — это психическая энергия, выражающая интенсивность жизни, имеет различные формы своего проявления в разные периоды человеческого развития, сексуальность

есть только одна из таких форм. В 1914 г. после негативной реакции Фрейда на отступления Юнга от психоаналитической трактовки этого и других понятий (Эдипов комплекс) Юнг разрывает связи с психоанализом, признавая тем не менее работы Фрейда лучшими, хотя и верными лишь наполовину («Теория психоанализа»). Юнг совершил путешествия в Алжир, Тунис и большую часть Сахары, эде с немалым интересом изучал неевропейскую культуру. Впоследствии он познакомился также с людьми других примитивных культур — американскими индейцами. Анализ этих культур, материалов фольклора, мифов, религий народов мира Юнг использовал в построении психологической концепции бессознательного.
Собственную психологическую концепцию Юнг называл аналитической психологией. Ее центральное содержание составляет учение о бессознательном и о процессе развития личности. Сохраняя деление психики на сознательное и бессознательное, Юнг развивает учение о двух системах бессознательного — личном и коллективном бессознательном. Личное бессознательное — это поверхностный слой психики, включающий все содержания, связанные с индивидуальным опытом: забытые воспоминания, вытесненные импульсы и желания, забытые травматические впечатления. Зависит от личной истории индивида. Его содержание может пробуждаться в снах и фантазиях. Главную роль Юнг отводил коллективному бессознательному. Коллективное бессознательное — это сверхличная бессознательная психика, включающая -инстинкты, влечения, которые представляют в человеке природное существо, и архетипы, в которых проявляется человеческий дух. Коллективное бессознательное — это древнейшая психика, некоторая сущность, независимая ют развития индивида, от его сознания. Оно включает национальные, расовые, общечеловеческие верования, мифы, предрассудки, а также некоторое наследство, ко-
281
торое человек получил от животных. Инстинкт и архетипы выступают регуляторами душевной жизни: инстинкт определяет специфическое поведение человека, а архетип обусловливает конкретное формирование сознательных психических содержаний. Архетипы — это некоторые прообразы. Они существуют в форме образов и, символов и соответствуют самым глубоким слоям бессознательного. Основанием для введения коллективного бессознательного явился психопатологический опыт, когда Юнг отмечал некоторое общее содержание в фантазиях многих больных и одинаковую последовательность в смене их. Эти образы и фантазии рассматривались как аналогичные образам в мифах разных народов, произвольно интерпретировались как выражение работы некоторой бессознательной человеческой (и частично животной) психики по запечатлению бесконечно повторяющегося опыта. В такой фантастической форме Юнг выражал идею развития в психологии. Он описал несколько фигур архетипической природы, которые называл: Персона (или Маска), Тень, Анима (Анимус), **Мудрый** Старец, Самость. Эти фигуры трактовались как символы определенных сторон (тенденций) бессознательной психики. Фигуры коллективного бессознательного выступают и как уровни личности, в которой весь прошлый опыт человечества составляет наследственную данность и проявляется в последовательности обнаружения архетипов в ходе индивидуального развития личности.
Процесс становления личности называется Юнгом индивидуацией. Ее цель — становление Самостью и психологически означает объединение, уравновешенность, связность сознательного и бессознательного. Этот процесс осуществляется естественно, но о том, как он протекает, можно узнать с помощью психотерапевта в ходе аналитической процедуры. Юнг трактует развитие как процесс, детерминированный изнутри и направленный на раскрытие уже имеющегося в личности изначально, *в* его бессознательном, на обнаружение «внутреннего ядра» личности, его Самости.
В труде «Психологические типы» (1921) Юнг различает две базисные установки — экстравертированную» направленную на внешний мир, и интровертированную, направленную на внутренний мир, и четыре функции психики —мышление, чувство, ощущение, интуиция. Доминирование той или иной установки в сочетании с оп-
282
ределенной психической функцией дает 8 типов индивидуальности. Эти взгляды Юнга породили большую литературу и получили дальнейшее развитие в психологии.
Неофрейдизм
Неофрейдизм — обширное направление в зарубежной психологии, возникшее в 30-х гг., истоком которого были идеи 3. Фрейда. Его крупными представителями являются К. Хорни, Э. Фромм, Г. Сал-ливен. Его появлению способствовал, по-видимому, новый не невротический тип больных, которые жаловались скорее на неудачи, беспокойство, чувство одиночества, разочарования, неприспособленности, чем на специфически невротические симптомы. Это были прежде всего

представители деловых кругов, практиков, специалистов-профессионалов, служащих. Они в первую очередь испытали влияние депрессии 30-х годов, последовавшей за экономическим кризисом 1929 года. Эти трудности отразились в судьбе каждого человека. Поэтому для анализа причин заболевания было недостаточно погрузиться **в** личные семейные драмы, ограничиться миром «Я» и семьи. В результате учета действия этих факторов и возник неофрейдизм как социально ориентированная форма психоанализа.
К- Хорни (1885—1952) выступила с социологизиро-ванным вариантом фрейдизма, в котором поставила проблему социальной (в терминологии Хорни, культурной) обусловленности формирования характера человека и неврозов. Под влиянием опыта врачебной работы пришла к выводу о том, что «неврозы и сам склад людей в Соединенных Штатах во многом отличаются от того, что я наблюдала в европейских странах, и поняла, что это можно объяснить только разницей цивилизаций»'[11]. Критическому осмыслению концепции 3. Фрейда способствовало также знакомство с этнографией **Б. Малиновского, развивавшего принципы** социологической школы в этнографической науке и призывавшего к изучению быта и культуры любого народа как единого целого, а также с работами Э. Фромма.
В 1937 г. в книге «Невротическая личность нашего времени» выступила с критикой ряда положений учения
Цит. по: *Уэлл Г.* Крах психоанализа. М., 1968. С. 95.

Фрейда как недостаточно отражающих значение культурных факторов, что не только приводит к неверныmг обобщениям, но и мешает пониманию реальных сил, определяющих наши взгляды и действия. Эта критика получила развитие и в других работах Хорни и касалась основных аспектов фрейдовской теории: пансексуализма, Эдипова комплекса, инстинкта смерти, структурного деления психики на Оно, Сверх-Я и Я, предопределяющей-роли детства и его инфантильно-сексуальных фаз, сексуальной этиологии неврозов и др. Однако Хорни не отказывается от наследия Фрейда («я осознаю конструктивную ценность основных открытий Фрейда») '[12], но ставит своей задачей реформировать психоанализ, «чтобы, устраняя сомнительные положения, позволить психоанализу развиться в полную меру его возможностей»'[13]. Хорни заменяет преимущественно биологизаторскую-ориентацию Фрейда на эволюционно-социологический подход. Хорни обратила внимание на некоторые типичные для современного капиталистического общества аспекты, как, например, соревнование в смысле соперничества, конкуренции, которые являются не только движущей силой экономики, но пронизывают также личную жизнь. Все человеческие отношения в семье, между родными, в школе, в обществе, в любви имеют характер соперничества. Необходимость сравнения себя с другими,. притязания, с одной стороны, и реальные ВОЗМОЖНОСТИ своего неуспеха и успеха других — с другой, вызывают тяжелые переживания — страх перед возможной неудачей, чувства неполноценности, зависти и постоянной тревожности. Тревожность является источником притязаний и желания любви и привязанности со стороны других-Она порождается обстоятельствами жизни индивида и уходит своими корнями в детство. Отсутствие теплоты » безопасности в детстве порождает усиленную потребность в успокаивающей привязанности, за которой стоит потребность в безопасности. Человеком движут бессознательные побуждения, главным образом врожденные, биологически обусловленные, отчасти же приобретенные: стремление к безопасности и к удовлетворению^
Принимая фрейдовский принцип, согласно которому поведение индивида определяется бессознательными моти-
[12] Цит. по: *Уэллс* Г. Крах... С. 111.
[13] Там же.

вами, и предполагая, что эти бессознательные побуждения носят аффективный или эмоциональный характерХорни сохраняет этим всю суть психоанализа. Эти дввида бессознательных стремлений несовместимы друг с другом. Конфликт между ними приводит к необходимости подавления одного из них. Хорни отвергает Сверх-5F как подавляющую силу, сам конфликт вызывает подавление одного из несовместимых стремлений. Подавление, по Хорни, это выталкивание из сознания импульса или аффекта. После подавления мы субъективно убеждены, что у нас его нет. Подавленный импульс встречает сопротивление сознания. Возникают защитные механизмы Я, которые служат окольными путями проникновения в сознание подавленных импульсов, потребностейчувств, но в сильно замаскированном виде. Эти защитные механизмы формируются с детства и становятся тобессознательной основой, на которой строятся

представления человека о самом себе. Сохраняя основные особенности психоанализа, Хорни подчеркивает роль культуры, противоречий, вызываемых ею: с одной стороныкультура стимулирует наши потребности, а с другой — налагает большие ограничения (экономические, юридические, этические), которые подавляют эти же потребности, следовательно, усиливает бессознательную внут-рипсихическую драму. Основными элементами этой драмы у Хорни, как и у Фрейда, служат противоположные-бессознательные побуждения, основанные на несовместимых стремлениях, причем конфликты разрешаются *в* результате подавления с помощью защитных механизмов Я. Сумма таких решений, их источник и развитие в течение жизни индивида определяют его характер *w* делают личность нормальной или невротической. Реформированное учение Хорни, как признает сам автор, остается психоанализом. «Если считать, что основы психоанализа составляет определенная система взглядов, касающихся роли бессознательных процессов и путей ихг выражения, а также формы терапевтического лечения*. которые помогают довести эти процессы до сознаниятогда то, что предлагаю я, — психоанализ»'[14].
Г. Салливен (1892—1949)—психиатр-практик, преподаватель и редактор журнала «Психиатрия», авторконцепции межличностной психиатрии. Эта концепция —
Цит. по: *Уэллс Г.* Крах... С. 122.

другая форма социализированного психоанализа. Ее основу составляет тезис о роли межличностных отношений з формировании личности и процесса ее развития. При этом задача воспитания сводится к социальной адаптации человека. Стремясь к объективному, по типу точных наук, описанию психических фактов, Салливен разработал специальную терминологию. Личность определяется как «относительно устойчивая модель повторяющихся межличностных ситуаций, характеризующих человеческую жизнь»'[15]. Личность нельзя изолировать от интерперсональных отношений, человек всегда член «социального поля» и может быть понят только в этом контексте.
Ребенок вступает в межличностные отношения уже с момента рождения под влиянием потребностей — -органических, потребности в нежности, стремления освободиться от беспокойства, возникающего от недоброжелательного отношения. В ходе этих отношений складывается персонификация, т. е. образ человека (себя и других). Персонификации, сложившиеся в раннем детстве, в последующем определяют все отношения человека к другим людям. Источником активности, по Салливену, :является энергия, свойственная организму изначально. Все психические процессы, все приобретенные привычки :и формы поведения являются способами трансформации энергии и называются «динамизмами». В сумме они составляют «Я-систему», которая образуется в раннем детстве. Социализации ребенка способствует овладение •языком, с помощью которого происходит образование «синтаксического опыта», открывающего возможности освоения общезначимого специального опыта (синтаксису предшествует протаксис и паратаксис — формы доре-чевого опыта).
Салливен развивает важные идеи о значении и месте •связей и отношений человека с другими людьми, оставаясь при этом, однако, в рамках психоаналитических учений о человеке.
Э.Фромм (1900—1980)—самый видный представитель психологии неофрейдизма. Разработал концепцию, гкоторую назвал «радикально-гуманистическим психоанализом».
" *Флоренская Т. А.* Социологизация фрейдизма в теориях личности К. Хорни и Г. С. Салливена//Вопр. психологии. 1974. № 3. -С. 163.

Центральное место в системе Э. Фромма занимаег разработка идеи об общественной обусловленности человеческой, в том числе бессознательной, психики.. В трактовке этой идеи Фромм достиг наибольшей, по^ сравнению с другими представителями неофрейдизма,. конкретности и глубины. Использование им при этом' учения Маркса, отдельных трудов Ленина вылилось, однако, в одну из распространенных в буржуазной науке-попыток соединить Фрейда с Марксом, которая, как *w* все другие, оказалась несостоятельной. Фромм является-также автором работ, посвященных исследованию основных религиозных концепций — иудаизма, христианства, дзен-буддизма.
Так же как Салливен и Хорни, Фромм отвергает биологизм Фрейда и пытается понять человека в зависимости от социальных условий его существования. В отличие от общих утверждений Хорни о роли культуры Фромм анализирует экономическую, социальную и политическую структуру общества. Исходным тезисом Фромма является положение об особенностях человеческого существования, качественно отличного от существования животных. «Человеческое

существование начинается тогда, когда отсутствие фиксации действия инстинктами достигает определенной степени, когда адаптация к природе теряет свой принудительный характер,-когда способ действия не фиксирован больше наследственно заданными механизмами. Другими словами, человеческое существование и человеческая свобода неразделимы с самого начала. Свобода здесь понимается не в позитивном смысле — «свобода для», а в негативном — «свобода от», а именно свобода от инстинктивное предопределенности действия»[16]. Это особенное существование человека заключает в себе так называемое экзистенциальное противоречие, проистекающее из того, что разрываются естественные — инстинктивные — связи человека с природой, первичная гармония между человеком и природой разрушена, перед ним встает задача приспособления к природе. «Вместо предопределенного инстинктивного действия человек должен взвесить все возможные способы в уме; он начинает думать. Он меняет свое отношение к природе с простой пассивной" адаптации на адаптацию активную: он создает, он изо-

" *Fromm E.* Escape from Freedom. N. Y.. 1941. P. 32.

287

<>ретает орудия и, становясь хозяином природы, он все более и более от нее отделяется. У него появляется смутное знание о себе, или скорее о своей группе как о ■чем-то, отличном от природы. Ему приходят в голову -мысли, что судьба его трагична: быть частью природы «, несмотря на это, превосходить ее. Он узнает о смерти жак о своем неизбежном уделе, даже если он и пытается отрицать это в своих многочисленных фантазиях» [17]. '

Поскольку человек, свободный от первичных связей с природой, все же остается связанным с нею, «свобода ют» приводит к возрастанию чувства одиночества. Вместе с биологическим отделением и началом индивидуального существования человек чувствует одиночество, -озабоченность, безнадежность, опасность, возрастающее чувство бессилия и ничтожности. «Мы видим, что шроцесс роста человеческой свободы имеет тот же диалектический характер, который мы наблюдаем в процессе роста отдельного индивида. С одной стороны, это процесс роста силы и интеграции власти над природой, роста силы человеческого разума и единства с человеческими существами, но, с другой стороны, этот рост индивидуализации означает усиление изоляции, опасности и в результате усиление сомнений, касающихся собственной роли человека во вселенной, смысла человеческой жизни — и вместе с этим возрастающее чувство собственного бессилия и ничтожности как индивидуума»'[18].

Возникают импульсы-потребности, направленные на преодоление этих тяжелых переживаний. Для этого существует только один возможный продуктивный путь: добровольные связи с миром и природой, продуктивная деятельность человека, любовь к работе, которые снова соединят его с миром, но уже не первичными связями, -а как свободного и независимого индивида. «...Человек может развиваться до «позитивной свободы», он может добровольно соединить себя с миром любовью и работой, истинным выражением своих эмоциональных, чувственных и интеллектуальных способностей; таким образом он может стать единым с людьми, природой и са--мим собой, не уничтожая независимость и единство сво-

*т *Fromm E.* Escape... P. 33. [48] Ibid. P. 35.

288

его индивидуального <Я» • Но социальные условия не дают основы для развития человека в этом направлении. Поэтому человеку остается только один способ победить одиночество — убежать в покорность, подчиниться или вступить в такие отношения с людьми и миром, которые обещают спасение от неопределенности. Так возникают непродуктивные способы удовлетворения человеческих потребностей. Их Фромм называет механизмами бегства (от невыносимой ситуации). Механизмы бегства — это такие пути решения индивидом проблем своего существования, которые выливаются в определенные тенденции поведения. Их три: авторитаризм, деструктивизм и конформизм. Они являются иррациональными и бессознательными. Различные в своих проявлениях, они являются результатом одной базовой потребности — избежать собственной слабости и изолированности. Они не устраняют причин страдания и тревоги и не могут решить проблему человеческого существования, являясь лишь защитными механизмами, ибо за поступками и мыслями личности, например, деструктивного типа, скрываются другие действительные мотивы. Проникнуть за эти защитные механизмы и раскрыть подлинные эмоциональные и интеллектуальные потребности личности может только психоаналитик с помощью применения психоаналитической техники — свободных ассоциаций, толкования сновидений и т. п.

Признавая качественные различия между обществами на разных этапах истории, Фромм

подчеркивает необходимость строгого научного анализа его социальной структуры и утверждает, что радикальным изменениям экономических, социальных, политических сторон жизни сопутствуют столь же радикальные изменения в структуре личности. Поэтому экзистенциальные противоречия, вытекающие из особенностей человеческого существования как свойственного человеческой ситуации вообще, дополняются историческими противоречиями, свойственными определенному обществу. Главное внимание Фромм уделяет капиталистическому обществу и его противоречиям и личности при капитализме. Развиваемая Фроммом концепция человека капиталистического общества, когда не только труд, но и личность превращается в товар, когда достигло предела отчуждение чело-

[19] *Fromm E.* Escape... P. 140.

века: человек превратился в автомат, которым манипулируют, обличает капитализм как социальную систему. Фромм показал, что экономическая система капиталистического общества потребовала от человека таких качеств, как эгоизм, себялюбие, алчность, которые являются продуктом этих социальных условий. Зависимость характера человека от его образа жизни Фромм выразил в понятии социального характера. «Взаимосвязь индивидуальной психической сферы и социоэ коном иче-ской структуры я называю социальным характером»[20]. Социальный характер меняется вместе с изменением общества, культуры. Фромм различал следующие его типы: накопительский, воспринимающий, рыночный, эксплуататорский, некрофилический. Все они разновидности непродуктивного характера. Только создание нового общества в будущем приведет к продуктивному характеру. С наибольшей подробностью Фромм описал рыночный характер, соответствующий современному капиталистическому обществу: «живое существо становится товаром на «рынке личностей». «Цель рыночного характера— полнейшая адаптация, чтобы быть нужным, сохранить спрос на себя при всех условиях, складывающихся на рынке личностей. Личности с рыночным характером... не имеют даже своего собственного Я, на которое они могли бы опереться, ибо их Я постоянно меняется в соответствии с принципом — «я такой, какой я вам нужен»[21]. Преобладает рассудочное, манипуля-тивное мышление, эмоциональная жизнь атрофируется. Рыночный характер Фромм называет также отчужденным характером, потому что люди с таким характером отчуждены от своего труда, от самих себя, от других людей и от природы. Порожденный обществом, в котором господствует частная собственность, этот характер выражает такой способ существования человека, который Фромм назвал обладанием. Ориентация на обладание проявляется в собственнических чувствах и установках, которые пронизывают жизнь человека во всех ее проявлениях — в обучении, в формах отношений между людьми, в том числе родителей и детей, мужа и жены, пациента и врача и т. д. Характеристика Фроммом ори-

[20] *Фромм Э.* Иметь или быть. М., 1987. С. 38. Там же. С. 170—171.

■

ентации на собственность представляет собой острую критику современного капиталистического общества.

Неофрейдизм продолжает психоаналитическую теорию бессознательного, которому отводится главенствующая роль в психике человека. С позиций психологии он обличает современное капиталистическое общество, в котором, как показал Фромм, люди «стали винтиками бюрократической машины», их мыслями и чувствами, вкусами манипулируют «правительство, индустрия и находящиеся под их контролем средства массовой информации; экономический прогресс коснулся лишь ограниченного числа богатых наций, пропасть между богатыми и бедными нациями все больше и больше увеличивается; технический прогресс создал опасность для окружающей среды и угрозу ядерной войны, каждая из которых — или обе вместе—способны уничтожить всю цивилизацию и, возможно, жизнь на земле»[22].

В русле психоаналитической концепции развивается Эго-психология, направление, в центре которого находится исследование проблемы «Эго». Выступает против догматического взгляда, согласно которому психоанализ должен ограничиваться только бессознательным. Дочь Фрейда, А. Фрейд (1895—1982), отталкиваясь от представлений Фрейда, развиваемых им в работах «По ту сторону принципа удовольствия», «Групповая психология и анализ человеческого Я», в которых 3. Фрейд указывал на собственные склонности и тенденции «Эго», выступила с собственной концепцией. Эта концепция получила название «психологии Эго». Крупным теоретиком этого

направления является Х. Гартман (1894—1970). К нему принадлежат также Э. Криз, Д. Рапапорт (1911—1961), Э. Эриксон (р. 1902), а также М. Малер, Э. Глоувер, Р. Спитц. Это направление ставит задачей исследовать содержание и происхождение «Эго» как автономного независимого от «Оно» образования, его функции, главной из которых является адаптация к внешнему миру. Рассматривается проблема общения, его формы, функции и роль в развитии ребенка (Малер, Спитц).

Во французской науке большое распространение получил структурный психоанализ Жака Лакана (1901— 1981).

[22] *Фромм Э.* Иметь или быть... С. 33.

Глава V

ФРАНЦУЗСКАЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Вне марксистской науки вопрос о социальной природе человеческого сознания был специально поставлен французской социологической школой. Основателем школы был Э. Дюркгейм (1858—1917), юрист, который, изучая бытовое право у отсталых народов, создал концепцию первобытного мышления. Его идеи развил Л. Леви-Брюль. К этой школе примыкал некоторое время Ж. Пиаже. К ней принадлежали М. Гальбвакс, Ш. Блондель.

Изучая обычаи, моральные и юридические нормы, взгляды малокультурных народов, Э. Дюркгейм пришел к выводу о том, что они представляют общественную силу, господствующую над сознанием каждого отдельного человека. Человек — существо двойственное: индивидуальное, биологическое и социальное. Первое имеет свои корни в организме, ему соответствует биологически определяемая часть психики, оно руководит практическими отношениями индивида с окружающим миром. В сфере материального производства индивид, согласно Дюркгейму, выступает как изолированное существо. Его индивидуальное сознание находится под влиянием объектов. Во французской социологической школе индивидуальное отождествляется с биологическим, индивид рассматривается как организм; проблема общественного и индивидуального отождествляется с проблемой социального и биологического[1]. Социальное существо в человеке формируется обществом. Ему соответствует социально определяемая часть психики.

По Дюркгейму, «...общие идеи, которые религия или наука внедряют в наш ум, интеллектуальные операции, которые эти идеи предполагают, верования и чувства, которые составляют суть нашей моральной жизни — все эти высшие формы психической ак-

[1] Ср. К. Маркс: «Особенно следует избегать того, чтобы снова противопоставлять «общество», как абстракцию, индивиду. Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни — является проявлением и утверждением общественной жизни. Индивид и родовая жизнь человека не является чем-то различным» *(Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 590).

тивности, которые в нас пробуждает и развивает общество, не находятся на поводу у тела как наши ощущения и кинестетические состояния. Мир представлений, в котором разворачивается социальная жизнь, надстраивается над своим материальным субстратом, а никак не проистекает из него»[2].

В двойственности заключается отличие человека от животных: у них нет общественного опыта. Дуализм — характерная черта концепции Э. Дюркгейма.

Общество рассматривается Дюркгеймом как реальность. Оно — духовное образование: совокупность мнений, знаний, способов действий определенного рода и. др. Они отражают различные стороны общественной жизни и называются коллективными представлениями. Закрепляются в языке. Коллективные представления обладают всеобщностью и необходимостью; являются продуктом длительного развития; создаются обществом, а не личностью; оказывают принудительное воздействие на человека; они аффективно окрашены и принимаются каждым человеком без рассуждения. Они не столько понимаются, сколько захватывают человека и заставляют. Признание влияния на человека коллективных представлений меняет понимание человека, источника наиболее высоких форм духа, объясняемых до этого или из индивидуального опыта, или путем допущения априорных прирожденных форм (эмпиризм или априоризм). Мысль Дюркгейма, что все собственно человеческое в человеке от общества — это действительно

капитальная мысль. Однако общество Дюркгейм понимает идеалистически, отождествляя его с системой коллективных представлений, т. е. общественным сознанием. Охота, рыболовство и т. п. хотя и рассматриваются, но как контакты изолированных индивидов с природой не предполагают с необходимостью настоящего мышления и не приводят к нему. Таким образом, в целом развитие мышления не связывается здесь с развитием человеческой деятельности. Самый процесс внедрения коллективных представлений в сознание индивида трактуется также идеалистически как взаимодействие индивидуального и общественного сознания.
Л. Леви-Брюль выступил с тезисом о двух формах,. типах человеческого мышления и о специфических осо-
[2] Цит. по изд.: *Рубинштейн С.* Л. Пути и принципы развития психологии. М., 1957. С. 311—312.

бенностях первобытного мышления. Согласно его теории, в процессе развития человеческого общества происходит не только накопление знаний о мире, но смена типов мышления. Современный тип — логический — пришел на смену первобытному мышлению, которое Л. Леви-Брюль называет пралогическим. Первобытное мышление имеет магический характер; для первобытного человека мир вещей наделен одновременно естественными и сверхъестественными обыденными и мистическими свойствами, причем наиболее важными являются именно сверхъестественные свойства; первобытный человек всегда думает о магических силах, скрытых за событиями, за вещами, которые сами по себе никакой силы не имеют.
Мышление первобытного человека, направленное на магическое содержание, имеет особую логику. Оно подчиняется закону партиципации, т. е. сопричастия; считается, что все предметы, сходные между собой, имеют общую магическую силу (отсюда вера в тень, портреты, имя — считается, что действия, примененные к ним, распространяются и на их оригиналы). Магическая сила передается также путем соприкосновения (сопричастие по подобию и сопричастие по выражению).
Мышление первобытного человека абсолютно причинно: оно не признает случайностей, не чувствительно к противоречиям и не требует доказательства фактами. Умение различать разновидности растений, отпечатки следов каждого человека своей группы, искусство в производстве посуды, корзин, пирог, украшений и т. п. проявления трудовой деятельности не являются, по Леви-Брюлю, плодом размышления и рассуждения. Они — продукты чутья, интуиции, слепого навыка. По Леви-Брюлю, влияние общества на сознание человека осуществляется только через систему коллективных представлений, причем главным образом религиозно-мистического характера (верования, магические обряды).
По Леви-Брюлю, пралогическое мышление не образует стадию, предшествующую логической мысли. Оно представляет особую структуру, функционирующую совместно с логической мыслью, и не перерастает в логическое: с развитием общества сектор логического мышления лишь увеличивается, оттесняя мистическое

пралогическое мышление[3]. Дело в пропорции: в мышлении первобытных народов пралогические структуры преобладают. Но даже в современном обществе они не исчезли полностью (религия, понятие о душе и др.)-Наша умственная деятельность одновременно рациональна и иррациональна, пралогические и мистические элементы в ней сосуществуют с логическими. М. Галь-бвакс (1877—1945) на материале памяти, Ш. Блон-дель (1876—1939) применительно к аффективно-волевой сфере утверждали социальный характер всей психики человека. Значение французской социологической школы заключается не столько в развиваемых ею представлениях о типах мышления,— как раз это и подвергается критике,— сколько в выдвижении нового — исторического — подхода к исследованию человеческой психики. Проблема преобразования человеческой психики в ходе исторического развития общества получила последующее развитие как во французской науке (К. Леви-Стросс, А. Валлон, историческая психология И. Мейерсона), так и в других странах.
*

Глава VI

ОПИСАТЕЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В период открытого кризиса о новом подходе к изучению духовного мира человека заявил немецкий философ В. Дцдьтей (1833—1911), основатель «философии жизни». Он выступил с критикой академических философских школ, с притязаниями на новое мировоззрение, основанное на самой жизни, этой единственной реальности, постигаемой посредством творческих инстинктов

и гениальной интуиции. Основной психологический труд «Описательная психология» (1894). Деятельность В. Дильтея протекала в ситуации острых дискуссий о методологии исторического и гуманитарного знания (наук о духе) *. Согласно Дильтею, все науки о духе должны базироваться на психологии.

[3] По отношению к онтогенезу подобный подход- развивал Ж. Пиаже в ранний период своего творчества. По Пиаже, ребенок развивается как биологическое существо, непроницаемое для опыта, нечувствительное к противоречиям; лишь на определенном этапе к биологическим факторам присоединяются социальные и способствуют выработке логических норм его мышления.

[1] См. Введение настоящего издания.

Он исходил из положения о том, что все ссистемы культуры — хозяйство, право, религия, искусство и наука и внешняя организация общества в союзе семьи, общины, церкви, государства возникли из живой связи человеческой души... и не могут в конце концов быть поняты иначе, как из того же источника. Психические факторы образуют их важнейшую составную часть, и потому они не могут быть рассматриваемы без психического анализа»[2]. Вследствие психологизации трактовки общества и наук о духе оказалось, что «развитие отдельных наук о духе связано с разработкой психологии»[3]. Утверждалось, что «психология будет основанием наук о духе, подобно тому как математика — основа естествознания» [4].

Однако существующая психология была подвергнута Дильтеем сокрушительной критике, ибо до сих пор она развивалась из «неправомерного распространения естественнонаучных понятий на область душевной жизни»[5], так как естествознание рассматривалось как единственно подлинная форма научного знания. Естественнонаучная ориентация психологии, особенно в период ее становления как самостоятельной науки, получает у Дильтея отрицательную оценку. «... В кровеносной системе познающих субъектов, которых конструируют Локк, Юм и Кант, течет не настоящая кровь, но разбавленный сок разума как чистой мыслительной деятельности» [6]. Критике подвергались принципы этой психологии, которую Дильтей называет объяснительной, ее гипотезы, представления об элементах — атомах и их ассоциациях и др., которые не доказуемы. Ее предметом не являлась полнота человеческой природы — объяснительная психология не может объяснить подлинную жизнь души потому, что занимается незначительными феноменами и трактует их неправильно. Эти ошибки проистекают из непонимания специфики психологии как одной из наук о духе, по сравнению с естественными науками по предмету и по методу. Естественные науки имеют дело с фактами, которые даются извне, при' посредстве чувств как единичные феномены. Связь между ними устанавливается путем дополняющих заключений. В психологии факты выступают изнутри

[2] Хрестоматия по истории психологии/Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М,, 1980. С. 261.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 276. [Б] Там же. С. 277.

• *Noht H.* Wilhelm Diltey (1833—1911)/Die Grofien Deutschen. Deutsche Biographien. Bd. IV. Berlin, 1957.

как некоторая живая связь душевной жизни, как нечто , первично данное. Связные комплексы первоначальны и даны в переживании, они представляют неразложимую цельность.

По методу эти науки также отличны друг от друга. Естественные науки пользуются объяснением, привлечением гипотез, экспериментом. Природу мы объясняем. Психология имеет дело с сознанием, которое нужно описать. Необходимо отказаться от объяснения в этом естественнонаучном смысле, в смысле поиска причин. Душевную жизнь мы постигаем, т. е. уясняем ее" смысл. Эксперимент в психологии возможен, но только в пограничных областях душевной жизни, в центральных же — нет.

Противопоставление понимания (Verstehen) и объяснения (Erklahrung) —центральный методологический принцип описательной психологии. Это противопоставление явилось формой критики натурализации в психологическом исследовании, которая свойственна естественнонаучно ориентированной психологии. Понимание как метод понимающей психологии принципиально отлично от интроспекции. Интроспекция ограничивает познающего содержанием его сознания, закрывая выход в сферу объективного. Понимание не тождественно иррациональному познанию в понятиях: описательная психология обязана выяснить возможность того, чтобы переживания были возведены в понятия. «Что такое человек, можно узнать не путем размышления над самим

собой и даже не посредством экспериментов, а только лишь из истории»[7]. Понять — это значит оценить субъективные переживания как осмысленные, включить субъективные переживания в более широкие смысловые связи, которые определяют их. Эти связи находятся вне субъекта, в духовной культуре, воплощенной в искусстве, религии, морали, праве. В противоположность абстрактной схематичной объяснительной психологи» описательная психология (или расчленяющая) есть подлинная психология. Ее предметом являются развитой человек и полнота готовой душевной жизни. Она должна быть описана, понята и анализирована во всей ее цельности. Каждое состояние сознания одновременно включает в себя интеллектуальную часть (его содер-

[7] Хрестоматия по истории... С. 272.

жание), побуждение и чувство (нравится — не нравится), волевой компонент как намерение, которым направляется всякий мыслительный процесс. Побуждения и чувство занимают центральную часть в структуре душевной жизни. Они объединяют всю нашу душевную жизнь в единую связь таким образом, что именно они направляют духовную активность на некоторые предметы среды, которым придают чувство удовольствия и удовлетворения побуждений: таким образом, находящееся вне нашей душевной жизни, с чем соединяются чувства удовлетворения, становится ценным. Таким образом, жизненная ценность не есть нечто объективное — это то, чем мы пользуемся для достижения чувства удовольствия и удовлетворения. Мы постигаем ценность жизненных отношений, взглядов и идей, деятельности, выбирая из этого то, что нам полезно, и создаем новые ценности в процессе жизни Постижение ценностей и созидание новых ценностей составляет сущность душевной жизни и психического развития.

Развитие душевной жизни происходит в условиях развития тела и зависит от связи с окружающим миром— физической и духовной средой. Движущей силой развития являются чувства и побуждения. Развитие складывается из отдельных жизненных состояний, из которых каждое стремится добыть и задержать свою жизненную ценность. Каждый возраст характеризуется направленностью на свои ценности. В детстве игра является необходимым проявлением жизни. В юношеском возрасте складываются идеалы жизни, границы которых не испытаны. В зрелости происходит сознание действительных ценностей. В старости человеку открываются особо значительные ценности. Произведения, созданные в старости, отличаются особой возвышенностью. Та жизнь была бы совершеннейшей, в которой всякий ее момент был бы исполнен чувства своей самодовлеющей ценности. Развитие состоит в переходе от элементарных к более высоким ценностям, ибо «с поступательным течением жизни развивается все более расчлененный склад душевной жизни, которому доступны все высшие соединения»[8]. Мысли В. Дильтея о том, что всякий период жизни обладает самостоятельной ценностью, созвучны современным представлениям о

[8] Хрестоматия по истории... С. 284.

качественном своеобразии и непреходящей ценности отдельных периодов детства, уникальных возможностей, создаваемых ими для формирования соответствующих психических процессов и качеств[9].

Позиции В. Дильтея получили развитие в духовно-научной психологии Э. Шпрангера (1882—1963). Ее задачей является исследование отношения индивидуальной духовной структуры субъекта к структуре объективного духа (предмет общей психологии как науки о духе) и выявление типов (форм) смысловой направленности, получивших название «форм жизни» (предмет дифференциальной психологии как науки о духе). Основное понятие психологии Шпрангера — формы жизни [10].

От общего утверждения В. Дильтея о соотношении структуры душевной жизни с культурой и о ценности как определяемой эмоциональным отношением субъекта Шпрангер переходит к классификации ценностей и производит ее по более объективному, чем эмоциональное отношение, как это было у В. Дильтея, основанию. Ценности — это объективные образования, независимые от субъекта, противостоящие ему и оказывающие на него воздействие. Это весь мир — природа, наука, искусство и т. п. Э. Шпрангер выделяет шесть типов объективных ценностей: теоретические (область науки, проблема истинности); экономические (материальные блага, полезность); эстетические (стремление к оформлению, выражению своих впечатлений, к самовыражению); социальные (общественная деятельность, обращенность к чужой жизни, чувство себя в другом); политические (власть как ценность); религиозные (смысл жизни). В каждой

индивидуальности представлены все шесть типов ценностей, но в особом направлении и с разной силой; руководящие, определяющие жизнь образуют психическую структуру личности. На основании преобладания той или иной ценности различаются шесть типичных основных форм индивидуальности, называемых Шпрангером формами жизни потому, что они до некоторой степени определяют форму, в которой протекает

[9] См.: *Запорожец* Л. В. Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1986.

[10] Оно дало название его главному труду «Формы жизни» (Lebensformen. Geistwissenschaftliche Psychologic Halle/Saale, 1914).

жизнь индивида. Теоретический человек (все его стремления направлены к познанию); эстетический (стремится постигнуть единичный случай, исчерпать его без остатка со всеми его индивидуальными особенностями); экономический (эффект полезности как смысл всей деятельности, всей жизни); социальный (смысл жизни в общении, в любви, в жизни для других); политический (стремление к власти и чести, господству и влиянию); религиозный (относит всякое единичное явление к общему смыслу жизни и мира). Поскольку в жизни нет чистых типов, каждый отдельный конкретный случай нужно уметь привести к одному из этих типов. Исходя из этих психологических представлений, Шпрангер делал педагогические выводы. Всеобщее образование не должно быть одинаковым для всех. Педагог должен интуитивно угадать еще не сформировавшуюся и не осознанную ребенком психическую структуру и готовить его к наиболее целесообразному и доступному для него пути жизни.

Понимающая психология открыто противопоставляет себя естественным наукам и носит умозрительный характер. Положительно оценивая критику этого направления в адрес эмпирической психологии, ее вывод о невозможности естественнонаучного объяснения в психологии звучит возвращением к старой идеалистической психологии как науке о душе. Сделанная в этом направлении попытка соотнести структуру отдельной личности с духовными ценностями и формами культуры» созданными исторически, в силу идеалистического их понимания представляла развитие высших психических функций идеалистически, как чисто духовный процесс. «При таком понимании истории и культуры и при таком понимании психологии сказать, что психологию следует изучать исторически, это значит, в сущности, что духовное следует сближать с духовным ... понимающая психология далека от адекватной разработки проблем культурного развития»[11].

[11] *Выготский Л.* С. Развитие высших психических функций. М.» 1960. С. 35.

Раздел седьмой

СТАНОВЛЕНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Советская психология открыла новый этап в истории мировой психологической науки: ее целью становится создание диалектико-материалистиче-ской психологической теории [1].

Постановка этой задачи диктовалась как ситуацией в стране после Великой Октябрьской социалистической революции, так и теми трудностями, с которыми отечественная психологическая наука вступила в XX в. Новое общество созидалось в обстановке политических дискуссий, развернувшихся в 20-х гг., по коренным вопросам. В начавшемся социалистическом культурном строительстве обнажился вопрос об отношении к культуре прошлого и освоении наследия, а также к мировой культуре и науке народов нашей страны. Ленин ставил перед пролетарским государством задачу продолжить культурные, традиции. «Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех законов знания, которое человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»[2].

Однако осуществление марксистско-ленинских принципов развития культуры в социалистическом обществе в 20-х гг. сопровождалось появлением различных ошибочных течений — левачества, авангардизма и др., в которых провозглашался отход от традиций. «Национальный нигилизм» демагогически спекулировал на лозунге интернационализма и на деле означал отречение от национального своеобразия; как его проявление — Пролеткульт, пытавшийся создать стерильно чистые образцы «пролетарской науки» и «про-

[1] Наряду с этим осуществляются исследования, ориентированные на материализм естественнонаучного типа.

[2] *Ленин* B_t *И.* Поли. собр. соч. Т. 41. С. 304—305.

летарского искусства», отрицая преемственность культурно-исторического процесса.

Новые задачи встали в этот период перед психологией. Они были связаны прежде всего с практическими вопросами, с вопросами участия психологической науки в социалистическом строительстве, и прежде всего — в рационализации производства. В статье «Очередные задачи Советской власти» В. И. Ленин призывал «использовать все научные приемы работ, которые выдвигает система Тейлора», ибо «без нее повысить производительность труда нельзя, а без этого мы не введем социализма»[3]. При этом Ленин указывал, что тейлоризм за рубежом «представляет из себя последнее слово самой бесшабашной капиталистической эксплуатации»[4]. Введение системы Тейлора в России должно «соединить эту систему с сокращением рабочего времени, с использованием новых приемов производства и организации труда без всякого вреда для рабочей силы трудящегося населения»[5]. Здесь же Ленин отмечал, что «переход к такой системе потребует очень много новых навыков и новых организационных учреждений»[6]. По прямому указанию Ленина в 1921 г. был создан Центральный институт труда (ЦИТ). Были созданы институты труда и многочисленные психотехнические и психофизиологические лаборатории в различных ведомствах и на отдельных промышленных предприятиях, на транспорте и в армии. Психотехническая лаборатория была создана в Институте экспериментальной психологии Московского университета. К 1923 г. в стране насчитывалось свыше 13 научных институтов, занятых изучением проблем труда и производства, в Петрограде, Москве, Казани, Харькове. В рамках психотехники (а также реактологии и рефлексологии) с целью рационального использования трудовых ресурсов исследовались проблемы: профотбора, профподбора, профконсульта-ции, утомления и повышения работоспособности человека, борьбы с промышленным травматизмом и аварийностью с точки зрения «личного фактора», психологической рационализации профессионального образования.

[3] *Ленин* 5. Я. Поли. собр. соч. Т. 37. С. 212. *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 36. С. 140.

[5] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 36. С. 141.

[6] *Ленин В. И.* Поли. собр. соч. Т. 36. С. 141.

Изучались закономерности процесса формирования навыков (С. Г. Геллерштейн), создавались тренажеры. Разрабатывалась воздейственная психотехника. Вставали новые задачи в области изучения профессий и процесса обучения им, учета психологических критериев при создании машин. Объектом исследования была рационализация рабочего места, трудовой деятельности и условий труда. Разрабатывалась проблема обеспечения полноты проявления способностей, ставилась задача обогащения профессии творчески поднимающими и захватывающими трудящегося гранями, исследовалось-ударничество, соцсоревнование. Создавались новые методы изучения трудовых движений (А. К. Гастев,, Н. А. Бернштейн, К. Х. Кекчеев и др.)-

Другой областью социальной практики, также требовавшей участия психологов, было строительство новой школы. В практике школы сильно сказывались левацкие извращения, возникла теория «отмирания школы»,. «снижения роли учителя». Учеба сводилась к выполнению конкретных дел (проектов); выбрасывая за борг школы программу, систематическое овладение знаниями, школьные классы заменялись текучими бригадами. Задача состояла в том, чтобы преодолеть отрыв школы от жизни, от труда. В связи с этим в психологии встали проблемы, связанные с рационализацией педагогического процесса. Теоретическую основу этой работы составила целостная наука о развитии — педология, которая получила значительное распространение в 20-х гг. Это направление имело свой журнал[7]. По всей стране развернулась работа по созданию сети педологических учреждений; в существовавших институтах открывались педологические лаборатории и секции. Была создана широкая сеть низовых педологических ячеек и провинциальных учреждений, на первом плане в работе которых стояли тестовые обследования по определению успешности, умственного возраста и профотбору. По мере развития педологии вставали вопросы об отношении педологии к психологии, психотехнике, педагогике. Наметилась «тотализаторская» тенденция, в соответствий с которой педология стала претендовать на роль «мета-психологии», некоей общей науки, составляющей осно-

[7] Ж- «Педология», отв. ред. А. Б. Залкинд, издавался в 1928 — 1932 гг.

ву для других наук о развивающемся ребенке. В области теории педологию отличала эклектичность и механистическая связь с другими науками, изучающими ребенка. В педологии не было теории, адекватной предмету исследования — развивающемуся ребенку. В практической сфере педология ставила перед собой цель «представить синтез материалов о ребенке и о детском коллективе, которые были бы использованы для нужд социалистического воспитания в

применении к основным целям коммунистической педагогики»[8]. Именно в области применения педологии к педагогической практике были допущены серьезные ошибки, выразившиеся в необоснованных оценках педагогически запущенных детей как дефективных и отправленных на этом основании в специальные школы. Это явление стало массовым, так что появилось большое число специальных школ. Для этих школ не было создано специальной программы обучения: существовавшие программы принципиально «е отличались от общей школы, они были лишь менее интенсивными и более растянутыми во времени. Серьезные недостатки педологии были предметом Постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» от 4 июля 1936 г., которое упразднило педологию. Разработка многих важнейших проблем, связанных с изучением развития ребенка, приостановилась.

В области теории встал вопрос о перестройке науки, в том числе и психологии на базе марксистской философии.

При этом ситуация в марксистской философии была сложной. Продолжалось освоение трудов Маркса, Энгельса, Ленина. Первое собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса начало издаваться в России в 1918 г., а собрание сочинений В. И. Ленина — в 1920 г. Многие неизвестные ранее труды Маркса, Энгельса, Ленина только начинали публиковаться. В 1920 г. вышло второе издание книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». Фактически это было первое массовое издание главного философского труда Ленина (из первого тиража, вышедшего в 1909 г., лишь несколько сотен экземпляров попало в книжные магазины, остальные были конфискованы). В 1924 г. были опубликованы «Тезисы о Фейербахе» К. Маркса. В 1925 г. — «Диалектика природы» Ф. Энгельса и фрагмент «К вопросу о диалектике» В. И. Ленина. В 1924—1929 гг. в философии развернулись широкие дискус-

[8] *Турбина М. А.* К вопросу о развитии педологии/Педология. 1932. № 4. С. 7.

сии по проблемам исторического и диалектического материализма. Выделились два основных враждующих течения: 1) группа, называемая «меньшевиствующими идеалистами» (А.М. Деборин, Н. А. Карев, И. К- Луппол и др.), и 2) механицисты (Л. Аксельрод, В. Н. Сарабьянов, И. Н. Скворцов-Степанов и др.). Путь к механицизму прокладывали' получившие среди ученых распространение в 20-х гг. философский нигилизм и философское ликвидаторство (Э. Енчмен, С. К. Минин и др.). В результате дискуссий 20-х гг. механистическая методология была подвергнута критике. Позже, в начале 30-х гг., развернулась критика ошибок Деборина, нередко она приобретала политический характер. В итоге было определено главное направление в развитии философской науки в СССР как изучение, разработка и пропаганда философских идей ленинизма в тесной связи с практикой строительства социализма. Именно внутри марксистской философии возникают талмудизм, начетничество, породившие тот застой в области философской мысли, который имел так много выражений, в частности нападки на науку, труды выдающихся естествоиспытателей В. И. Вернадского, Н. И. Вавилова и др. По мнению Вернадского, в 30-е гг. в стране наблюдался застой, упадок философской мысли[9].

Перестройка психологии на основах марксизма не означала отказа от предшествующих этапов. Осознавалась глубокая преемственная связь советской психологии и предшествующего этапа развития отечественной науки, и всей мировой науки в целом.

Борьба за марксистско-ленинскую теорию в психологии велась на два фронта: против механистического материализма, который был главной опасностью на настоящем этапе, а также против идеализма и различных эклектических попыток. Для советской психологии периода ее становления было характерно внимательное отношение к достижениям всей мировой психологической науки. Настроения советских психологов тех лет хорошо выражает одно из выступлений Б. Г. Ананьева, в котором он, в частности, говорил: «Культурное наследие буржуазии и всей истории классового общества создает богатейший материал, который не только не может быть отброшен, но который всемерно должен быть использован, развит, конкретизирован»'[10]. В 20-е гг. в нашей стране оперативно издавались труды зарубежных психологов: 3. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, В. Кёлера, К. Коффки, Э. Торндайка, Ж. Пиаже, Э. Кречмера

[9] Творчество В. И. Вернадского и философия//Философские науки. 1988. № 4.

[10] *Ананьев Б. Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии/ДТсихология. 1931. Т. IV. Вып. 3—4. С. 325. .

"

■

и др. Переводы снабжались вступительными статьями,, в которых давалась обстоятельная характеристика работ. В научных журналах давалась информация о новой зарубежной литературе. Устанавливались личные контакты советских психологов с зарубежными учеными. По заказу БСЭ Дж. Уотсон написал для ее 1-го издания статью «Бихевиоризм».
Росту авторитета советской психологии способствовало участие советских ученых в международных психологических конгрессах и конференциях.
На раннем этапе своего развития советская психология пережила период некритического увлечения зарубежными концепциями, особенно бихевиоризмом,. гештальтпсихологией[и], фрейдизмом. Особый интерес вызвал фрейдизм. Даже В. И. Ленину в 1920 г. пришлось откликнуться на это увлечение Фрейдом, как вспоминает К- Цеткин. В России существовали «Русское психоаналитическое общество» (Вульф, Ермаков) и многочисленные психоаналитические кружки в Москве, Казани и других городах, костяк которых составляли врачи-психоаналитики. Интерес к Фрейду проявляли психологи (А. Р. Лурия и др.), философы (Б. Э. Быхов-ский и др.)- К сожалению, последовавшая затем критика фрейдизма отвергла и всю проблематику бессознательного. Особо следует отметить отношение к зарубежным исследованиям по психотехнике и тестологии. Две-опасности обнаружились с самого начала: недооценка теории (И. Н. Шпильрейн сравнивал метод с винтовкой,. которая будет служить тому, в чьих руках она находится) и некритическое использование зарубежных методик.
Развернувшаяся критика тестовых методик привела к свертыванию в середине 30-х гг. работ по психотехнике, психологии труда, по психодиагностике и тем самым намного приостановила развитие всей проблематики психологии труда.
С развитием советской психологии, прежде всего с укреплением ее методологических основ, стала возможной та глубокая работа по анализу зарубежных концепций, которая была проделана Л. С. Выготским, прежде всего в его «Историческом смысле психолога-ческого кризиса», С. Л. Рубинштейном в «Основах пси-
И См.: *Артемов В. А.* Современная немецкая психология//Пси-хология. 1928. Т. 1. Вып. II. С. 56.

хологии» (1935). Однако в неблагоприятной общественно-политической и идеологической ситуации тех лет такой анализ расценивался как политическое отступление от марксистской линии в психологии.
Такова общая ситуация, в которой началась перестройка советской психологии на основах марксизма. Она проходила в очень острой идейной борьбе, прежде :всего в Институте психологии, которым руководил Г. И. Челпанов. Особую остроту она приобрела на I и И съездах по психоневрологии (1923 и 1924 гг. соответственно). Итогом этого периода был выбор марксизма в качестве методологии психологической науки и рождение новой советской психологии, хотя конкретная научная работа психологии на этой основе только начиналась. Это хорошо осознавали сами участники этой работы, отмечая ограниченное значение сделанного. Так, С. F. Геллерштейн в 1933 г. писал: «Работа наша над Марксом почти не начата, и мы не сумели еще полностью оценить непосредственное значение множества разбросанных в сочинениях Маркса положений, прямо или косвенно касающихся вопросов нашей специальности»[12]. Многими отмечалась формальность в использовании категорий — «марксистская фразеология» вместо подлинного усвоения марксизма. Л. С. Выготский отмечал «особенную трудность приложения марксизма к новым областям: нынешнее конкретное состояние этой теории; огромная ответственность в употреблении этого термина; политическая и идеологическая спекуляция на нем — все не позволяет хорошему вкусу сказать сейчас: •«марксистская психология»'[13].
Характерной была разобщенность разных школ. Особенно изолированное положение занимала грузинская школа. Эта разобщенность расценивалась как препятствие к консолидации марксистски ориентированных психологов против буржуазных влияний на психологию, против всех и всяческих попыток механоматериалистической и идеалистической ревизии марксистско-ленинской теории и психологии. Как на пример такой разобщенности Ананьев указал на тот факт, что в Ленинграде неизвестно о реактологической дискуссии, которая прошла в Москве и явилась
[12] *Геллерштейн С. Г.* О психологии труда в работах К. Маркса// //Сов. психотехника. 1933. Т. VI. № 1. С. 3.
» *Выготский Л. С.* Собр. соч.: В 6 т. Т. I. М., 1982. С. 433.
■!•

важным моментом борьбы за марксистское перевооружение психологии.
Важнейшими вехами на начальном этапе методологической перестройки психологии явились программные выступления П. П. Блонского[14], К. Н. Корнилова[15], Л. С. Выготского[16], М. Я. Басова[17], С. Л. Рубинштейна[18], С. Г. Геллерштейна[19]. В них выдвигались принципы методологической перестройки психологии. Начиная с 1923 г. в журнале «Под знаменем марксизма», в других теоретических журналах («Спутник коммуниста», «Большевик», «Вестник коммунистической академии») печатаются статьи, посвященные марксистскому обоснованию основных проблем психологии. С 1928 г. стал выходить журнал «Психология, педология и психотехника» (в трех сериях: Серия А. Психология; Серия Б. Педология; Серия В. Психофизиология труда и психотехника), отв. ред. А. Б. Залкинд, К. Н. Корнилов, И. Н. Шпильрейн. В статье «От редакции», которой открывался первый номер журнала, подводились некоторые итоги борьбы за марксизм в психологии, а координация сил марксистской психологии всего Союза выдвигалась в качестве задачи журнала. В ходе освоения марксизма происходила перестройка методологических основ психологии, складывались категории, методологические принципы и методы советской психологии — принцип единства сознания и деятельности, общественно-исторической обусловленности человеческого сознания и др. ,
Осуществление этой грандиозной работы, однако, происходило с большими издержками и ошибками, ис-

. [14] *Блонский П. П.* Реформа науки. М., 1920; Очерк научной психологии. М., 1921. Здесь выдвинуто общее требование соединить психологию с марксизмом.
[15] Современная психология и марксизм. Доклад на Первом Всероссийском съезде по психоневрологии; Диалектический метод в психологии. Доклад на II Всероссийском съезде по психоневрологии. Именно доклад 1923 г. считается началом строительства советской психологии на основах марксизма как преодоление идеализма и механицизма в психологии.
[1в] Сознание как проблема психологии поведения. Психология и марксизм/Под ред. К. Н. Корнилова. Л., 1925.
[17] Общие основы педологии. М., 1931.
[18] Проблемы психологии в трудах Карла Маркса//Сов. психотехника. 1934. Т. VII. № I.
[19] *Геллерштейн С. Г.* О психологии труда в работах К. Маркса// //Сов. психотехника. 1933. Т, VI. № 1.

точником которых было идеологическое давление, оказываемое на науку сверху. Наметился и в дальнейшем усилился процесс противопоставления советских исследований мировым. Утверждалось положение о принципиальных отличиях советской науки от буржуазной в отношении предмета, методов, в ее проблемах и даже конкретных методиках[20]. Признавая и сегодня особенности и специфику развития науки в каждой стране, советские психологи активно преодолевают всяческие тенденции на изоляцию и конфронтацию по отношению к мировой психологической мысли как связанные с общей идеологией эпохи и другими сторонами жизни и практики советского общества 20—30-х гг.
Общим итогом раннего этапа, развития советской психологии было рождение новой — советской — психологии, которую Л. С. Выготский отождествлял с научной. Начавшаяся в эти годы работа продолжается и сейчас, а вопросы, которые встали в то время, некоторые ошибки и упущения, имевшие место в советской психологии в тот период, не преодолены и поныне, в частности формализм в использовании трудов К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, разобщенность научных школ и др. В 20-е годы были сильны поведенческие концепции, которые в целом не выходили за рамки естественнонаучного материализма и механистического направления в диалектическом материализме. В категориях поведения определяли предмет психологии П. П. Блонский и М. Я. Басов. М Я. Басов (1892—1931), ученик и последователь А. Ф. Лазурского, боролся за построение психологии на основах диалектического материализма, против идеализма Челпанова и механистического материализма Бехтерева, против биологизации психики человека. Расценивая ситуацию в психологии как кризисную, Басов указал на субъективизм и идеализм в трактовке психики как источник кризиса. Путем выхода психологии из кризиса, по Басову, может быть объективное познание, в котором теория.должна быть неразрывно связана с практикой: «...истинной лабораторией для изучения ребенка должна быть школа, детский сад или детский дом, а основным работником в этой области должен быть педагог. Через педагогическую практику и в непосредственном

[20] См.: Психология./Под ред. В. М. Боровского и др. 1931. Т. IV. Вып. 3—4. С. 326.
309
контакте с нею должны ставиться и разрешаться теоретические проблемы, касающиеся детства»[21]. Подвергнув критическому анализу существовавшие представления о предмете психологии и указав на их ограниченность в понимании объяснительных принципов в трактовке психического, М. Я. Басов делает вывод о том, что предметом психологии является поведение, а методом — наблюдение[22]. «Активность, выявляющаяся во взаимоотношениях человека со средой, процесс его поведения... составляет истинный объект психологического изучения»[23]. Единицей структуры поведения является акт, который представляет собой синтез стимула и реакции как своих «необходимых элементов и составных частей»[24]. Поведение состоит из системы актов и развивается из изолированных действий, когда активность организма еще не имеет в себе внутренней целостности и связности, ко все более внутренней целостности и связности, ко все более внутренней связи между отдельными звеньями цепи поведения. Ступени в развитии структуры поведения описываются в терминах старой психологии: низшие структуры поведения называются ассоциативно-детерминируемыми процессами, высшие — апперцептивно-детер-минируемыми. Тщательно анализировалась проблема роли среды в развитии личности и поведения. По Басову, человек «в каждом своем проявлении отражает всю среду и всю многовековую культуру»[25]. При этом стимул шире, чем непосредственная стимуляция, и включает прошлый опыт; он не сводится к физическим явлениям: «атмосфера социальности почти всегда насквозь проникает в действия ребенка, определяемые непосредственно теми или другими вещами»[26]. Психологическое исследование должно понять изучаемый организм — животного или человека — «как деятеля в окружающей среде, т. е. как он живет, какую активность обнаруживает в борьбе за свое существование, как применяется эта активность при том или ином изменении условий среды и пр. ... Различного-рода деятельность организма в ок-
■
[21] *Басов М.* Я. Избранные психологические произведения. М.»
1975. С. 79.
[22] Там же. С. 53.
[23] Там же. С. 55. [14] Там же. С. 56. [25] Там же. С. 60. [2в] Там же. С. 66.
310
ружающей среде, с помощью которой он устанавливает и выявляет свои взаимоотношения с нею, встает перед нами как предмет особого значения...:*[27].
Басов подвергает специальному анализу вопрос о специфике человека и в связи с этим останавливается на проблеме сознания. Качество сознательности рассматривается как важнейшая особенность человеческой активности, без которой она лишена всякого смысла и значения. Без сознания невозможна цель. Сознание делает подотчетными все формы внутренней активности. Критерием осознанности является возможность выражения соответствующего содержания в языке. В целях анализа человека как деятеля Басов обращается к специфически человеческой деятельности — труду в разнообразии всех его профессиональных различий. Деятельность, по Басову, опосредуется «наукой», т. е. всем накопленным историческим знанием о деятельности. Главным предметом исследования Басова было развитие личности ребенка, детская психология. Вообще проблема развития рассматривается Басовым как проблема первоочередной важности в психологии. «Проблема развития вместе с ... проблемами предмета и методологической составляет основание психологии»[28]. Красной нитью через все труды Басова проходит борьба с био-логизацией в психологии. Так, применительно к проблеме возраста критикуется подход, в соответствии с которым возраст рассматривается как обусловленный биологическим развитием. Необходимо выявить специфические для психологического развития закономерности, и именно это составляет задачу психологического исследования. По отношению к этому предмету Басов разработал метод наблюдения, который считал наиболее адекватным приемом психологического исследования: «...внешнее наблюдение есть единственный метод, который может быть применен ко всем формам развития психических функций»[29]. Наблюдение в естественных условиях Басов понимал широко: оно не исключало в качестве своих компонентов и эксперимента и самонаблюдения. В разработанной Басовым методике наблюдения придавалось большое значение культуре наблюде-
[27] *Басов М.* Я. Избранные... С. 236.
[28] Там же. С. 246. Там же. С. 56.
311

ния. Его итогом является характеристика ребенка, основанная на материале, «охватывающем все формы активности ребенка во всех видах его деятельности, или, наоборот относящемся к отдельным ее сторонам»[30]. Характеристика нацелена на понимание личности ребенка и имеет важное значение для педагогической практики.

Попытка Басова ввести в психологию понятие деятельности в связи с задачей перестройки предмета психологии получила дальнейшее развитие в советской психологии в последующем в трудах С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева и др.

С идеями поведенческой психологии выступил в 20-х гг. П. П. Блонский (1884—1941), психолог, видный деятель народного образования, впоследствии автор крупных работ по психологии памяти и мышления и их развитии в детском возрасте[31]. Труды Блонского отличает высокая философская культура. В ранний период творчества он выступил с рядом больших философских исследований[32]. Через все произведения Блонского проходит мысль о значимости философии Маркса, Энгельса, Ленина для психологии.

В 1920 г. в работе «Реформа науки», целью которой было искоренить «атавизмы мышления» в науке, в частности в психологии, он писал, что научная психология есть наука о поведении[33]. В другой работе, написанной годом позже, он подчеркивал: «Мы должны создать психологию без души, мы должны создать ее без «явлений» или «способностей» души и без сознания»[34]. Критикуя интроспективную психологию за то, что она «начала свою работу с последних глав», т. е. с самого трудного, Блонский считает, что психология должна «систематически, добросовестно и внимательно следить за действиями наблюдаемого субъекта и теми особенностями окружающей обстановки и происходящих внутри субъекта процессов, которыми эти действия обусловливаются»[35].

[30] *Басов М. Я.* Избранные....С. 163. •

[31] *Блонский П. П.* Развитие мышления ребенка. М., 1935; Память и мышление. М., 1935.

[32] *Блонский П. П.* Философия Плотина. М., 1918; Современная философия. Ч. 1—2. М., 1918—1922.

[33] *Блонский П. П.* Реформа науки. М., 1920.

[84] *Блонский П. П.* Очерк научной псих<?логии//Избранные психологические произведения. М., 1964. С. 41.

[35] Там же. С. 45. ■ . *.

Фиксируются движения (лица, конечностей, словесные реакции, движения внутренних органов, кровеносных сосудов, дыхания и т. п.), социальное положение субъекта. «Мышление не представляет собой чего-либо особенного. Оно — одна из разновидностей рефлексов... и состоит из особенно энергичных внутренних движений— мускульно-сочленовых и речевых»[36]. В трактовке мышления Блонский сочувственно приводит слова «американского психолога», не называя его имени, но в котором легко узнается Уотсон: «Мы думаем мускулами». В другом месте Блонский говорит об изучении рефлексов, полагая, что в будущем возможно установить однозначную связь между мозговой рефлекторной деятельностью и движениями. Идеи Блонского о поведении отличаются механицизмом и близки бихевиоризму Уотсо-на. В последующий период своей деятельности Блонский отошел от этих поведенческих идей.

В разработке поведенческого направления в советской психологии в 20-х гг. большое место принадлежит рефлексологии Бехтерева и реактологии Корнилова. Поскольку основные положения рефлексологии изложены ранее, остановимся на реактологии Корнилова.

К. Н. Корнилов (1879—1957) в борьбе против Челпа-нова и рефлексологии, опираясь на диалектический материализм, выступил в 1921 г. с программой новой науки— реактологии. Ее задачей было исследование поведения как совокупности реакций человека на биосоциальные раздражители. Реакция есть акт биологического порядка как выявление функций организма во всей их совокупности, где есть и физиологическая сторона, и ее интроспективное выражение. Это единица поведения человека. (Реакция понималась чрезвычайно широко как любое жизненное проявление, начиная от реакции простейших. Такое понимание реакции стирало различия между простейшими и более сложными формами поведения животных, и тем более человека.) В структуре реакции выделялись три компонента: сенсорный — раздражение органа, центральный — процесс в центральной нервной системе, моторный — двигательный импульс. Сенсорный и моторный компоненты могут быть в скрытой форме. Единством всех трех моментов объясняется то, что каждое восприятие и представление содержит *в.*

[36] *Блонский* Я. *П.* Очерк научной... С. 117—118.

313
себе моторный момент и потому переходит в непроизвольное движение; также объясняется и вся психика, В реакции выделялись три момента: временной — как показатель быстроты реакции (время реакции); динамический— интенсивности или силы реакции; моторный— формы движения; выражается в величине пройденного пути, в скорости движения. Соответственно использовались три метода ее изучения: хронометрический (психометрический), динамометрический и моторно-гра-фический. Динамометрический метод был разработан Корниловым. Им же был сконструирован специальный прибор — динамоскоп.
Все многообразие реакций составляло так называемую гамму реакций человека: натуральная, мускульная, сенсорная, различения, выбора, узнавания, ассоциативные реакции. Жизнь рассматривалась как совокупность реакций, а каждая реакция — как взаимосвязь организма со средой. Реакция есть не что иное, как трансформация энергии и постоянное нарушение энергетического равновесия между индивидом и окружающей средой. Уже в неорганическом мире мы видим зарождение активности в форме движения: в органическом мире разряды энергии наряду с движением влекут за собой и то, что мы называем одушевленностью, психикой, жизнью. Рождение, питание, приспособление, размножение, смерть — то, что мы объединяем понятием жизни, все это в основе энергетические процессы, приобретающие под влиянием особой структуры протоплазмы нервной системы свойства, называемые психическими. То, что субъективно мы воспринимаем как психические процессы, объективно является не чем иным, как особым проявлением все той же физической энергии — нервной.
Был сформулирован принцип однополюсной траты энергии. Распространение траты энергии является «однополюсным»: чем больше энергии идет на умственную работу, тем меньше энергии остается для двигательной реакции. Теоретическое значение полученных результатов аккумулировалось в следующем положении: есть одна энергия — физическая. Ее трата может быть периферической или центральной. На этом основании был сделан вывод об антитезе между интеллектом и волей. Усложнение раздражителя до предела приводит к взрывным реакциям — это аффекты. Вводилось понятие коэффициента работы: это величина, являющаяся продуктом
314
отношения интенсивностей мускульной и сенсорной реакций. Чем больше коэффициент, тем с большим трудом осуществляется переход от одного вида реакции к другому.
Трудовая деятельность рассматривалась как частный вид реакций. Есть гамма трудовых реакций и гамма трудовых профессий. Были сделаны выводы для психотехники— отбора рабочих для той или иной профессии; утверждалось, что переход от умственного труда к физической работе легче, чем от физической работы к умственному труду: создать из интеллигента представителя физического труда легче, чем из рабочего — интеллигентного человека[37]. Подчеркивалось педагогическое значение реактологии.
Принцип однополюсной траты энергии справедливо расценивался как «сконцентрированное выражение механистической теории равновесия в психологии»[38]. В реактологии Корнилову не удалось осуществить задачу перестройки психологии на основах диалектического материализма. Это направление отличали крайний механицизм, натурализм и биологизаторский подход к пониманию поведения человека, его психики. В 1931 г. в Москве в Государственном институте педагогической психологии и педологии (теперь НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР) состоялась дискуссия по реактологической психологии. В итоговом документе («Резолюции») давалась оценка ситуации в психологии, причем эта оценка получила характерную для науки тех лет политическую окраеку. Так, отмечалось, что борьба на научном фронте является отражением классовой борьбы в стране. Ставилась задача разгрома и уничтожения «остатков буржуазно-идеалистических теорий, являющихся прямым отражением сопротивления контрреволюционных элементов страны социалистическому строительству»[39]. Говорилось, что главной опасностью в психологии в данный период являются механистические теории, которые «протаскивались как якобы подлинно диалектико-материалистические». Реактологическая психология оценивалась здесь как антимарксист-

[37] При этом под интеллигентным понимался человек умственного труда.
38 итоги дискуссии по реактологической психологии//Психоло-гня. 1931. Т. IV. Вып. 1. С. 5.
[39] Там же. С. 2.
315
екая эклектическая концепция, имеющая «свои корни в буржуазной философии и социологии», она «некритически и без переработки перенесла к нам чуждые стране строящегося социализма

буржуазные учения, их методы и методики...»[40], была связана с «меньшевиствующим идеализмом деборинской группы» и т. д. В заслугу реактологии ставилась борьба, которую она вела с «реакционно-идеалистической психологией Лопатина, Челпа-нова и т. п., с одной стороны, и сенчмениадством и рефлексологией, с другой». Реактология критиковалась за отрыв теории от практики, что выразилось в ряде «неверных и порой вредных для практики социалистического строительства положений»[41] (имелся в виду прежде всего закон однополюсной траты энергии).
В целом поведенческие направления в советской психологии 20-х гг. в их различных вариантах не справились с задачей, которую они ставили перед собой—. создание марксистско-ленинской психологии.
Задача преодоления механицизма и биологизма в советской психологии постепенно осознавалась как «методологическое— а затем и экспериментально-методическое марксистско-ленинское перевооружение психологии»[42]. Ее решение требовало новых теоретических концепций. Их создание было подготовлено анализом зарубежной психологии, направленным на выявление ее общих основ. Общее основание зарубежной психологии во всем многообразии ее направлений и школ впервые в советской психологии выявил Д. Н. Узнадзе (1886— 1950), создатель в Грузии одного из центров советской психологической науки, основатель грузинской школы в психологии — психологии установки.
Он был одним из основателей Тбилисского университета (1918) и создателем в нем кафедры и отделения психологии, лаборатории экспериментальной психологии. По его инициативе создано Общество психологов в Грузии (1927) — первое психологическое общество в Советском Союзе, и основан Институт психологии в системе Грузинской академии наук (1943). Узнадзе — автор первых университетских учебников и систематических курсов[43]. Вместе с другими психологическими центрами, которые создавались в нашей стране с первых лет Советской власти в Москве, Ленинграде, на

40 Итоги дискуссии... С. 5,
[41] Там же.
**Ананьев Б.* Г. О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии//Психология. 1931. Т. IV. Вып. 3—4. С. 343.

Украине и в других регионах, психологи Грузии под руководством Узнадзе, опираясь на достижения всей предшествующей мировой психологической и философской мысли, создавали психологическую науку на основах марксизма-ленинизма.
В разных концепциях зарубежной психологии — ин-троспекционизме, Вюрцбургской школе, бихевиоризме, психоанализе, персонализме В. Штерна, гештальтпсихо-логии и др. Узнадзе увидел одно общее основание, которое обозначил термином «постулат непосредственности»; называя его «догматической предпосылкой традиционной психологии»[44]. Так, анализируя концепции ас-социанизма, В. Вундта, гештальттеории, Д. Н. Узнадзе раскрывает как общую их особенность объяснение психики как совокупности связанных между собой явлений и отличающихся только точками зрения на понимание механизмов этих связей — соответственно ассоциации, психической причинности, определяющей роли сложных целостных переживаний. Во всех этих теориях сохраняется принцип непосредственности в объяснении психических явлений. Другое направление современной психологии, которое «допускает возможность взаимодействия между явлениями физическими и психическими», также остается на позициях точки зрения непосредственности, так как считает «будто объективная действительность непосредственно и сразу влияет на сознательную психику и в этой непосредственной связи определяет ее деятельность» [45].
Истоки этой «догматической предпосылки» Д. Н. Узнадзе видит в ложной ориентации психологии на естествознание, которое базируется на признании факта непосредственной связи между физическими явлениями. Аналогию с этим принципом Д. Н. Узнадзе усматривает и в «принципе замкнутой каузальности» В. Вундта, которую критикует как ненаучную и непродуктивную попытку, и в объяснениях гештальтпсихологии, в бихевиоризме. Узнадзе раскрывает глубокие последствия, к кдто-рым приводит психологию опора на постулат непосредственности. Это идеализм и механицизм, выразившиеся

[48] Экспериментальная педагогика (1912); Основы экспериментальной психологии (1925); Общая психология (1940); Психология ребенка (1947); и др.
[44] *Узнадзе* Д. *Н.* Психологические исследования. М, 1966. С. 158.
[45] Там же.

в игнорировании субъекта деятельности и личности как конкретной целостности, вследствие чего поведение представляется как «взаимодействие с действительностью отдельных психических и моторных процессов, первичноопределенных непосредственным взаимодействием... моторных или психических процессов и их стимулов илиг раздражителей, и, следовательно, для его понимания, помимо учета этих двух моментов, не требуется ничего другого»[46]. Это обращение к зарубежной психологии *и* ее глубокая критика были вызваны, по-видимому, обстоятельствами научной биографии Узнадзе» на что обратил внимание Р. Т. Сакварелидзе[47].
Этот анализ зарубежной психологии оказался созвучным ее анализам в трудах Л. С. Выготского (прежде всего в его работе «Исторический смысл психологического кризиса»), С. Л. Рубинштейна и разделялся советской психологией в целом. А. Н. Леонтьев неоднократно использовал термин «постулат непосредственности», введенный Узнадзе, и так же, как он, видел задачу психологии в преодолении этого постулата. Критика постулата непосредственности входит важной составной частью в работу по созданию методологических основ собственной психологической концепции Д. Н. Узнадзе. Из нее вытекает задача преодоления данного постулата. Ответом на эту задачу явилась теория установки. Теория установки, по собственной оценке Узнадзе, является попыткой объяснить активность живого организма как целого, его взаимоотношения с действительностью с помощью введения особого внутреннего образования, обозначенного понятием «установка». Установка возникает при наличии одновременно двух условий: потребности, актуально действующей в данный момент, и объективной ситуации удовлетворения этой потребности. Таким образом, в ее формировании учитываются внутренние и внешние факторы.
В настоящее время в исследованиях грузинской школы отмечается наряду с потребностью и ситуацией влияние третьего фактора — психофизиологических условий[48].
[46] *Узнадзе* Д. Я. Психологические... С. 328—329.
[47] См.: Изучение традиций и научных школ в истории советской психологии/Под ред. А. Н. Ждан. М., 1988.
[48] Д. Н. Узнадзе — классик советской психологии/Под ред.
В. Л. Какабадзе и др. Тбилиси, 1986. С. 112—113.
Установка представляет собой первичное целостное недифференцированное состояние, которое предшествует сознательной психической деятельности и лежит в основе поведения. «Отдельные акты поведения, вся психическая деятельность представляют собой явления вторичного происхождения»[49].
Был разработан метод экспериментального исследования установки, изучены виды установок, процесс их •формирования, описаны их свойства. С позиции установки даны характеристики психических процессов, произведена оригинальная классификация форм поведения и деятельности человека, выявлены иерархические уровни психической активности — индивида, субъекта, личности. В отличие от установки в зарубежной психологии, © которой этот феномен выступает в качестве частного психологического образования, Узнадзе придает понятию установки статус общепсихологической категории, ■а теория этого феномена превращается в общепсихологическую теорию установки и распространяется на изучение патопсихологических явлений, находит применение в педагогике, на ее основе разрабатывается система методов психотерапии — сеттерапия. Установка описывалась как то опосредствующее образование между влиянием среды и психическими процессами, которое объясняет поведение человека, его эмоциональные и волевые процессы, т. е. выступает детерминантой любой активности организма. Так, мышление (а также творческая фантазия, труд и др.) возникает в ситуации затруднения актов поведения, вызванных определенной установкой, когда усложнение ситуации вызывает необходимость сделать специальным объектом исследования это затруднение. «Этот специфический акт, обращающий включенный в цепь деятельности человека предмет или явление в специальный самостоятельный объект его наблюдения, можно было назвать актом объективации»[50]. Выделение •объективации приводит Узнадзе к выводу о существовании двух уровней психической жизни — уровня установки, свойственного для всякого живого существа (и лишь в частности для человека), и уровня объективации, который представляет собой «специальное достояние лишь для человека как существа мыслящего, строя-
*[9] *Узнадзе Д. Н.* Психологические... С. 253. Там же. С. 255.
i

щего основы культурной жизни как творца культурных ценностей»[51].

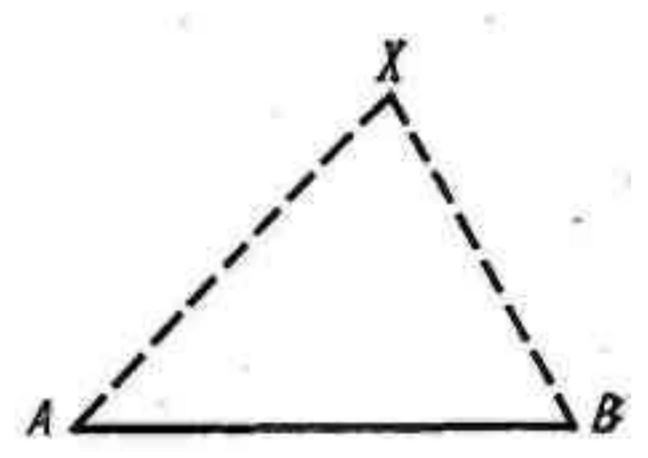
Психология установки остро поставила проблему активного субъекта в психологии в противоположность механицизму и идеализму всей предшествующей психологии. Она включала анализ поведения и деятельности с позиции установки: «...не подлежит сомнению, что для изучения подлинного предмета психологии — психической жизни— понятие (поведение) имеет совершенно исключительное значение...»[52].
Направленность на выявление внутренней детерминации активности составляет сущность и пафос подхода Д. Н. Узнадзе, нацеленного на преодоление постулата непосредственности в психологии. Поскольку установка (и потребность) находятся в «пространстве субъекта» и, следовательно, являются внутренними образованиями, остается неясной роль поведения и деятельности в психологии.
Другое направление исследований по преодолению постулата непосредственности связано с введением в психологию деятельности как центрального образования. Его начало хронологически и идейно восходит к Л. С. Выготскому (1896—1934). Один из основоположников советской психологии, Выготский внес огромный вклад в разработку ее методологических основ; он создал культурно-историческую концепцию в психологии, которая получила дальнейшее развитие в общепсихологической теории деятельности, разработанной А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией, П. Я. Гальпериным, Д. Б. Эль-кониным и др. «Трактовка Л. С. Выготским опосредствованной структуры человеческих психологических процессов и психического как человеческой *деятельности* послужила краеугольным камнем, основой для всей разрабатывавшейся им научно-психологической теории — теории *общественно-исторического* («культурного»— в противоположность «натурному», естественному) развития психики человека»,— писал А. Н. Леонтьев в своем некрологе Л. С. Выготского[53]. Здесь А.Н. Леонтьев назвал как основную идею творчества Л, С. Вы-

[51] *Узнадзе Д. Н.* Психологические... С. 256.

*[2] Там же. С. 328.

[и] *Леонтьев* Л. Я. О Льве Семеновиче Выготском//Леонть-ев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. **Т. 1. С. 19.**

готского положение об общественно-исторической природе человеческой психики, человеческого сознания в противоположность натурализму в его различных формах. Выготский ввел понятие о высших психических, функциях (мышление в понятиях, разумная речь, логическая память, произвольное внимание и т. п.) как специфически человеческой форме психики и разработал учение о развитии высших психических функций. Первым изложением этого учения явилась статья «Проблема культурного развития ребенка»[54]. Все последующие годы вплоть до смерти (1934) связаны с систематической экспериментальной и теоретической разработкой основной идеи. Под руководством Л. С. Выготского из небольшой группы его учеников и соратников (А. Р. Лу-рия, А. Н. Леонтьев, вскоре к ним присоединились А. В. Запорожец, Л. И. Божович, Н. Г. Морозова, Л. С. Славина, Р. Е. Левина) в Институте психологии сложилась школа, превратившаяся в одну из самых больших и влиятельных школ в советской психологии.
Чрезвычайно широк диапазон исследований Выготского: детская психология, общая психология, дефектология, психология искусства, методология и история психологии и др. Все они объединены общим теоретическим подходом и одной проблемой — проблемой генезиса, структуры и функций человеческой психики.
Рис. 18. Связь между *А и В* при натуральном запоминании устанавливается прямо; при мнемотехническом — при помощи вспомогательного элемента *X,* так что вместо связи *А—В* устанавливаются две: *АХ* и *Вл*

Уже в статье 1928 г. содержится идея опосредствования как отличительная особенность высших психических функций: в ней впервые схематично представлена структура высших психических функций (на примере операции памяти; рис. 18),

[54] *Выготский Л. С.* Проблема культурного развития ребенка/Д //Педология; 1928. № 1.

«Включение в какой-либо процесс поведения знака «перестраивает весь строй психологических операций подобно включению орудия в трудовую операцию. Именно •-структура, объединяющая отдельные процессы в состав культурного приема поведения, превращает этот прием в психологическую функцию, выполняющую эту задачу шо отношению к поведению в целом»[55],— писал Л. С. Выготский в этой статье.

Вопрос о генезисе высших психических функций был главным в теории Выготского. Выготский сформулировал законы развития высших психических функций. «Первый из этих законов заключается в том, что само возникновение опосредствованной структуры психических процессов человека есть продукт его деятельности как *общественного* человека. Первоначально социальная и внешне опосредствованная, она лишь в дальнейшем превращается в индивидуально-психологическую и внутреннюю, сохраняя в принципе единую структуру»[56],— писал А. Н. Леонтьев в некрологе. Опираясь на марксистское "учение об общественно-исторической природе человеческого сознания и в противоположность механистическим 'Представлениям о высших психических процессах человека как тождественных с элементарными чисто ассоциативными процессами (например, Э. Торндайк) и идеалистическим концепциям о врастании в культуру, видевшим в высших психических функциях лишь изменение •содержания (Э. Шпрангер, В. Дильтей), Выготский показал, что в процессе культурного развития складываются •новые высшие исторически возникающие формы и способы деятельности — высшие психические функции. Это - положение о социальном генезисе психических функций человека получило название закона развития высших психических функций. «Каждая высшая психическая функция появляется в процессе развития поведения дважды: сначала как функция коллективного поведения, >хак форма сотрудничества или взаимодействия, как средство социального приспособления, т. е. как категория интерпсихическая, а затем вторично как способ индивидуального поведения ребенка, как средство личного приспособления, как внутренний процесс поведения, т. е. как категория интрапсихологическая»[57]. Например, ло-

[65] *Выготский Л. С.* Проблема... С. 61.

[8в] *Леонтьев А.* Я. О Льве Семеновиче... С. 19.

" *Выготский Л.* С. Собр. соч.: В б т. Т. 5. М., 1984. С. 197.

■

гическое размышление возникает не раньше, чем в детском коллективе возникает спор; волевые процессы также развиваются из подчинения правилам поведения коллектива, например, в игре; речь из внешней как средства сообщения превращается во внутреннюю как. средство мышления. Исторически возникновение высших. психических функций как новых форм человеческого мышления и поведения связано с развитием трудовой деятельности. Высшие психические функции — продукт-не биологической эволюции. Они имеют социальную историю. «Только в процессе коллективной общественной жизни выработались и развились все характерные для человека высшие формы интеллектуальной деятельно» сти»[58]. Положение о родстве труда и высших интеллектуальных функций привело к выводу о «психологических орудиях», в качестве

которых выступают язык, число» письмо и т. п., созданные человеком, в этом смысле искусственные, социальные, а не индивидуальные по своей природе. Психологические орудия отличаются от орудий труда; если последние направлены на овладение процессами природы, то психологические орудия выступают средством воздействия на самого себя и в силу этого делают психические процессы произвольными и сознательными. По содержанию психологические орудия суть знаки, имеющие значение. Основным знаком является речь, слово. Так наметилась линия исследований» связанная с изучением роли языка в психическом развитии ребенка. Исследование значений показало, что у ребенка на разных стадиях развития за словом стоят разные значения. Отсюда начались исследования развития значения слова в детском возрасте. Значение слова понималось как обобщение, это клеточка развития ео-знания. В исследованиях научных и житейских понятий» образования понятий установлены стадии развития обобщений: от синкретического образа к комплексам (в их различных вариантах) и от них к понятиям и соответственно к мышлению в понятиях, которые Л. С. Выготский отождествлял со значениями. Исследование факта развития значения слова привело Выготского к проблеме системного и смыслового строения сознания. Было показано, что «в зависимости от того, какой степени достиг ребенок в развитии значения слов, находятся все

» *Выготский Л.* С. Собр. ... Т. 5. С. 197.

основные системы его психических функций»[59]. В отличие от психологии, которая изучала возрастные изменения функций, взятых изолированно и отдельно друг от друга, Выготский развил теорию системного и смыслового строения сознания («Лекции по общей педологии. Мышление и речь»). Согласно этой теории «изменение -функционального строения сознания составляет главное и центральное содержание всего процесса психического развития»[60].

В общем картина возрастного развития сознания рисовалась как изменение структуры сознания с последовательным доминированием разных сфер. «История развития умственного ребенка учит нас, что за первой стадией развития сознания в младенческом возрасте, характеризующейся недифференцированностью отдельных функций, следуют две другие — раннее детство и дошкольный возраст, из которых в первой дифференцируется и проделывает основной путь развития восприятие, доминирующее в системе межфункциональных отношений в данном возрасте и определяющее как центральную доминирующую функцию деятельность и развитие всего остального сознания, а во второй стадии такой доминирующей функцией является выдвигающаяся на передний план развития память»[61]. Начиная с подросткового возраста доминирующей функцией становится мышление. Основным механизмом развития высших психических функций в онтогенезе является интериоризация. Л. С. Выготский указывает на П. Жанэ, который развивал сходные идеи. Высшие психические функции происходят извне, они «строятся первоначально как внешние формы поведения и опираются на внешний знак»[62]. Выготский различает элементарные — низшие — процессы, он называет их естественными психологическими функциями[63], иногда психофизиологическими функциями[64] и высшими психическими функциями. Развитие низших психических функций в детском возрасте не наблюдается, их наличие характерно для примитива, т. е. для человека, который не проделал культурного развития, не

[69] *Выготский Л. С.* Собр. ... Т. 2. С. 415.

в0 Там же.

61 Там же. С. 217.

•[2] Там же. Т. 6. С. 71.

•» Там же. Т. 5. С. 26.

•Там же. Т. 4. С. 47.

овладел культурно-психологическими орудиями, созданными в процессе исторического развития. Примитивность сводится к неумению пользоваться орудиями и к естественным формам проявления психологических функций. В статье 1928 г. на примере запоминания Л. С. Выготский описал четыре стадии развития отдельной психической функции: 1) стадия примитивного поведения: запоминание происходит естественным способом; 2) стадия наивной психологии: дается средство, которое используется несовершенно; 3) стадия внешне опосредствованных актов: ребенок правильно пользуется внешним средством для выполнения той или иной операции; 4) внешняя деятельность при помощи знака переходит во внутреннюю, внешний знак вращивается и становится внутренним, акт становится внутренне опосредствованным. Переход от

интерпсихической к интрапсихиче-ской функции происходит в сотрудничестве с другими детьми и в общении ребенка со взрослым. Выготский подчеркивал важную роль отношений между личностью ребенка и окружающей его социальной средой на каждой возрастной ступени. Эти отношения меняются от возраста к возрасту и составляют «совершенно своеобразное, специфическое для данного возраста, исключительное, единственное и неповторимое отношение между ребенком и окружающей его действительностью, прежде всего социальной. Это отношение мы назовем социальной ситуацией развития в данном возрасте»[65]. Из исследований психического развития ребенка возник новый подход к изучению отношения между развитием и обучением. Поскольку высшие психические функции имеют своим источником сотрудничество и обучение, постольку был сделан вывод о ведущей роли обучения в психическом развитии. Это означало, что обучение идет впереди развития. Область доступного ребенку в сотрудничестве получила название зоны ближайшего развития, область выполняемого самостоятельно — область актуального развития. «Зона ближайшего развития имеет более непосредственное значение для динамики интеллектуального развития и успешности обучения, чем актуальный уровень их развития»[66].

[85] *Леонтьев* Л. Я. О Льве Семеновиче... Т. 4. С. 258. [66] *Выготский* Л. С. Собр. ... Т. 2. С. 247.

325

По мысли Выготского, эти исследования должны быть положены в основу педагогической практики. *«Педагогика должна ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день детского развития»*[67],— писал Л. С. Выготский (курсив Выготского.— А. Ж.)-

Некоторое развитие получило исследование исторического формирования психических процессов[68].

Исследование нового предмета — развития высших психических функций—потребовало разработки нового метода, так как,. согласно Л. С. Выготскому, «методика должна соответствовать природе изучаемого объекта»[69]. Выготский называл свой метод или экспериментально-генетическим[70], или каузально-генетическим[71]. Конкретным выражением этого метода была методика двойной стимуляции, с помощью которой проводились экспериментальные исследования памяти, внимания и др. Клинически-психологический анализ аномалий психического развития Выготский рассматривал в их значении для понимания генезиса психики человека, роли обучения *в* процессе психического развития. Он называл изучение развития и воспитания умственно отсталого, глухонемого., психопатического ребенка «экспериментами, поставленными самой природой»[72]. Поэтому труды Л. С. Выготского по дефектологии (Собр. соч. Т. 5) составляют неотъемлемую часть его общепсихологической теории*

Принципиальный смысл метода Л. С. Выготского за-ключается в том, что он показал, что единственно адекватным исследованию проблемы развития, т. е. исследованиютого нового, что возникает в психике человека, может быть только способ искусственного восстановления генезиса и развития исследуемого процесса. Этот метод положил начало принципиально новой методологии психологического исследования, получившей в последующем значительное развитие в советской психологии (П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов и др.).

[67] *Выготский Л.* С. Собр. ... Т. 2. С. 251.'

[es] См.: *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

[в9] *Выготский* Л. *С.* Проблема высших интеллектуальных функций в системе психотехнического исследования//Психотехника и психофизиология труда. 1930. Т. III. № 5. С. 383.

[70] *Выготский Л. С.* Собр. ... Т. 6. С. 76; Т. 3. С. 95.

" Там же. Т. 2. С. 19.

[72] Там же. Т. 5. С. 189.

326

Во всех исследованиях Л. С. Выготского общение ребенка со взрослым выступает в качестве важнейшего условия психического развития. Поскольку общение происходит при помощи слова, постольку в объяснении развития высших психических функций и личности в целом центральным условием их возникновения и развития становится речь. Здесь наметились трудности, связанные с ограниченным пониманием источников психического развития. Эти трудности задали новые перспективы решения введенной Выготским проблемы развития специфически человеческих высших психических функций. С, Л. Рубинштейн и А. Н. Леонтьев выступили с идеей предметной осмысленности деятельного как того, от чего зависит психическое развитие ребенка. При этом роль общения не отрицалась, но соединялась с собственной деятельностью.

Так, исходя от Выготского, в советской психологии «начало разрабатываться учение о деятельности.

Развитие психологической системы Л. С. Выготского стало делом жизни выдающегося психолога А. Р. Лу-рии (1903—1977), как он сам писал в автобиографической книге «Этапы пройденного пути»[73]. Работая в различных областях психологии — общей, детской, психофизиологии, а также дефектологии, нейропсихологии, психолингвистике, Лурия развил дальше теоретические положения Выготского. Его исследования входят составной частью в школу, которая сейчас называется школой Выготского, Лурии, Леонтьева[74]. В то же время А. Р. Лурия является создателем советской школы нейропсихологии.

В начале 30-х гг. Лурией было проведено экспериментальное исследование роли культурных факторов в развитии высших психических функций. Исследование проводилось на материале познавательных процессов[75] в Узбекистане. Испытуемыми были люди, принадлежащие к слоям населения, не охваченным образованием, неграмотные, жившие в условиях натурального хозяйства. Было обнаружено, что изменения практических

[78] *Лурия* Л. *Р.* Этапы пройденного пути. М., 1982.

[74] А. Р. Лурия и современная психология/Под ред. Е. Д. Хом-<жой. М., 1982. *С.* 29.

[75] *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

форм деятельности, в особенности перестройка деятельности, основанная на формальном образовании и социальном опыте, вызывали качественные изменения а процессах мышления. Это исследование показало реальную возможность исторической психологии, одной из наиболее трудно поддающихся экспериментальному исследованию областей психологической науки.

С целью изучения взаимоотношения биологических и культурных факторов в развитии высших психических функций было предпринято изучение однояйцевых и разнояйцевых близнецов[76]. Были найдены методические приемы для выявления степени участия естественных и культурных факторов в решении экспериментальных задач.

Проблема регулирующей роли речи и речевого опосредствования в развитии произвольных психических процессов была, по признанию А. Р. Лурии, центральной в его работе. Началом ее разработки явились исследования с использованием «сопряженной моторной методики». Клинические исследования близнецов также дали большой материал о роли речи в формировании высших психических процессов у детей. Изучалось влияние речи на организацию поведения у нормальных детей раннего возраста и детей, страдающих разными формами умственной отсталости.

Еще Выготский считал, что одним из направлений исследований высших психических функций должно стать изучение их мозговой организации. Выготский пришел к следующим выводам: 1) «функция организована и построена как интегративная деятельность, в основе которой лежат сложно дифференцированные иерархически объединенные динамически межцентральные отношения»[77]; 2) при расстройствах развития, вызванных каким-либо церебральным дефектом, при прочих равных условиях больше страдает в функциональном отношении ближайший высший по отношению к пораженному центр и относительно меньше страдает ближайший низший по отношению к нему центр; при распаде наблюдается обратная зависимость: при поражении какого-либо центра при прочих равных условиях больше

[76] *Лурия А. Р., Юдович Ф. И.* Речь и развитие психической деятельности ребенка. М., 1956.

[77] *Выготский Л. С.* Собр. ... Т. 1. С. 171.

■

страдает ближайший к пораженному участку низший, зависящий от него центр и относительно меньше страдает ближайший высший по отношению к пораженному центр, от которого он сам находится в функциональной зависимости...»[78]; 3) сравнительное изучение развития и распада является «одним из плодотворнейших методов в исследовании проблем локализации»[79]. Начатые Л. С. Выготским исследования были продолжены А. Р. Лурией. Особенно важный материал для такого изучения открывает область исследований локальных поражений мозга. Разработка этой области составила главное содержание научной деятельности Лурии начиная с 30-х гг., но особенно интенсивно с начала Великой Отечественной войны. Эти исследования вылились в теорию системной динамической локализации высших психических функций[80] и составили содержание новой области психологической науки — нейропсихологии, основоположником которой в СССР был А. Р. Лурия[81]. Нейропсихологические исследования А. Р. Лурии включали

изучение роли лобных долей, подкорковых и других мозговых структур в организации психических процессов, изучение нарушений отдельных психических функций — памяти, речи, интеллектуальных процессов, произвольных движений и действий при локальных поражениях мозга и их восстановление. Большое место в творчестве Лурии занимали вопросы нейролингвистики, разрабатываемые им в неразрывной связи с проблемами афазиологии[82]. В этих исследованиях широко представлены междисциплинарные связи психологии с другими науками — лингвистикой, физиологией и анатомией мозга, а также с клинической практикой. Замечательный педагог, А. Р. Лурия явился одним из организаторов психологической науки в Московском университете. Многие его работы выросли из курсов лек-

ъ

. . [78] *Выготский Л. С.* Собр. ... Т. 1. С. 173.

*• Там же. С. 173.

[80] *Лурия А. Р.* Травматическая афазия. М., 1947; Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М., 1962; Мозг человека и психические процессы. Т. I. М., 1963; Т. II. М., 1970.

[81] *Лурия А. Р.* Основы нейропсихологии. М., 1973.

[82] *Лурия А. Р.* Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975; Язык и сознание. М., 1979.

ций, читаемых для студентов. Он также является автором популярных книг по психологии[83]. Одним из выдающихся теоретиков советской психологии был С. Л. Рубинштейн (1889—1960). Он разрабатывал философские проблемы психологии, сформулировал важнейшие методологические принципы психологии. Один из них — принцип единства сознания и деятельности— составил основу деятельностного подхода в психологии. Философская направленность творчества С. Л. Рубинштейна, его пристальный интерес к зарубежной психологии объясняются, по-видимому, не в последнюю очередь обстоятельствами личной биографии ученого: он получил философское образование в Германии, учился в Марбургском университете, защитил там в 1913 г. докторскую диссертацию, посвященную критическому анализу гегелевской философии. В дальнейшем критический анализ немецкой классической философии был продолжен в статье «Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики)» (1922). Здесь же С. Л. Рубинштейн указывает на роль деятельности, в которой субъект не только обнаруживается и проявляется, но в ней созидается и определяется. Этапной как в творчестве Рубинштейна,. так и для советской психологии в целом стала статья «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» (1934). Это выступление вместе с книгой «Основы психологии» (1935) и «Основами общей психологии» (1946) явились практической реализацией замысла построения марксистской психологии в СССР. В статье Рубинштейн подверг глубокому анализу кризис, переживаемый зарубежной психологией, выступил с требованием радикальной перестройки понимания сознания и деятельности человека на основе трудов Маркса. Раскрывается марксистская концепция человеческой деятельности, сознания Й личности и утверждается принцип единства сознания и деятельности. «Психика не субъективно, не только для познания представляется опосредствованной; она может быть познана опосредствованно через деятельность человека и продукты этой деятельности, потому что она в-бытии своем объективно опосредствована ими... Психика, сознание могут стать предметом психологии — содер-

[83] *Лурия А. Р.* Маленькая книжка о большой памяти. М, 1968; Этапы пройденного пути. М.(1982.

жательной и реальной. Объективность в психологии достигается не выключением психики, а принципиальным преобразованием концепции человеческого сознания и концепции человеческой деятельности»[84]. В «Основах психологии» (1935) Рубинштейн продолжил анализ и окончательно сформулировал принцип единства сознания и деятельности. «Психология изучает психику через посредство деятельности и тем самым психологические особенности деятельности»[85]. Включив деятельность в сферу психологического изучения, Рубинштейн в то же время указывал, что это «не значит, что поведение, деятельность человека в целом является предметом психологии. Деятельность человека — сложное явление. Различные стороны ее изучаются разными науками... психология изучает психическую сторону деятельности»[86]. По Рубинштейну, «специфически психологическая проблематика самой деятельности как таковой и действия как «единицы» деятельности связана прежде всего с вопросом о целях и мотивах человеческой деятельности, о ее внутреннем смысловом содержании и его строении»[87]. Рубинштейн наметил общую структуру деятельности, в дальнейшем детально

разработанную А. Н. Леонтьевым. По Рубинштейну, в зависимости от характера мотивации различаются деятельность и поведение: преобладание в деятельности отношения человека к другим людям превращает ее в поведение. «Самым существенным в нем является общественное, идеологическое моральное содержание. Единицей поведения является поступок, как единицей деятельности — действие. Поступком в подлинном смысле слова является не всякое действие, а лишь такое, в котором ведущее значение имеет сознательное отношение человека к другим людям, к общему, к нормам общественной морали...»[88]. Рубинштейн выделял в качестве основных следующие виды деятельности: труд, игра, учение. Он дал их психологический анализ: описал специфическую для каждого из этих ви-

[84] *Рубинштейн С.* Л. Проблемы общей психологии. М.,t 1973. С 28.

[85] *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М., 1935.

[88] *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. М., 1946, С. 535.

[87] Там же. С. 536.

[88] Там же.

дов мотивацию, раскрыл их природу и связь с развитием личности.

Так в сферу психологического изучения была включена деятельность. Этим был сделан реальный шаг на пути преодоления постулата непосредственности, намечены основы объективного дознания психики. *«Психологическое познание — это опосредованное познание психического через раскрытие его существенных объективных связей и опосредовании»*[89]. Ограничив задачу психологии изучением лишь мотивационнои стороны деятельности, Рубинштейн не сделал деятельность и изучение конкретного формирования сознания в деятельности предметом собственных исследований. В 50-х годах Рубинштейн сформулировал принцип детерминизма и раскрыл его на материале экспериментальных исследований мышления[90]. «Все внешние условия, данные, воздействия на мышление определяют результаты мыслительного процесса, лишь преломляясь через внутренние его условия»[91]. В качестве внутренних условий выступали аналитико-синтетические акты по соотнесению каждого элемента условий и требований задачи. В них отражается внутренняя работа по анализу задачи, показателем степени проанализированности является возможность использования вспомогательной задачи или прямой подсказки для решения и т. п. факты. В связи с исследованиями мышления было сформулировано положение о психическом как процессе: «...мышление выступает как процесс... этот процесс членится на отдельные звенья или акты... (анализа и т. д.)...»[92]. Процессу-альность психического — его характерная особенность, ибо взаимосвязь любого субъекта с объектом непрерывна. Отсюда «задача психологической науки и состоит прежде всего в том, чтобы раскрыть закономерности такого психического процесса»[93]. Последователи С. Л. Рубинштейна выявили и описали свойства психического

[89] *Рубинштейн С.* Л. Основы общей... С. 22.

[90] *Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М., 1958.

[91] *Рубинштейн С.* Л. Основы общей... С. 234.

[92] *Рубинштейн* С. Л. Принцип детерминизма и психологическая теория мышления//Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т. 1. С. 31.

[93] Мышление: процесс, деятельность, общение/Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1982. С. 17.

процесса: динамичность, непрерывность, недизъюнктив-ность, способность к развитию и др. При изучении не только мышления, но любых других психических процессов в качестве совокупности всех внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия, выступает личность. К личностным свойствам, обусловливающим поведение человека, относятся мотивы, способности.

Творчество С. Л. Рубинштейна, культура разработки им теоретических основ психологии, фундаментальность его трудов, обусловленная опорой на достижения всей мировой и отечественной философской и научной мысли, продолжают и сегодня служить важным источником развития советской психологии. Общие принципы, сформулированные Рубинштейном, находят свою конкретизацию в исследованиях прежде всего его учеников. На них опираются и другие исследователи, формальна не принадлежащие к школе С. Л. Рубинштейна.

А. Н. Леонтьев (1903—1979) сделал деятельность предметом и методом ^психологического исследования. О» назвал категории деятельности, сознания и личности как *«наиболее важные для*

*построения непротиворечивой си-стемы психологии как конкретной науки о порождении, функционировании и строении психического отражения реальности, которая опосредствует жизнь индивидов»***. Разработанная Леонтьевым общепсихологическая теория деятельности является важнейшим достижением советской психологической науки, а сам Леонтьев — крупным теоретиком, одним из создателей советской психологии[95]. NНа материале теоретических и экспериментальных исследований он показал объяснительную силу деятельности для понимания центральных психологических проблем: сущности и развития психики и сознания, функционирования различных форм психического отражения личности. В разработке проблемы деятельности Леонтьев исходил из культурно-исторической концепции психики Л. С. Выготского. Он считал, что марксистско-ленинская методология позволяет ■ проникнуть в действительную природу психики, сознания человека, а в тео-

[94] *Леонтьев А.* Я. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 12. Эта книга получила Ломоносовскую премию (1976).

[95] Книга А. Н. Леонтьева «Проблемы развития психики» выдержала 4 издания (1-е — в 1959 г.) и была удостоена Ленинской премии (1963).

рии деятельности видел конкретизацию марксистско-ленинской методологии в области психологии.

Истоки его исследований восходят к началу 30-х гг., когда Леонтьев возглавил группу психологов в Харькове. В ее состав входили А. В. Запорожец, Л. И. Божович, П. Я. Гальперин, П. И. Зинченко, Г. Д. Луков, В. И. Ас-.*нин. Для них центральной стала проблема практической .деятельности и сознания, которая рассматривалась Леонтьевым «необходимой линией движения психологического исследования». Производилось изучение структуры детской деятельности, средств деятельности, цели, .мотива и ее изменения в процессе развития ребенка.

В конце 30-х гг. А. Н. Леонтьев обращается к проблемам развития психики: исследует генезис чувствительности, развитие психики животных. Итогом этих работ .-явилась докторская диссертация «Развитие психики» (1946). Здесь была разработана концепция стадиального развития психики в процессе эволюции животного шлира, исходя из изменения в этом процессе характера «связей животных с окружающими условиями[96]. Каждая новая ступень рассматривалась как переход к новым условиям существования и шаг в усложнении физической организации животных. Выделенные Леонтьевым стадии •в развитии психики — элементарной сенсорной психики, перцептивной и стадии интеллекта — в последующих исследованиях получили дальнейшую разработку и конкретизацию[97].

Во время Великой Отечественной войны А. Н. Леонтьев, будучи научным руководителем эвакуационного .госпиталя на Урале, возглавил работу по восстановлению утраченной гностической чувствительности и движений после ранений путем специальной организации осмысленной предметной деятельности раненых[98]. Хотя этот цикл исследований преследовал практические цели, одновременно он подводил, к систематическому изучению •теоретической проблемы о решающей роли деятельности *ш* действия в психическом развитии.

В статьях 1944—1947 гг., посвященных развитию психики в онтогенезе, проблема деятельности получает спе-

[9]*Леонтьев А. Н.* Очерк развития психики. М., 1947.

[91] *Фабри К. Э.* Основы зоопсихологии. М., 1976.

[98] См.: *Леонтьев А. //., Запорожец А. В.* Психофизиологическое исследование восстановления функций руки после ранения. М.,г 1945.

■

циальную разработку. Было сформулировано понятие ведущей деятельности, положенное в основу при изучениях периодизации психического развития ребенка (Д. Б. Эль-конин), исследована игра как ведущая деятельность в-дошкольном возрасте". Было произведено различение-деятельности (и мотива) и действия (и цели), операций^ или способов выполнения действия, описывалась динамика их взаимоотношений в процессе реальной жизнедеятельности ребенка; был раскрыт механизм сдвигамотива на цель как механизм процесса рождения новых. деятельностей; вводилось различение «только понимаемых мотивов» и мотивов, «реально действующих». Описывалось превращение действия в операцию. На примере учебной деятельности была раскрыта психологическая, характеристика сознания, в частности показана несводимость сознания к знанию, смысла — к значению[100]. Эти исследования составили основу

психологическогоучения А. Н. Леонтьева о деятельности, ее структуре, ее-динамике, ее различных формах и видах, окончательный»-вариант которого дан в работе «Деятельность. Сознание. Личность». Согласно этой концепции, деятельность субъекта является тем содержательным процессом, в котором осуществляются реальные связи субъекта с предметным миром и который опосредствует связи между воздействующим объектом и субъектом. Деятельность включена в систему общественных условий. Основной характеристикой деятельности является ее предметность; деятельность определяется предметом, подчиняется, уподобляется ему: предметный мир «втягивается» в деятельность и отражается в его образе, в том числе в эмоционально-потребностной сфере. Образ порождается: предметной деятельностью. Таким образом, психика рассматривается как процессы субъективного отражения объективного мира, порождаемые материальной практик ческой деятельностью *[101]. Формой существования образа в индивидуальном сознании являются значения языка. В сознании обнаруживается также чувственная ткань»,

[99] *Леонтьев А.* Я. К теории развития психики ребенка; Психологические основы дошкольной игры//Леонтьев А. Н. Избранные? психологические произведения. Т. I. М., 1983.

[100] *Леонтьев А.* Я. Психологические вопросы сознательности учения. Там же. Т. 1.

[101] *Леонтьев А.* Я. Понятие отражения и его значение для с психологии//Вопр. философии. 1966. № 12.

т. е. чувственные образы, и личностные смыслы, которые придают сознанию пристрастный характер. Исследование всех этих составляющих сознания отражено в ряде публикаций [102].

Деятельность имеет сложную структуру. Различаются деятельность и соответствующий ей мотив, действие и -соответствующая ему цель, операции и соответствующие ям способы осуществления действия, физиологические механизмы, реализаторы деятельности. Между компонентами деятельности существуют переходы и трансформации. Анализ образующих деятельность единиц привел к выводу о единстве строения внешней и внутренней деятельности, в форме которой существует психическое. Показаны переходы от внешней деятельности к внутренней (интериоризация) и от внутренней — к внешней (экстериоризация). Так преодолевалась мистификация психики, сознания.

Деятельность предполагает субъекта деятельности, личность. В контексте теории деятельности различаются образования «индивид» и «личность». Личность является продуктом всех отношений человека к миру, реализуемых совокупностью всех разнообразных деятельностей. Основными параметрами личности являются широта связей человека с миром, степень их иерархизированности и общая их структура. Подход к изучению личности с •позиции теории деятельности успешно развивается в советской психологии.

Через все творчество Леонтьева проходит борьба с натуралистическими концепциями в психологии человека, идея исторического развития человеческого сознания. Она явилась предметом специального анализа в статьях 1959—1960 гг.'[103] Здесь в контексте проблемы биологического и социального сформулированы понятия о трех видах опыта — индивидуальном, видовом и социальном.

[102] См.: Восприятие и деятельность/Под ред. А. Н. Леонтьева. *М.,* 1976; Опыт экспериментального исследования мышления//*Леонтьев А. Н.* Избранные психологические произведения: В 2 т. Т. II. М., 1983; Анализ системного строения восприятия//Докл. АПН РСФСР. 1958. № 3; 1959. № 2; Психология образа// Вестн. Моск. ун-та. Сер. IV, Психология. 1979. *№* 2.

[103] *Леонтьев А.* Я. Избранные... Т. I. Раздел I. Исторический подход к изучению психических явлений.

На основе теории деятельности А. Н. Леонтьева в Московском университете на факультете психологии, основателем и первым деканом которого он был, а также **и** в других учреждениях проводятся исследования в общей и в других отраслях психологической науки — социальной, детской, педагогической, инженерной, патопсихологии, зоопсихологии [104] и др. В начале 60-х гг. А. Н. Леонтьев выступил с рядом работ по инженерной психологии и эргономике и этим способствовал возникновению и формированию этих отраслей психологической науки в-СССР. Ему принадлежат исследования по педагогической психологии.

П. Я. Гальперин (1902—1988) отметил неразработанность в теории деятельности процессуального, операционального содержания деятельности и сделал его предметом своих исследований, составивших одну из общепсихологических концепций советской психологии — учение о

поэтапном формировании умственных действий и понятий. В соответствии с пониманием П. Я. Гальперина, психика во всем диапазоне ее форм — прзнавательных процессов, от восприятия до мышления включительно, потребностей, чувств, воли, по своей жизненной функции— есть ориентировочная деятельность субъекта в проблемных ситуациях на основе образа.[105]. Предметом психологии является ориентировочная деятельность субъекта. «Предмет психологии должен быть решительно ограничен. Психология не может и не должна изучать всю психическую деятельность и все стороны каждой из них. **Другие науки не** меньше психологии имеют право на их изучение. Претензии психологии оправданы лишь в том смысле, что процесс ориентировки составляет главную сторону каждой формы психической деятельности и всей психической жизни в целом; что именно эта функция оправдывает все другие стороны, которые поэтому практически подчинены этой функции»[106]. На основе такого понимания предмета психологии было разработано учение об эволюции психики. Согласно этому учению, психика возникает в ситуации подвижной жизни для ориентировки в предметном поле на основе образа и осущест-

[104] См.: А. Н. Леонтьев и современная психология. М., 1983. Раздел 1. Основные отрасли психологической науки.

[105] *Гальперин П. Я.* Введение в психологию. М., 1976.

[106] Там же. С. 96.

вляется с помощью действий в плане этого образа. «Эта ориентировка на новое значение объектов, их свойств или отношений, значение которого они не имелив прошлом опыте данного животного... и которое они впервые приобретают благодаря ориентировке в наличной ситуа^ ции,— вот это и составляет объективные показатели ори^ ентировочной деятельности, объективные признаки психики» [107]. Гальперин выделил и описал основные эволюционные уровни действия, которые «намечают... основную линию развития материи»[108]. Уровень физического действия — неорганические формы материи; уровень физиологического действия — организмы, действия которых регулируются физиологическими механизмами; уровень действия субъекта — животные, действия- которых регулируются в плане образа; уровень действия личности— действия человека, регулируются не только индивидуальным, но и социальным опытом*.

Адекватным методом исследования психики как ориентировочной деятельности становится формирующий эксперимент. Он является развитием экспериментально-генетического метода Выготского: «...магистральный путь исследования психических явлений — это их построение с заданными свойствами»'[109]. В связи с тем что» в своих сложившихся и автоматизированных формах — целостном восприятии, творческом мышлении, внимании— содержание того реального процесса, каким явля[1]-ется ориентировочная деятельность, уже недоступно-психологическому анализу, поэтому если ограничиться только наблюдением за тем, на что и как ориентируете» субъект деятельности, нельзя установить все содержание процесса ориентировочной деятельности, и, следовательно, объективное изучение психики таким путем будет крайне несовершенным. Основным методом исследования психики как ориентировочной деятельности становится изучение ее формирования.

Для того чтобы процесс формирования ориентировочной деятельности стал процессом ее познания, т. е. общепсихологическим методом исследования, а не средством для решения педагогических задач, он должен

[107] *Гальперин П. Я.* Введение... С. 127.

[108] Там же. С. 147.

[109] *Гальперин П. Я.* Метод «срезов» и метод поэтапного фо[мирования в детском мышленни//Вопр. психологи». 1966. № 4

Сыть управляемым. Поэтому в эксперименте подлежит организации вся система условий, которые обеспечивали бы формирование новых знаний и умений с заданными показателями. Она включает следующие моменты. Во-первых, составление схемы полной ориентировочной основы действия, т. *е. достаточно полный набор условий, обеспечивающих правильное выполнение нового действия. Во-вторых, организация поэтапного выполнения действия сначала на материальных или материализованных предметах с постепенным переводом его во внутренний план через промежуточные этапы «громкой социализированной речи» и «внешней речи про себя». В-третьих, систематическая отработка на всех этапах желаемых свойств действия — его разумности, обобщенности, сознательности, меры овладения и др. Именно путь «извне внутрь» сначала как

процесса во внешней среде, доступного контролю со стороны исследователя, а затем воспроизведение этого внешнего процесса через ряд определенных промежуточных форм — в идеальном плане— в уме или в речи, в восприятии — позволяет установить структуру ориентировочной деятельности. Получаемый вместе с этим практический результат — сформированные знания, навыки, сложившиеся акты внимания, восприятия и др.— выступает в качестве способа проверки правильности исходных представлений о составе условий, необходимых для их формирования с желаемыми характеристиками, и средством анализа уже сложившихся форм психической деятельности.

Таким образом, технология планомерного формирования действия открывает путь к решению «проблемы собственно психологического» механизма психических явлений и проблемы строго причинного психологического их объяснения[110] и как следствие — к их формированию. Последнее приобретает самостоятельную ценность в тех случаях, когда перед психологами стоят задачи прикладного характера в различных сферах социальной практики. Связь концепции П. Я. Гальперина с практикой заложена в самих основах его теории и соответствует методологическому принципу, о котором писал С. Л. Рубинштейн: «Правильное решение вопроса о детерминации психических явлений — главная теоретическая пред-

[110] *Гальперин Л. Я.* Методы обучения и умственное развитие ребенка. М., 1985. С 8.

посылка построения и развития психологической науки,. связанной с практикой, с жизнью и способной служить ее активному изменению, ее совершенствованию»[111]. На основе теории планомерного формирования решаются задачи школьного обучения, а также обучения в системе высшего, профессионального, специального образования^. в системе спортивной, военной подготовки и др. Метод формирующего эксперимента применительно к задачам обучения и воспитания углубленно разрабатывается также В. В. Давыдовым[112] и другими психологами.

В отличие от подхода, в центре которого стоит проблема деятельности, в Ленинграде Б. Г. Ананьев (1907— 1972) защищал широкий комплексный характер исследования в психологии, предусматривающий широкие междисциплинарные связи. Деятельность рассматривалась Б. Г. Ананьевым как одна из детерминант развития психики. Проблема интеграции знания была одной из ключевых в научной концепции Ананьева[1]. При такой ориентации психологическое исследование связывается с рядом смежных наук — биологических, педагогических, медицинских, технических. Их взаимодействие необходимо как при решении теоретических, так и особенна практических задач. Так, инженерная психология рассматривается Ананьевым как пример создания новых психологических дисциплин на границах наук, развивающихся во встречных направлениях.

По оценке исследователей, Ананьев «развил лучшие традиции Бехтерева, руководствуясь марксистской методологией. За фактом преемственности научных школ Бехтерева и Ананьева просматриваются еще более отдаленные исторические связи с рефлекторной теорией И. М. Сеченова, педагогической антропологией К. Д. Ушинского, антропологическим принципом Н. Г. Чернышевского, с материалистической традицией русского естествознания, просвещения и философии. Марксистское учение о сущности человека и ленинская теория отражения послужили фундаментом для построения концептуальной системы Б. Г. Ананьева»[113]-..

[111] *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологию.
М., 1959. С. 184.

[112] *Давыдов В. В.* Проблемы развивающего обучения. М., 1986.

[113] *Логинова Н. А.* Характерные черты концептуальной системы Б. Г. Ананьева//Психол. журнал. 1988. № 1. С. 157.

У истоков концепции Б. Г. Ананьева стоят его иссле^ дования по истории отечественной психологии[114]. Внимание к вопросам истории определялось пониманием той роли, которую имеют эти исследования для современной психологии: «материалистические традиции передовой русской психологии получают на основе марксистско-ленинской науки свое дальнейшее развитие в современных советских психологических исследованиях»[115].

Чрезвычайно широк круг исследований Б. Г. Ананьева. Кроме истории психологии, он разрабатывал методологические и теоретические проблемы психологии; значительное место в его творчестве занимают труды по общей, педагогической, возрастной, индивидуальной психологии, психологии труда, искусства и др. Их общей методологической основой являются принцип отражения № принцип развития. Ананьеву принадлежат фундаментальные исследования по

проблемам ощущений и восприятия[116]. Он рассматривал их как источник познания и психического развития в целом. Принцип развития в сочетании с антропологическим подходом реализовывал» ся в генетических исследованиях. Ананьев рассматривал онтогенетическое природное развитие человека как индивида как «последовательную смену стадий или фаз: зачатие, рождение, созревание, зрелость, старение, старость составляют основные моменты целостности человеческого организма»[117]. История формирования и развития личности составляет жизненный путь человека.. «Начало личности наступает намного позже, чем начало-индивида» [118], и «связано с образованием постоянного комплекса социальных связей, регулируемых нормами: и правилами, освоением средств общения..., предметной. деятельности... Подобно тому, как начало индивида — долгий и многофазный процесс эмбриогенеза, так и начало личности — долгий многофазный процесс ранней социализации индивида, наиболее интенсивно протека-

[114] *Ананьев Б. Г.* Очерки истории русской психологии XVIII— XIX веков. М,, 1947.

*[15] Там же. Сб.

[416] *Ананьев Б. Г.* Осязание в процессах познания и труда. М.,. 1959; *Его же:* Вклад советской психологической науки в теорию ощущений//Психологическая наука в СССР. М, 1959. Т. I. С. 45— 57 и др.

[117] *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания//Избранные психологические труды: В 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 65.

[118] Там же. Т. 1. С. 67.

ющий на втором-третьем годах жизни человека»[119]. Индивидуальное развитие рассматривалось как внутренне противоречивый процесс, зависящий от наследственности, среды, воспитания и собственной деятельности человека. «...Полифакторное обусловливание — общее правило для всех психических явлений»[120]. Методами изучения онтогенетической эволюции человека были возрастные (поперечные) срезы и лонгитюдинальный метод. Изучение индивидуального развития человека составляет предмет онтопсихологии как синтетической дисциплины, объединяющей возрастную и дифференциальную психологию.

По оценке исследователей творчества Б. Г. Ананьева, несмотря на многообразие проблем, разрабатываемых им на протяжении всей жизни, проблему индивидуального развития человека с уверенностью можно назвать главной. Вообще проблема человека занимает основное место в творчестве Ананьева. Из этой комплексной проблемы применительно к психологии выделялись понятия индивида, личности, субъекта деятельности и индивидуальности [121]. В каждом из этих образований выделялись совокупность свойств и их детерминанты. Однако включение в структуру личности не только собственно личностных свойств, но также индивидных и субъектных привело практически к беспредельному расширению рамок психологического исследования личности, начиная от биохимических и кончая социальными аспектами. При таком подходе специфика собственно психологического аспекта отступает перед комплексностью, вопреки утверждению Ананьева, что «при современной дифферен-циинаук важное значение имеет определение предмета каждой из этих наук» [ш].

В работе «Психология педагогической оценки» (1935) Б. Г. Ананьев впервые указал на важность общения как одной из детерминант, определяющих развитие психики человека, и в последующем разрабатывал различные аспекты психологии общения. Общение рассматривалось

[119] *Ананьев Б. Г.* Человек... Т. 1. С. 70. «о Там же. С. 78.

[121] Проблема индивидуальности как объект интегрального междисциплинарного исследования разрабатывалась также в уральской школе В. С. Мерлина (1898—1982). См. его «Очерк интегрального исследования индивидуальности». М., 1986.

[122] *Ананьев Б.* Г. Человек... Т. 1. С. 51.

как один из видов человеческой деятельности вместе с v предметной деятельностью и познанием[123] и как обя- " зательный компонент всех других видов деятельности [124],, прослеживалось влияние общения на поведение и личность человека, обсуждались проблемы качественного » количественного оптимума общения и последствия дефицита в общении для развития личности и др.

Разработка проблемы индивидуальных различий была также главной темой творчества Б. М. Теплова (1896—1965), выдающегося ученого, основоположника советской дифференциальной психофизиологии. Он внес также большой вклад в исследование фундаментальных проблем общей психологии; методов исследования в психологии, в изучение восприятия, способностей

мышления, а также в историю психологии. В области психологии индивидуальных различий Теплов разрабатывал теоретические вопросы, касающиеся способностей и одаренности, а также отдельные ее виды: он исследовал музыкальные способности, умственные способности [125]. Предметом специальной разработки Б. М. Теплов сделал изучение психофизиологических основ индивидуальных различий, рассматривая такой подход в качестве объективного пути исследования проблемы психологической характеристики индивидуальных различий. Опираясь на учение И. П. Павлова о свойствах типов нервной системы, Теплов (с сотрудниками), среди которых выдающаяся роль принадлежит талантливому, рано ушедшему иа жизни ученому В. Д. Небылицину (1930—1972), разработал методики экспериментального исследования нервной системы человека. Ему принадлежит заслуга в тщательном изучении основных свойств нервной системы в целях отыскания характеристик, по которым люди отличаются друг от друга. Существенно отметить, что при этом психофизиологические различия в отношении таких свойств, как сила — слабость, подвижность — инертность,. рассматривались вне оценочного подхода типа «хороший— плохой», но как своеобразные возможности нервной системы, которые необходимо учитывать в процес-

[123] *Ананьев Б. Г.* Человек... Т. 1. С. 7.

[124] Там же.

[125] *Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. *№.р* 1961.

<се деятельности и которые проявляются в индивидуальном стиле деятельности [126].

< Рассмотренные важнейшие направления в области "развития общепсихологической теории в советской науке, несмотря на единство методологических основ, име-тот достаточно существенные различия. Они касаются в том числе принципиальных проблем предмета и методов психологического исследования, бессознательного и др. Эти проблемы были темами специальных дискуссий, развернувшихся в советской психологии на Всесоюзном совещании по вопросам психологии в 1952 году[127], в журнале «Вопросы психологии» [128], а также на состоявшихся -в 1959, 1963, 1968, 1971, 1977, 1983, 1989 гг. съездах Общества психологов СССР (создано в 1957 г.). Эти дискуссии и обсуждения являются важной формой развития теории в советской психологии.

Становление психологической теории происходило в 'условиях развития конкретных исследований в русле различных теоретических концепций и в связи с практическими задачами, выдвигаемыми перед психологией обществом [129]. Так, в годы Великой Отечественной войны ■ "работа психологов была подчинена оборонной тематике [130]. В связи с прогрессом техники и, в частности, с созданием сложных автоматизированных систем управления, которые качественно меняли функции, выполняемые ■человеком в производственных процессах, развивается инженерная психология[131]. После перерыва в разработке проблем социальной психологии, начавшейся в 20-х гг., в 50—60-е гг. возникли предпосылки для развития социальной психологии, активно развивающейся сегодня в СССР отрасли психологического знания [132]. Раз-

ш *Климов Е. А.* Индивидуальный стиль деятельности. Казань,
1969^

М)Изв. АПН РСФСР. Вып. 45. М., 1953. Я^УВопр. психологии. 1971. *Кя* 4, 5.

[129] *Смирнов А.* -4. Развитие и состояние психологической науки
в СССР. М., 1975.

[130] *Барабанщиков А. В.* Советская психология в годы Великой Отечественной войны//Вопр. психологии. 1985. № 2; Вклад советских психологов в оборону Родины//Там же; *Дьяченко М.* Я. Советская психологическая наука на службе Родины//Вопр. психологии. 1985. № 3.

[131] *Ломов* 5. *Ф.* Человек и техника. М., 1963; Инженерная психология/Под ред. Леонтьева А. Н. и др. М., 1964.

[132] В 1980 г. вышел первый учебник по социальной психологии *(Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1980.)

витием и практической реализацией деятельностного подхода в психологии явились исследования в области специальной педагогики и психологии, начатые И. А. Соко-лянским (1889—1960) и продолженные А. И. Мещеряковым (1923—1974).

Большие успехи в области детской и педагогической; психологии связаны как с применением деятельностного-подхода и конкретно с развитием идей Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина, А. В. Запорожца, Д. Б. Эльконина, так и вне этого подхода.

Дальнейшее укрепление связи с практикой является; одной из актуальных задач, стоящих перед

психологиейна современном этапе развития советского общества^

Раздел восьмой

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ВАЖНЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

В конце 50-х—начале 60-х гг. большие направления, возникшие в период открытого кризиса и претерпевшие в последующем существенные преобразования — необихевиоризм, неофрейдизм, гештальтпсихо-логия— начинают терять популярность. Их внутренняя -противоречивость, трудности, с которыми встретились эти подходы в объяснении поведения и психики, потребовали пересмотра исходных позиций, прежде всего би-хевиористического подхода как возможности объективной психологии. Отношение к бихевиоризму встало в центр потому, что затрагивало самый существенный вопрос — судьбы психологии как науки о психических внутренних процессах. Но наиболее важным обстоятельством, способствовавшим такому положению, было появление новых продуктивных направлений в области экспериментальных исследований и теории. Это исследования познавательной деятельности средствами ее моделирования, когнитивная психология, гуманистическая психология, логотерапия В. Франкла, исследования человеческого сознания в рамках наук о мозге — нейрофизиологии, нейроморфологии, нейропсихологии. Широкое распространение получила психогенетика человека. Развиваются межкультурные исследования. Приметами ^современной зарубежной психологии являются развитие марксистски ориентированных направлений и большой интерес к советской психологии.

Наиболее широким, выражающим дух современной психологии течением является когнитивная психология. Она возникла в середине 60-х гг. в США и была направлена против бихевиористического исключения психического компонента из анализа поведения, игнорирования познавательных процессов и познавательного раз-

вития, против упрощенного подхода бихевиористов к обучению человека, который не мог служить основой для совершенствования учебного процесса.

Когнитивная психология выросла из исследований необихевиористов, прежде всего Э-Ход^ена, и субъективного бихевиоризма Д. Миллера, Ю. Галантера в К. Прибрама, указавших на необходимость включения когнитивных (а также мотивационных) компонентов в структуру поведения. Она развивала подход, основанный на представлении о человеческом организме как системезанятой активными поисками сведений и переработкой информации, т. е. на представлении о том, что люди оказывают на информацию разного рода воздействия: перекодируют в другую форму, отбирают определенную информацию для дальнейшей переработки или исключают некоторую информацию из системы. У истоков когнитивной психологии стоят Дж. Брунер, Г. Саймон,. П. Линдсей, Д. Норман, Дж. Р. Андерсон, Л. ФестингерФ. Хайдер, ведущими представителями являются У. Найссер, Д. Бродбент, А. Пайвио и многие другие. В настоящее время это направление представлено рядом вариантов. Наибольшее распространение получил вычислительный вариант (Дж. Фодор, Д. Деннит и др.), в котором познавательные процессы трактуются крайне механистически, психика выступает в виде устройства с фиксированной способностью к преобразованию сигналов. У. Найссер отстаивает другой, более умеренный вариант, подчеркивает роль внутренних когнитивных схем[1] и активности познающего организма в процессе познания.

Эта психология возникла под определяющим влиянием информационного подхода. Описываемые в кибернетической литературе операции, выполняемые электронно-вычислительной машиной,— получение информации». манипуляции символами, сохранение в «памяти» элементов информации, извлечение их из «памяти» и т. д. побуждали предположить по аналогии с компьютером, чтопознавательные процессы реальны, «что их можно исследовать и даже» может быть, понять»[1]. Это признание неозначало возвращения к традиционной интроспективнойпсихологии сознания. Новые методы исключали необходимость интроспекции. Большинство из них основыва-

[1] *Найссер* У. Познание и реальность. М., 1981. С. 27.

«тся на точной регистрации времени ответа на сигналы для определения уровневой организации психических процессов в задачах различного рода. Хронометрические методики восходят к методике измерения времени реакций обнаружения, различения и выбора, впервые разработанной голландским физиологом Ф. К. Дондерсом[2]. Наряду с лабораторными исследованиями, обладающими вследствие игнорирования в них аспектов обыч-зных ситуаций, недостаточной

экологической валид-ностью, прилагаются усилия для исследования познавательной активности в реальных жизненных ситуациях, в -частности изучается обыденное мышление и его развитие, восприятие в повседневной жизни и др.

На формирование когнитивной психологии непосредственно оказали влияние также гештальтпсихология, работы Ф. Бартлетта по памяти и мышлению, теория порождающих грамматик Н. Хомского, генетическая психология Ж- Пиаже, работы по восприятию Дж. Гибсона л Э. Гибсон.

Основную область исследований в когнитивной психологии составляют познавательные процессы — память, психологические аспекты языка и речи, восприятие, решение задач, мышление, внимание, воображение и когнитивное развитие. Когнитивный подход распространился также на исследование эмоциональной и мотиваци-тонной сфер личности, а также социальную психологию.

В когнитивной психологии все формы человеческого ■познания рассматриваются по аналогии с операциями ЭВМ как последовательные блоки сбора и переработки ^информации, фазы или аспекты процесса взаимодействия -со средой в познании. Был сделан вывод об уровневой -организации познавательной активности по переработке, хранению и использованию информации, включающей фяд блоков. Память, перцептивные процессы, внимание, •мышление и его вербальные и невербальные компоненты представлены множеством структурных моделей. Вы--явлены свойства, присущие познавательной активности: '-избирательность (определяется опытом познающего субъекта), определяемость средой (предметами физического мира и социальным опытом, культурой); неполнота познавательных схем, их постоянная корректировка в •процессе столкновения с действительностью. Однако в

[2] См. настоящее издание- С. 171.

делом в когнитивной психологии не создана единая теория для объяснения познавательных процессов, основные постулаты, лежащие в основе большинства современных работ, по оценке Найссера, «удивительно мало -отличаются от постулатов интроспективной психологии XIX в., несмотря на отказ от интроспекции как таковой»[3]. Найссер отмечает недостаточную экологическую валидность когнитивной психологии, безразличие к вопросам культуры, отсутствие среди изучаемых феноменов главных характеристик восприятия и памяти как они «проявляются в повседневной жизни. Критике подвергается редукционизм когнитивной психологии.

Игнорируя проблему субъекта, когнитивная психология вынуждена наряду с когнитивными процессами допустить особое начало, гипотетического участника, носителя психической деятельности. Стратегии, допускающие такие подсистемы, известны под названием гомун-кулюса[4].

Таковы некоторые методологические трудности и противоречия когнитивной психологии, переживаемые ею на современном этапе. Дальнейшее развитие этого большого направления покажет, сумеет ли когнитивная психология преодолеть их и приобрести большую практическую значимость в естественных ситуациях обыденного опыта, лодобно тому как это отличало психоанализ и бихевиоризм и явилось одной из причин их положительного доминирования в зарубежной, прежде всего американской лсихологии,

В 60-е гг. в связи с исследованиями мозга оживляется интерес к проблеме сознания и его роли в поведении. В нейрофизиологии лауреат Нобелевской премии Р. Снэрри рассматривает сознание как активную силу. «Типам контроля, осуществляющимся в мозге на физико-химическом и физиологическом уровнях, предшествуют новые формы причинной детерминации, возникающей на уровне осознаваемых психических процессов, где детерминирующие свойства включают содержание «субъективного опыта. Таким образом, каузальный контроль как бы поднимается с уровней физической и физиологической детерминации на уровни детерминации

[3] *Найссер* У. Познание... С. 29. • ..'

[4] *Марголис Дж.* Трудности теорий гомункулюса//Философ. яауки. 1983. № 6-

. . - " ..; . . ..;-,: .1 .

психической, когнитивной, сознательной или субъективной»[5]. После первых операций по расщеплению мозга возрастает интерес к проблеме функциональной асимметрии полушарий головного мозга человека (отметим, что еще в XIX веке обратили внимание на различные функциональные последствия в случаях повреждений левой и правой половины мозга). При этом

была осознана недостаточность чисто морфологических данных и необходимость их дополнения, в том числе психологическим анализом. В книге С. Спрингер и Г. Дейча «Левый мозг, правый мозг. Асимметрия мозга» (1983) дается сводка результатов исследований, посвященных проблеме меж-полушарной асимметрии[6].
Данные свидетельствуют о том, что оба полушария вносят важный вклад в организацию поведения, однако каждое полушарие выполняет определенные специализированные функции. Левому полушарию приписываются логический анализ, словесные способы познания, причем входные сигналы обрабатываются последовательным образом, правому — образная синтетическая манера. Правое полушарие отвечает за определенные навыки в обращении с пространственными сигналами, за музыкальные способности и обрабатывает информацию одномоментно и целостным способом. Некоторые исследователи пришли к выводу о том, что, по-видимому, бессознательное Фрейда является функцией правого полушария. Исследуются профессиональные различия в использовании полушарий и особенности психических процессов у представителей различных культур. Эти исследования, однако, пока не дали каких-либо однозначных результатов. Изучается проблема развития асимметрии в процессе онтогенеза. Некоторые авторы утверждают, что в условиях западной цивилизации с упором в образовании главным образом на приобретение вербальных навыков и развитие аналитической мысли обеспечивается развитие способностей главным образом левого полушария, в> результате другая половина мозга практически игнорируется, что приводит к обеднению картины мира в сознании современных людей западной цивилизации. На основании полученных данных строятся гипотезы, на-

[5] Цит. по: *Грининг Т.* История и задачи гуманистической пси-хологии//Вопр. психологии. 1988. № 4. С. 164.
См. также: *Блум* Ф., *Лейзерсон* Л., *Хофстедтер*- *JIL* Мозг, разум, поведение. М., 1988. С. 173—196.

втравленные иа объяснение причин, обусловивших асимметрию, и понимание значения для поведения объединения результатов действий асимметричных компонентов двух полушарий. Необходимо отметить, что зарубежные авторы используют и результаты исследований советских психологов, прежде всего А. Р. Лурии.
Наряду со строго научными фактами и исследованиями в этой области много ничем не доказанных утверждений, подобных выводу о якобы разных типах мышления людей западных цивилизаций и стран Востока. ♦Спрингер и Дейч называют подобное «дихотоманией».
Другим крупным направлением, которое так же, как я когнитивная психология, возникло как антитеза бихевиоризму и психоанализу, является гуманистическая психология. Ее основание как самостоятельного направления относится к началу 60-х гг. В 1961 г. был основан «Журнал гуманистической психологии» и создана Ассоциация за гуманистическую психологию. В 1964 г. состоялась конференция, положившая начало гуманистической психологии. Лидирующими фигурами выступают Г. Оллпорт, Г. А. Мюррей, Г. Мэрфи, Ш. Бюлер, К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Мэй. Непосредственными предпосылками явились исследования по психологии личности конца 30-х гг. (Г. Оллпорт, Г. Мюррей), а также исследования, развернувшиеся после второй мировой ©ойны (Г. Мэрфи), и психология личностных конструктов Г. Келли, получившая, однако, наибольшее влияние в контексте когнитивной революции в психологии. Возникновение гуманистической психологии как третьей силы совпало с появлением контркультуры и хиппи как общественного явления 60-х гг. Контркультура резонирует с гуманистической психологией в акценте на осуществление индивида как центральной ценности, в утверждении ценности самораскрытия в соответствии с лозунгом «давайте жить не формально», в ударении на «здесь и теперь», в утверждении бесполезности прошлого и будущего. Провозглашалась иррациональность как пренебрежение к науке и рациональному решению проблем в пользу интуиции, эмпатии и др. Из философских влияний, которые испытала гуманистическая психология, следует указать прежде всего на экзистенциализм [7].

[7] *Грининг Т.,* главный редактор «Журнала гуманистической психологии», называет экзистенциализм составной частью гуманистической психологии (Вопр. психологии. 1988. № 4. С. 163).

Особая роль в усвоении европейской философии экзистенциализма принадлежит Ролло Мэю, который познакомил американских психологов с идеями Къеркегора, Хайдеггера. Мэй в 30-е гг. в Европе изучал индивидуальную психологию Адлера. Его книга «Смысл тревоги» (The Meaning of

Anxiety) представляет психологическую интерпретацию экзистенциалистического учения о тревоге, которая понималась как угроза сущностной для личности ценности, порождается социальными противоречиями.
Основатели гуманистической психологии имели целью исправить перекосы бихевиоризма и психоанализа[8] в трактовке человека и выбрать более верную — жизненную— психологию, т. е. более полезную для жизни. Утверждалось в качестве предмета исследования понимание здоровой творческой личности — задача, которую не ставила никакая другая школа. Целью такой личности является не потребность в гомеостазе, как считает психоанализ, а самоосуществление, самоисполнение (Ш. Бюлер), самоактуализация (К. Гольдштейн, А. Маслоу). Как третья ветвь психологии, гуманистическая психология обращается в первую очередь к тем способностям, которые отсутствовали или не присутствовали систематически как в бихевиористической, так и в классической психоаналитической теории: любовь, творчество, самость, рост, удовлетворение базисных потребностей, самоактуализация, высшие ценности, бытие, становление, спонтанность, игра, юмор, эффективность,. смысл, честность, психологическое здоровье и близкие им понятия. В дальнейшем в центре становятся вопросы не теоретического характера, а больше практического применения, прежде всего, в рамках психотерапии, а также проблем образования. Именно благодаря такой практической направленности эта психология приобретает влияние и получает широкое распространение-Большая заслуга в таком направлении развития гуманистической психологии принадлежит К. Роджерсу (1902—1987). К. Роджерс разработал теорию полноценно функционирующей творческой личности и соответствующую ей личностно-ориентированную психотера-
[8] Анализ этих направлений с позиций гуманистической психологии дает Т. Грининг в указанном журнале.

пию, известную под названием «клиент-центрированной? терапии».
Развернувшееся в дальнейшем широкое движение-групповой терапии как интенсивного группового общения в рамках психотерапии и психологической службы для здоровых людей основывалось уже не столько ни-теории гуманистической психологии, сколько использовало различные теоретические подходы, а также «обрывки и куски теорий, сотканных из фантазий лидеров движения за групповую терапию»[9]. Отсутствие научной теории, а также проникновение в это движение неквалифицированных его приверженцев способствовало возникновению нежелательных побочных явлений, что дало основание для его оценки Зигмундом Кохом «как поставщика целой серии хорошо разрекламированных экзистенциалистских товаров: аутентичность, свобода, цельность, гибкость, общность, любовь, радость. Начинают с такого освобождающего потребления, а заканчивают психическим стриптизом»[10].
Гуманистическая психология, особенно в вариантах лучших своих представителей, привлекает своей направленностью на конкретную целостную личность с ее реальными проблемами, руссоистской верой в доброту и собственные силы человека, учетом реальности чувств» ценностей, интенций личности, подчеркиванием уникальности личности. Положительное значение имеет сложившийся в гуманистической психологии опыт единства: теории и практики, при котором психотерапия выполняет огромную роль в обеспечении базиса для теоретических построений. Важно также, что эта психология оказывает реальную помощь человеку, страдающему от отчуждения, свойственного жизни людей в условиях буржуазной культуры. Вместе с тем используемые ею методы часто контрастируют с принятыми в науке формами исследования и объяснения; тщательное клиническое обследование (А. Маслоу, Г. Оллпорт), наблюдение и искусство интерпретации внутреннего мира другого человека, биографический метод (Ш. Бюлер) противопоставляются экспериментальному методу, статистическим процедурам, принятым в научной психологии.
[9] *Наэм Дж.* Психология и психиатрия в США. М., 1984. С. 1161 " Там же. С. 118.

Сложившаяся к настоящему времени ситуация напоминает выдвинутое в конце XIX в. В. Дильтеем положение о двух психоло-гиях и проводимое им различение между объяснением и пониманием. По мнению К. Роджерса, наличие разных путей познания (а юн различает три пути — объективный, бихевиористского **типа и** межличностный или феноменологический) отражает специфику психологии, а их сочетание способствует возникновению действительно ^научного подхода к поведению.
Логотерапия

Одним из влиятельных направлений «современной зарубежной психологии является логотера-*шя австрийского психолога В. Франкла (р. 1905). В. Франкл является основателем «Третьей Венской зшколы психотерапии» (первая — психоанализ 3. Фрейда, вторая — индивидуальная психология А. Адлера). Логотерапия отличается от психоанализа и индивидуальной психологии в трактовке базисных мотивов человеческого поведения. «Согласно логотерапии, борьба за ♦смысл жизни является основной движущей силой человека. Поэтому я говорю о «стремлении к смыслу» в противовес принципу удовольствия (иначе «стремлению к удовольствию»), на котором сконцентрирован фрейдовский психоанализ, а также в противовес «стремлению к власти», выделяемому адлеровской психологией» [и].

В. Франкл — представитель того поколения, которое дало науке много ярких имен. Он учился у Фрейда и Адлера, беседовал с М. Хайдеггером, лично знаком с К- Лоренцом. Его личная судьба сплелась с наиболее трагичными событиями, связанными с разгулом фашизма, а то, как он пережил все, что выпало на его долю, вызывает глубокое уважение. Три года, проведенные в гитлеровских лагерях смерти Освенцима, Дахау и Те-резиенштадта, не смломили его духа. Именно здесь он укрепился в мысли о том, что не от условий, а прежде всего от самого человека зависит, как он будет себя :вести.

По Франклу, для человека необходимо обнаружить ■смысл — логос — своего существования, ибо именно поиск смысла является признаком подлинно человеческого

[11] *Франкл В.* Поиск смысла жизни и логотерапия//Психология личности. Тексты. М.,. 1982. Здесь Франкл дает меткую критику слабых сторон психоанализа, гуманистической психологии и других психологических концепций личности.

бытия. Отсутствие или потеря смысла создает экзистенциальный вакуум: человек теряет содержание своего» существования, он испытывает скуку, предается пороку или испытывает тяжелые переживания, подобные-кризису пожилых людей. Источником экзистенциального-вакуума, согласно Франклу, является современный социальный мир, критика которого во многом созвучна:' размышлениям Э. Фромма.

Смысл имеет конкретное содержание, он индивидуален и составляет сущность существования применительно к каждому человеку. «Постановку вопроса осмысле жизни когда он задан вообще, можно сравнить с вопросом, поставленным перед чемпионом по шахматам: «Скажите, учитель, какой самый хороший ход в. мире?» Просто не существует такой вещи, как наилучший или просто хороший ход в отрыве от конкретной игровой ситуации, в отрыве от конкретной личности противника. То же самое справедливо и в отношении человеческого существования. Мы не должны искать абстрактного смысла жизни»[12]. Обретение смысла делает человека ответственным за свою жизнь.

В то же время смысл нельзя найти внутри себя — *в*-своем теле или в душе, но только обращаясь к окружающему миру. Человеческое существование поэтому не-есть самоактуализация, как считает Маслоу, но есть са-мотрансценденция, т. е. выход в другое, в отличие оr соматических и психических детерминант существования, духовное его измерение, которое и есть смысл. Смысл достигается, во-первух,-путем Совершения дея-тельности^жиэшг-человека — это творчество в широком -смысле этого слова, как выполнение каких-то задач, работа, какое-то дело, может быть, подвиг. Во-вторых, человек находит смысл в заботе о других людях, в любви к людям. Чем больше человек забывает себя, тембольше он становится человеком, самим собой. В-третьих, человек обретает смысл путем выработки четких позиций в отношении к различным жизненным ситуациям. Например, В. Франкл вспоминает: «...когда меня забрали в концентрационный лагерь Освенцима, моя рукопись, уже готовая к публикации, была конфискована. Конечно же, только глубокое стремление написать этурукопись заново помогло мне выдержать зверства ла-

[12] *Франкл В.* Поиск... С. 123.

герной жизни. Например, когда я заболел тифом, то, .лежа на нарах, я записывал на маленьких листочках много разных заметок, важных при переделке рукописи, как будто я уже дожил до освобождения. Я уверен, что эта переработка потерянной рукописи в темных бараках концентрационного лагеря Баварии помогла мне •преодолеть опасный коллапс»[13].

В соответствии с этими представлениями Франкл разработал психотерапию — логотерапию, отличающуюся от других форм психотерапии. «Логотерапия считает своей задачей помочь пациенту в поиске смысла сво-«й жизни. В. той мере, в которой логотерапия позволяет •ему обрести скрытый смысл своего существования, она 'является аналитическим процессом. В этом

отношении логотерапия сходна с психоанализом. Однако в своей •попытке сделать нечто осознанным логотерапия не ограничивается задачей сделать явным для сознания бессознательные явления. Логотерапия расходится с психоанализом в том, что она рассматривает человека кар такое существо, чья основная миссия состоит в реализации смысла и в актуализации ценностей, а не в простом удовлетворении влечений и инстинктов»[14].
Логотерапия применяется не только к больным людям, но и за пределами клиники к здоровым людям как профилактическое средство. Она адресуется к любому человеку, чтобы убедить его в том, что в любой ситуации жизнь имеет смысл, и помочь ему мобилизовать ■свой" ресурсы,, уберечь его от отчаяния, помочь найти в себе силы, чтобы сбпротивляться_5пасным импульсам к самоубийству, алкоголизму, наркомании *тг~дрт^ -которые «е могут быть решением жизненных проблем. Логотерапия имеет свои процедуры — логотерапевтические техники, а также методики, направленные на диагностику экзистенциального вакуума.
Значительность проблем, составляющих теорию и практику логотерапии В. Франкла, его обращение к сознанию человека в целях обретения смысла жизни, <5орьба за который является основной движущей силой человека, подчеркивание духовной природы смысла человеческой жизни, гуманизм в понимании человека, в отношении к каждому человеку как уникальному в сво-

[13] *Франкл В.* Поиск... С. 121.

[14] Там же.

€й неповторимости в противоположность многочисленным распространенным в зарубежной психологии механистическим и биологизаторским взглядам на человече--скую душу и соответствующим психотерапевтическим техникам определяют особое место этого направления в современной зарубежной психологической науке. Включение этих проблем в психологию важно и пока редко. *В* советской психологии, пожалуй, только С. Л. Рубинштейн в своей работе «Человек и мир» обращается к вопросам специфики человеческого способа существования, решая их с позиций марксистской философии.
В 60-е гг. в зарубежной психологии широко развернулись исследования по психогенетике человека. В центре находится вопрос о соотношении генетических факторов и условий внешней среды в формировании психики человека. Психогенетика опирается на достижения генетики, а также другие смежные области знания, обобщая результаты исследований по этологии, биологии, наук о культуре. Психогенетика обнаруживает тесную связь с социобиологией, направлением в западной науке, возникшем в 70-х гг., в котором разрабатываются «опросы филогенетических предпосылок психики и поведения человека   (Ч. Ламсден, Э. Уилсон),
Наиболее разработанной областью психогенетики является интеллект, хотя исследуются также восприятие, психомоторика, способности (генеалогическим методом, путем установления корреляций между родителями н детьми), темперамент и личность с целью выявления генетической обусловленности их составляющих. С целью исследования наследственного фактора оценивается интеллектуальный уровень у родственников. Наиболее популярны тестовые исследования близнецов, обогащенные новым методическим приемом: методом сравнения однояйцевых и двуяйцевых близнецов и др. На основе полученных результатов делаются выводы, к которым в общем виде пришел еще в 1869 г. Ф. Гальтон, первый исследователь вопроса о роли наследственности и среды в формировании таланта. Это выводы о преимущественной детерминации интеллекта генетическими факторами, хотя, как указывает X. фон Браккен (ФРГ), при этом обнаружено и значительное влияние внешней среды—обучения в школе, условий в семье, физического здоровья и др. Так, по мнению американского психолога А. Дженсена, интеллект обусловлен генетически и на

80% является врожденным. При этом под интеллектом понимается некоторая единая характеристика, не изменяющаяся в течение всей жизни и лишь в малой степени (на 20%) подвергающаяся влиянию внешней среды. Дженсен утверждает о существовании «генов интеллекта», о «врожденных нервных структурах мозга», специфических для интеллекта, которые передаются по наследству. Этот вывод приобретает реакционный политический смысл и становится научной базой расизма. В своей книге «Психология и психиатрия в США» американский марксист Джозеф Наэм называет главу, посвященную Дженсену, «Научный расизм Дженсена». Приведенные выше используемые Дженсеном понятия не имеют никаких оснований в генетике. В генетике, как утверждает Н. П. Дубинин, «не удалось выявить специфический компонент в виде «генов интеллектуальности»,. которые прямо детерминировали бы умственные

способности, передаваемые по наследству»[15]. Они являются результатом крайне биологизаторской позиции в трактовке психических функций человека, препятствующей их действительно научному пониманию.
Основой безосновательных в научном отношении и реакционных в политическом смысле выводов, подобных тем, к которым пришел Дженсен, является недостаточное развитие как генетики, на которую опирается психогенетика, так и разделов психологии, связанных с проблемой интеллекта и методами его изучения. В этих условиях необходима особенная осторожность в интерпретации и использовании соответствующих понятий и фактов.
Фактический материал, накопленный, как советской, так и зарубежной наукой — биологией, генетикой,. психологией, позволяет постепенно раскрывать биологические предпосылки сознательной деятельности человека в виде генетической программы — генофонда, который обеспечивает универсальную готовность новорожденного к вхождению в общественно-практическую деятельность. Дальнейшее развитие психогенетики будет способствовать как углублению естественнонаучных основ учения о природе индивидуальных психологических особенностей человека, разрешению фундаментальной проблемы соотношения биологического и социального в человеке, так и научно обоснованной постановке самих

» *Дубинин* Я. Я. Что такое человек? М, 1983. С. 220. 358

исследовательских задач. Так, руководствуясь фактами генетики, по-видимому, неправомерно искать генетические задатки, например, гениальности и доказывать наследуемость интеллекта, искать гены альтруизма или гуманизма, так же как исследовать генетические различия рас по уровню интеллекта просто потому, что таковые не существуют.
Проблема психического развития — в онтогенезе и качественного изменения сознания в ходе исторического развития — традиционная тема в психологии с момента ее выделения в самостоятельную науку. Выдающийся вклад в исследование проблемы психического развития внес Ж. Пиаже. Его учение о развитии познавательной деятельности ребенка — восприятия и мышления — справедливо оценивается как «одно из самых значительных, если не самое значительное явление современной зарубежной психологии»[16]. Это учение вылилось в создание Женевской школы генетической психологии, которая разработала проблему происхождения интеллекта и умственного развития ребенка.
С целью изучения этого процесса Пиаже разработал новый метод психологического исследования — метод клинической беседы. Он создал особый тип задач, которые вызывают характерные ответы детей, а эти ответы обнаруживают явление, раскрывающее центральные отличительные особенности мышления дошкольника. Все это так закономерно и значительно, что в признание заслуг Ж. Пиаже мы предлагаем называть эти задачи -«задачами Пиаже», получаемые характерные ответы — «ответами по Пиаже», а выступающие в них явления — «феноменами Пиаже»[17]. Полученные экспериментальные результаты и факты наблюдений представили общую картину развития детского мышления. Пиаже рассматривает развитие познавательной деятельности ребенка в контексте общих законов развития органической жизни. Познание рассматривается как важнейшее проявление жизни, взаимодействие организма со средой, направленное на приспособление — адаптацию — к среде. Адаптация состоит из равновесия процессов ассимиляции и аккомодации. Ассимиляция — это процесс включения нового объекта, новой проблемной ситуации в

[1в] Послесловие к кн.: *Джон Флейвелл.* Генетическая психология Жана Пиаже. М, 1967. С. 596.
. [17] Там же. С. 601.

уже существующие у него схемы действия. Аккомодация— это изменение таких схем в соответствии с требованиями, предъявляемыми новыми задачами. Единство' этих процессов приводит к установлению равновесиямежду ними и в отношениях организма со средой, нарушение которого каждый раз — в силу биологического-закона стремления системы к равновесию — вызывает тенденцию к восстановлению равновесия. Критикуя теорию мышления, в частности, необихевиористскую, за то,. что они «пренебрегают внутренними регуляциями в пользу только приобретенных ассоциаций», Пиаже подчеркивает, что объект воздействует не сам по себе: у субъекта существуют умственные структуры, которые вместе с действиями субъекта и последующей интериоризацией действий в интеллектуальные операции являются важным условием интеллектуального развития. Интеллектуальное развитие рассматривалось как ряд качественных стадий, понимание которых менялось в ходе развития концепции. В 20-х гг. Ж. Пиаже рассматривал развитие как переход от аутистического — к эгоцентрическому— и

от него к социализированному мышлению. Центральным моментом в этот период явилось описание эгоцентризма детской мысли. В последующем интеллектуальное развитие рассматривалось как смена господствующих умственных структур. Пиаже выделял три фундаментальные структуры интеллекта: сенсомоторные координации, конкретные и формальные операции и находящиеся в зависимости от этих структур стадии интеллектуального развития ребенка: стадию сенсомоторного интеллекта, на которой ребенок действует с материальными объектами (от рождения до 2 лет); стадию конкретных операций — когда системы действий выполняются в уме, но с опорой на конкретный материал (от 7 до 11—12 лет); последнюю стадию — стадию формальных операций. С образованием формальных операций достигается наивысший уровень развития мышления (от 11—12 лет до 13—14 лет). Порядок стадий соответствует определенным возрастам. Он неизменен, но возраст может варьировать в зависимости от условий жизни ребенка. В соответствии с представлением об обязательности стадий решается проблема обучения и умственного развития. Обучение оказывается следующим за развитием. Развитие имеет свою собственную логику, внутренние законы и ведет за собой обучение.
360
Фундаментальная концепция Ж. Пиаже на протяжении всех лет ее развития была предметом изучения « критического анализа советских психологов, которые «выступали как «за», так и «против» Пиаже: «за» факты и «против» их интерпретации. Однако с какой бы -позиции Пиаже ни критиковали, его идеи продолжают -сохранять фундаментальное значение для психологии вообще и для детской психологии в особенности. Глубина и цельность его учения всегда будут помогать нам совершенствовать свои исследования для понимания законов психического развития ребенка»[18].
Проблема развития психики человека, его сознания в процессе человеческой истории после французской социологической школы получила фундаментальную разработку в концепции современного французского антрополога, основателя структурной антропологии, социолога и философа К. Леви-Стросса (р. 1908 г.). Он изучает структуру общественного сознания традиционных обществ (индейские племена), их мифы, структуры родства и др. Рассматривая мифы самым характерным продуктом примитивной духовной культуры, мифологическое коллективное фантазирование адекватно отражает «анатомию ума». Мифологии посвящен ряд фундаментальных работ К. Леви-Стросса. Он является творцом структурной типологии мифов. Анализируя тексты мифов, опираясь на метод структурной лингвистики, в частности используя работы Р. Якобсона, он пришел к выводу, что по своим интеллектуальным операциям архаическое мышление не отличается от современного: логика мифического мышления является столь же взыскательной, как логика современного мышления. Ядро мифа составляют образные компоненты. Миф наполнен образами богов, героев, людей, явлений природы. В качестве основной единицы анализа ментальных структур он выдвигает двоичную -(бинарную) оппозицию. Центральной оппозицией является различение природы и культуры, которое в различных мифологических представлениях получает широкое содержательное наполнение (рациональное и чувственное, человеческое и животное, мужское и женское, «сырое и вареное).
[18] *Обухова Л.* Ф. Концепция Жана Пиаже: за и против. М., 1.981. С. 189. .
361
Несмотря на подчеркивание своеобразия первобытного мышления, которое заключается в его конкретности, утверждение универсальности ментальных структур стирает качественные различия между конкретно-историческими формами сознательных образований. Вопрос об этих различиях стал предметом острой полемики между К. Леви-Строссом и сторонниками исторического метода в анализе сознания (в частности, лидером французского экзистенциализма Ж.-П. Сартром).
А. Валлон оазвивает взгляд, согласно которому между современным и другими типами мысли нет противоречия. Он защищает положение о постоянном прогрессе развития человеческого знания, так, что «на каждой стадии мысли категории представляют собой то, чем они могут быть в зависимости от тех средств, которыми располагает человек по отношению ко всей Вселенной»[19].
Ф. Клике («Пробуждающееся мышление», 1983) раскрывает в архаическом мышлении предпосылки рационального определения реальности. В ходе исследований первобытного мышления возникло требование производить их на задачах, имеющих для исследуемых лиц практический смысл. Эту идею защищал М. Верт-геймер в своей ранней работе о числовых образах и числах у примитивных народов. Он показал, что особенности практики дают основу для

познавательной деятельности.
Реконструкции хода исторического развития человеческого мышления в прошлом способствуют межкультурные исследования — область, получившая развитие в зарубежной психологии начиная с 50-х гг. Ее предметом являются не споры о первобытном мышлении, а исследование особенностей познавательной деятельности разных культур и народов Африки, Дальнего Севера (Аляски), индейских племен Южной Америки, находящихся на низкой ступени социально-экономического развития. Целью была проверка универсальности гипотезы о восприятии, мышлении, памяти. В этих исследованиях представителям различных культур предлагались тесты, составленные из задач, обычно решаемых американцами-горожанами в условиях их социальной и культурной жизни. При этом не учитывались особенности общественно-производственной практики, которая через

[19] *Валлон* Л. От действия к мысли. М., 1956. С. 124.

систему предъявляемых ею требований к познавательной деятельности человека определяет формы его сознательной деятельности. На результат влияли также такие факторы, как ситуация тестирования, интерес к задаче, страх перед иностранным взрослым и т. п. Так, в силу причин методологического характера межкультурные исследования привели к расистским выводам. Как отмечают Г. Триандис и др. большинство исследований, сравнивающих способности отдельных расовых групп, методологически настолько несовершенны, что их не следовало бы публиковать. Однако они не только публиковались, но и были некритически использованы в качестве основы для политических акций. Примечателен вывод, который делают авторы: «Это недостаточное состояние дел должно быть выправлено в психологии, прежде чем какие-нибудь внешние силы прекратят межкультурные исследования»[20].
В рамках межкультурных исследований развиваются и другие подходы к изучению познавательных процессов в условиях разных культур. Они направлены на выявление разнообразных социокультурных условий, детерминирующих мышление людей в различных обществах и позволяющих понять его особенности (Дж. Бру-нер, Г. Яхода, Д. Кэмпбелл, М. Коул, О. Клаинеберг и др.). Экспериментальные исследования по формированию понятий среди племени уолоф в Африке[21] показали, что результаты, полученные у уолофских школьников, ближе к результатам школьников Бостона, чем одноплеменников, не получивших школьного образования. Эти и другие данные привели Брунера к выводу, что именно отсутствие интеллектуальной подготовки типа той, которую дети получают в школе, приводит к формированию интеллектуальной деятельности, адекватной для решения конкретных задач и неадекватной — для задач, требующих абстрактного мышления. Эти выводы- чрезвычайно близки к идеям, развиваемым советской психологией (А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, Д. Б. Эльконин, В. В. Давыдов, П. Тульвисте и др.), об определяющей роли деятельности в развитии познава-

[20] *Триандис Г., Малпасс Р., Дэвидсон Э.* Психология и куль-тура//История зарубежной психологии. Тексты. М., 1986.

[21] *Брунер Дж.* Исследование развития познавательной деятельности. М., 1971.

тельных процессов. Изучение психологических процессов в условиях разных культур является важным средством для решения проблем, связанных с пониманием изменений мышления — и психики в целом — в ходе исторического развития человеческого общества.
Большим и важным явлением современной зарубежной психологии является интерес к марксистской теории, которая осознается многими психологами разных (как социалистических, так и капиталистических) стран как открывающая продуктивный подход к объяснению психологических проблем. Подход к человеку как продукту развития в исторических условиях, понимание процесса происхождения и развития человеческого сознания в ходе трудовой деятельности, сам диалектический метод марксистской философии оцениваются в их значении для конкретного исследования в психологии. «Именно марксистская диалектика... избавила психологию от выбора между элементарным материализмом и бессодержательным идеализмом, между топорным суб-станционизмом и безграничным иррационализмом»,— так оценивает значение марксизма для психологии виднейший французский психолог-марксист Анри Валлон[22].
Впервые в зарубежной психологии попытку построить психологию на основе принципов философии марксизма предпринял Ж. Политцер (1903—1942). С марксистских позиций Ж. Политцер критиковал буржуазные психологические и философские концепции — классическую буржуазную субъективную психологию, новые направления, особенно психоанализ, а также

бихевиоризм, гештальтпсихологию, персонализм В. Штерна и др., интуитивизм А. Бергсона, теоретические основы таких новых областей психологии, как психология индивидуальных различий, психотехника. Политцер показывает, что ни одно из этих направлений, выступивших с критикой классической психологии, не разрешает кризиса психологии [23]. Попытка решения кризиса, предложенная К. Бюлером, который призывал объединить все лучшее в субъективной, духовно-научной психологии и бихевиоризме, расценивается Политцером как возвращение психологии на стадию, предшествующую той, которую под-

[22] *Валлон* Л. От действия к мысли. М., 1956. С. 237.

[23] См. об этом: Хрестоматия по истории психологии/Под ред. П. Я. Гальперина, А. Н. Ждан. М., 1980.

вергли критике Уотсон и Шпрангер. Политцер убедительно показывает, что все новые направления в психо- . логии остаются «связанными» признанием «реализма-внутренней жизни», а критика старой психологии в каждом из них является частичной, фрагментарной, не затрагивающей основ ее идеалистической трактовки человека. Политцер защищал тезис о том, что задача создания подлинно научной — конкретной — психологии может быть решена только на основе марксизма, который представляет собой единственно адекватную основу психологии как подлинной науки.

Методологические идеи Ж. Политцера получили продолжение и развитие в трудах прежде всего французских психологов: в генетической психологии А. Валлона, в трудах Р. Заззо, в исторической психологик И. Мейерсона и Ж.-П. Вернана, Ф. Мальриё, в работах: об общественно-историческом характере личности философа-марксиста Л. Сэва и др. Большой интерес представляет вышедшая в 1976 г. на русском языке книга-К. Б. Клеман, П. Брюно, Л. Сэва «Марксистская критика психоанализа» — глубокий труд в области современной французской марксистской мысли, посвященный-марксистскому анализу учения 3. Фрейда, его последователей, неудач «фрейдомарксизма» (В. Райх, Г. Мар-кузе, Э. Фромм). Большой интерес к марксизму проявляют психологи ФРГ, Италии, США и других стран. Говоря об обращении зарубежных психологов к марксизму, следует отметить наличие глубоких расхождений: между разными авторами как в понимании марксистского учения, так и в применении его к психологии[24].

Растет авторитет советской психологии за рубежом. Все шире становится круг советских авторов, труды которых выходят в переводах в разных странах мира. Так,. в США издается ежеквартальный журнал «Советская-психология» (сборник переводов статей), выходит трехтомная антология «Советская психология развития»,. осуществляются новые выпуски работ Л. С.Выготского,, А. Р. Лурии, А.Н.Леонтьева, П.Я.Гальперина, С.Л.Рубинштейна и др.

[24] См. об этом, например: *Сэв Л.* Психоанализ и исторический •■ материализм///Слел«а« *К. Б., Брюно П., Сэв Л.* Марксистская критика психоанализа. М, 1976; Бессознательное. Природа, функция, методы исследования. Т. I/Под ред. Ф. М. Басина и др. М., 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

Учебное издание
Антонина Николаевна Ждан ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ
i
Зав. редакцией **Н. А. Гуревич** Редактор **Г. П. Баркова** Мл. редактор **Е. В. Анисина**
*
Обложка художника Е. К. **Самойлова**
*
Художественный редактор **А. Л. Прокошев** Технический редактор В. В. **Макарова** Корректоры Л. А. **Айдарбекова,**
Л. А. Костылева
ИБ № 3451
■ *
Сдано в набор 08.08.89. Подписано к печати 19.02.90. Л-10669 Формат 84Х108/32 Бумага тип. №

1. Гарнитура литературная. Высокая печать.
Усл. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 20,29. Тираж 20 000 экз. Заказ 159. Изд. № 825. Цена 1 р.
Ордена «Знак Почета» издательство
Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета»
изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы